

И. С. Сидоров
В поле пушкинского притяжения

И. С. Сидоров

В поле пушкинского
притяжения

<p>ГЕРМАНИ, ИЛИ КАСТИЛЬСКАЯ ЧЕСТЬ.</p> <p>ТРАГЕДІЯ В ПЯТИ ДЕЙСТВІЯХЪ.</p> <p>ПЕР. РОТМ. А. С. СИДОРОВА.</p> 	<p>ПРОБАЗЫ РЕВНИВЫХЪ</p> <p>ИЛИ ПЕРЕДЪ СВАДЬБОЙ.</p> <p>РОМАНЪ ВЪ СТИХАХЪ.</p> <p>Соч. В. Ш.</p> <p>ПЕТЕРБУРГЪ, У ПЕЧАТНИКА И. С. СИДОРОВА, ВЪ ТИПОГРАФИИ С. С. СИДОРОВА, 1831 ГОДА.</p>
<p>СЪВЕРШЕННЪЕ МУЗЫКАЛЬНОЕ ИЛИ 1839</p> <p>Собрание 19. Романы и песни изъ Писемъ и писемъ въ Писемъ и др. въ 6 томахъ выпущены въ светъ въ Петербургѣ...</p> <p>Doyme-Piano</p> <p>ALBUM MUSICAL DU NORD</p> <p>POUR 1839</p> <p>Contient 19. Romances et airs, masses et 6 airs nationaux sur 8. sons en 6 Napoléon lithographiés.</p> <p>Four le PIANO-FORTE</p> <p>À M. P. Sidorov, directeur général pour D. Wolff.</p>	<p>ЕСКОГО</p> <p>ЖУРНАЛЬ</p> <p>СОВРЕМЕННОГО ПРОСВѢЩЕНІЯ</p> <p>ИЗДАВАЕМЫЙ</p> <p>НИКОЛАЕМЪ НАДЕЖДИНЫМЪ</p> <p>ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ</p> <p>Che chi ha i duo occhi, il veda! ALPHEI.</p>

МОСКВА 2023

*Выстрелом оборвалась эпоха,
та, что стала пушкинской навек...*

И. С. Сидоров

*В поле пушкинского
притяжения*

МОСКВА 2023

УДК 82-94
ББК 83.3(2=411.2)52
С34

Сидоров И. С.

С34 В поле пушкинского притяжения. – М.: издательство "Регтайм", 2023. – 300 с.

ISBN 978-5-6044366-7-7

В книге – два раздела и приложение.

Первый раздел – это материалы о фактах литературной и общественной жизни пушкинского времени, которые так или иначе могли затрагивать интересы Пушкина, а также о фактах послепушкинской жизни его знакомых.

Во втором разделе отразилась реакция на отдельные явления в пушкиноведении.

В Приложении – текстовые иллюстрации к некоторым дням жизни Пушкина.

*В оформлении переплета на лицевой стороне использованы
титulyные листы изданий, упоминаемых в настоящем сборнике.
На задней стороне – фрагмент рецензии, напечатанной в газете
«Литературные прибавления к Русскому инвалиду»
(1831 г., 21 ноября, № 93, с. 735).*

ISBN 978-5-6044366-7-7

© Сидоров И.С., 2023...
© ООО "Регтайм", 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	5
I	
По следам записи князя П. А. Вяземского	6
Холера, Пушкин и В. Ш.	19
На литературном рынке (1833 год)	33
Два «Медных Всадника»: поэтическая переключка в 1830-е годы [в соавторстве с Н. В. Перцовым]	43
«Не увидимся ли в Академии наук, где заседает кн. Д-?»	69
«Так же зло, как и дельно»	77
Записка В. И. Даля о смерти Пушкина	96
Посмертный надзор	104
Радугин и Хлестаков (Об одном из возможных источников «Ревизора»)	110
Письма А. П. Бакунина	115
Шведский художник французского происхождения и его русские персонажи (Карл Мазер)	131
«Страшась потерять сына»	139
«Здравствуй, Вульф, приятель мой!»	143
Околопушкинский калейдоскоп	162
Характерная описка	162
Звезда с звездой говорит	163
«Очень ласков»	164
О забывчивости	165
«Венчались в приходе невесты у Большого Вознесения»	168
Переключка	169
Музыкальный альбом	170
О романсе князя В. Ф. Одоевского «Талисман» на стихи Пушкина	171
«Въ ночи здѣлано похищеніе»	172
Нелегкая судьба цензора	174
Три сестры – три письма	176
Пророческая опечатка	180
Знаменитый этюд к известной картине	180
Простите, княгиня!	183
Преданный друг	185
«Э! сказали мы с Петром Ивановичем»	186
Кто из дочерей моложе?	189
II	
Пушкинист Павел Сергеевич Попов	191
Из полемики 1930-х годов об оде Пушкина «Вольность»: споры о тирании	214

«Классический комментарий с классическими ошибками» или новые ошибки новых комментаторов?	223
---	-----

ПРИЛОЖЕНИЕ

Из пушкинских будней	235
Две встречи	235
26 мая 1829 года	237
Два дня в апреле 1835 года	243
Два дня на Каменном острове в 1836 году	248
Три дня в октябре 1836 года	252
20 октября 1836 года	255
29 октября 1836 года	259
15 декабря 1836 года	262
30 декабря 1836 года	268
9 января 1837 года	274
25 января 1837 года	279
29 января 1837 года	283
Условные сокращения	284
Указатель имен	285

От автора

Содержание предлагаемых вниманию читателя материалов находится в ареале пушкинской темы, иногда – на ее периферии, но все-таки в поле пушкинского притяжения.

Первый раздел – это материалы о фактах литературной и общественной жизни пушкинского времени, которые так или иначе могли касаться Пушкина, а также о фактах послепушкинской жизни его знакомых.

Во втором разделе отразилась неизбежная по ходу исследований (но отнюдь не систематическая) реакция на отдельные явления в пушкиноведении.

В Приложении – не претендующие на научность, но основанные на фактах, «зарисовки» некоторых дней пушкинской жизни.

Разностильность в передаче цитируемых текстов (иногда с воспроизведением старой орфографии, иногда – с приведением к современной орфографии), как и в предыдущем моем сборнике¹, определяется тем, что публикуемые работы писались в разное время и для различных изданий, которые предъявляли к публикуемым текстам различные требования. Я не считал нужным (да и возможным) привести все публикуемые тексты «к единому знаменателю» и сохранил их первоначальную стилистику.

Все цитаты из произведений и переписки А. С. Пушкина даются по Полному собранию сочинений (М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937 – 1949. – Т. 1 – 16; 1959. – Справочный том). Ссылка на это издание (в отличие от других ссылок) дается в скобках непосредственно перед цитатой или после цитаты, причем римская цифра означает номер тома, арабская – номер страницы.

Указатель имен не включает имена, упоминаемые только в Приложении.

И. С. Сидоров

¹ Сидоров И. С. О Пушкине и его современниках. – М.: Изд-во «Регтайм», 2022.

I

По следам записи князя П. А. Вяземского

В 1877 году, в шестой тетради «Русского архива», была напечатана очередная порция записей «Из Старой Записной Книжки, начатой в 1813 году» князя Петра Андреевича Вяземского.

Среди этих записей была такая:

Встречались у нас, хотя и редко, сатирические объявления и в газетах. Кажется, М. Ф. Орлов, в ранней молодости, где-то на бале танцевал не в такт. Вскоре затем явилось в газете, что в такой-то вечер был *потерян такт* и что приглашают отыскавшего его доставить, за приличное награждение, в такую-то улицу и в такой-то дом. Последствием этой шутки был поединок и, как помнится, именно с князем Сергеем Сергеевичем Голицыным.

А вот жемчуг печатных проказ и злости. Был когда-то молодой литератор, который очень тяготился малым чином своим и всячески скрывал его. Хитрый и лукавый Воейков подметил эту слабость. В одной из издаваемых им газет печатает он объявление, что у такого-то действительного статского советника, называя его полным именем, пропала собака, что просят возвратить ее и так далее, как обыкновенно бывает в подобных объявлениях. В следующем № является исправление допущенной опечатки. Такой-то – опять полным именем – не действительный статский советник, а *губернский секретарь*. Пушкин восхищался этой проделкою и называл ее лучшим и гениальным сатирическим произведением Воейкова.¹

Познакомившись с этой записью, я удивился, что не слышал о ней и не читал о ней в пушкиноведческой литературе. Реакция Пушкина на эту проделку Воейкова не нашла отражения ни в «Летописи»², ни в «Хронике»³.

Сразу возникли вопросы. Когда все это происходило? Какого молодого литератора имел в виду Вяземский?

Чтобы ответить на эти вопросы нужно было прежде всего отыскать публикацию Воейкова.

¹ Русский архив, 1877, кн. 2, вып. 6, С. 224 (см. также: Полное собрание сочинений князя П. А. Вяземского, т. VIII. Старая записная книжка. – СПб, 1883. С. 505; Вяземский П. А. Старая записная книжка. 1813 – 1877. – М.: Захаров, 2000. С. 494).

² Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. В 4 т. – М.: СЛОВО, 1999 (далее – «Летопись...»).

³ Хроника жизни и творчества А. С. Пушкина. В 3 т. – М.: Наследие, 2000 – 2016. Т. 1 – т. 3, кн. 1 (далее – «Хроника...»).

А. Ф. Воейков издавал две газеты. С 1822 по 1838 гг. он издавал и редактировал «Русский инвалид», а с 1831 по 1836 гг. – еще и «Литературные прибавления к Русскому инвалиду».

«Русский инвалид» был практически официальной военной газетой, и в ней Воейков вряд ли мог позволить себе какие-то околотитературные проделки. Другое дело – «Литературные прибавления к Русскому инвалиду». В этой газете Воейков вел почти непрерывные «сражения» с разными журналистами и писателями. Здесь для такой проделки было самое место. Правда, объявлений о пропаже собак или каких-то подобных он вроде бы в «Литературных прибавлениях» не печатал, но и князь П. А. Вяземский мог позволить себе какое-то отклонение в типе объявления. Он и фамилию не назвал. Для него главной была суть проделки.

«Литературные прибавления» выходили два раза в неделю, так что просмотреть их за 1831 – 1836 гг. – не такой уж большой труд, тем более, что полностью оцифрованный комплект этой газеты выложен на сайте Пушкинского дома⁴.

Кроме того, надо учесть, что Вяземский и Пушкин обсуждали эту проделку явно по свежим следам. Следовательно, из указанного периода можно исключить то время, когда они не могли общаться.

В 1831 году они общались в Москве до тех пор, пока 15 мая Пушкин с Натальей Николаевной не уехали в Царское село и в Петербург. В начале декабря Пушкин снова приезжает в Москву, а в двадцатых числах декабря и Вяземский, и Пушкин уезжают в Петербург, где они общаются до августа 1834 года, когда Вяземский с семьей едет за границу. Возвращается он в Петербург в мае 1835 года. Пушкин в сентябре-октябре этого года – в Михайловском. В апреле - мае 1836 года он – в Святых горах и в Москве, а в августе - сентябре в Петербурге отсутствует Вяземский. Таким образом, большие перерывы в их общении приходится на 1831 и 1834-35 годы.

Просмотр «Литературных прибавлений» был сам по себе очень интересен, позволяя окунуться в перипетии литературной жизни того времени. Правда, объявлений никаких не встречалось.

Но вот в № 24 от 23 марта 1832 года внимание невольно привлёк фельетон в разделе «Пересмешник»:

НЕ ВСЯКОЙ ДАР – КЛАДИ В АМБАР.

Русская пословица

Господин Статский Советник *Ротчев* напечатал в С. Петербургских Академических ведомостях троекратно благодарность свою Издателю *Лит.<ературных> Прибавлений*, за его дельныя, на твёрдых доводах основанныя рецензии: переводов *Макбета* (трагедии *Шекспировой*) и *Гернани* (трагедии *Виктора Гюго*). Приемля таковой лестный, искренний отзыв Статскаго Советника *Ротчева* с достодожною признательностию, Издатель *Лит.<ературных> Прибавлений* желал бы из тщеславия и самокорыстности присвоить себе всю благодарность его *сполна*; но совесть, слабых душ тревога, самовластно повелевает ему поделиться оною <...>.

⁴ См.: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=11373>.

Настойчивое именование некоего переводчика статским советником и явно ернический тон фельетона заставили заинтересоваться личностью «Статского Советника Ротчева». Правда, в записи князя П. А. Вяземского фигурирует «действительный статский советник», но за сорокалетней отдаленностью описываемой проделки такие расхождения возможны, а возможно это было сделано им специально для усиления различия в чинах – своего рода литературная обработка ситуации⁵.

Действительно, Александр Гаврилович Ротчев был поэтом и переводчиком, хотя и не первого ряда, но достаточно известным в конце 1820-х – начале 1830-х годов.⁶ В интересующее нас время он служил в Дирекции императорских театров в Петербурге.

Заглянув в «Месяцеслов» на 1831 г., обнаруживаем, что в Дирекции императорских театров:

Переводчика вакансия, испр.<авляет> должн.<ость> Канцел.<ярист>
Александр Гавр.<илович> Ротчев⁷,

то есть Ротчев был не просто «малого чина»; он вообще никакого чина не имел, был просто канцелярским служащим, не попадавшим в табель о рангах, и должность переводчика «исправлял», просто пока она была вакантна.

Дело в том, что, учась в Московском университете, он вышел из него, не кончив курса, и потому не мог получить никакого чина. Вышел он из университета по домашним обстоятельствам. В 1828 году он женился на княжне Елене Павловне Гагариной. Ее родители были против этого брака, и молодые обвенчались тайно. Родители жены оборвали всякую связь с дочерью. Каких-то постоянных доходов у молодых не было. К тому же в 1829 году у них уже родился сын. Поэтому Ротчев ушел из университета, и они отправились в Петербург, где он рассчитывал поступить на службу.

В Петербурге им оказал покровительство двоюродный дядя Елены Павловны – князь Сергей Сергеевич Гагарин.

Князь Гагарин был человек в высшей степени добрый, благородный и приветливый, хотя имел наружность довольно гордую и даже суровую. Но под этою наружною корою скрывалось самое доброе и великодушное сердце. Всем он делал добро, зла – никому и никогда. Беспристрастие его в делах службы было образцовое⁸.

Князь был в это время директором санктпетербургских императорских театров и взял Ротчева в свою дирекцию, но, как мы видели, только канцеляристом, так как никакого чина у того не было. А как заметит один из персонажей соллогубовской повести «Тарантас», противопоставляя Россию Парижу:

⁵ На такую возможность мое внимание обратил Андрей Акатович Белых.

⁶ Русские писатели. 1800 – 1917: Биографический словарь. – М., 2007. Т. 5. С. 375 – 378.

⁷ Месяцеслов и общий штат Российской Империи на 1831. Часть первая. – СПб., 1831. С. 73.

⁸ Пыляев М. И. Старый Петербург. Рассказы о бывлой жизни столицы. Избранные главы. – М., 2014. С. 261.

Здесь только что спрашивают, какой у тебя чин. Скажешь: губернский секретарь – никто на тебя и смотреть не хочет⁹.

А если у тебя совсем нет чина?!

Гагарин был всего на 11 лет старше Ротчева, но – князь, действительный статский советник, гофмейстер.

Ротчев сошелся с секретарем Гагарина – Николаем Петровичем Мундтом. Они были почти ровесники. Мундт был на два года старше, тоже писал, переводил французские водевили, ставившиеся на петербургской сцене. Но у него был чин – пусть маленький, тот самый – губернский секретарь.

К этому времени Ротчев уже имел известность в литературных кругах, печатал стихи в московских и петербургских журналах и альманахах. Отзывы чаще всего были положительными, хотя ничего выдающегося критики в его стихах обычно не видели. Так, рецензент «Северной пчелы», разбирая альманах «Радуга» на 1830 год, писал:

Три стихотворения К.<нзя> П. А. Вяземского и одно А. С. Пушкина, в Альбом <«К. А. Тимашевой»>, суть перлы этого Альманаха. Сцены из Трагедии Макбет, перев.<од> А. Г. Ротчева, из Комедии *Светский быт*, П. П. Свиньина, и некоторые стихи Ф. Н. Глинки достойны внимания¹⁰.

В течение 1829 и 1830 годов Ротчевым были напечатаны четыре крупных перевода: трагедии Фридриха Шиллера «Вильгельм Телль» и «Мессинская невеста», шекспировский «Макбет» (но с немецкого переложения Шиллера) и «Гернани» Виктора Гюго. Первые две трагедии были напечатаны еще в Москве. Цензурные разрешения на них дал Сергей Николаевич Глинка: на «Вильгельма Телля» – 17 января, а на «Мессинскую невесту» – 14 апреля 1829 года.

«Мессинская невеста» была напечатана с посвящением В. А. Жуковскому¹¹. Думаю, что Пушкин не мог не знать об этом переводе.

Отзывы на эти переводы были самые разноречивые.

⁹ Соллогуб В. А. Тарантас // Соллогуб В. А. Повести и рассказы. – М., 1988. С. 222.

¹⁰ Северная пчела, 1830, 4 янв., № 2.

¹¹ На экземпляре «Мессинской невесты» в Российской государственной библиотеке (с шифром Е 40/16) имеется дарственная надпись: «Другу Павлову в знак памяти от переводчика». Т. Ф. Нешумова в биографической статье о Ротчеве (см.: Русские писатели. 1800 – 1917: Биографический словарь. – М., 2007. Т. 5. С. 375 – 378), упомянув об этой надписи (на с. 376), адресует ее Михаилу Григорьевичу Павлову, профессору Московского университета и издателю журнала «Атеней», где в 1829 году было напечатано стихотворение Ротчева «Путник». Очень сомнительно, чтобы студент университета обратился к профессору, который был к тому же на 14 лет старше его, так запанибратски, даже без имени и отчества: «Другу Павлову» (даже если и были между ними дружественные отношения). Более реальным в качестве адресата этой надписи представляется литератор Николай Филиппович Павлов, который был, правда, на три года старше Ротчева, но оба они в 1822 году поступили в Московский университет (хотя и на разные отделения), оба общались с одним и тем же кругом московских литераторов, оба были связаны с театром и переводили драматические произведения и как раз в 1829 году оба были приняты в Общество любителей российской словесности при Московском университете.

Безымянный рецензент «Северной пчелы» писал о переводе «Мессинской невесты»:

Любителям Немецкой Словесности известно, что в подлиннике, Трагедия *Мессинская Невеста* поддерживается только прекрасными Шиллеровскими стихами; посему и для переводчика главное дело состояло в том, чтобы, по возможности, так же хорошо передать сии стихи на наш язык.

<...> Труд нашего прелатателя можно почти назвать борьбою с красотами подлинника: иногда он выходил из сей борьбы победителем, но часто и, к сожалению, очень часто оставался побежденным. Некоторые стихи переданы им весьма счастливо, другие ослаблены в переводе, иные и совсем утратили первобытную свою прелесть. Вообще же в переводе *Мессинской невесты* заметна какая-то небрежность или поспешность¹².

О переводе «Вильгельма Телля» О. М. Сомов писал:

Русский перевод не везде выдержан с равным искусством, и – скажем истину – с одинаким терпением: за то в нем места, которые наиболее пленяют читателя в подлиннике, переданы с силою, сжатостию, живостию и благозвучием стихов, которых не отринул бы и Трагик Германский. Мы попеняли бы Переводчику, что он не слишком строго придерживался меры стихов Шиллеровых, особливо в песнях 1-го действия, и что он выпустил некоторые черты местныя, которые в подлиннике имеют волшебную силу, ибо переносят читателя на место действия <...>. Впрочем это только требования привязчивой критики: вообще же перевод Г.<-на>Ротчева принадлежит к небольшому числу хороших поэтических переводов на нашем языке¹³.

«Вильгельм Телль» был поставлен на петербургской сцене, но только один раз. Его выбрал для своего бенефиса В. А. Каратыгин.

Как сообщал «Северный меркурий» об этом спектакле:

По окончании Трагедии Переводчик был вызван¹⁴.

По выходе перевода «Макбета» свою оценку ему дали и «Литературные прибавления к Русскому инвалиду». В разделе «Критика» была помещена рецензия барона Е. Ф. Розена: «МАКБЕТ, ТРАГЕДИЯ ШЕКСПИРА. ИЗ СОЧ. ШИЛЛЕРА, ПЕРЕВОД А. РОТЧЕВА. 1830. С П Б.»:

Заглавие мудреное! Оно значит: перевод Шекспировской трагедии, переделанной Шиллером для Веймарского Дворцоваго театра. – Даже Немецкие критики согласны в том, что Шиллеру не удалась эта попытка – и сию-то неудачную переделку Г.<-н>Ротчев еще переделал в безделку – бедный Шекспир! Еслиб Г.<-н>Ротчев составил себе ясное понятие о том, чего ныне требуют от переводчика, еслиб он, исполненный должнаго благоговения к переводимому им автору, всматривался в прекрасный перевод *Орлеанской девы* <В. А. Жуковского>, который в подобном труде может служить путеводительною звездою; то он, при своем счастливом даровании, без сомнения был бы хороший переводчик и сознался бы, что *переводить* не значит в торопях коё-как передавать смысл подлинника! Истина сих слов доказывается почти каждым стихом разбираемой нами книги: либо простота

¹² Северная пчела, 1829, 11 июня, № 70.

¹³ Северная пчела, 1829, 5 окт., № 120.

¹⁴ Северный меркурий, 1830, 13 янв., № 6.

выражения не передана, как в разговоре Вельд; на пример: «когдажъ для свиданья друг друга найдем?» вместо: когдажъ опять встретимся? либо подлинникъ передан совершенно в противномъ смысле: «Тамъ конецъ на всегда!» вместо: «тамъ возвестимъ ему о счастии его – Dort verkündsch wir ihm sein Glück!» либо Г.<-н>Ротчевъ своимъ добромъ заменяетъ то, чего перевести не хотелъ (неизвѣстно, по какой причинѣ) – «и счастье за строптивымъ, какъ верная любовница повсюду!» вместо: «подобно быстрому потоку, онъ страшно ворвался въ наши ряды – и все пало подъ его смертоносною косяю!» <...>.

Кажется, довольно Доказательствъ, что переводъ Г.<-на>Ротчева весьма дуренъ. Мы исписали бы много бумаги, елибъ хотели, показать все неверности, несообразности онаго, и часто ненужныя и многогрешныя превращенія подлинника; вездѣ, гдѣ требуется трудъ и усиліе, переводчикъ какъ-нибудь *отыгрывается!* В иныхъ мѣстахъ видно, что Г.<-н>Ротчевъ умелъ бы переводить, елибъ не боялся *труда*.

Наша критика строга, но благонамеренна: ибо, если мы не видали дарованія въ переводчикѣ, мы, по примеру большаго части Русскихъ критиковъ, сказали бы о его трудѣ - *ни то, ни сѣ*, т. е. похвалили бы слегка и безотчетно. Отъ всего сердца желаемъ, чтобъ Г.<-н>Ротчевъ не оскорбился нашимъ разборомъ, чтобъ вполне удостоверился, что только польза словесности и искреннее желаніе добра его юной и прекрасной Музѣ, побудила насъ не щадить его.¹⁵

В то же время Н. И. Надеждинъ въ «Телескопѣ» далъ переводамъ Ротчева сугубо отрицательную оценку:

Макбетъ уже въ самомъ своемъ названіи представляетъ нечто странное, здравому человѣческому уму непостижное. Это – *Трагедія Шекспира – Изъ сочиненій Шиллера!!! . . Бѣдный Шекспир!* Какія лютыя муки довелось тебѣ вытерпеть! . . Не возможно безъ негодованія смотреть на эту тиранскую пытку, названную *переводомъ!* Мало того, что все, даже до собственныхъ именъ действующихъ и упоминаемыхъ лицъ нещадно перековеркано; что старо-Шотландскія названія *пехотинцевъ* и *конниковъ* (Kernes and Gallowglasses) превращены въ имена городовъ *Галлогласа* и *Кернена*; что *убійство свиньи* (killing swine), совершенное одною изъ вѣдьмъ, обратилось въ гонку *кораблей по огромнымъ волнамъ* (<стр.>11) – въ такъ называемомъ переводѣ *Трагедіи Шекспира изъ сочиненій Шиллера – Макбетъ* и *Банко* хотяжъ *омываться въ столбѣ крови* (<стр.>10); *масло* должно тушить *огонь* (<стр.>35) и – мало ль что еще? . . Но что всего ужаснее, такъ это то – что переводчикъ Шекспира, сочиненнаго Шиллеромъ, не знаетъ даже Русскаго правописанія! . . <...> Не уже ли мало было для него истиранитъ *Мессинскую невесту* и *Вильгельма Теля*? Слышно даже, что и надъ *Гернани В. Гуго* отяготела его грозная десница. Ну так! . . Верно достанется всемъ сестрамъ по сергамъ! . .¹⁶

Какъ видимъ, рецензія «Литературныхъ прибавленій къ Русскому инвалиду» – далеко не самая строгая изъ приведенныхъ, хотя, вероятно, и она уязвила творческое самолюбіе Ротчева.

Но чемъ же и когда была вызвана проделка А. Ф. Воейкова?

¹⁵ Литературныя прибавленія къ Русскому инвалиду. 1831. 10 янв. № 3.

¹⁶ Телескоп. 1831. № 1. С. 125 – 126.

10 февраля 1832 года в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду», № 12, появился рецензия на «Невский Альманах на 1832 год» за подписью *Макар Правдухин*, в которой, в частности, говорилось:

Не можем не заметить неистовых куплетов из водевиля: *Павловский гренадер* – Г.<-на>*Ротчева*, которые – по нашему мнению – должны бы остаться для *домашняго обихода*; впрочем, – может быть, мы ошибаемся? может быть у Автора готов сей водевиль, и *высокая публика* будет скоро восхищаться островами, коих образчики нами выписаны:

№ 1.

А н ю т а .

Люблю военных без ума,
Они *езде такие* хваты!
Ну, так, что *право-б* я сама –
Пошла охотою в солдаты!
Ну, да с военным ли сравнять –
Хоть бы *работника Ванюшу*?
И я *привыкла-б* воевать!
Штыка ей Богу, я не струшу!

№ 2.

А н ю т а .

Уймись, Ванюша! очень строго
Я запрещаю эту дрожь!

Ванюша.

Ванюша в ус себе не дует,
И даже ухом не ведет!
За то с женой так завоюет
Что и сам чорт их не уймет.

№ 3.

Полещук.

Что победные головушки солдатския –
Вы на бой и на приступ люди первые!
Вот с полуночи солдаты ружья чистили

..... И так далее напоследок:

Зашумели пули свинцовыя –
Прогремели светлы молнии –
Вот противников уж больше нет,
Храбры воины Российские,
Вашей славою полон целый свет.

Нет, Г.<-н> Ротчев, эту песню не спеть Русскому солдату, в ней не бывало ни складу, ни простоты, ни чувства, так ярко отличающих простую Русскую песню – от Чухонской, как ясные и точные переводы отличаются от дюжинных преложений.

№ 4.

Полещук.

*Любовь мою любил когда-то,
Она меня с ума свела!*

№ 7.

Ванюша.

*Мне все парни повторяют:
Ты дурак, ты разгильдяй! –
Но пускай собаки лают –
Ведь на ветер песий лай! –*

№ 8.

Полещук.

*Пускай судьба меня дурачит –
И то сказать — так Бог ужь с ней!*

Анюта к Публике.

*За службу правдою и верой –
Бываем мы награждены!
Какого-жь ныне от партера
Мы приговора ждать должны?*

Ну, да Бог ужь с этим водевилем!¹⁷.

Ротчеву очень захотелось ответить на эту размашистую критику. Но не оправдываться же! Вероятно, он поделился своим желанием с Мундтом, которого Воейков тоже мимоходом задевал. Например, уже в самом первом номере своей газеты, в очерке «Журналист», описывая времяпрепровождение журналиста, Воейков замечал:

спешит в Театр шипеть против Князя Шаховскаго, рукоплескать Грибоедову, хвалить стихи Офросимова, пожимать плечами, слушая нелепицы Мунда¹⁸.

Придумали нестандартный ход.

К газете «Санктпетербургские ведомости», к каждому номеру, прилагалось так называемое «Прибавление», в котором печатались различные казенные и частные объявления.

С тем, как проходили подача и оформление частных объявлений, лучше всего можно познакомиться по повести Н. В. Гоголя «Нос», напечатанной Пушкиным в третьей книжке «Современника»:

Ковалев, запыхавшись, вбежал в небольшую приемную комнату, где седой чиновник, в старом фраке и очках, сидел за столом и, взявши в зубы перо, считал принесенные медные деньги.

¹⁷ Литературные прибавления к Русскому инвалиду. 1832. 10 фев. № 12.

¹⁸ Там же. 1831, 3 янв. № 1.

„Кто здесь принимает объявления?“ закричал Ковалев. „А, здравствуйте!“

„Мое почтение“, – сказал седой чиновник, поднявши на минуту глаза и опустивши их снова на разложенные кучи денег.

„Я желаю припечатать. . .“

„Позвольте. Прошу немножко повременить“, – произнес чиновник, ставя одною рукою цифру на бумаге и передвигая пальцами левой руки два очка на счетах. Лакей с галунами и наружностью, показывавшею пребывание его в аристократическом доме, стоял возле стола с запискою в руках <...>.

Почтенный чиновник <...> занимался сметою: сколько букв в принесенной записке. По сторонам стояло множество старух, купеческих сидельцев и дворников с записками. В одной значилось, что отпускается в услужение кучер трезвого поведения; в другой – малоподержанная коляска, вывезенная в 1814 году из Парижа; там отпускалась дворовая девка 19 лет, упражнявшаяся в прачешном деле, годная и для других работ; прочные дрожки без одной рессоры, молодая горячая лошадь в серых яблоках, семнадцать лет от роду, новые полученные из Лондона семена репы и редиса, дача со всеми угодьями: двумя стойлами для лошадей и местом, на котором можно развести превосходный березовый или еловый сад; там же находился вызов желающих купить старые подошвы, с приглашением явиться к переторжке каждый день от 8 до 3 часов утра.¹⁹

Иногда в «Прибавлениях» появлялся раздел «Изъявление благодарности». Кто-то благодарил зубного врача, кто-то – каретника за хорошую карету, создавая им дополнительную рекламу. Объявления в «Прибавлениях» могли печататься от одного до трех раз по желанию подавшего объявление, с соответствующим увеличением платы:

За напечатание объявлений платят <...> частные лица, с каждой буквы и цифры за однократное по ½ коп., а за троекратное припечатание по 1½ коп., за знаки же препинания не платится²⁰.

Чаще всего объявления печатались трижды.

И вот 16 февраля, через шесть дней после появления в «Литературных прибавлениях» № 12 приведенной выше рецензии, в «Прибавлении к Санктпетербургским ведомостям» появляется объявление:

«Изъявление благодарности.»

Сим нижеподписавшиеся спешат принести чувствительнейшую благодарность издателью Литературных прибавлений, за рецензии, которыми он их постоянно удостоивает и в особенности за статью, напечатанную в листках No 12, всепокорнейше прося Г-на издателя и впредь поступать таким же образом, что ими будет всегда принимаемо с особенным удовольствием. –

Ротчев
Н. Мундт²¹.

Объявление было повторено 19 и 23 февраля.

¹⁹ Гоголь Н. В. Нос // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений. Т. 3. Повести. — М.; Л., 1938. С. 59 – 60.

²⁰ Прибавление к Санктпетербургским ведомостям. 1832. 6 дек. № 288.

²¹ Там же. 1832. 16 фев. № 39.

Оно, конечно, не прошло мимо внимания Воейкова, если не 16-го, то, например, 19-го февраля.

А 19 февраля состоялся знаменитый обед в честь новоселья книжного магазина А. Ф. Смирдина. На обед было приглашено более 50 гостей – литераторов, журналистов, издателей. Были там и Воейков с Ротчевым, и оба знали о присутствии друг друга. Мундта, судя по опубликованным спискам гостей, на обеде не было.

Возможно, здесь Ротчев особенно почувствовал свою бесчиновность. Кругом: Крылов – статский советник; Жуковский – действительный статский советник, Хвостов – тайный советник; Пушкин – пусть только титулярный советник, но тоже с чином; Лобанов – надворный советник... Тот же Воейков – коллежский советник!

Во время обеда произошел такой эпизод. Выпив за здравствующих литераторов, стали поднимать тосты в память тех, кого уже нет.

Михаил Евстафьевич Лобанов вспоминал впоследствии:

До сих пор все шло чинно, благообразно и благопристойно. – Но как в столь многочисленном собрании Авторов, частью задорных, а особливо самолюбивых, не возможно, чтобы не разыгрались наконец и буйные страсти, мы вдруг услышали из нечистаго рта Воейкова тост: Сумарокова, Тредьяковского и Шишкова, и в ту же минуту раздалось: (*à bas*) не надо. –

Крикуна или крикунов этих не знаю.

Пользуясь минутою опозорить журнальнаго своего противника, Гречь тотчас предлагает: Здоровье А. Ф. Воейкова, и тут же загремело грозное *не надо!*

Не для того пригласил Смирдин к себе в гости, чтобы произвести подобныя сцены; не для того собрались почтенные Литераторы, чтобы видеть их; но где Булгарин, Гречь и Воейков, первый буйный поляк, второй крикливый и безхарактерный полу-немец, а третий – демон, – там неизбежны такая зрелища. Они те же в обществе, как в журналах, т. е. неистовые и сумазбродные гаяры.

Кроме сей выходки г. Воейкова, который хотел опозорить не скажу знаменитаго, но трудолюбиваго писателя, а более – честнаго человека и сам понес заслуженный позор в глазах общества Писателей и тотчас исчез²².

Можно не сомневаться, что среди «крикунов», окрикивавших Воейкова, был и Ротчев, и, возможно, Воейков видел это. Во всяком случае, он знал, где Ротчев сидел. Описывая через три дня этот обед в «Русском инвалиде», Воейков из нескольких десятков гостей отметил нескольких, в том числе – Ротчева:

На одном конце стола сидели: *И. А. Крылов, В. А. Жуковский, А. С. Пушкин, князь П. А. Вяземский, барон Е. Ф. Розен, П. А. Плетнев.* На другом *Б. М. Федоров... Масальский... Гоголь... Калашников... Карлгоф... Ротчев... Середину* стола занимали издатели журналов, между коими заседал старейшина русских журналистов *Н. И. Греч... и Булгарин*²³.

²² Пушкин и его современники. – Л., 1927. – Вып. 31/32. – С. 116 – 117.

²³ Русский инвалид. 1832. 22 февр. № 46 (цитируется по: Назарова Г. И. «Новоселье» Александра Брюллова // Временник Пушкинской комиссии, 1969 – Л., 1971. С. 82).

Конечно, в этой статье, посвященной именно знаменательному событию, о сведении счетов с кем-то не могло быть и речи.

Вероятно, Ротчев ждал какой-то реакции Воейкова на их с Мундтом «изъявление благодарности» и недоумевал по поводу ее отсутствия. Затишье продолжалось больше месяца, но вот 23 марта в № 24 «Литературных прибавлений» возник «статский советник Ротчев». Воейков, нередко использовавший в своих публикациях подробное цитирование чужих статей, и на этот раз воспользовался рецензией Н. А. Полевого на ротчевский перевод «Макбета»:

НЕ ВСЯКОЙ ДАР – КЛАДИ В АМБАР.

Русская пословица

Господин Статский Советник *Ротчев* напечатал в С. Петербургских Академических ведомостях троекратно благодарность свою Издателю *Лит.<ературных> Прибавлений*, за его дельныя, на твёрдых доводах основанныя рецензии: переводов *Макбета* (трагедии *Шекспировой*) и *Гернани* (трагедии Виктора *Гюго*). Приемля таковой лестный, искренний отзыв Статскаго Советника *Ротчева* с достодожною признательностию, Издатель *Лит. Прибавлений* желал бы из тщеславия и самокорыстности присвоить себе всю благодарность его *сполна*; но совесть, слабых душ тревога, самовластно повелевает ему поделиться оною с Издателем *Московского Телеграфа* (1)²⁴. Г.<н>*Полевой* имеет на то право неотъемлемое, неопровержимое.

А почему, тому следуют пункты: В No 21-м *Московского Телеграфа* 1831 года²⁵, на стр. 79 и следующих напечатано:

– «*Макбет*; трагедия *Шекспира*; из сочинений *Шиллера*; перевод *А. Ротчева*. С. П. Б. 1830.

Гернани, или Кастильская честь; трагедия *В. Гюго*, пер. *Ротчев*. С. П. Б. 1830.

Г.<н>*Ротчев* в два года напечатал переводы четырех больших драматических творений: *Шиллеровой* Мессинской Невесты, *Шиллерова* Вильгельма Теля, *Шекспирова* Макбета (с Немецкаго *Шиллерова* перевода), и *В. Гюго* Гернани. Такая плодовитость изумительна!» – восклицает Г.<н>*Полевой*. И, отдохнув от изумления, продолжает: «будем ли заключать из разнообразия пизс и быстроты их появления, что это переводы нелепые и ничтожные? Мы ошибемся. Почтем ли их переводами хорошими? И с этим согласиться нельзя, без некоторых условий.

Перевод должен быть верным списком сущности, внешних форм и малейших подробностей подлинника. Там только, где Автор решительно непереволим, переводчик должен выкупить себя возможно близким *подражанием*; во всем же том, что переволим, он идет верным шагом с Автором; а главное: передает нам душу, колорит, оттенки творения чуждаго. Вот перевод совершенный!

Таких немного, и едва ли есть даже такие переводы. <...>

²⁴ Сноска: «(1) В No 18-м *Молвы* переводы Г.<на>*Ротчева* также названы *плохими*».

²⁵ При этом А. Ф. Воейков попутно укалывает Н. А. Полевого как издателя, указывая № 21 за 1831 г., тогда как речь идет о № 21 за 1830 г. Дело в том, что этот ноябрьский номер 1830 года вышел только в феврале 1831 года (цензурное разрешение на его печать было дано 28 января 1831 года). Я не сразу до этого докопался и довольно долго недоумевал, не найдя этой рецензии Н. А. Полевого в № 21 «Московского телеграфа» за 1831 год.

Хотя с другою целью, прежде хотели *переделывать переводы*. Так поступали Французы с Испанцами. Но это было решительное уродование. <...>

Средину между тем и другим занимают переводы, которые учтивыми Французами назывались встарину: *belles infidèles* <красивые неверные>. Переводчик не переделывает, не подражает – переводит; но как? Не следуя с точностию за каждым словом, за каждою подробностью, он держится смысла подлинника, и говорит свое. К несчастью, внутренний смысл так бывает связан с формами выражений, как душа с телом. *Подлинник конечно будет виден, но это фантазмагория, рисунок карандашем с картины. Таковы переводы Г.<-на>Ротчева* (3)²⁶.

Откажем ли им в достоинстве, а переводчику в заслуге?» – возглашает Издатель *Моск. Телеграфа*, и сам на свое возглашение отвечает: «нельзя, особливо у нас».

<...>

«Не ищите в Мессинской Невесте Г.<-на>Ротчева, этаго древняго типа, этой роскоши хоров *Пиллера*!» говорит в заключении своей рецензии Издатель *Моск.<овского> Телеграфа*: «ни в *Вильгельме Теле* простоты Швейцарских нравов, патриархального смирения героев, в каком являет их подлинник. Так и в *Макбете* нет суровой дикости, ужасающей торжественности *Шекспира*, а в *Гернани* роскоши Андалузии, и кипящей страстями бешеной Кастилии, чем восхищает Гюго. Но стих Русскаго переводчика звучен, силен, часто подходит к подлиннику довольно близко. Еслиб Г.<-н>Ротчев мог быть разнообразнее в выражении, отстал от привычки к несвязным, каким-то разорванным фразам и стихам и *строже смотрел за их плавностию*, стихи его были бы превосходны.»

*Не всякой дар — клади в амбар!*²⁷

Как реагировал Ротчев на этот выпад Воейкова? Вероятно, некоторое время он был в замешательстве. Не станет же он объяснять публике, что он не статский советник, а канцелярист.

Но оказалось, что этот выпад Воейкова был только началом атаки.

Через неделю, 30 марта, в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду», в конце номера появилась:

Поправка.

Въ № 24-м сей газеты чин Статскаго Советника присвоен Господину Ротчеву по ошибке; спешим исправить оную.²⁸

На это Ротчеву ответить совсем уже было нечего.

А Пушкин будет обсуждать эту проделку Воейкова, возможно, не только с князем Петром Андреевичем Вяземским, но и с Василием Андреевичем Жуковским, и с Александром Ивановичем Тургеневым через несколько дней, например, на вечере у Карамзиных 9 апреля.²⁹

²⁶ Сноска: «(3) Ну, не прав ли Издатель Лит.<ературных> Прибавлений, желая поделиться с *Полевым* благоволением Г.<-на> *Ротчева*? — В.<оейков>».

²⁷ Литературные прибавления к Русскому инвалиду. 1832. 23 марта. № 24.

²⁸ Там же. 1832. 30 марта. № 24.

²⁹ Пушкин в воспоминаниях современников. В 2-х т. Т. 2. – М., 1985. С. 207.

Обсуждение, вероятно, было весьма оживленным, если князь Вяземский вспоминал о нем через сорок лет.

Правда, чтобы не бросить тень на память недавно умершего Ротчева³⁰, он скрыл его имя и несколько изменил в своем рассказе детали реальной ситуации, но суть проделки, оцененной Пушкиным, как «лучшее и гениальное сатирическое произведение Воейкова», в записи князя Вяземского сохранилась.

³⁰ А. Г. Ротчев умер в 1873 г.

Холера, Пушкин и В. Ш.

Холера предшествовала женитьбе Пушкина, и она же замыкала ее. Проведя знаменитую болдинскую осень в окружении холерных карантин, Пушкин приехал в Москву, женился, наконец, и увез молодую жену в Царское Село, где опять оказался окружен холерными карантинами.

Правда, здесь присутствие императорской семьи обеспечивало серьезные меры по защите от холеры. В Царское Село она так и не проникла, но в Петербурге свирепствовала.

25 мая 1831 г. Пушкины обосновываются в Царском Селе, а 21 июня в «Санктпетербургских ведомостях» появляется первое объявление:

ОТ С. ПЕТЕРБУРГСКОГО ВОЕННОГО ГЕНЕРАЛ-
ГУБЕРНАТОРА
о б ъ я в л я е т с я .

Со дня появления болезни по 18-е Июня:
Заболело 48 чел.
Умерло 24 ---
От 18-го числа осталось больных 19 ---
В течение суток 19-го числа:
Заболело 68 ---
Выздоровело 1 ---
Умерло 25 ---
За тем осталось больных к 20-му числу . . .61 ---
Из сего числа, в домах 5 ---
в больницах 56 ---
Надежных к выздоровлению 7 ---
20-го Июня 1831¹.

Затем такие объявления стали публиковаться в каждом номере газеты.

С 4 июля закрываются петербургские театры «до прекращения Холеры»² (любопытно, что «Холера» писалась тогда именно с большой буквы).

В Петербурге появляются специальные больницы для холерных больных. Число умерших растет. Часто при этом дети остаются без родителей. Наконец, организуется Дом призрения осиротевших от Холеры.

В больницы и в этот Дом начинают поступать пожертвования (и не только от жителей Петербурга). Редактор «Санктпетербургских ведомостей»

¹ Санктпетербургские ведомости. 1831. 21 июня. № 144.

² Там же. 1831. 8 июля. № 158.

П. П. Пезаровиус, в 1812 г. основавший газету «Русский инвалид» именно для сбора пожертвований в пользу раненых воинов, солдатских вдов и сирот, начинает и теперь печатать в «Санктпетербургских ведомостях» сообщения о пожертвованиях и списки жертвователей. Среди них встречаются знакомые лица: тетушка Натальи Николаевны – Екатерина Ивановна Загряжская, пожертвовавшая 100 рублей³, приятель Пушкина – Иван Петрович Мятлев, пожертвовавший 200 рублей⁴, и другие.

Можно предположить, что и Пушкин не остался безразличным к беде, постигшей петербуржцев, но тут вспоминается его реакция на знаменитое петербургское наводнение.

Он писал из Михайловского брату в Петербург 4 декабря 1824 года (XIII, 127):

Этот потоп с ума мне нейдет, он вовсе не так забавен, как с первого взгляда кажется. Если тебе вздумается помочь какому-нибудь несчастному, помогай из Онегинских денег. Но прошу, без всякого шума, ни словесного, ни письменного. Ни чуть незабавно стоять в Инвалиде на ряду с идилическим коллежским ассесором Панаевым.

И сейчас многие жертвователи желали остаться неизвестными и своих имен не сообщали.

Можно отметить забавное совпадение:

От неизвестной Дамы под литерами А. П. доставлено – 100 руб.⁵

Пожертвования в пользу Дома призрения делались не только деньгами. Например:

Вещами внесли: портной *Спрато* 12 пар летнего платья; фабрикант *Ридигер* 126 аршин холстинки; неизвестный, простаго холста 7 кусков, мерою в 100 аршин.⁶

Возможно, внимание Пушкина привлекли следующие пожертвования в пользу этого Дома, особенно – первое из них⁷:

<...> от неизвестнаго 1100 печатных экземпляров сочинений его под названием: *Шесть элегических стихотворений*; от Г.<-на А. Ф.>*Фарикова* 25 экз. изданной им книги: *Об опеках*, соч. Г.<-на П. Н.>*Гуляева*; от Священника П. *Успенскаго* 10 экз. книги: *Начатки Христианскаго Учения*⁸.

Если с пожертвованиями книгопродавца Фарикова (вопросы опеки были актуальны для Дома призрения сирот) и священника Успенского (для воспитания сирот) всё было достаточно ясно, то 1100 экземпляров элегических

³ Там же. 1831. 3 июля. № 154.

⁴ Там же. 1831. 2 авг. № 180.

⁵ Там же. 1831. 21 июля. № 169.

⁶ Там же. 1831. 4 авг. № 181.

⁷ Там же. 1831. 2 окт. № 231.

⁸ [Митрополит Филарет] Начатки христианского учения или краткая священная история и краткий катехизис. М., 1829.

стихотворений неизвестного поэта вызывали вопросы, которые, правда, в конце концов разрешились.

Это сообщение было напечатано 2 октября, а 10 ноября в «Прибавлениях к Санктпетербургским ведомостям» появились следующие объявления:

У комиссионера Императорской публичной библиотеки Андрея Васильева Глазунова, в книжной его лавке под No 25, состоящей против Гостиного двора в доме Генерал-Майора Балабина.

Продаются сверх многих других следующия новыя книги:
<...>

5. ШЕСТЬ ЭЛЕГИЧЕСКИХ СТИХОТВОРЕНИЙ. С. П. Б. 1831 г. Цена 1 р. с перес.<ылкой> 2 р. продается в пользу осиротевших малюток.
<...>

Иногородныя Особы благоволят адресоваться за сими книгами на имя Ивана Тимофеева Лисенкова, управляющаго лавкою Андрея Глазунова, в С. Петербурге⁹,

а также:

У книгопродавца ИВАНА ЗАЙКИНА, под No 18 и в доме Генерал-Майора Балабина, под No 28 и 31, вступили в продажу нижеследующия книги.
<...>

Вновь отпечатанная 1831 года.

4). ШЕСТЬ ЭЛЕГИЧЕСКИХ СТИХОТВОРЕНИЙ. «Книжечка сия издана в пользу учрежденнаго в С. Петербурге Дома для призрения сирот, лишившихся родителей от Холеры. Стихотворения, заключающиеся в этой книжечке, писаны Автором для Особ, имевших горести. Ему принадлежат только прекрасныя гармоническия стихи.» С.п.б. 1831 г. Цена в цветн.<ой> бум.<ажной обертке> 1 руб.¹⁰

Таким образом, неизвестный автор фактически пожертвовал Дому призрения 1100 рублей, если весь тираж будет распродан, а на это можно было надеяться, имея в виду объявленные цели продажи этого сборника.

Когда появились эти объявления, Пушкин уже переехал из Царского Села в Петербург, так как угроза холеры миновала.

8 ноября было объявлено:

К 6-му Ноября, не осталось в Столице ни одного больного Холерою, и никто не заболел оною. Помолимся Богу, чтобы сим и вовсе прекратилась эпидемическая болезнь, продолжавшаяся в С. Петербурге 4 месяца и 22 дня. В продолжение сего времени всего заболело 9245 чел., из коих умерло 4757.¹¹

Регулярно посещавший книжные лавки, Пушкин, помятуя, очевидно, приведенные выше газетные объявления, не прошел мимо «Шести элегических

⁹ Прибавления к Санктпетербургским ведомостям. 1831. 10 нояб. № 264.

¹⁰ Там же.

¹¹ Санктпетербургские ведомости. 1831. 8 нояб. № 263.

стихотворений» и приобрел их, вероятно, у кого-то из названных книгопродавцев¹².

Сборник действительно был издан анонимно и начинался обращением:

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Собранные в сей книжечке Элегические Стихотворения написаны были не для издания в свет, но для некоторых лиц, имевших несчастье понести горестные и невозвратные потери. В них не найдут читатели ни дара творческого, ни даже отделки тщательной, но найдут простые чувства, которые могут быть утешительными для *огорченных*.

Книжечка сия издается в пользу учрежденного в С. Петербурге заведения для призрения сирот, лишившихся родителей своих от Холеры.

Это чистосердечное обращение располагало к безымянному автору.

Приведу одну из шести элегий, с эпиграфом из Овидия:

УТЕШЕНИЕ ВО СНЕ

↔
Somne, quies rerum, placidissime Somne Deorum
Pax animi quem cura fugit. (O v i d.)¹³

↔
Тревогой жизни утомленный,
Люблю я временный покой:
Люблю мой сон уединенный
С его привычную мечтой,
С его отрадой потаенной!

В пустыне мира скучно мне,
Здесь сердце бьется сиротою:
Мой Ангел в лучшей стороне...
Но я забудуся во сне –
И он опять передо мною.

Заблещет солнце с высоты,
И утро светлое проснется –
Проснусь и я... но след мечты:
Мой гость со мной не расстается!

И целый день в душе моей
Таится образ незабвенный...
И с ним путь жизни веселей:
Он мне вожатый неизменный!

Зачем же сердце так грустит,
Зачем слеза туманит очи?

¹² Сборник не сохранился в библиотеке Пушкина, но присутствует в описи библиотеки, составленной сразу после смерти поэта (см.: Литературное наследство. – М., 1934. – Т. 16 – 18. С. 1012)

¹³ Сон, всех сущих покой! Сон между бессмертных тишайший!

Мир души, где не стало забот! (Овид. <ий>).

[Перевод с латинского С. В. Шервинского; см.: Публий Овидий Назон. Метаморфозы. – М., 1977. С. 297 (Книга 11. Строки 623 – 624)].

Ужель мой призрак улетит?..
Но я дождуся новой ночи –
И сон мне друга возвратит!¹⁴

Строки

Но я забудуся во сне –
И он опять передо мною.

невольны напоминают напечатанные в «Северных цветах на 1829 год» пушкинские (III, 109):

Но ты поёшь – и предо мной
Его я вновь воображаю.

Эта элегия сопровождалась пояснением:

Пьеса сия посвящена нежной дочери, которая, лишившись родителя, старалась – в утешение свое – видеть его во сне, засыпая с мыслию о нем.¹⁵

4 ноября экземпляр сборника поступил в Публичную библиотеку с надписью:

В<ь Императ>орскую Пуб-
<личную б>ибліотеку
<отъ а>втора. Ш.
1831. Нояб. 4 дня¹⁶

Возможно, этот экземпляр прошел через руки Ивана Андреевича Крылова, который курировал поступления в русский раздел библиотеки. Хранится этот экземпляр в библиотеке до сих пор.

Благодаря надписи на нем становится известен инициал автора – «Ш».

Этим же инициалом было подписано, между прочим, стихотворение в одном из весенних номеров петербургского журнала «Гирланда», когда о холере еще не было и слуха:

И Д И Л Л И Я

Лишь первый солнца луч за рощею блеснул –
Филлида, из ручья умыв водицей щечки,
Пошла, как водится, собирать в лугу цветочки.
Вдруг кто-то перед ней вдали – в кустах мелькнул...
И скрылся... Кто это? Филлиде страшно стало...
В кустах!... она одна... Идти-ли ей вперед?
Подумала... пошла... И вот... идет... идет,
Как будто ничего. Она уже смекала,
Что верно там Дамет – знакомый пастушок.
(А за Филлидою был маленький грешок:
Она была смирна, да только страх лукава!)
Идет – и песенку так нежно завела

¹⁴ Шесть элегических стихотворений. – Санктпетербург. Печатано в Типографии Штаба Отделного Корпуса Внутренней Стражи. 1831. С. 19 – 20.

¹⁵ Там же. С. 19.

¹⁶ Там же. Оборот обложки экземпляра РНБ с шифром: 18.149.2.204; фрагменты надписи в угловых скобках заклеены библиотечным ярлыком.

И гордо так свою головку подняла,
Как будто-бы во всем была свята и права.
Пастушки таковы: оне все *fines-mouches*¹⁷;
Их глазкам маленьким поверить страх опасно!
В минуту пастушкá обманут... И к тому ж
Так ласково, хитро, так мило и прекрасно,
Что и сердиться грех!... Но вот уже кусты
Недалеко... и к ним Филлида ближе, ближе...
И локоны свила... На грудь кладет цветы.
(Ей это страх к лицу!) Головку клонит ниже
За тем, чтоб в сторону смотреть изподтишка.
Вдруг шорох... что-то вдруг в кустах зашевелилось;
При случаях таких беда недалеко...
Филлида вздрогнула, и сердце в ней забилося...
Куда ее завлек пленительный обман?...
Кто вышел из кустов?... Дамет?... Ах, нет! – баран!

* * *

Мне право очень жаль, что глупая развязка;
Но я не виноват: все это быть, не сказка.¹⁸

Как видно, Ш. были свойственны не только элегические настроения.

Вернемся к осени 1831 года.

8 октября в Петербурге возобновились театральные спектакли.¹⁹

29 ноября «Прибавления к санктпетербургским ведомостям» извещали:

Завтра 30-го Ноября.
На большом Театре:
В пользу Актера Г. Борецкаго.
в первый раз
А Т Р Е Й И Ф И Е С Т ,
Трагедия в пяти действиях в стихах.
За оною последует,
в первый же раз:
ПРОКАЗЫ РЕВНИВЫХ
или **УРОК ПЕРЕД СВАДЬБОЙ,**
Оригинальная комедия в одном действии в стихах.
В заключение спектакля даны будут,
в первый же раз
ФИЛАТКА и МИТРОШКА СОПЕРНИКИ
или **ЧЕТЫРЕ ЖЕНИХА и ОДНА НЕВЕСТА,**
Народный водевиль в одном действии.²⁰

3 декабря тот же спектакль «на малом Театре» был показан «во второй раз»²¹, а 10 декабря там же, «на малом Театре», «Атрея и Фиеста» заменили на

¹⁷ *Франц.*: лукавицы.

¹⁸ Гирланда. 1831. № 5. С. 128 – 129 (цензурное разрешение: 4 апреля 1831; цензор О. Сенковский).

¹⁹ Прибавление к Санктпетербургским ведомостям. 1831. 8 окт. № 236.

²⁰ Там же. 1831. 29 нояб. № 281.

²¹ Там же. 1831. 3 дек. № 284.

«Гамлета», но остальная часть спектакля осталась та же²², вероятно, отражая проявленный публикой интерес.

Пьеса «Проказы ревнивых», действительно, пользовалась успехом.

Присутствовавший на втором ее представлении И. В. Росковшенко писал на следующий день И. И. Срезневскому:

Вчера <...> на Малом играли трагедию Кребийлона «Атрей и Фиест». <...> Потом играли новую комедию в одном действии «Проказы ревнивых», сочинение Вл. Ш..., премилую пьесу; сочинителя вызывали на сцену.²³

Вероятно, инициалы автора были указаны на афише спектакля²⁴.

Тем временем эта комедия была напечатана²⁵. На титульном листе было указано: «Соч. В. Ш.», и отпечатана она была в той же Типографии Штаба Отдельного Корпуса Внутренней Стражи, что и «Шесть элегических стихотворений».

14 декабря в «Северной пчеле», № 284, в разделе «Новые книги», появляется рецензия: «*Проказы ревнивых, или урок перед свадьбой*. Комедия в одном действии, в стихах. Соч. <инение> В. Ш. С.П б, 1831, в типог.<рафии> Штаба Отдельн.<ого> Корп.<уса> Внутренней Стражи, 63 стр». Эта рецензия (за подписью «Ю.») одновременно была и краткой рецензией на театральную постановку:

Комедия представлена в первый раз в Большом Театре, 30 Ноября, в пользу актера Борецкого, и принята публикой благосклонно. Лиза, невеста Лавина, и Смелский, жених сестры ея Софьи, тайно готовя праздник для именин Софьи и Лавина, возбудили их ревность, а заметив оную, вздумали помучить и поучить ревнивец. Софья грустит, а Лавин наконец вышел из себя, и отказывается от невесты своей Лизы, но представленное им в доказательство вины Лизы и Смелского письмо от последнего к первой обличает его самого – оно содержит подробности о празднике. Следует признание и примирение. Вот содержание Комедии: завязка простая, развязка обыкновенная, и Комедия легкая, не глубокомысленная, но ведена очень хорошо, оживлена прекрасным разговорным слогом, написана чистым, правильным языком, и в ней встречается много удачных стихов, острых мыслей. С удовольствием можно и прочесть ее, и видеть на сцене.

21 декабря там же, в «Северной пчеле», № 290, но уже в разделе «Русский театр», напечатана была подробная анонимная рецензия на спектакль 30 ноября, в которой, в частности, говорилось:

²² Там же. 1831. 10 дек. № 290.

²³ Петербург в 1831 – 1832 гг. (По письмам провинциала) // Русская Старина. 1900. Февраль. С. 484.

²⁴ В Санкт-Петербургской Государственной Театральной библиотеке сохранился рукописный рабочий экземпляр пьесы (шифр хранения: MFN 61886), с пометой бессменного многолетнего театрального цензора Е. И. Ольдекопа: «№ 199 Одобряется к представлению. Санктпетербург 12 ноябрь 1831 года. Цензор Евстафий Ольдекоп».

²⁵ Проказы ревнивых или Урок перед свадьбой. Соч. В. Ш. – Санктпетербург. Печатано в Типографии Штаба Отдельного Корпуса Внутренней Стражи. 1831. 63 с. (Цензурное разрешение 18 сентября 1831 г. цензора А. Л. Крылова).

Проказы ревнивых – весьма приятная для публики проказы. Эта драматическая безделка не без достоинств. Нова комическая сцена, когда Лавин, ревнуя свою невесту, входит к ней переодетый в женское платье, и подозревая ее в любовной переписке с женихом сестры ее, ищет в ее туалете мнимо-любовного письма, и когда старая няня, приняв его за воровку, сзывает слуг, чтобы задержать его. Версификация Комедии чиста, легка. Жаль только, что живаго, расторопного Смельскаго играл Г.<-н> Каратыгин мл.<адший>. Сценическая живость сего Актера известна всем, посещающим наш театр: следственно доказывать сказанное нами было бы лишнее. Эту роль сыграл бы несравненно лучше Г.<-н> Дюр. Удовольствие образованных неразлучно с игрою Г.<-на> Сосницкаго. Это наше мнение оправдал он и ныне даже небольшою ролью Лавина. Г.<-жи> Шемаева мл.<адшая> и Семенова способствовали своими талантами успеху Комедии *Проказы ревнивых*. Советуем Автору этой пьесы поокруглить ее немного. Например: в половину убрать сцену, в которой переодетый Лавин читает Лизе курс морали, или вернее сказать, повторяет зады, всем и каждому известные. Это, убавя пьесу, прибавит ей достоинства.

Можно согласиться с обоими рецензентами в том, что «комедия легкая, не глубокомысленная, но ведена очень хорошо, оживлена прекрасным разговорным слогом, написана чистым, правильным языком, и в ней встречается много удачных стихов, острых мыслей. С удовольствием можно и прочесть ее, и видеть на сцене», а также в том, что «версификация комедии чиста, легка».

С удовольствием можно прочесть ее и сейчас, да и поставить на сцене, думаю, тоже можно было бы. В ней нет социальной остроты «Горя от ума», но в бытовом, психологическом плане она очень верна. Нет в ней и такого количества афористических мыслей, как в грибоедовской комедии, но речь героев не банальна.

Подразумеваемая проявляющиеся в эти годы черты нового общества, отец героинь пьесы Липский говорит:

Что говорить? К нам благодать сошла:
Все нынче стали деловые!

Есть в пьесе намек на «Горе от ума» – в разговоре Липского с дочерью:

О чемъ же, Сонюшка, задумалась опять?
С о ф ь я.
Все голова болит.
Л и п с к и й.
Ты болью головою
Страдаешь? поскорей за доктором послать!
С о ф ь я.
Ахъ, нет! пройдет само собою.
Л и п с к и й.
Но если голова больна,
То это запускать опасно:
Превредная болезнь! . . . и в наши времена
Распространилася ужасно!

Вообще пьеса до некоторой степени ориентирована на театрального зрителя. Есть в ней упоминание о театре, в который якобы спешит один из героев, а хохотушка Лиза может, между прочим, процитировать слова из трагедии В. А. Озерова «Эдип в Афинах»:

Вам любопытно знать, о чем мы говорили.
Какъ быть? мы оба позабыли:
Слова ведь только звук — *и ветер их разнес!*

Не избежала пьеса и литературных реминисценций. Трудно удержаться от сопоставления беседы Софьи и ее нянюшки Гавриловны, которая частично и содержанием, и даже размером стиха перекликается с беседой Татьяны и ее нянюшки в третьей главе «Евгения Онегина». Вот, например, фрагмент их беседы, который структурно представляет собой фрагмент онегинской строфы:

Аль может, ангел, не здорова?
Ведь подлинно — и то сказать —
Власть Божья: долго ль захворать!
Да, свет мой! вымолви же слово.
С о ф ь я.
Ах няня! мне наскучил свет.
Здесь только грусть, а счастья нет!

Вернемся к театральным спектаклям.

12 января 1832 года пьеса снова была представлена на сцене, причем спектакль с нее начинался.²⁶ И в субботу 13 февраля «Проказы ревнивых» снова идут «на большом Театре».²⁷

Не многие пьесы могли похвастаться тогда такой частотой показа.

Пушкин рецензий «Северной пчелы» на «Проказы ревнивых» мог и не видеть, так как с 3 по 27 декабря уезжал в Москву, но, вернувшись, мог услышать одобрительные отзывы о спектакле, о стихах пьесы (что особенно могло его заинтересовать) и увидеть отпечатанную пьесу в книжных лавках. С середины декабря она уже продавалась в той же книжной лавке А. В. Глазунова, которой управлял И. Т. Лисенков²⁸, а позже и в других лавках²⁹. А мог Пушкин и посмотреть ее на сцене.

Хочется отметить один факт из тех, которые могут характеризоваться пушкинскими словами: «Бывают странные сближения» (XI, 188).

Сохранился черновой, не законченный и при жизни Пушкина, естественно, не публиковавшийся набросок стихотворения.³⁰ Самим поэтом он не датирован, а пушкинисты, ориентируясь на его содержание (речь идет о

²⁶ Там же. 1832. 12 янв. № 9.

²⁷ Там же. 1832. 13 фев. № 37.

²⁸ Прибавления к Санктпетербургским ведомостям. 1831. 19 дек. № 298.

²⁹ Там же. 1832. 10 фев. № 34.

³⁰ РО ИРЛИ. Ф. 244 (А. С. Пушкина), оп. 1, ед. хр. 150.

возможной женитьбе, а это может быть отнесено и к самому Пушкину, и к Онегину, поскольку отрывок может рассматриваться как строфа «Евгения Онегина»), датируют его 1830-м годом (?) (Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский³¹) или концом 1829 года (Т. Г. Зенгер (Цявловская)³²).

Отрывок представляет собой диалог, вероятно, двух друзей, из которых один советует другому жениться и называет ему возможных невест, а тот каждую из них достаточно резко характеризует.³³

Прочитаем начало отрывка (Справочный том, с. 50):

«Женись». – На ком? – «На Вере Чацкой».

Стара. – «На [Радиной]». – Проста.

«На Хальской». – Смех у ней дурацкой.

«На Шиповой». – Бедна, толста.

«На Минской». – Слишком томно дышит.

«На Торбиной». – Романсы пишет.

«На Маше Липской». – Что за тон!

Гримас, ужимок миллион.

Как справедливо заметила Т. Г. Зенгер:

Первая фамилия – Чацкая – сейчас же вызывает в памяти «Горе от ума», что так характерно для пушкинского романа <«Евгений Онегин»>, насквозь пронизанного литературными ассоциациями <...>. Другие фамилии сделаны в духе повестей того времени: Минская (такая фамилия есть у самого Пушкина в «Станционном смотрителе» и в «Гости съезжались на дачу»), Торбина, Хальская, Радица.³⁴

Т. Г. Зенгер не упоминает Машу Липскую, а ведь героини «Проказ ревнивых» – сестры-невесты Лиза и Софья – Липские, т. е. Маша Липская скорее всего тоже имеет «литературное» происхождение, причем и сестры Липские, и Маша Липская упоминаются именно в роли невест.

Я не хочу делать никаких выводов. Быают странные сближения.

Отмечу только, что автор «Проказ ревнивых» никак не мог знать об отрывке Пушкина, а Пушкин, весьма вероятно, мог быть знаком с этой пьесой.

12 и 13 февраля в Екатерининском институте проходил публичный экзамен выпускниц. Александр Васильевич Никитенко, преподававший им русскую словесность, запишет в дневнике:

³¹ Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме / Составили Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский. – М.-Л., 1937. С. 62.

³² Зенгер Т. Г. Из черновых текстов Пушкина. 2 и 3. Новые строфы «Евгения Онегина» / Пушкин родоначальник новой русской литературы. – М.-Л., 1941. С. 42.

³³ Н. И. Михайлова убедительно полагает, что одним из источников этого отрывка служит эпиграмма французского поэта Масона де Морвилье, с которой Пушкин мог познакомиться, как в оригинале, так и в переводе Б. М. Федорова, опубликованном в «Невском альманахе на 1827 год» (см.: Михайлова Н. И. Психея, задумавшаяся над цветком: о Пушкине. – М., 2015. С. 192 – 194).

³⁴ Зенгер Т. Г. Из черновых текстов Пушкина... С. 42.

14 <февраля>. Два минувших дня, пятница и суббота, были для меня полны поэзии. В институте состоялся публичный экзамен XI выпуска девиц. Я экзаменовал из своего предмета в пятницу³⁵.

Одной из лучших его учениц была Мария Быстроглазова, окончившая институт с большим золотым шифром (вензелем императрицы Марии Федоровны)³⁶.

На публичный экзамен приглашались родственники и близкие люди выпускниц. У Марии Быстроглазовой, родившейся в Вятке, в Петербурге из родных были служившие в столице родной брат и кузен. Вероятно, они и присутствовали на экзамене, и, возможно, в тот день она познакомила их с Никитенко.

Обычно по пятницам Никитенко принимал друзей и знакомых. Такой же прием состоится в следующую пятницу, 19 февраля, а 20 февраля он запишет в дневнике:

Вчера между моими прочими пятничными посетителями был мой новый знакомый Шипулинский, двоюродный брат моей блестящей ученицы Быстроглазовой. Это весьма образованный молодой человек. Он и в литературе известен небольшой комедией «Проказы ревнивых», в которой не много комического таланта, зато очень хороший, легкий стих, характеры благородные и ничего нет изысканного или пошлого. Он очень серьезен, и на лице его печать меланхолии.³⁷

К сожалению, следующая запись в дневнике с упоминанием Шипулинского будет сделана только осенью и будет скорбной:

10 <октября 1832>. Новое печальное событие! Умер от воспаления в мозгу вследствие сильной простуды Владимир Козьмич Шипулинский, один из близких сердцу моему, благороднейших и высокообразованных людей. И этому тоже едва минуло 26 лет. Ему и по службе везло: он был уже начальником отделения. Жизнь простирала к нему объятия, но одно дуновение ветра унесло от нас его прекрасную душу со всеми ее благородными начинаниями.

На прошедшей неделе в субботу <8 октября> я провел с ним целый вечер в душевной беседе. Он был полон жизни и надежд, а дух разрушения уже витал над ним. Мы виделись в последний раз. И как только хватает у человека еще легкомыслия суесловить о счастье, о величии.³⁸

26 октября Никитенко запишет в дневнике:

Я послал в «Пчелу» краткое жизнеописание Шипулинского. Мне говорят, что и здесь многое надо изменить, например: «Среди занятий своих по должности он не покидал литературы. Дела службы не погасили в нем чистой, благородной любви к литературе – любви, которая, возвышая душу, не только не препятствует исполнению других обязанностей, но, напротив, питает в нас рвение к подвигам правды и чести». Чиновнику вменяется в преступление

³⁵ Никитенко А. В. Дневник в трех томах. Т. 1. 1826 – 1857. – Л., 1955. С. 114.

³⁶ Впоследствии Мария Антоновна Корсини (Быстроглазова выйдет замуж за архитектора Иеронима Корсини) станет достаточно известной писательницей.

³⁷ Никитенко А. В. Дневник ... Т. 1. С. 114.

³⁸ Там же. С. 121.

заниматься литературою – и этого места нельзя напечатать. O tempora! O mores!³⁹

К счастью, это опасение А. В. Никитенко не оправдалось, и 31 октября некролог был напечатан без изъятий в «Северной пчеле», № 254.

Этот некролог является фактически единственным источником сведений о биографии Владимира Кузьмича Шипулинского. Статья Грекова о нем в «Русском биографическом словаре»⁴⁰ воспроизводит отрывки из некролога А. В. Никитенко, а все последующие публикации обычно ссылаются на эту статью.

Поэтому я позволю себе полностью воспроизвести некролог из «Северной пчелы», так как впоследствии он нигде не перепечатывался, а так рано оборвавшаяся жизнь Владимира Кузьмича Шипулинского, от которого еще многого можно было ждать для русской литературы, заслуживает того, чтобы о ней знали.

Октября 9 го скончался здесь, в С. Петербурге, двадцати шести лет от рождения, Коллежский Ассессор *Владимир Кузьмич Шипулинский*, Начальник Отделения в Департаменте Государственных Имуществ, Автор нескольких приятных лирических стихотворений и комедии: *Проказы ревнивых*, которая многократно была с успехом представлена на здешнем театре.

Существование, столь кратковременное, не могло быть обильно подвигами, надолго остающимся в памяти людей, но юноша, так внезапно и так рано сброшенный в могилу с поприща жизни, принадлежал к числу людей, коих чувствования и дарования предвещают подвиги сии. В нем созрел гражданин и муж – и мы думаем, что не неприлично почтить пред согражданами память человека, у котораго только неисповедимый закон судьбы мог отъять волю и силу быть полезным для них долго и много.

Цари должны умирать стоя, сказал один из великих Царей: всякий из нас должен приять роковой удар среди благородных начинаний – в этом нет ничего чрезвычайнаго. Но для живых хорошо, когда можно говорить хорошее об умерших.

В. К. Шипулинский окончил свое воспитание в Царскосельском Лицейском Пансионе в 1824 году⁴¹ с правом на чин 10 го класса, и удостоен сверх того награды золотою медалью. Здесь между прочими предметами он с отличным успехом занимался Латинскою Словесностию. Высокая простота, крепость великой души и слова были особенно ему любезны, и в последствии Тацит был одним из любимых его Писателей. По выпуске из пансиона, он

³⁹ Там же. С. 122.

⁴⁰ Русский биографический словарь. Том «Шебанов – Шютц». – СПб., 1911. С. 299 – 300.

⁴¹ Вероятно, здесь неточность. На странице:

https://www.wikiwand.com/ru/%D0%A1%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%BE%D0%BA_%D0%B2%D1%8B%D0%BF%D1%83%D1%81%D0%BA%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%B2_%D0%91%D0%BB%D0%B0%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE_%D0%BF%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B0_%D0%BF%D1%80%D0%B8_%D0%A6%D0%B0%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%BE%D1%81%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%BC_%D0%BB%D0%B8%D1%86%D0%B5%D0%B5#

приведен полный поименный список всех выпускников Благородного пансиона при Царскосельском лицее. Шипулинский стоит первым в списке окончивших пансион в 1823 г.

вступил в службу с тем благородным рвением, которым исполнена бывает юная, возвышенная душа, когда появляется впервые среди людей, чтобы и свою мысль и волю приложить к делу их благоденствия и славы. Начальство вполне оценило его труды и опытность, которую он силою ясного и наблюдательного рассудка умел заключить в кругу немногих лет. Важный пост Начальника Отделения был вверен ему в таком возрасте (на 26-м году), когда самый избыток нравственных сил, по видимому, не согласуется с важностию призвания, требующаго тишины ума и точности предначертаний. Но юноша постиг дело мужей. С неутомимою ревностию изучал он все, что входило в круг его общественных обязанностей. Он знал, что исполнитель распоряжений Правительства на таком месте, какое он занимал, не есть только слепое орудие, и что надобно уметь постигать его высокие виды, дабы можно было осуществить оные во всей полноте. От сего он смотрел на предметы своей гражданской деятельности с высших государственных точек зрения, и старался обогатить себя познаниями средств, какия опыт и мудрость политическая предлагают для возможного усовершенствования разных ветвей управления.⁴²

Среди занятий по должности, он не покидал Литературы, которая рано сделалась потребностию его сердца. Дела службы не погашали в нем чистой, благородной к ней любви, которая, возвышая душу, не только не препятствует исполнению других обязанностей, но напротив питает в нас рвение к подвигам правды и чести. В 1831 году была представлена Комедия его: *Проказы ревнивых*. В сей пьесе особенно хорошо представлены характеры Софьи и Лизы, девиц, принадлежащих к высшему кругу общества. Автор очень удачно схватил нежные, тонкия черты, делающиеся в душе образованной от противоречия страстей – черты, кои суть не иное что, как только легкия уклонения от нравственной правильной красоты. Такой род комического принадлежит собственно высокой Комедии. Автор заставил говорить свои лица языком живым, легким и благородным. Комедия сия была истинно светлым явлением среди нелепых оригинальных Трошек и Мирошек, гаерствующих на нашей сцене, нередко к оскорблению вкуса и даже национального характера. – Публике также известны несколько Элегий Шипулинскаго, напечатанных отдельно в пользу семейств, пострадавших от холеры. Это тихие отзвуки души, утратившей много прекраснаго на земле, но сохранившей святую веру в прекрасное за пределами ея. Элегии сии дышат тою сердечною теплотою,

⁴² Некоторые сведения о его службе, начиная с 1827 года, удалось почерпнуть из Месяцесловов и «Санктпетербургских сенатских ведомостей». 2 марта 1827 г. он служит в Министерстве финансов, в Департаменте государственных имуществ, где и прослужит до самой кончины. К этой дате все еще имел чин 10-го класса и был помощником столоначальника во 2-м Отделении (см.: Месяцеслов с росписью чиновныхъ особ или Общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1828. Ч. 1. С. 737). В 1829 год вступил уже титулярным советником и столоначальником в том же 2-м Отделении (см.: Месяцеслов с росписью чиновныхъ особ ... 1829. Ч. 1. С. 704). 26 ноября 1830 г. - в том же чине и в той же должности (см.: Месяцеслов и Общий штат Российской империи на 1831. Ч. 1. С. 550). 19 июня 1831 г., будучи столоначальником, был пожалован в коллежские ассессоры (см.: Санктпетербургские сенатские ведомости. 1831. 11 июля. № 28). 1 декабря 1831 г. - в том же чине и той же должности (см.: Месяцеслов и Общий штат ... на 1832. Ч. 1. С. 556). Судя по сведениям А. В. Никитенко, в 1832 г. был сделан начальником, вероятно, 4-го Отделения, так как 1 декабря 1832 г. (т. е. после его смерти) именно в этом отделении значилось: «начальника вакансии» (см.: Месяцеслов и Общий штат ... на 1833. Ч. 1. С. 603).

которая есть верный признак истинного дарования.⁴³ Вы сладко задумаетесь, прочитав их, и если вы теряли милых сердцу, то вам отрадно будет встретить отголоски ваших чувствований в сих немногих строках, истекших от полноты души. Можно ли было предвидеть, что цветы, коими Поэт осыпал свежих могилы друзей своих, скоро обовьют увядшее его чело, и со слезами старца родителя, со слезами всех любивших его упадут на собственную его раннюю могилу? Предчувствовал ли он сам, что так скоро осуществляются сии как бы пророческия слова его:

Жизни сон исчезнет; надо мной
Блеснет заря... Настанет пробужденье!
И я с восторженной душой,
Послышав весть освобожденья
Земныя узы брошу в прах,
И вознесусь на светлых облаках
Туда! Туда! В тот край обетованный,
Где, милый друг, союз любви земной
Пред троном вечности мы обновим с тобой!

И одного дуновения ветра было довольно, чтобы отторгнуть от мира сию прекрасную душу! –

Невозградима потеря для тех, кои были связаны с ним узами крови, или дружбы! Дарования людей принадлежат свету; он и оценивает их. Но сердце наше принадлежит любви; она одна знает его, ибо сие святилище глубочайших помыслов отвергается только пред Богом и ею. Человек, о котором мы говорим, кажется усвоил на земле своему сердцу все, что делает его достойным небес. В краткий срок своего пребывания здесь, он успел совершить свой человеческий долг: ибо он жил без упрека, и умер без страха. *А. Н-ко.*

⁴³ Не после ли появления этого некролога в дарственной надписи на экземпляре стихотворений, принадлежавшем Публичной библиотеке, было помечено карандашным крестиком «Ш.» и ниже тем же карандашом рядом с таким же крестиком приписано: «Шипулинскаго», а на титульном листе уже чернилами написано: «Соч. Шипулинскій»?

На литературном рынке (1833 год)

В ночь с 29-го на 30-е января 1833 года князь Петр Андреевич Вяземский пишет письмо Василию Андреевичу Жуковскому в Швейцарию, сообщая, в частности:

Наш Смирдин пускается в новые предприятия: издает полного Карамзина, Державина, Батюшкова, полного Онегина.¹

Сохранился такой документ² (приведу его начало):

Реэстр Книгам, печатаемым на собственное иждивение Книгопродавца
Смирдина в 1833 Году

		Число листов	Число экземп ляров	За Право оригина ла	Издержки для напечатан ия	Цена прода жная
1.	История Государства Российского сочин. Карамзина издание 5 ^е 12 томов	240.	4100.	40,000	56000.	30.
2.	Сочинения Карамзина издание 4 ^е 9 Томо.	260	2400.	12,500	15000.	20
3.	Переводы Карамзина издан. 2 ^е 9 Томов		1200.			15
4.	Стихотворения Евгения Баратынского 3 Части	45	2000.	7000.	5000.	12
5.	Евгений Онегин Пушкина 8 глав с дополнениями	19	2400	15,000	2900.	12.
6.	География всеобщая Арсеньева издание 7 ^е	20	15000	15000.	12000.	3.
7.	История всеобщая Шрека издание 6 ^е	33.	4800.	2000.	4000.	2.
8.	Басни Крылова новое издание в 8 ^ю долю	20.	6000.	6000.	6000.	4.
9.	Новоселье Альманах с картинками	37½	3500	—	30,000	15.
10.	Путешествие к Св. местам Муравьева	40.	1500.	5200.	4500.	10.
11.	Монастырка часть 2 ^я	25	2300	9000.	3500.	5.
12.	———— то же часть 1 ^я		1200			5.
13.	Мазепа и записки Чухлина <sic!> соч. Булгарина 4 части	40.	2500.	18000.	7000.	15.
14.	Роман сочин. Н.И.Греча 4 части	40.	2400.	15,000	10,000	15.

<...>

¹ Русский Архив. 1900. Кн. 1. № 3. С. 370.

² ОР РНБ. Ф. 595, ед. хр. 144, л. 1.

Как явствует из этого документа, деньги за «Евгения Онегина» Пушкин должен был получить (или хотя бы начать получать) от Смирдина в 1833 году. Благодаря же письму Вяземского, допустимо предположить, что это произошло в январе. Можно ли это ещё уточнить?

Обратим внимание на такую деталь.

Согласно заборной книжке винного погреба Ф. Рауля, в течение всего января 1833 года, как это чаще всего и бывало, к столу Пушкиных покупается стандартный набор столовых вин – сен-жюльен и сотерн (по 2 рубля 50 копеек за бутылку).

Но вот по какому-то поводу 17 января покупается бутылка одного из дорогих белых вин – монараше из Бургундии – за 8 рублей. По какому поводу – неизвестно.³

Почему бы не предположить, что Пушкин сделал это, получив от Смирдина 15 000 рублей или хотя бы какой-то задаток?⁴

Упомянутый в реестре альманах «Новоселье» поступит в продажу в магазине Смирдина 19 февраля 1833 года, в годовщину знаменитого обеда, который Смирдин дал петербургским литераторам годом ранее по поводу новоселья – переезда его магазина на Невский проспект в замечательное помещение, в котором и был дан обед.

Накануне в газете «Северная пчела» будет объявлено:

Завтра, в Воскресенье, 19-го Февраля, будет раздаваться подписавшимся, а в Понедельник, 20-го, поступит в продажу, в книжном магазине А. Ф. Смирдина, *Новоселье*, собрание статей в стихах и прозе, доставленных ему известнейшими Литераторами нашими, по случаю переезда его, в прошлом году, 19-го Февраля, на новую квартиру.⁵

Литераторы, отдавая должное издательской деятельности радушного хозяина, во время того обеда договорились передать Смирдину безвозмездно (что отражено и в реестре) по одному произведению, которые и составили альманах. Пушкин отдал в альманах «Домик в Коломне», так что за эту публикацию он, как и другие авторы, никакого гонорара не получил.

В этот же день, 19 февраля 1833 года, Смирдин устроит такой же обед с тем же результатом для себя: участники обеда снова согласятся дать ему свои произведения и для второй части альманаха безвозмездно. П. А. Плетнев напишет В. А. Жуковскому в Швейцарию 11 марта 1833 года:

Смирдин, в Воскресенье второй недели поста, повторил опять свое Новоселье, накормив нас по старому.⁶

³ Сидоров И. С. Листая заборную книжку (винный погреб Ф. Рауля) / Сидоров И. С. О Пушкине и его современниках. – М., 2022. С. 358.

⁴ Н. П. Смирнов-Сокольский почему-то (не приводя никаких аргументов и ссылок) говорит о сумме в 12 000 рублей (см.: Смирнов-Сокольский Н. П. Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. – М., 1962. С. 312).

⁵ Северная пчела. 1833. 18 фев. № 38.

⁶ Русский архив. 1875. Кн. 2. № 8. С. 467.

Однако у Пушкина со Смирдиным были в этот период вполне определенные финансовые отношения: помимо 15 000 рублей, полагавшихся за «Онегина», Пушкин получал от Смирдина своего рода пенсион. Это продолжалось с 1 мая 1830 года по 1 мая 1834 года.

В 1830 году Пушкин продал Смирдину вышедшие до этого произведения, причем обязался в течение четырех лет их не переиздавать у других издателей. Смирдин, со своей стороны, обязался в течение этого периода ежемесячно выплачивать Пушкину 600 рублей. Пушкин в это время хлопотал в Москве о свадьбе, и посредником при заключении условия со Смирдиным и при получении первых денег выступал П. А. Плетнев, который писал Пушкину 29 апреля 1830 года из Петербурга (XIV, 86 – 87):

Вот, что я могу обещать тебе: в продолжение четырех лет (начиная с 1 мая 1830 года) каждый месяц ты будешь получать от меня постоянного дохода по шести сот рублей, хотя бы в эти четыре года ты ни стихка не напечатал нового: будешь кормиться всё старыми крохами. <...> Этот сбыт всех напечатанных уже экземпляров 7 глав Онегина, 2 томов Стихотворений, Полтавы, Цыганов и Фонтана, не мешает тебе увеличивать ежегодно свой доход печатанием или новых глав Онегина, или новых томов Стихотворений, или чего-нибудь другого по усмотрению твоему: не касайся только четыре года до того, что до сих пор напечатано (за исключением Руслана и Пленника, о коих сам ты сделал условия). Поскорей ответь: согласен ли ты на это мое распоряжение?

Пушкин немедленно отвечал (XIV, 89 – 90):

Сей час получил письмо твое – благодарю, душа моя. Заключай условия, какие хочешь – только нельзя ли вместо 4 лет 3 года – выторгуй хоть 6 месяцев.

Но, как написал Плетнев 29 мая 1830 года (XIV, 93):

Смирдин упорен был: я не выторговал ни месяца. Когда начать присылку твоего четырехлетнего пансиона, и как ее производить: помесечно, или по третям <года>?⁷

В 1833 году Смирдин продолжал аккуратно выплачивать обещанное, так как был заинтересован в сотрудничестве с Пушкиным. Именно, благодаря этой их договоренности, Пушкин был вынужден согласиться на издание полного «Евгения Онегина» Смирдиным, так как не имел права сделать это помимо него.

Полное издание «Евгения Онегина» вышло в свет через месяц после обеда у Смирдина. Точная дата выхода не известна. Роман, как на нем указано, печатался «с позволения правительства», поэтому общую цензуру не проходил и соответственно в делах цензурного комитета нигде не отмечен. В опубликованных материалах III Отделения, в которых напечатаны разрешения на печать других пушкинских изданий «с позволения правительства»,

⁷ Эта переписка вошла в XIV том академического полного собрания сочинений Пушкина, Не могу не упомянуть о судьбе этого тома. Он был подписан в печать 20 июня 1941 года, то есть за два дня до начала Великой Отечественной войны, и печатался в Ленинграде за несколько месяцев до начала блокады.

разрешения на печать «Евгения Онегина» почему-то нет. Первое известие о его выходе появилось 23 марта в «Северной пчеле», № 66, в разделе «Новые книги»:

Евгений Онегин, Роман в стихах. Сочинение Александра Пушкина. С.П.б. 1833, в тип. А. Смирдина в 8 <долю листа>, 287 стр. ()*

Поспешаем известить любителей отечественной Словесности, что Евгений Онегин, коего главы изданы были отдельными книжками, ныне отпечатан особо, вполне. Радуемся за всех читателей.

(*) Продается в книжном магазине А. Ф. Смирдина, по 12 р.

Опираясь на дату этой публикации авторы книги «Пушкин в печати» выход «Евгения Онегина» датировали: «Около 23 марта».⁸

С. Л. Абрамович датировала: «Около 20 – 21 (?) марта»⁹, аргументируя следующим образом:

следует учесть, что уже 25 марта в «Моск. ведомостях» появилось объявление о продаже романа в московских книжных магазинах.

Значит, отпечатанные в типографии Смирдина экземпляры были увезены из Петербурга не позднее 21 марта.¹⁰

Действительно, такой серьезный книгопродавец, как А. С. Ширяев (а именно его объявление было напечатано в «Московских ведомостях» 25 марта¹¹; объявления других книгопродавцев – позже), не мог заявить, что у него уже продается «Евгений Онегин», если бы еще не имел на руках экземпляров книги, так как первые покупатели, наверняка, обратились к нему в тот же день, 25 марта. Причем он должен был быть уверен в наличии этих экземпляров еще раньше, когда объявление было передано в газету, самое позднее – накануне ее выхода. Менее чем за четыре дня книга никак не могла быть доставлена из Петербурга в Москву, так что датировка С. Л. Абрамович представляется вполне убедительной. Можно даже уточнить ее: «не позднее 20 марта» (вполне могло быть и несколько раньше).

Отметим, что разрешение на печать номера «Северной пчелы» от 23 марта с известием о «Евгении Онегине» было дано 21 марта. Значит, набирался этот номер накануне, и интересующее нас объявление было написано не позднее 20 марта, и книга, следовательно, в этот день уже была в редакции.

Во всяком случае, Пушкин, наверняка, уже имел несколько экземпляров книги еще до получения разрешения на выпуск романа. Так, в 1837 году при выпуске нового, миниатюрного, издания «Евгения Онегина» билет на его

⁸ Синявский Н., Цявловский М. Пушкин в печати: 1814–1837: Хронологический указатель произведений Пушкина, напечатанных при его жизни. Изд. 2-е, испр. – М., 1938. С. 103.

⁹ Абрамович С. Л. Пушкин в 1833 году. – М., 1994. С. 148.

¹⁰ Там же. С. 575.

¹¹ Московские ведомости. 1833. 25 марта. № 24.

выпуск в свет будет подписан П. А. Корсаковым 3 января¹², а Пушкин уже 1 января подарит экземпляр книги дочери своего кредитора Шишкина.¹³

Это не было чем-то чрезвычайным. Например, в 1836 году М. П. Погодин посылал из Москвы знакомым в Петербург экземпляры своей книги «Исторические афоризмы», еще не зная, подписан ли билет на ее выпуск.¹⁴

П. А. Катенин напишет в своих воспоминаниях:

Приехал я <в Петербург> 1832-го года Июля 18-го <...>. Узнав о том, многие из знакомых поспешили меня навестить, и между первыми А. С. <Пушкин>. Свидание было самое дружеское. Тут я поздравил его с окончанием «Евгения Онегина»: «– Спи спокойно», сказал я, с Онегиным в изголовье; он передаст имя твое поздним векам, а конец увенчал все дело, последняя глава лучше всего». Пушкин знал, что я редко хвалю без пути, а притворно никогда, и конечно был рад. Тут же заметил я ему пропуск, и угадал, что в нем заключалось подражание «Чайльд-Гарольду», вероятно потому осужденное, что низшее достоинство мест и предметов не позволяло ему сравниться с Байроновым образцом. Не говоря мне ни слова, Пушкин поместил сказанное мною в примечании, в то же время, в первый раз издавая «Онегина» целиком, чему я даже удивился, получив от него в подарок экземпляр вышедшей книги.¹⁵

Обратим внимание на конец последней фразы: «получив от него в подарок экземпляр вышедшей книги». Казалось бы, зачем тут слово «вышедшей»? Понятно, что не вышедшую книгу Катенин получить не мог. Просто здесь имеется в виду: «только что вышедшей книги».

В январе 1833 года они оба были избраны в члены Российской академии и на первые (после избрания) заседания несколько раз ходили вместе, а вне академии встречались уже не так часто, как сразу по приезде Катенина. В частности, вместе присутствовали они на заседании 18 марта¹⁶, и, например, именно в этот день Пушкин мог подарить Катенину только что напечатанного «Евгения Онегина».

А. Ф. Смирдин в это время уже вынашивает новую идею. Судя по отсутствию упоминаний о ней в письмах того времени и воспоминаниях, на обеде 19 февраля она еще не обсуждалась. Но вот в Санктпетербургский цензурный комитет поступает его прошение.

В заседании Комитета 21го Марта 1833 г. слушали:

Прошение С. Петербургскаго Книгопродавца Александра Смирдина об исходатайствовании ему от Высшаго Начальства дозволения издавать с 1го Генваря будущаго 1834 года, по примеру сдешних <sic!> французских

¹² РГИА. Ф. 777, оп. 27, д. 269, л. 1 об.

¹³ Данилов В. В. Новейшие публикации автографов Пушкина (1949 – 1954) // Пушкин: Исследования и материалы – М.; Л., 1956. Т. 1. С. 379.

¹⁴ Сидоров И. С. Из российской цензурной практики 1835 – 1836 гг. // Сидоров И. С. О Пушкине и его современниках. – М., 2022. С. 187.

¹⁵ Катенин П. А. Воспоминания о Пушкине / Литературное наследство. Т. 16/18. – М., 1934. С. 639.

¹⁶ Хроника ... Т. 2, кн. 2. С. 62.

Книгопродавец Белизара и Комп., журнал, под названием: Библиотека для Чтения, в коем будут участвовать почти все известные своими дарованиями писатели в стихах и прозе. Определено представить, на основании § 17го Устава о Цензуре, подлинную программу означенного журнала вместе с прошением Смирдина на благоусмотрение и разрешение Главного Управления Цензуры.¹⁷

В программе, приложенной к прошению, в частности, говорилось:

С 1го Января 1834 года будет издаваться здесь, в Ст. Петербурге, журнал под названием Библиотека для чтения. <...>

В издании сего журнала по силе заключенных условий, участвуют почти все известные своими дарованиями писатели в стихах и прозе. Книгопродавец А. Смирдин есть только издатель их трудов. <...>

Библиотека для чтения, сообразно с содержанием помещаемых в ней сочинений, разделяется на 7 отделений, из которых каждое имеет особенное свое заглавие.

1.

Российская Словесность.

Поэзия. Новыя Стихотворения Пушкина, Жуковского, Крылова, Кн. Вяземскаго, Языкова и других первоклассных Русских Поетов.

Проза. Повести. Рассказы, Статьи о нравах и т. п.¹⁸ <...>

Заметим, что в программе вполне утвердительно говорится: «В издании сего журнала по силе заключенных условий, участвуют почти все известные своими дарованиями писатели». Конечно, пока это только то, на что Смирдин рассчитывает. В это время еще не могло быть заключено никаких условий, например, с Жуковским и Языковым, так как их не было в Петербурге, но Пушкин, Жуковский, князь Вяземский и Крылов участвовали в альманахе «Новоселье», и Смирдин мог рассчитывать на их участие и в журнале.

27 марта состоялось заседание Главного управления цензуры:

Слушали представление С. Петербургскаго Цензурнаго Комитета о просимом Книгопродавцем Смирдиным позволении издавать Журнал: Библиотека для Чтения.

Основываясь на прежнем заключении своем о разсматривании пред истечением каждаго года периодических изданий, для решения какие из них не заслуживают быть продолжаемыми, Главное Управление Цензуры определило: отложить до того же времени и решение дела о вышеозначенном журнале.¹⁹

Например, в 1836 году такое рассмотрение журналов на предмет разрешения их продолжения происходило в ноябре.²⁰

Итак, решение было отложено, но Смирдин не терял надежды на благосклонность властей и имел на то основание. 30 марта, через три дня после заседания Главного управления цензуры его председатель С. С. Уваров препровождает Смирдину при своем сопроводительном письме императорскую награду, о чем будет сообщено в «Северной пчеле»:

¹⁷ РГИА. Ф. 777, Оп. 1, д. 1183, л. 1.

¹⁸ Там же, л. 3 – 3 об.

¹⁹ Там же, л. 6.

²⁰ РГИА. Ф. 772, Оп. 1, ч. 1, д. 913.

– Считаю долгом довести до сведения наших читателей и всех любителей Отечественной литературы, что ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР, во внимание к благонамеренным действиям на пользу Российской Словесности и вообще отечественного просвещения, оказываемым почтенным Книгопродавцем А. Ф. Смирдиным, Всемилостивейше соизволил наградить его золотой медалью на Владимирской ленте для ношения на шее. В письме от 30 Марта, при коем препровождена к Г. Смирдину медаль сия, Его Превосходительство Господин Управляющий Министерством Народного Просвещения, между прочим, говорит: «С моей стороны мне весьма приятно при самом вступлении в обязанности звания, Высочайше на меня возложенного, иметь сей случай, поздравляя вас с МОНАРШЕЮ милостию, изъявить в вашем лице мое уважение к отечественной Словесности и участие в успехах ея, истинный залог коих состоит несомненно в соблюдении всего, что охраняет добрые начала, питает хороший вкус и распространяет живое, благонамеренное стремление к отечественному».²¹

Действительно, дело до осени не затянулось. 12 июля из Главного управления цензуры в Санктпетербургский цензурный комитет было направлено отношение № 248:

По положению Главного Управления Цензуры я испрашивал Высочайшаго Государя Императора соизволения на дозволение книгопродавцу Смирдину издавать журнал, под названием: Библиотека для чтения. По сему всеподданнейшему докладу моему последовала собственноручная Его Величества резолюция: «согласен; вообще желательно, чтобы обещание не подражать другим журналам подлюю бранью, было сдержано». <...>

При сем случае почитаю нужным возобновить Комитету прежде сделанное уже мною предписание о недозволении в периодических изданиях никаких полемических статей, которые подают повод к Критикам и Антикритикам и возбуждают Литтературныя ненависти, столь для самой Литтературы вредныя.

Управляющий Министерством Народного Просвещения
Сергий Уваров.²²

Через неделю:

В заседании Комитета 19го Июля 1833 г. слушали:

Предписание Господина Управляющаго Министерством Народного Просвещения, от 12го сего Июля за № 248. <...>

Определено: принять к надлежащему исполнению и разсматривание журнала Библиотека для Чтения поручить Г. Цензору Адъюнкту-Профессору <А. Л.>Крылову²³.

В тот же день, 19 июля, князь П. А. Вяземский пишет А. И. Тургеневу в Италию об обеде в честь И. И. Дмитриева и сообщает новость:

Здесь открывается довольно важное литературное предприятие: журнал Смирдина на будущий год – первый пример книгопродавца, издающего журнал.²⁴

²¹ Северная пчела. 1833. 8 апр. № 76.

²² РГИА. Ф. 777, Оп. 1, д. 1183, л.6 – 6 об.

²³ Там же, л.9 – 9об.

²⁴ Остафьевский архив князей Вяземских.– СПб., 1899.Т. 3. С. 244 – 245.

Обед в честь приехавшего в Петербург И. И. Дмитриева был дан 14 июля. Присутствовавший на обеде С. С. Уваров, наверняка, рассказал о дозволении Смирдину издавать журнал. Присутствовал на обеде и Пушкин.²⁵

Надо полагать, что Смирдин в ожидании решения не терял времени, договариваясь не только с петербургскими литераторами, но и с московскими. Он отправился в Москву 7 или 8 мая (скорее всего – 8-го, так как в списке выехавших в эти два дня он стоит третьим с конца из шестнадцати)²⁶, а возвратился оттуда 27 мая²⁷.

Пушкин же в апреле-мае опять был занят решением финансовых проблем. Деньги, полученные за «Евгения Онегина», надо думать, ушли на оплату самых срочных долгов, ради чего он и вынужден был издать его именно в этом году, хотя в следующем году, освободившись от обязательств перед Смирдиным, мог бы, вероятно, издать роман более выгодно.

В мае Пушкин обращается к некоему А. А. Ананьину за кредитом под поручительство Смирдина, но Смирдин в это время в Москве, и сделка откладывается²⁸. Сразу по возвращении Смирдина в Петербург все улаживается, и Ананьин выдает Пушкину какую-то сумму, обещая в конце июня одолжить еще 2000 рублей.²⁹ В соответствии с этой договоренностью, Пушкин пишет Ананьину 26 июня (XV, 64):

Вы изволили обнадеежить меня, что около нынешнего времени можно мне будет получить от Вас еще 2000 р. По моему счету, мне более 1,500 р. не надобно. Смирдин готов в них поручиться.

Обращает на себя внимание замечание Пушкина, что его устроят 1500 рублей вместо 2000. Можно предположить, что у него в это время появились какие-то деньги, во всяком случае – не менее 500 рублей. Не в это ли время Пушкин продает Смирдину за 1000 рублей балладу «Гусар»³⁰, которую он закончил в середине апреля³¹? Отдавать ее в качестве безвозмездного пожертвования во вторую часть «Новоселья» он явно не хотел, очевидно, отговариваясь тем, что напишет для альманаха что-нибудь ещё. Действительно, осенью в Болдине Пушкин напишет «Анджело», которого и отдаст в «Новоселье».

Наконец, 8 августа в «Северной пчеле», а 9 августа в «Прибавлении к Санктпетербургским ведомостям» печатается объявление:

О новом журнале

С 1834 года будет издаваться в С. Петербурге книгопродавцем Александром Смирдиным БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНИЯ, ЖУРНАЛ словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод,

²⁵ Хроника ... Т. 2, кн. 2. С. 121.

²⁶ Прибавление к Санктпетербургским ведомостям. 1833. 13 мая. № 109/110.

²⁷ Там же. 1 июня. № 126.

²⁸ Хроника ... Т. 2, кн. 2. С. 92 – 93..

²⁹ Там же. С. 103.

³⁰ Там же. С. 188.

³¹ Там же. С. 80.

составляемый из литературных и ученых трудов лучших Русских писателей <...>.

Следующая программа, уже удостоенная одобрения Высшаго Начальства, дает подробное понятие о разнообразии плана сего издания, и приспособлении его к потребностям и вкусу читателей всякаго рода.

ПРОГРАММА

Журнал, под названием Библиотека для Чтения, с 1-го января 1834 года будет выходить ежемесячно книжками.

Каждая книжка заключает в себе около 18 печатных листов. Две книжки составят один том с особым к нему заглавным листом и оглавлением. <...>

В сем Журнале участвуют почти все известные своими дарованиями и произведениями в стихах и в прозе Русские Писатели. <...>

Литературная и ученая редакция, выбор статей и состав ежемесячных книжек поручены опытным по сей части литераторам. <...>

Библиотека для Чтения, сообразно с содержанием помещаемых в ней сочинений, разделяется на семь отделений:

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Новыя стихотвоения лучших Русских поэтов, повести, рассказы, статьи о нравах и тому подобныя произведения известнейших в сем роде Писателей.

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Переводы лучших иностранных стихотворений и прозаических литературных статей из Французских, Английских и Немецких Журналов и книг.

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

<...>

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

<...>

V.

КРИТИКА.

Подробные разборы важнейших русских сочинений в стихах и прозе, по образцу статей в сем роде, помещаемых в Английских ученых Журналах

VI.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛЕТОПИСЬ.

Краткие разборы мелких и не столь примечательных сочинений. Известия о всех новых русских книгах, вышедших в свет в течение прошедшаго месяца, и о книгах, поступающих в печать.

VII.

СМЕСЬ.

<...>

Годовая цена сему изданию назначается 50 руб. ассиг.<нациями>: за доставление в здешней столице на дом и за пересылку в другие города ничего не прилагается.

А. Смирдин

Подробное изложение содержания сего Журнала с исчислением имен литераторов, принимающих в оном постоянное участие, будет напечатано в

особом объявлении, которое выйдет к 1-му числу Октября сего года. Тогда откроется и подписка.³²

Обещанное объявление появилось, правда, не к первому, но четвертого октября. Практически оно повторяло объявление, напечатанное 9 августа, но начиналось со списка будущих авторов журнала. Во избежание возможных обид авторы были перечислены по алфавиту:

Подписка на Журнал БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНИЯ.

С 1-го января 1834 года будет издаваться в С. Петербурге

Книгопродавцем Александром Смирдиным повременное издание под названием

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНИЯ,

Журнал

Словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод,

Составляемый

Из Литературных и ученых трудов

К. И. Арсеньева, Е. А. Баратынского, Барона Брамбеуса, Ф. В. Булгарина, А. Ф. Воейкова, Кн. П. А. Вяземского, Ф. Н. Глинки, Н. И. Греча, В. И. Григоровича, Д. В. Давыдова, И. И. Давыдова, В. А. Жуковского, М. И. Загоскина, И. Т. Калашникова, М. Т. Каченовского, И. В. Киреевского, Казака Луганского, И. И. Козлова, И. А. Крылова, Н. В. Кукольника, М. Е. Лобанова, М. А. Максимовича, Г-на Марлинского, К. П. Масальского, А. И. Михайловского-Данилевского, А. С. Норова, Кн. В. Ф. Одоевского, В. И. Панаева, П. А. Плетнева, М. П. Погодина, А. Погорельского, Н. А. Полеваго, А. С. Пушкина, С. Е. Раича, Барона Е. Т. Розена, А. Г. Ротчева, Рудаго-Панько, П. П. Свинына, О. И. Сенковского, И. Н. Скобелева, И. М. Снегирева, Н. Г. Устрялова, В. А. Ушакова, Б. М. Федорова, Гр. Д. И. Хвостова, А. С. Хомякова, Кн. А. А. Шаховского, С. П. Шевырева, А. В. Шидловского, А. С. Шишкова, В. Н. Щастного, Д. И. Языкова, Н. М. Языкова, П. Л. Яковлева, И. М. Ястребцева, Г. М. Яценкова и других. <...>

Издатель, с своей стороны, приложит все старание к приобретению для сего Журнала таких статей, которые были бы достойны внимания и одобрения публики.³³

Пушкинский «Гусар» пойдет в первый же номер нового журнала.

³² Прибавление к Санктпетербургским ведомостям. 1833. 9 авг. № 185; см. также: Северная пчела. 1833. 8 авг. № 177.

³³ Там же. 1833. 4 окт. № 237; см. также: Северная пчела. 1833. 4 окт. № 224.

Н. В. Перцов, И. С. Сидоров

Два «Медных Всадника»: поэтическая переключка в 1830-е годы¹

30 апреля 1835 г. из Петербурга московским дилижансом выехал харьковский губернский казначей титулярный советник Иван Матвеевич Петров². Возможно, тем же дилижансом возвращался в Москву и профессор Московского университета коллежский советник Иван Михайлович Снегирёв (судя по тому, что в списке выехавших из столицы он стоит сразу вслед за Петровым³). Если это предположение справедливо, то им в дороге было о чем поговорить.

Дело в том, что И. М. Петров был еще и литератором, причем литератором активным. Он не только сам писал стихи и прозу, но и издавал альманахи. И. М. Снегирев же был не только профессором-латинистом, но и цензором Московского цензурного комитета, и именно он в 1833 г. дал разрешение на печатание как сборника стихов Петрова, так и подготовленного им альманаха «Утренняя звезда», вышедшего в 1833 и 1834 гг. в двух «книжках» (первая, на русском языке, напечатана в Москве, вторая, на украинском, – в Харькове).

Однако нам сейчас важно не то, о чем Петров мог говорить в дороге со Снегиревым, а то, чем он, будучи в Петербурге, занимался не как харьковский казначей, вероятно, приехавший в столицу по делам службы, а как литератор, судя по всему, впервые попавший в Петербург.

¹ Доложено (во всех случаях – совместно с Н. В. Перцовым) на заседании Пушкинской комиссии ИМЛИ РАН (г. Москва) 17 февраля 2010 г.; в Мемориальном музее-квартире А. С. Пушкина (г. Санкт-Петербург) 21 апреля 2010 г.; на заседании Центра лингвистической текстологии и стиховедения при Институте русского языка РАН (г. Москва) 11 сентября 2012 г.; опубликовано: Известия РАН. Серия литературы и языка. 2013. Т. 72. № 6. С. 35 – 46; Пушкинский музей: альманах. Вып. 7. – СПб., 2015. С. 165 – 181 (сокращенная редакция); Перцов Н. В. Лингвистика, поэтика, текстология: Избранные статьи. – М., 2015. С. 486 – 511. Ныне печатается с рядом исправлений и дополнением некоторых фактов, обнаруженных после предыдущих публикаций.

² Прибавление к Санктпетербургским ведомостям. 1835. 9 мая. № 103.

³ Там же. В списке выехавших 30 апреля и 1 мая Петров и Снегирев стоят 7-м и 8-м из 25-ти выехавших, а кроме того, из дневника Снегирева известно, что в Петербурге он пробыл «до 30 апреля» (см.: Снегирев И. М. Дневник // Русский архив. 1902. № 9. С. 51).

И. М. Петров, вероятно, привез в Петербург экземпляры альманаха «Утренняя звезда», который до этого можно было приобрести только в Харькове и Москве⁴, и 16 марта 1835 года в «Санктпетербургских ведомостях» появилось объявление о его продаже⁵, а 18 апреля в «Северной пчеле» – краткая рецензия на альманах, завершающаяся словами: «Выборъ статей и довольно богатое издание Утренней Звезды заслуживаютъ Издателю оной, Г.<осподину> И. М. Петрову, благодарность читателей!»⁶.

В северную столицу Петров привез также рукопись своих повестей, а 26 марта получил в Санктпетербургском цензурном комитете разрешение на ее печатание⁷.

Но наиболее интересно для нас то, что в среду 27 марта 1835 г. в 25-м номере петербургской газеты «Литературные прибавления к Русскому Инвалиду» появилось стихотворение, озаглавленное «МѢДНЫЙ ВСАДНИКЪ» и подписанное «И. Петровъ»; под подписью слева стояло указание места – «С. П. бургъ». Поэма Пушкина тогда не была известна широкой публике (впервые она будет опубликована посмертно в 5-м томе «Современника» 1837 г.); четырьмя месяцами ранее, в начале декабря 1834 г., в журнале «Библиотека для чтения» было опубликовано лишь вступление к ней, озаглавленное «Петербургъ. Отрывокъ из поэмы»⁸. Сама же поэма, представленная Николаю I в декабре 1833 г., высочайшим цензором к печати допущена не была; хотя формального запрещения с его стороны и не последовало, Пушкин, будучи не в силах пойти навстречу его цензурской воле и исправить отмеченные в рукописи недозволенные места, отложил работу над поэмой на неопределённый срок. И вот в петербургской газете «первенствующий поэт русский» увидел столь знакомое ему словосочетание в заглавии стихотворения Петрова:

МѢДНЫЙ ВСАДНИКЪ.

Вешней нѣгой солнце дышитъ!
Весель, радость надъ челомъ,
Мчится всадникъ – ржетъ и пышитъ
Конь подъ мѣднымъ сѣдокомъ!
На гранитъ вскакаль – десница
Распростерта надъ Невой!
Зрите!... «Здѣсь моя столица!»
Воззваль голосъ громовой.

⁴ Московские ведомости. 1834. 4 августа. № 62.

⁵ Прибавление к Санктпетербургским ведомостям. 1835. 16 марта. № 62.

⁶ Северная пчела. 1835. 18 апреля. № 84. Рецензия написана, вероятно, кем-то из представителей малороссийского землячества в Петербурге (подпись: Андрій Куций).

⁷ РГИА. Ф. 777, оп. 27, ед. хр. 199, л. 19 об. – 20. Рукопись будет издана в Харькове в 1837 г. под названием «Повести Пустынника Залопанского, изданные Иваном Петровым».

⁸ Библиотека для чтения. 1834. Т. 7. Кн. XII. Отд. I. С. 117 – 119.

*

Блещеть царственная тога,
И изъ топкихъ Финскихъ блатъ
По воззванью полубога
Возникаетъ чудный градъ.
О, какъ гласъ твой, мужъ великій,
Дивенъ, силенъ и могучъ,
Какъ гласъ Русскаго владыки!
Надъ тобой – безсмертья лучъ!

*

Тамъ, гдѣ нѣкогда пустыни
Быль печальный дикій видъ,
Нынѣ дивныя твердыни
Изумленный странникъ зрить.
Очаровывая взгляды,
Вдоль гранитныхъ береговъ
Всюду высятся громады
Зданій стройныхъ и дворцовъ.

*

Все здѣсь нѣжитъ взоръ и чувства!
Какъ по зву, въ державный градъ
Роскошь, знанья и искусства
Съ юга, съ сѣвера спѣшать.
Разсѣкая Фински волны,
Дань морей и дань земли
Отъ всѣхъ странъ, кошницы полны,
Въ даръ приносятъ корабли.

*

Кто же Онъ, сей всадникъ чудный,
Маньемъ чымъ изъ влажныхъ нѣдръ
Градъ явился многолюдный?
Это Петръ, нашъ Русскій Петръ!
Мудрый мудрому укажетъ
На божественный сей ликъ,
И потомокъ дальній скажетъ:
Сей Державный былъ великъ!

И. Петровъ

С. П. бургъ.

Стихотворение обнаруживает очевидные параллели с поэмой Пушкина – причем не только в отношении одного и того же названия (которое в качестве

названия Пушкинской поэмы публике знакомо не было⁹). Вступление к поэме, как уже было сказано, к тому времени было известно по «Библиотеке для чтения» (правда, там оно было напечатано с купюрой, без четверостишия о Москве, отчёркнутого в рукописи царём, и без последних пяти строк «Была ужасная пора, <...>»), и автор стихотворения, несомненно, был с ним знаком¹⁰.

Приведём параллели стихотворения Петрова [СтП] и вступления к поэме Пушкина [ВМВ] (совпадающие или родственные в обоих текстах фрагменты подчеркнуты; вступление к поэме цитируется по «Библиотеке для чтения»):

(1) [СтП] «Вешней нѣгой солнце дышитъ!» ~ [ВМВ] «Нева <...> чужа вешни дни, ликуеть.»

(2) [СтП] «Зрите!... “Здѣсь моя столица!”» ~ [ВМВ] «Здѣсь будетъ городъ заложень <...>»

(3) [СтП] «И изъ топкихъ Финскихъ блатъ / По воззванью полубога / Возникаетъ чудный градъ.» ~ [ВМВ] «<...> и юный градъ, / Полночныхъ странъ краса и диво, / Изъ тмы лѣсовъ, изъ топи блатъ / Вознесся пышно, горделиво; <...>»

(4) [СтП] «Тамъ, гдѣ нѣкогда пустыни / Былъ печальный дикій видъ, / Нынѣ дивныя твердыни / Изумленный странникъ зритъ.» ~ [ВМВ] (а) «На берегу пустынныхъ волнь <...>»; (б) «Гдѣ прежде Финскій рыболовъ, / Печальный пасынокъ Природы, / Одинъ у низкихъ береговъ / Бросаль въ невѣдомыя воды / Свой ветхій неводъ, – нынѣ тамъ, / По оживленнымъ берегамъ, / Громады стройныя тѣсняются, / Дворцевъ и башенъ; <...>» [в (4б) существен не столько один и тот же эпитет «печальный», сколько сходство синтаксического построения: «где <нечто было таким-то и таким-то>, ныне <всё по-другому>»; (с) «Люблю, военная столица, / Твоей твердыни дымъ и громъ, <...>»

⁹ Так, Я. М. Неверов в 1835 г., в седьмой книжке «Журнала Министерства народного просвещения», в обзоре «изящной словесности» в журналах за вторую половину 1834 г., отмечал: «Пушкинъ украсилъ Библиотеку для чтенія *отрывкомъ изъ Поэмы “Петербургъ”*». Заметим, что это было единственным откликом в печати на публикацию Пушкинского вступления к поэме.

¹⁰ Первая же строка стихотворения («Вешней нѣгой солнце дышитъ!») явно отражает личные впечатления Петрова. В начале марта (судя по сведениям «Санктпетербургских ведомостей») в столице установилась теплая погода. Днем температура поднималась выше нуля (до пяти – шести градусов), а с 8 по 12 марта дни к тому же стояли солнечные, иногда с небольшой облачностью. Отец Пушкина писал 11 марта дочери Ольге Сергеевне: «Все это время у нас чудное было солнце» (см.: Письма Сергея Львовича и Надежды Осиповны Пушкиных к их дочери Ольге Сергеевне Павлицевой. – СПб., 1993. С. 269). Личные впечатления просматриваются и в строках: «Нынѣ дивныя твердыни / Изумленный странникъ зритъ». «Изумленный странникъ» – это он сам, Петров, впервые приехавший в Петербург.

(5) [СтП] «Вдоль гранитныхъ береговъ / Всюду высятся громады / Зданій стройныхъ и дворцовъ» ~ [ВМВ] (а) Въ гранить одѣлася Нева; <...>; (б) «<...> Береговой ея гранить, <...>»; (с) «<...> Громады стройныя тѣснятся, / Дворцевъ и башень; <...>»; (д) «Люблю твой строгій, стройный видъ, <...>»; (е) «И ясны спящія громады / Пустынныхъ улицъ, <...>» [обратим внимание на инвертированный порядок слов у Петрова в словосочетании «Зданій стройныхъ», такой же как у Пушкина в (5с) – «Громады стройныя»; при этом стихотворный метр в стихотворении – хорей – допускает здесь прямой порядок – «Стройныхъ зданій»]

(6) [СтП] «Какъ по зву, въ державный градъ <...>» ~ [ВМВ] «<...> Невы державное течение, <...>»

(7) [СтП] «<...> въ державный градъ / Роскошь, знанья и искусства / Съ юга, съ сѣвера спѣшать. / Разсѣкая Фински волны, / Дань морей и дань земли / Отъ всѣхъ странъ, кошницы полны, / Въ даръ приносятъ корабли.» ~ [ВМВ] (а) «Вражду и плѣнь старинный свой / Пусть волны Финскія забудутъ <...>»; (б) «<...> корабли / Толпой, со всѣхъ концевъ земли, / Къ богатымъ пристанямъ стремятся.»

(8) [СтП] «Маньемъ чымъ изъ влажныхъ нѣдръ / Градъ явился многолюдный? / Это Петръ, нашъ Русскій Петръ!» ~ [ВМВ] «Красуйся, Градъ Петровъ, <...>»

Очевидно, что автор стихотворения существенно опирался на вступление к поэме Пушкина при сочинении стихотворения и заимствовал из него общий панегирический тон по отношению к Петру I и его памятнику в Петербурге.

Однако переключками со вступлением к поэме сходство с ней в стихотворении Петрова не ограничивается: в нём усматриваются параллели и с основным текстом поэмы, тогда ещё читающей публике не известным.

Прежде всего, совпадают названия стихотворения и поэмы. Могло ли это быть случайным?

Отходя от основной линии нашего повествования, зададимся вопросом о генезисе и статусе словосочетания *Мѣдный Всадникъ* для наименования памятника Петру – откуда оно появилось и как оно воспринималось в интересующую нас эпоху? Есть основания полагать, что это словосочетание вошло в русскую культуру именно в 1830-е годы.

В самом деле, в русских текстах до 1830-х годов – в частности, в поэтической традиции XVIII века, к которой восходит один из «стилистических словъ» поэмы Пушкина, – такого словосочетания мы не находим, хотя соположение в одном стихотворном пространстве слова *мѣдь* и наименования всадника при описании памятника Петру I обнаруживается – как это показано в обширной и всеобъемлющей статье Л. В. Пумпянского¹¹, в которой цитируются эклога Е. И. Кострова «Три грации» 1783 г. («Кто сей, превознесен на каменной твер-

¹¹ Пумпянский Л. В. «Медный всадник» и поэтическая традиция XVIII века // Временник Пушкинской комиссии. – М.; Л., 1939. [Вып.] 4/5. С. 91 – 124.

дыне, / Седящий на коне, простерший длань к пучине <...>? То Петр. <...> И медь, что вид его на бреге представляет, / Чувствительной себя к веселию являет, <...>») и два стихотворения В. П. Петрова: послание Екатерине при переводе «Энеиды» 1786 г. («О, всадник, радуйся <...> / Днесь я тебя в меди бездушной созерцаю <...>») и ода 1793 г. «На торжество мира» («<...> Тряхнулся Всадник на коне. / Он жив! о знаменья чудесна! / Он жив! иль действует небесна / В меди мощь века заперта?») (там же, с. 111 – 112). Продолжение этой традиции можно заметить в стихотворении князя П. А. Вяземского 1818 года «Петербург (отрывок)»:

Се Петр, еще живый в меди красноречивой!
Под ним полтавский конь <...>¹²

Здесь нам нужно обратиться к другому поэтическому произведению, тоже относящемуся к 30-м годам позапрошлого столетия, а именно – к стихотворению поэта-декабриста А. И. Одоевского «Сен-Бернар», предположительно датированному 1831-м годом и впервые опубликованному в десятом томе «Современника» в 1838 г.¹³ Стихотворение Одоевского посвящено Наполеону, точнее – знаменательному историческому событию – переходу войск Наполеона через горный перевал Сен-Бернар в Альпах в мае 1800 г. Метафорически оживляемый перевал («Воскликнул Сен-Бернар: “Кто мой покой / Нарушить смѣль?” <...>») предрекает Наполеону гибель со стороны его будущего победителя – России, «мужающей державы», символом которой выступает в стихотворении статуя Петра I. Если датировка написания этого стихотворения верна, тогда обнаруживается, что Пушкин не был первым, применившим слово *всадник* в сопровождении эпитета *мѣдный* для наименования памятника Петру: ведь в инвертированном порядке слов такое наименование завершает стихотворение Одоевского (цитируется по первопечатной публикации):

Въ полночной мглѣ, въ снѣгахъ, есть конь и всадникъ мѣдной:
Ударить конь копытами въ гранить,
И кинетъ огонь въ сердца; онъ искроу побѣдной
Твой грозный лавръ испепелить. –

А. О.

Генетическая связь этих двух текстов – стихотворения Одоевского «Сен-Бернар» и поэмы Пушкина «Мѣдный Всадник» – для нас очевидна. Для трех строк приведенной цитаты из «Сен-Бернара» [СБ] обнаруживаются параллели в Пушкинской поэме [МВ]: [СБ] «Въ полночной мглѣ, въ снѣгахъ, есть конь и всадникъ мѣдной:» ~ [МВ] «Ужасень онъ въ окрестной мглѣ!»; [СБ] «Ударить конь копытами въ гранить,» ~ [МВ] «Куда ты скачешь, гордый конь, / И гдѣ опустишь ты копыта?»; [СБ] «И кинетъ огнь въ сердца; <...>» ~ [МВ] «А въ семь конѣ какой огонь!». Строку же «Сен-Бернара» «Рѣдѣть мгла, и небо разсвѣло...» легко сопоставить со строками из первой части поэмы – «Рѣдѣть мгла ненастной ночи, / И блѣдный день ужъ настаетъ». Есть и другие места в «Сен-Бернаре», которые соотносимы с фрагментами из поэмы: образ бездн в двух фрагментах из [СБ] «Уже надъ безднами виситъ стезя героя» и «Сто усть, сто безднѣ – раскрывъ со всѣхъ сторонѣ, <...>» ~ [МВ] «Не так ли ты надъ самой бездною, / На высотѣ уздой желѣзной / Россію поднъял на дыбы?»; [СБ] «Идутъ полки съ довѣрьемъ за вождемъ / <...> / И въ мѣдныхъ жерлахъ вносятъ громъ» ~ [МВ] «Люблю, военная столица, / Твоей твердыни дымъ и громъ»; «Сіянье шапокъ этихъ мѣдныхъ, <...>»

В обоих рассматриваемых поэтических произведениях обнаруживается один общий образ: конная статуя приходит в движение и проявляет агрессию по отношению к противо-

¹² Вяземский П. А. Сочинения: В 2-х т. – М., 1982. Т. 1. Стихотворения. С. 85.

¹³ <Одоевский А. И.> Сен-Бернар // Современник. 1838. Т. 10. С. 167 – 169.

стоящему ей человеку. Здесь уместно вспомнить выдающуюся работу Р. О. Якобсона «Статуя в поэтической мифологии Пушкина»¹⁴, вскрывшую этот глубинный поэтический мотив в трёх Пушкинских поэтических произведениях 1830-х годов – «Каменном госте», завершённом в 1830 г., «Медном Всаднике» 1833 г. и «Сказке о золотом петушке» 1834 г.; только последнее из них увидело печать при жизни автора (в 1835 г.).

Знакомство Пушкина с «Сен-Бернаром» Одоевского нам представляется высоковероятным. Дело в том, что в 1830 – 1831 гг. шесть стихотворений Одоевского были напечатаны в «Литературной газете» Дельвига – Сомова – Пушкина, а три – в «Северных цветах на 1831 год» Дельвига, вышедших в конце 1830 – начале 1831 г. (все девять, разумеется, без подписи). Если «Сен-Бернар» действительно был написан «Въ Петровской тюрьмѣ за Байкаломъ, въ 1831 году» (как указано под заглавием в издании стихов Одоевского 1883 г., подготовленном бывшим соузником Одоевского декабристом А. Е. Розеном), тогда рукопись этого стихотворения в том же году (или в последующие два) могла быть послана из сибирского заключения в Петербург для публикации в «Литературной газете», а получена тогдашним её редактором О. М. Сомовым уже после прекращения существования последней в середине 1831 г. Сомов же вполне мог показать рукопись Пушкину, с середины мая 1831 г. жившему в Петербурге или Царском Селе (лишь в декабре он съездил на три недели в Москву). В таком случае, правда, возникает вопрос: почему же Пушкин не опубликовал это сильное стихотворение в «Северных цветах на 1832 год», которые он деятельно готовил как раз в 1831-м? – Может быть, оттого, что увидел рукопись слишком поздно, после корректуры или даже выхода «Северных цветов»...

Всё же пока не следует безоговорочно исключать противоположное направление заимствования – не от Одоевского к Пушкину, а от Пушкина к Одоевскому – хотя последнее и представляется нам менее вероятным. Дело в том, что датировкам, указанным А. Е. Розеном в издании стихов Одоевского 1883 г., нельзя доверять полностью: среди них обнаруживаются безусловно ошибочные. Одоевский же мог бы написать «Сен-Бернар» осенью 1837 г. после его перевода из сибирского заключения на Кавказ, прочитав поэму в пятом томе «Современника», вышедшем в свет в мае 1837-го. Правда, на основе только этого печатного текста он не мог опереться на один из ключевых фрагментов поэмы – упомянутые выше десять строк описания памятника: они подверглись редактирующему подцензурному изъятию со стороны Жуковского, готовившего текст к публикации. Однако здесь на «сцену», возможно, является брат поэта Лев Пушкин, с которым Одоевский начиная с октября – ноября 1837 г. мог познакомиться на Кавказе в Нижегородском драгунском полку, куда декабрист был переведен из сибирского поселения с чином рядового. В этой связи чрезвычайно интересно свидетельство декабриста Н. И. Лорера, относящееся, правда, к более позднему времени – к июню 1838 г.:

«Ко всем приятностям собеседничества с Одоевским он обладал отличным поваром, и мы с ним согласились дать обед и для этой цели накупили у маркитанта всего необходимого доволья и составили пригласительный список. Приглашенных набрали до 20 человек, и в Иванов день, 24 июня, в трех соединенных палатках с разнокалиберными приборами, занятыми у званых же, все собрались. Капитан Маслович был именинник, и мы пили радушно его здоровье и веселились на славу. После обеда Пушкина, знавшего наизусть все стихи своего брата и отлично читавшего вообще, заставили декламировать, и он прочел нам поэму «Цыгане»»¹⁵.

Вполне возможно, что описанный Лорером случай – далеко не единственный, когда Лев Сергеевич читал Пушкинские произведения в присутствии Одоевского – и что читал он не только «Цыган». Он мог прочесть посмертно опубликованный «Медный Всадник», при

¹⁴ Якобсон Р. О. Статуя в поэтической мифологии Пушкина // Работы по поэтике: Переводы – М., 1987. С. 145 – 180.

¹⁵ Лорер Н. И. Записки декабриста. – Иркутск, 1984. С. 238 – 239.

этом сохраняя подцензурно изъятые или искаженные фрагменты. (Далее мы скажем о том, что в 1834 или 1835 г. он познакомил с неопубликованной поэмой харьковчан.)

Теперь мы обратимся ко второй части вопроса, заданного в начале нашего отступления: как воспринималось словосочетание *Мѣдный Всадникъ* применительно к статуе императора Петра в 1830-е годы? – Мы предполагаем, что оно не носило характера устойчивого лексического клише, как сейчас, и не было на слуху у современников Пушкина. Во всяком случае, А. И. Тургенев 3 марта 1837 г., после прослушивания поэмы Пушкина у Карамзиных, оговариваясь, называет её – «Медный рыцарь»¹⁶, что вряд ли было бы возможно, если бы словосочетание *Мѣдный Всадникъ* было устойчивым обозначением памятника Петру. В пользу нашего предположения говорит и то, что И. И. Дмитриев, которому Жуковский сообщил о найденной среди бумаг Пушкина поэме «Медный Всадник», передавая эту новость П. П. Свиныну и также оговариваясь, называет её – «Медный конь»¹⁷.

После затянувшегося отступления возвращаемся к параллелям между стихотворением Петрова и основным текстом поэмы Пушкина (поэма цитируется по «Цензурному автографу» – последнему из известных источников её текста по состоянию на март 1835 г.):

(i) [СтП] «Мчится всадникъ – ржетъ и пышитъ / Конь подъ мѣднымъ сѣдокомъ!» ~ [МВ] (а) «А въ семь конѣ какой огонь!»; (б) «За нимъ несется Всадникъ Мѣдный / На звонко скачущемъ конѣ;»

(ii) [СтП] «На гранить вскакаль – десница / Распростерта надъ Невой!» ~ [МВ] (а) <...> «Стоить съ простертою рукою / Кумирь на бронзовомъ конѣ.»; (б) <...> «Простерши руку въ вышины, / За нимъ несется Всадникъ Мѣдный / На звонко скачущемъ конѣ»; «<...> За нимъ повсюду <В>садник <М>ѣдный / Съ тяжелымъ топотом скакаль.»

(iii) [СтП] Маньемъ чымъ изъ влажныхъ нѣдръ / Градь явился многолюдный? / Это *Петръ*, нашъ Русскій *Петръ*! ~ [МВ] «Онъ узналъ <...> Того, чьей волей роковой / Подъ моремъ городъ основался...»

(iv) [СтП] Мудрый мудрому укажетъ / На божественный сей ликъ, / И потомокъ дальній скажетъ: / Сей Державный былъ великъ! ~ [МВ] «<...> И взоры дикіе навель / На ликъ Державца полуміра<.>»

Свидетельством того, что Петров был знаком не только с опубликованным вступлением к поэме, но и с ее полным текстом, служит то обстоятельство, что в стихотворении подан крупным планом памятник Петру, которому посвящена первая строфа и который упомянут в последней («всадникъ чудный»). Во вступлении же ни слова не говорится о памятнике. Памятник появляется в поэме впервые только в самом конце первой части – в статичном состоянии («Стоить съ простертою рукою / Кумирь на бронзовомъ конѣ.»); во второй же части памятник сначала представлен тоже статично

¹⁶ Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. – М., 1987. С. 254.

¹⁷ Осповат А. Л., Тименчик Р. Д. «Печальную повесть сохранить...». – М., 1987. С. 73.

(«Кумиръ съ простертою рукою / Сидѣль на бронзовомъ конѣ.»; «Онъ узналъ <...> Того<,> / Кто неподвижно возвышался / Во мракѣ мѣдною главой, <...>»), затем изображено движение коня («А в семь конѣ какой огонь! / Куда ты скачешь, гордый конь<,> / И гдѣ опустишь ты копыта?»), а через несколько строк приходит в движение и сам всадник («Лицо тихонько обращалось...»; «Тяжело-звонкое скаканье»; «несется Всадникъ Мѣдный»; «Съ тяжелымъ топотомъ скакаль.»). У Петрова же всадник дан в движении с самого начала – с третьей строки («Мчится всадникъ <...>»); при этом и в поэме, и в стихотворении упоминаются чело и лик всадника («Какая дума на чель!»; «Лицо тихонько обращалось...» ~ «радость надъ челомъ»; «божественный сей ликъ»).

Естественно, возникают вопросы: где, когда и как мог Петров познакомиться с Пушкинской поэмой?

Пушкин читал ее только близким знакомым, да и то не сразу по приезде в Петербург и не всем.

Возвратившись из Болдина в Петербург в ноябре 1833 г. и еще никому рукопись поэмы там не показывая¹⁸, Пушкин передал ее на цензуру Николаю I. Параллельно он заключил договор с А. Ф. Смирдиным о публикации поэмы. Пушкин явно не хотел, чтобы поэма стала известна публике до выхода ее из печати. После получения 12 декабря замечаний Николая I поэт еще менее стремился к ее распространению. 4 января 1834 г., когда прошло уже полтора месяца после приезда Пушкина, князь П. А. Вяземский писал А. И. Тургеневу: «Онъ возвратился изъ степной поѣздки своей и навезъ много стиховъ, которыхъ я еще не читалъ, въ ожиданіи чтенія у Жуковскаго»¹⁹. Состоялось ли чтение – нам неизвестно: упоминаний об этом нет никаких. Есть даже некоторые основания предполагать, что Вяземский так и не услышал (или, во всяком случае, не увидел) Пушкинскую поэму. А. И. Тургенев, тесно общавшийся с Пушкиным в Петербурге в октябре 1834 г. (единственный из петербургских знакомых Пушкина, о котором нам точно известно, что Пушкин поэму ему читал), писал 24 октября Вяземскому, который в это время был за границей: «Поэма его о наводненіи превосходна, но исчерчена и потому не печатается»²⁰, по-видимому, полагая, что адресат может об этом не знать. Между прочим, ни в дневниковых записях, ни в письме к Вяземскому у Тургенева нет названия «Мѣдный Всадникъ».

Правда, известно, что с Пушкинской поэмой и с замечаниями императора были знакомы А. О. и Н. М. Смирновы. Существует мнение²¹, что 14 декабря

¹⁸ В Москве, по дороге из Болдина в Петербург, Пушкин читал поэму П. В. Нащокину и М. П. Погодину. Это следует из его писем к Нащокину с известием, что «Медный Всадник не пропущен» (XV, 118), и к Погодину, что «Медный всадник» «напечатан не будет» (XV, 123).

¹⁹ Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 3. – СПб., 1899. С. 253.

²⁰ Там же. С. 262.

²¹ См., например: Абрамович С. Л. Пушкин в 1833 году: Хроника. – М., 1994. С. 548.

1833 г. Пушкин провел вечер у Смирновых, возможно, тогда же читал свою поэму и показывал рукопись с пометами Николая I. При этом ссылаются на дневник Пушкина, где, якобы, написано: «вечер у См<ирновых>» (XII, 317), однако в рукописи отчетливо прочитывается «вечер у Ст.», что отмечал еще Б. Л. Модзалевский²². Кроме того, из дневниковой записи Н. М. Смирнова, сделанной позже, ясно, что А. О. Смирнова получила рукопись поэмы для прочтения от самого императора²³.

Отметим, что уже после смерти Пушкина, 3 марта 1837 г., А. И. Тургенев записал в дневнике: «Вечер у Карамз<иных>. С Жук.<овским> Вяз.<емским> и пр. Слушал письмо Жуковск.<ого> к отцу Пушкина и поэму Медный рыцарь Пушкина»²⁴. Надо полагать, что для большинства присутствовавших на вечере поэма Пушкина была новостью, иначе вряд ли её стали бы читать. В. А. Жуковский писал И. И. Дмитриеву 12 марта 1837 г.: «Разбор бумаг Пушкина мною кончен. Найдены две полные, прекрасные пиесы в стихах: “Медный всадник” и “Каменный гость”»²⁵. А на следующий день Александр Карамзин писал брату Андрею: «После смерти Пушкина Жуковский принял, по воле государя, все его бумаги. Говорили, что Пушкин умер уже давно для поэзии. Однако же нашлись у него многие поэмы и мелкие стихотворения. Я читал некоторые, прекрасные донельзя. <...> В целой поэме не встречается ни одного лишнего, малоговорящего стиха!!!»²⁶. Андрей Карамзин уехал за границу в мае 1836 г., следовательно, до его отъезда Карамзины с «Медным Всадником» еще знакомы не были.

Возвращаемся в год 1833-й. В середине октября в Петербург приехал вышедший в отставку из военной службы брат Пушкина Лев Сергеевич, а несколько ранее туда же приехал С. А. Соболевский. Вернувшись в столицу в ноябре, Пушкин тесно сближается с ними. Мать поэта Надежда Осиповна писала дочери Ольге Сергеевне 3 марта 1834 г.: «он <Лев> и Александр пристрастились к Соболевскому, они неразлучны»²⁷. Видимо, приятельские, интимные, а не светские отношения более располагали Пушкина к тому, чтобы познакомить брата и Соболевского (как и П. В. Нащокина в Москве) с привезенными из Болдина рукописями. 21 февраля 1834 г. Лев Сергеевич писал своему приятелю М. В. Юзефовичу, с которым вместе некогда служил на Кавказе: «Мой брат вскоре собирается издать историю Пугачева, произведение достойное, особенно в отношении повествования; в последнее время он много написал в прозе и в стихах, но это произведение занимает его

²² Пушкин А. С. Дневник 1833–1835 / Под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского.– М.; Пг., 1923. С. 72.

²³ Богаевская К. П. Из записок Н. М. Смирнова // Временник Пушкинской комиссии, 1967 – 1968. – Л., 1970. С. 7.

²⁴ Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. – М., 1987. С. 254.

²⁵ Цявловский М. А. Статьи о Пушкине. – М., 1962. С. 310.

²⁶ Пушкин в письмах Карамзиных 1836 – 1837 годов. – М. – Л., 1960. С. 192. Под поэмой явно подразумевается «Медный всадник», так как других законченных поэм в бумагах поэта не было.

²⁷ Письма Сергея Львовича и Надежды Осиповны Пушкиных С. 210.

исключительно»²⁸. Судя по тому, что он пишет о характере повествования, Лев Сергеевич был знаком с рукописями брата.

Выше, в воспоминаниях Н. И. Лорера, уже упоминалось о феноменальной памяти Льва Сергеевича на стихи, которой он поражал окружающих. В феврале 1830 г. Ф. Н. Глинка, вспоминая о времени ссылки Пушкина, писал поэту: «И без вас мы, любящие вас, были с вами. В пиитическом уголке любезного П. А. Плетнева, мы часто, и с любовью, об вас говорили, радовались возрастающей славе вашей и слушали *живое* стереотипное издание творений ваших – вашего любезного братца Льва Сергеевича. Он прочитывал, от доски до доски, целые поэмы ваши наизусть с величайшею легкостью и с сохранением всех оттенков чувства и пиитических красот» (XIV, 66).

К лету 1834 г. Льву Сергеевичу служба в Петербурге надоела, и его снова потянуло на Кавказ. Он и Юзефовича уговаривал туда отправиться, обещая по дороге заехать к нему, в его края, что и выполнил. Он выехал из Петербурга 1 августа, задержался почти на три недели в Москве, где 22 августа была выдана подорожная «до Харькова, отставному Капитану Льву Пушкину»²⁹. А штаб-ротмистр М. В. Юзефович служил в это время примерно в 20 верстах от Харькова, в Чугуевском уланском полку, стоявшем в Чугуеве. Юзефович в Харькове общался с местными литераторами, участвуя в их изданиях. В упомянутом в начале нашей статьи альманахе «Утренняя звезда», подготовленном и изданном И. М. Петровым, было напечатано стихотворение Юзефовича «Орель» (с подписью: Ю****).

29 августа 1834 г. Лев Сергеевич приехал в Харьков и ... задержался там до конца января 1835 г. Надежда Осиповна писала дочери 5 марта 1835 г.: «У меня никаких нет вестей от Леона, он, должно быть, в Тифлисе, из Харькова он выехал в начале февраля, где его задержали дела, потом плохие дороги, наконец, нездоровье»³⁰.

Не приходится сомневаться, что Юзефович свел Льва Сергеевича с харьковскими литераторами, которым интересно было познакомиться с братом Пушкина. Что же касается Льва Сергеевича, то, как говорили современники:

Наш Лев Сергеич очень рад,
Что своему он брату брат.

Знание произведений брата, особенно неопубликованных, всегда позволяло ему получить весьма лестное положение в обществе.

Поэтому мы смеем полагать, что именно от Льва Сергеевича И. М. Петров (а возможно, и другие харьковские литераторы) услышал если не всю поэму «Медный Всадник», то во всяком случае какие-то ее фрагменты.

²⁸ Хандрос Б. Н. Письма Л. С. Пушкина к М. В. Юзефовичу (1831 – 1843) // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 10. – Л., 1982. С. 340.

²⁹ ЦГА Москвы. Ф. 16, оп. 9, ед. хр. 980, л. 230; Хроника ... Т. 2. Кн. 2.. С. 437.

³⁰ Письма Сергея Львовича и Надежды Осиповны Пушкиных ... С. 267.

И. М. Петров (1803 – 1838) за свою относительно короткую жизнь сделал немало. Уроженец Сибири, он неоднократно менял местожительство (Иркутск, Томск, Красноярск, Харьков). Службная жизнь его началась еще в юном возрасте. С конца 1814 г. он – копиист в Иркутском губернском правлении, в 1818 – 1823 гг. служит в Томском губернском правлении (с 1818-го – коллежский регистратор, с 1823 – губернский секретарь). Затем он переселяется в Красноярск и служит в Енисейской казенной палате (1823 – 1832) помощником комиссионера по развозу соли (1824 – 1826), ассессором Казенной палаты (с 1826 – коллежский секретарь, с 1829 г. – титулярный советник).

Литературный дебют Петрова относится к 1824 г., когда были опубликованы в петербургском журнале «Новости литературы» шесть его стихотворений; в последующие годы он активно печатается в столичных журналах, посылая из Сибири в столицу свои стихи. Петров печатался также в журнале «Заволжский муравей». В 1827 г. он подготовил «Енисейский альманах на 1828 год», где его творчество было представлено весьма обширно – четырнадцатью стихотворениями и двумя прозаическими миниатюрами.

В 1832 г. Петрова предписанием министра финансов переводят в Харьков, куда он и переезжает с женой и двухлетним сыном и где сначала получает место ассессора казенной палаты, а с 1833 г. становится губернским казначеем.

В том же 1833 г. в Москве выходит сборник стихов Петрова (причем в двух изданиях, разделенных несколькими месяцами)³¹; в 1834 г. он издаёт упомянутый выше альманах «Утренняя звезда. Собрание статей в стихах и прозе»³².

В 1835 г. Петрова награждают знаком Отличия за 15 лет беспорочной службы, а в 1836 г. – орденами св. Станислава 4-й степени (21 августа; «въ воздаяніе усердной службы и отличных трудовъ Министромъ финансовъ засвидѣтельствованныхъ»³³) и св. Владимира 4-й степени (24 октября; «въ воздаяніе ревностной Службы и особенныхъ трудовъ оказанныхъ по бытности его въ Енисейской Казенной Палатѣ Ассессоромъ въ приведеніи въ порядокъ запущенныхъ съ давняго времени дѣлъ Красноярскихъ Градской и Земской полицій»³⁴). Незадолго до смерти – в конце 1837 г. – он получает назначение на должность директора училищ Бессарабской области в Одесском учебном округе³⁵, но 11 июня 1838 г. И. М. Петров умирает (причина неизвестна). После его смерти осталась вдова Александра с семилетним сыном Константином³⁶.

³¹ Стихотворения Ивана Петрова. – М., 1833. <В типографии С. Селивановского. Цензурное разрешение: 2 августа 1833, И. Снегирев>. Возможно, необычное для того времени повторное издание того же сборника связано с какими-то серьезными погрешностями первого издания. Во всяком случае, для второго издания отмечено: «Изданіе второе съ перваго 1833 г. съ исправленіями».

³² Утренняя звезда. Собрание статей в стихах и прозе. Книжка 1. – М., 1834 <В типографии С. Селивановского>; Книжка 2. – Харьков, 1833 <В Университетской Типографии>. Вероятно, на организацию печати первой книжки в Москве потребовалось больше времени, чем на печать второй книжки на месте, в Харькове.

³³ РГИА. Ф. 1349, оп. 4, 1837 г., № 449, л. 124 об.

³⁴ Там же, лл. 124 об. – 125 об.

³⁵ Данные приведены с использованием формулярного списка И. М. Петрова (см.: РГИА. Ф. 1349, оп. 4, 1837 г., № 449, лл. 121 – 131), а также работ: Богданова А. А. Сибирские поэты-романтики начала XIX века // Новосибирский педагогический институт. Ученые записки. Вып. 4. Серия историко-филологическая. Новосибирск, 1947. С. 105 – 145; Жуковская А. В. Петров Иван Матвеевич // Русские писатели. 1800 – 1917: Биографический словарь. Т. 4: М. – П. – М., 1999. С. 579 – 580.

³⁶ РГИА. Ф. 733, оп. 78, ед. хр. 305.

Мы видим, что Петров сочетал серьезную служебную деятельность чиновника с деятельностью литературной, причем и на том и на другом поприще был весьма активен.

Так, издав альманах «Утренняя звезда», впервые соединивший под одной обложкой русских и украинских авторов, он обращается к Министру народного просвещения С. С. Уварову³⁷:

Ваше Высокопревосходительство
Милостивый Государь!

Пользуясь досужными минутами от должностных занятий и расположением ко мнѣ Членовъ здѣшняго Университета, я составилъ собраніе статей въ стихахъ и прозѣ, подъ названіемъ: Утренняя Звѣзда.

Книга сія есть первый опытъ Украинскаго альманаха изъ произведеній здѣшнихъ писателей на Русскомъ и Малороссійскомъ нарѣчійхъ.

Поднося у сего оный въ двухъ экземплярахъ, приѣмлю смелость утруждать Ваше Высокопревосходительство, какъ покровителя и любителя Русской Словесности, мою всепокорнѣйшею просьбою: удостоить одинъ изъ сихъ экземпляровъ благосклоннымъ принятіемъ, – другой изъ нихъ, если по разсмотрѣніи окажется сего достойнымъ, не оставить оказать мнѣ величайшее въ жизни моей счастье – поднести на милостивое воззрѣніе Его Императорскому Величеству Всемилоостивѣйшему Государю Императору Николаю Павловичу, какъ приношеніе съ пламеннымъ чувствомъ усердія и верноподданнической любви благоговейно приносимое.

Ваше Высокопревосходительство! Удостойте снизойти на сію всепокорнѣйшую просьбу, и, осчастлививъ исполненіемъ оной, оказать мнѣ тѣмъ величайшее Ваше благодѣяніе.

Съ чувствомъ глубочайшаго высокопочитанія и душевной преданности имѣю честь быть

Милостивый Государь!
Вашего Высокопревосходительства
Покорнѣйшимъ слугою

Иванъ Матвеевъ Петровъ

Слободско-Украинскій Губернскій
Казначей, Титулярный Совѣтникъ. –
Жительство имѣю въ
Губернскомъ городѣ Харьковѣ.

30го Октября 1834 года
Харьковъ

С. С. Уваров не счел возможным представить альманах лично Николаю I, но 1 декабря 1834 г. обратился к Министру Двора князю П. М. Волконскому с отношением³⁸:

Милостивый Государь,
Князь Петръ Михайловичъ.

Имѣя честь препроводить при семь къ Вашей Свѣтлости, экземпляры сочиненій: Краткое изложѣніе главныхъ доводовъ и свидѣтельствъ,

³⁷ РГИА. Ф. 735, оп. 1, ед. хр. 487, л. 335.

³⁸ Там же, л. 336.

неоспоримо утверждающих истину и Божественное происхождение Откровения Христианскаго, Статскаго Совѣтника Бардовскаго, и Утрення Звѣзда, Титулярнаго Совѣтника Петрова, я покорнѣйше прошу Васъ, Милостивый Государь, о приказаніи внести оныя въ Эрмитажную Его Императорскаго Величества Библіотеку..

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть
Вашей Свѣтлости
покорнѣйшимъ слугою
Сергій Уваровъ

Из скудных сведений о жизни И. М. Петрова вырисовывается весьма привлекательная личность. Наивно-искренне и сердечно звучат слова из его письма Д. И. Хвостову (бывшему тогда сенатором), к которому молодой человек, помощник комиссионера по развозу соли, обратился в 1825 г. с просьбой о помощи в переезде в столицу:

Назадъ тому года два, случайно прочитавъ нѣкоторыя изъ образцовыхъ твореній русскихъ писателей, я живо почувствовалъ необходимость сего, такъ сказать, душевнаго наслажденія – и съ сей поры охота къ чтенію возбудила во мнѣ страсть къ поэзіи до того, что я, не могши преодолѣть внутренняго влеченія къ оной, посвятилъ ей все остающееся отъ занятій по службѣ досужное время. Въ сентябрьской и октябрьской книжкахъ “Новостей Литературы” на 1824 г. напечатаны первые мои опыты, какъ-то: Знакомый геній, Къ красавицѣ, Бардъ, Младенецъ и Бабочка, Къ фантазіи, Къ листочку... Но чтобъ имѣть совершенный успѣхъ и быть полезнымъ гражданиномъ общества, должно быть въ столицѣ – иначе сего достигнуть невозможно. Недостаточное-же мое состояніе и семейство, въ пяти человѣкахъ заключающееся, почти вовсе сего не позволяютъ. Три тысячи рублей – и я почту себя наисчастливейшимъ изъ смертныхъ!.. Если желаніе мое не безразсудно, не оставьте сей моей покорнѣйшей просьбы своею снисходительною милостію и не лишите поэта-сибиряка завидной чести имѣть въ особѣ вашей мецената-благотворителя. Благодарность моя будетъ неописанна, и мысль, что въ имперіи россійской всегда существуютъ Ш у в а л о в ы , до самого гроба будетъ наипрїятнѣйшимъ воспоминаніемъ³⁹.

И вот, попав впервые в северную столицу весной 1835 года, увидев её мощь и великолепие, взглядываясь в памятник её создателю под ярким мартовским солнцем, писатель и губернский казначей Иван Петров, будучи не в состоянии сдержать поэтического восторга, вспоминая и то, что услышал от Льва Сергеевича прошлой осенью, и то, что прочел недавно в томе «Библиотеки для чтения» – «Петербургъ. Отрывокъ изъ поэмы» Пушкина, пишет панегирическое стихотворение, наполненное образами и языковыми заимствованиями как из вступления к поэме Пушкина, так из самогó основного текста поэмы.

Пушкин болезненно переживал отрешение от печати своего творения и неизвестность его широкой публике. В августе 1836 г. он предпринимал

³⁹ Морозов П. О. Граф Дмитрий Иванович Хвостов // Русская старина. 1892. № 6. С. 580.

отчаянные, но безуспешные, попытки приспособить текст поэмы к требованиям царской цензуры. Мы далеки от резко негативной оценки стихотворения Петрова с точки зрения литературной этики – тем более от обвинения его в плагиате; однако не можем не выразить горечи от сознания того, что его стихотворение предстало перед читающей публикой за два года до первого – посмертного – появления в печати великой поэмы. Какую же горечь, вероятно, испытал её автор в марте 1835 года, увидев в 27-м номере «Литературных прибавлений» над чужим произведением название своей ненапечатанной поэмы и прочитав само стихотворение, источник которого Пушкину был ясен как никому другому!

Не только Пушкин, но и читающая публика в стихотворении Петрова могла узнать многое из вступления к поэме Пушкина, опубликованного тремя с половиной месяцами ранее – причём в немногочисленном кругу читателей, знакомых со всей неопубликованной поэмой, могло быть узнано не только вступление, но и основной текст поэмы, на которую наводили мысль и общее название, и изображение памятника Петру I (чего нет во вступлении), и отдельные общие места. Отклики на стихотворение Петрова нам не известны. Между тем харьковский губернский казначей рисковал многим: ведь в печати мог последовать протест автора «Петербурга. Отрывка из поэмы», а также недоумённые замечания в критической литературной периодике. В самом деле, несколькими годами ранее – после появления в 1831 г. под именем Петрова в той же газете «Литературные прибавления...» (№ 53) отрывка из поэмы А. А. Бестужева (Марлинского) «Андрей, князь Переяславский» и последовавшего в следующем году в «Московском телеграфе» протеста её автора (1832, № 6) – Петрову пришлось оправдываться в том же журнале, возлагая вину – в своем «Ответе Г-ну Сочинителю повести “Андрей, князь Переяславский”» (1832, № 10) – на издателя «Литературных прибавлений» А. Ф. Воейкова и уверяя Бестужева в своей принадлежности к числу «усерднѣйших почитателей вашихъ литературныхъ произведений, какъ прежнихъ, такъ и нынешнихъ»⁴⁰. При известной склонности Воейкова ко всякого рода литературным скандалам и мистификациям вполне можно предположить её проявление и в том и в другом случае – с Бестужевым в 1831 году и с Пушкиным в 1835-м.

В своем творчестве Петров не был самостоятелен. В его стихах явственно ощущаются отголоски поэзии Жуковского, Батюшкова, А. Бестужева, раннего Пушкина. В стихотворении «Гроб Анакреона» (см. ниже в Приложении) он заимствует и название, и размер, и образы, и язык раннего стихотворения 16-летнего Пушкина, опубликованного впервые в 1818 г., а в другой редакции – в сборниках 1826 и 1829 гг.

И в стихотворении «МЪДНЫЙ ВСАДНИК» можно осторожно предположить наличие переключек также с другими стихами Пушкина. Словосочетание «безсмертья лучь» в 16-й строке «Надь тобой – безсмертья

⁴⁰ Московский телеграф. 1832. Ч. 45. № 10. Прибавление «Камер-обскура». № 10. С. 217.

лучь!», возможно, восходит у Петрова к стихотворению Пушкина «Наполеон», опубликованному (с купюрами) в его сборниках в 1826 и 1829 гг. – с таким окончанием второй строфы: «Великолѣпная могила... / Надъ урной, гдѣ твой прахъ лежитъ, / Народовъ ненависть почила, / И лучъ безсмертія горитъ». В обоих случаях луч бессмертия горит над памятником – могильным у Пушкина и конным у Петрова. Здесь, правда, не следует настаивать с уверенностью на пушкинской реминисценции у Петрова: ведь такое словосочетание встречается также у М. В. Милонова в стихотворении 1818 г. «К В. А. Жуковскому на получение экземпляра его стихотворений» – «Венец его в лучах бессмертия сияет»; у И. И. Козлова в стихотворении 1824 г. «Байрон» (кстати, с посвящением Пушкину) – «И дивные песни венчали / Лучами бессмертья младое чело»; у А. А. Шишкова в стихотворении 1831 г. «Из Гетева “Фауста”» – «<...> луч бессмертья для певца горит». Отметим также такое словосочетание в не опубликованной при жизни Пушкина элегии 1816 года «Я видел смерть; она в молчаньи села...» – «Последний взор моих очей / Луча бессмертия не встретит».

Есть ещё одно подозрительное место – стрóки «Маньемъ чьимъ изъ влажныхъ недръ / Градъ явился многолюдный?», напоминающие жест Карла Великого из «Полтавы», впервые опубликованной за шесть лет до стихотворения Петрова в марте 1829 г.: «Вдругъ слабымъ маниемъ руки / На Рускихъ двинуль онъ полки». Правда, с бóльшей вероятностью эти строки Петрова можно соотнести с начальными строками уже упоминавшегося стихотворения князя П. А. Вяземского «Петербург (отрывок)», впервые опубликованного в альманахе «Полярная звезда» на 1824 г.: «Я вижу град *Петров* чудесный, величавый, / По манию Петра воздвигшийся из блат»⁴¹.

Отметим переключки «Медного Всадника» из «Литературных прибавлений» с другими стихами самого Петрова. Три его стихотворения написаны той же строфой из двух катренов 4-стопного хорея с перекрёстной рифмовкой (*AbAbCdCd*), а именно – замечательная «Татарская песня»⁴² и два стихотворения из его сборника 1833 г.⁴³: «Гробъ Анакреона» [с. 35–37] и «На скалахъ Енисея» [с. 44–45]. 8-строчное стихотворение «Улыбка милой» из того же сборника [с. 30] целиком составляет указанную строфу. Петров вообще часто прибегает к 4-стопному хорею – это его излюбленный размер; в упомянутом сборнике, помимо уже указанных стихотворений, таковы «Къ красавицѣ» [с. 7], «Пѣснь радости» (перевод из Шиллера) [с. 20–25], «Гостя Юга» [с. 27–29], «Фея» [с. 33–34], «Нищета и богатство» [с. 42–43], «Юность» [с. 46]. Тем самым из двадцати стихотворений, составляющих сборник, девять написаны 4-стопным хореем, а два – строфой петровского «Медного Всадника», при этом оба графически оформлены так же, как последний – с

⁴¹ Вяземский П. А. Сочинения... С. 85.

⁴² Сын Отечества и Северный Архив. 1830. № XXXVII. С. 246 – 247.

⁴³ Стихотворения И. Петрова. Издание второе с первого 1833 года с исправлениями. – Москва / въ Типографіи С. Селивановскаго / 1833 <Цензурное разрешение: 2 августа 1833 г., И. Снегирев>.

отступами от левого края в нечетных строках. То же графическое оформление мы видим в 12-строчном стихотворении «Трудное изображение», тоже опубликованном в «Литературных прибавлениях» – 1832, № 61, 30 июля, с. 288 – тремя годами ранее его «Медного Всадника». Что касается лексико-синтаксических и образных переключек между стихотворением Петрова из «Литературных прибавлений» 1835 г. и другими его стихами, отметим в упомянутом стихотворении «На скалах Енисея» словосочетание «дивныхъ скаль громады», череду вопросов «Чьи здѣсь были пепелища? / Чьихъ кургановъ рядъ стоять? / Чьи безмолвные кладбища / Дикій беркутъ сторожить?....», строку «Ты всё тотъ же, какъ гранить!»⁴⁴.

В заключение нам хотелось бы высказать одно предположение: представляется, что стихотворение Петрова отразилось в одном из произведений Пушкина, написанном в том же 1835 г. Известна необычайная литературная восприимчивость Пушкина, о которой уже немало было написано.

В апреле 1836 г., спустя год с небольшим после публикации Петровского «Медного Всадника», столичная публика увидела еще одно прославляющее императора Петра стихотворение – «ПИРЪ ПЕТРА ПЕРВАГО», которым Пушкин открыл первый том «Современника». Стихотворение, датируемое последними месяцами 1835 г., напечатанное без подписи, содержало шесть 4-стопно-хореических стрóf с перекрестной рифмовкой, т. е. его размер и строфика в точности совпадают со стихотворением Петрова. С этим последним «Пир» роднит ещё и общий мажорный, можно сказать – ликующий, тон, близкий к настроению второй части вступления к поэме Пушкина. Вот первая строфа «Пира»:

Надъ Невою рѣзво вьются
Флаги пестрые судов;
Звучно съ лодокъ раздаются
Пѣсни дружныя гребцовъ;
Въ Царскомъ домѣ пиръ веселой;
Рѣчь гостей хмѣльна, шумна;
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

К строфе, общей для двух рассматриваемых стихотворений, Пушкин обращался и ранее: «Раззевавшись от обедни...» (1821), «Зимний вечер» («Буря

⁴⁴ В Приложении мы приводим подборку стихотворений И. М. Петрова, практически незнакомаго современному читателю. Ему не нашлось места даже среди 46 поэтов, произведения которых включены в двухтомник: Поэты 1820 – 1830-х годов: т. 1 / вступ. ст. и общ. ред. – Л. Я. Гинзбург; биогр. справки, подгот. текста и прим. – В. Э. Вацуру; т. 2 / биогр. справки, сост., подгот. текста и прим. – В. С. Киселева-Сергенина; общ. ред. – Л. Я. Гинзбург. – Л.: Сов. писатель, 1972. (Библиотека поэта).

мглою небо кроет...» – 1825), «Талисман» («Там, где море вечно плещет...» – 1827), «Предчувствие» («Снова тучи надо мною...» – 1828), «Утопленник» («Прибежали в избу дети...» – 1828), «Бесь» («Мчатся тучи, выются тучи...» – 1830), Песня Мери из «Пира во время чумы» («Было время, процветала...» – 1830). Однако, как видно из этого перечня, последнее такое обращение отдалено от 1835 года весьма значительным временным расстоянием – пятью годами.

Есть и другие, пусть и немногочисленные, параллели между двумя стихотворениями – кроме их обращенности к Российскому императору, общего мажорного тона и формального строения. Отметим в «Пире» распространяющуюся на три строфы – со 2-й по 4-ю – цепь вопросов о причине пира, на которые дается ответ в 5-й строфе («Что пируетъ Царь великій / Въ Питербургъ-городкѣ? <...> Озарень ли честью новой / Русской штыкъ, иль Русской флагъ? <...> Родила ль Екатерина? / Имениница ль Она, / Чудотворца – Исполина / Чернобровая жена? / Нѣтъ! Онъ съ подданнымъ мирится; <...>») – у Петрова же вопрос и ответ занимают всего половину последней строфы: «Кто же Онъ, сей всадникъ чудный, / Маньемъ чьимъ изъ влажныхъ нѣдръ / Градъ явился многолюдный? / Это Петръ, нашъ Русскій Петръ!». Соположение однокоренных слов во второй строке из предпоследней строфы «Пира» – «Виноватому вину» – несколько напоминает соположение словоформ одной лексемы у Петрова в строке той же последней строфы: «Мудрый мудрому укажетъ». Наконец, строки «Пира» из предпоследней строфы «И въ чело его цалуетъ, / Свѣтель сердцемъ и лицомъ» выглядят родственными второй строке стихотворения Петрова, направленной на «божественный ликъ» Всадника: «Весель, радость надъ челомъ»⁴⁵. Можно обратить внимание также на пару близких рифм: *великій* ~ *клики* у Пушкина и *великій* ~ *владыки* у Петрова (а также *ликъ* ~ *великъ* в последнем катрене).

Не обнаруживается ли здесь неявная взаимная переключка двух поэтов-современников – провинциального романтика Ивана Петрова и «первенствующего поэта русского» Александра Пушкина? Хочется думать, что Пушкин не испытал неприязни к собрату по поэзии, столь явно вторгшемуся в его стихи, как опубликованные, так и нет, и столь откровенно взявшему от них образы и язык. Вспомним слова Пушкина из стихотворения, написанного за десять с лишним лет до стихотворения Петрова, опубликованного пятью годами ранее в «Литературной газете»⁴⁶ под заголовком «ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОСЛАНИЯ КЪ ЯЗЫКОВУ» и, может быть, Петрову известного:

Издревле сладостный союзъ
Поэтовъ межъ собой связуетъ:
Они жрецы единыхъ Музъ;

⁴⁵ Не будем сейчас говорить о справедливости такой характеристики: лицо императора на монументе Фальконе представляется нам торжественным и сосредоточенным, но отнюдь не веселым; однако при ярком свете солнца оно могло показаться Петрову таковым.

⁴⁶ Литературная газета. 1830. 17 марта. № 16. С. 125–126.

Единый пламень ихъ волнуеть;
Другъ другу чужды по судьбѣ,
Они родня по вдохновенью.⁴⁷

Приложение. Избранные стихотворения И. М. Петрова (1803–1838)

Арабские цифры в квадратных скобках перед стихотворениями указывают страницы книги, на которых стихотворения находятся; выражение ||р после строки означает, что после этой строки следующая начинается следующую страницу с номером р.

Из кн.: «Енисейскій Альманахъ на 1828 годъ». Красноярскъ, 1828

[34–35] КАРТИНА ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ЗАВОЕВАНІЯ СИБИРИ.

Ужъ потемнѣло; лучъ зари
Померкъ за дальнею горою;
Въ утесахъ скрылись дикари,
Умолкъ призывный голось к бою.
Глядитъ задумчиво луна
На дикій берегъ Енисея.
Увы, пустынная страна!
Пробилъ твой часъ: во мглѣ чернѣя,
Какъ привидѣнья, вдоль рѣки
Отабарились козаки.
Растлавъ ковры на полѣ чистомъ
Вокругъ пылающихъ огней,
Одни тревожатъ дикарей
Пронзительнымъ, ужаснымъ свистомъ;
Другіе, шумною толпой
Стѣснясь въ кружокъ, въ восторгѣ дикомъ,
Добычу дѣлятъ межъ собой,
И даль гремитъ побѣднымъ кликомъ; ||35
Межъ тѣмъ зеленое вино
Струей шипучей въ чаши льется,
Готовя въ пищу толокно
И пѣснь удалыхъ раздается.
Они поютъ про Ермака –
Его Сибирскіе походы –
Предмѣтъ любимый Козака.

Въ странѣ, гдѣ вьюги на полгода
Мертвять весенній злакъ полей,
Гдѣ вновь воскресшая природа
Сильнѣе властвуетъ душой, –
Однообразенъ, какъ могилы
Торжественная тишина,

⁴⁷ Авторы искренне признательны Н. Н. Перцовой за ценные замечания к первоначальной версии настоящей статьи, которые мы постарались учесть в меру наших возможностей.

И также мраченъ, какъ она,
Напѣвъ угрюмый и унылый.
Но онъ питателенъ сердцамаъ<,>
Къ суровой жизни приученнымъ –
Какъ снѣгъ растительнымъ полямъ,
Весеннимъ солнцемъ озареннымъ...

[39] НОЧЬ НА ЕНИСЕѢ.

О какъ плѣнительно весеннею порой
(Когда денницы лучъ погаснетъ за горой
И мѣсяцъ отъ холмовъ возстанетъ пламенѣя)
Мечтать на берегахъ картинныхъ Енисея!

Все тихо!... Вѣтерокъ, взвѣвающій власы,
И милыя видовъ таинственныхъ красы,
И въ перекатахъ громъ надъ дальными холмами, –
Наводятъ сладкій сонъ, какъ Бардъ, звѣня струнами...

Пустыненъ Красноярскъ въ безмолвіи nocturno,
Надъ блестящей рѣкой, объятый тихимъ сномъ:
Все, все – и видъ полей<,> и видъ окрестныхъ горъ
Объемлютъ грустію Поэта пылкой взоръ.

Но здѣсь поклонникъ Музъ сториочно награжден:
Въ страны Фантазіи сториочно увлеченъ,
Онъ внемлетъ пѣсни дѣвъ, онъ видитъ блескъ зарницы –
И звуки тихіе летятъ съ его цѣвницы.

Часы бѣгутъ. Потомъ... Какъ-бы небесъ привѣтъ,
Алѣетъ по брегамъ зари молодой разсвѣтъ,
Въ туманѣ утреннемъ уже дымятся селы
И ранняго пловца несетъ кликъ веселый.

Из кн.: «Сынъ Отечества и Сѣверный Архивъ». 1830, № XXXVII, с. 246–247

Татарская пѣсня.*
Посвящено С. С. Расказову

I.

Тонетъ даль въ сѣдомъ туманѣ,
Дремлетъ въ сумракѣ рѣка,
Чу! Раздался на курганѣ
Тихій голось башлыка (1).
Онъ поетъ, объятый жаромъ,
Передъ нимъ стоитъ Ульчи,
Подъ прозрачнымъ покрываломъ

* Примечания в стихотворении, обозначенные цифрами в круглых скобках, принадлежат автору.

Изъ пурпуровой чунчи (2).

II.

Хороша Ульчи младая
Безъ нарядовъ дорогихъ,
Какъ Хунзугы (3) полевая
На долинахъ Казань-Дыхъ(4).
Справедливъ отецъ твой строгой,
Дорога твоя весна;
Въ юртѣ дымной и убогой
Ты томиться не должна.

III.

У Сампира много злата
И огромныя стада,
Съ нимъ счастлива и богата
Будешь ты на всѣ года.
А меня забудь въ молитвѣ;
Пусть одинъ ночной порой
Я погибну на ловитвѣ,
Устремясь за кабаргой.

IV.

За любовь, привѣты, ласки
Наградить тебя Шайтанъ;
Поцѣлуй меня по-братски,
И возьми мой джитаганъ.
Тонетъ даль въ съдомъ туманъ,
Дремлетъ въ сумракѣ рѣка,
Все безмолвно на курганъ,
Не слышать и вѣтерка.

И. Петровъ.

Красноярскъ
на Енисеѣ.
1830. Июль.

(1) Башлыкъ – Улусный староста.

(2) Чунча – Китайская матерія, шелковая, прозрачная.

(3) Хунзугы – цвѣтокъ, извѣстный под названіемъ *trollius Asiaticus*.

(4) Долины Казань-Дыхъ извѣстны по своимъ богатымъ пажитямъ.

Из газеты: Литературныя прибавленія къ Русскому Инвалиду, 1832, 30 июля, № 61, с. 488.

ТРУДНОЕ ИЗОБРАЖЕНІЕ
(Подражаніе Арабскому.)

Всякой разъ, какъ принимался
Я тебя изображать,
Мысли лучъ моея терялся,

Я не зналъ, съ чего начать.
Съ чѣмъ сравнить тебя – съ денницей?
Съ полнолюкою луной,
Ночи мирною царицей?
Иль съ блистательной звѣздой?
Снѣгъ и огонь – твои ланиты!
Вижу зиму и весну!
Честь Тому, Чьей силой слиты
Здѣсь двѣ крайности въ одну!

И. Петровъ

Ачинскъ.

Из книги: Стихотворенія И. Петрова. Изданіе второе съ перваго 1833 года съ исправленіями. Москва / въ Типографіи С. Селивановскаго / 1833 <Цензурное разрешение: 2 августа 1833 г., И. Снегиревъ>

Римскіе цифры перед стихотвореніями обозначают их порядковые номера в книге, поставленные автором.

[7] II.

КЪ КРАСАВИЦѢ.

Очи ясно-голубыя,
Брови черныя, густыя,
Алыхъ устъ нѣмой привѣтъ, –
Все меня къ тебѣ влечетъ.
Будь<,> красавица<,> смѣлѣе,
Будь въ любви еще нѣжнѣе –
И, на вѣки плѣнникъ твой,
Я забуду жребій свой!

[30] XII.

УЛЫБКА МИЛОЙ.

Какъ краса небесъ денница,
Какъ любовь очей луна, –
Чувствъ, души моей царица,
Улыбнулась мнѣ она,
Улыбнулась – и слетѣли
Снова милыя мечты,
И надежды засвѣтлѣли
Предъ улыбкой красоты.

[33–34] XIV.

Ф Е Я .

Часто въ радугѣ огнистой,
Красотой облечена,
На зарѣ съ росою чистой
Надъ землею летить она;
И, эфирна, полузрима,
Жаждою добрыхъ дѣлъ томима,
Встрѣчу утреннимъ лучамъ
Улыбается цвѣтамъ.

Тутъ мелькаетъ надъ потокомъ
Въ ясномъ лонѣ свѣтлыхъ струй;
Тамъ, въ молчаніи глубокомъ,
Внемлетъ брачный поцѣлуй; ||34
Здѣсь, въ цвѣтахъ, съ младенцемъ спящимъ,
Мотылькомъ надъ нимъ блестящимъ
Прикорнувъ, какъ добрый духъ,
Райской арфой вѣетъ въ слухъ.

Тамъ спѣшить къ одру стенанья
Въ благовонномъ дымѣ розъ,
Чтобы жертвою состраданья
Осушить источникъ слезъ,
Чтобы въ часъ земной разлуки
Въ утоленье смертной муки
Пролиять отрады гласъ,
Усладить кончины часъ.

А когда вечернимъ звономъ
Огласится доль и лѣсъ,
И за дальнимъ небосклономъ
Солнце скатится съ небесъ:
Фея пчелкой свѣтозарной
Надъ землею благодарной
Въ яркомъ пурпурѣ лучей
Исчезаетъ изъ очей.

[35–37] XV.

Г Р О Б Ъ А Н А К Р Е О Н А .

Въ дни сѣдинъ, когда игрою
Ужъ не страшень Купидонъ,
Счастьемъ рѣзвое порою
Призывалъ Анакреонъ.
Губить Кронъ косою и страхомъ
Все живое на земли:
Мертвъ мудрецъ – но и надъ прахомъ

Розы снова зацвѣли!

И на мраморѣ гробницы,
Гдѣ почилъ любви пѣвецъ,
Кубки, мирты и цѣвницы
Оживиль опять рѣзецъ! ||36
Все окрестъ уныло, дико,
Шепчетъ вѣтеръ съ муравой
И съ печальной повиликой,
Весель холмъ лишь гробовой!

Странникъ, жизнью убѣленный,
Довершая долгій путь,
Видитъ холмъ уединенный
И приходитъ отдохнуть.
Всюду онъ Анакреона
Здѣсь въ картинѣ вѣрной зреть,
То предъ ликомъ Аполлона,
То поклонникомъ Харить<->

Здѣсь потокъ предъ нимъ струится,
Скачетъ Грацій хороводъ:
Старецъ въ с<в>ѣтлый токъ глядится,
И любовь къ себѣ зовѣтъ.
Здѣсь схвативъ цѣвницу въ длани
И насупя гордо бровь,
Пѣть намѣрень бога брани:
Заиграль – поеть любовь!

Здѣсь готовъ ужъ распроститься
Съ жизнью дряхлой и сѣдой: ||37
Просить разъ еще упиться,
Пляшетъ съ юностью живой!
И въ восторгѣ, въ упоеньѣ,
У Кронида, подъ шумокъ,
Крадетъ онъ еще мгновенья
И безцѣнный вечерокъ...

Тамъ, безъ горькихъ слезъ и стона,
Въ край тѣней укрылся онъ.
Смертный! вѣкъ Анакреона
Былъ веселый, сладкій сонъ!
Все, что мило, то мгновенно!
Счастья день своимъ зови!
Что прошло, то отдаленно!
Настоящее лови!

[42–43] XVIII.

НИЩЕТА и БОГАТСТВО.

Апологъ.

Всѣ други, всѣ пріятели – до чернаго лишь дня<.>

Мерзлякова

Нищета пришла къ Богатству
И стучится въ ворота,
Какъ другъ старый по пріятству.
Слышитъ: «кто тамъ?» – Сирота! –

Прочь, негодная, отъ дому;
Не заглядывай во дворъ:
Знай – лишь бродить по пустому! –
И ворота на запоръ. ||43

Но чередъ проходить строгой;
Жребій выпаль сиротѣ;
Вотъ бредеть путем-дорогой
И Богатство къ Нищетѣ.

Что жъ? Тѣсна, б<ѣ>дненька хата;
Но сиротка приняла,
И Богатство, будто брата,
Зла не помня, обняла!

[44–45] XIX.

НА СКАЛАХЪ ЕНИСЕЯ.
(1831 года.)

Тамъ, гдѣ дивныхъ скалъ громады,
Прелестъ грозная очей,
Руша каменны преграды,
Льется, блещетъ Енисей...
Позтической думой
Я привѣтствую твои,
Исполниъ страны угрюмой,
Горделивыя струи!

На скалахъ твоихъ высоко
Съ незапамятныхъ временъ
Видѣнъ врезанный глубоко
Рядъ таинственныхъ письменъ... ||45
Длань вѣковъ ихъ начертала
Въ эту мрачную скрижаль,
Въ память тѣхъ, кого умчала
Неразгаданная даль.

Чьи здѣсь были пепелища?

Чьихъ кургановъ рядъ стоять?
Чьи безмолвные кладбища
Дикій беркутъ сторожить?...
Бури, вѣки и народы
Измѣнили здѣсь свой видъ;
Но, не чуя непогоды,
Ты всё тотъ же, какъ гранить!

Лейся-жь, лейся величаво!
Обтекай, какъ и всегда,
Подъ прославленной Державой
Руси, селы, города!
Поэтическою думой
Я привѣтствую твои,
Исполниъ страны угрюмой,
Горделивыя струи!

[46] XX.

Ю Н О С Т Ь

Юность Ангеломъ прекраснымъ
Посѣщаетъ дольний міръ,
Улыбнется, взоромъ яснымъ
Подарить – и вновь въ эфиръ!

Тамъ заоблачной зарницы
Мимолетные лучи,
Или блескъ молодой денницы
Проявляются въ ночи!

Такъ сквозь мракъ в<ъ> дали туманной
Вѣютъ путнику мечты,
И въ странѣ обетованной
Зреть онъ образъ красоты.

«Не увидимся ли в Академии наук, где заседает кн. Д-?»¹

Вынесенный в заголовок заметки вопрос Пушкина адресован князю Владимиру Федоровичу Одоевскому. Речь идет о возможной встрече на публичном заседании Императорской Академии наук 1836 года (XV, 206), на которое Пушкин получил пригласительный билет.

Получал он такие билеты и раньше. Правда, про 1833 год ничего не известно. Но в 1834 году в Комитете правления Академии наук был составлен такой реестр (приведу только фамилии лиц, с которыми Пушкин мог общаться):

Реестр особам, приглашенным билетами к публичному Собранию Им.<ператорской> Академии Наук 29 Декабря 1834 г.

1° По Государственному Совету.

<...>

2° По придворному Штату

<...>

Гр.<афу> М. Ю. Виельгорскому ¹2

<...>

Кн.<язю> М. А. Дондукову-Корсакову 2

<...>

Е<го> Пр<евосходительст>^{ву} Бар.<ону> М. А. Корфу 2

Гр.<афу> В. Н. Панину 1

Кн.<язю> П. А. Вяземскому ³

<...>

3° Придворное Духовенство.

<...>

4° Медицинские Чины по Придворному <ведомству>.

<...>

5° Учители при Государе Цесаревиче

<...>

Е.<го> Высокор.<одию> П. А. Плетневу ⁴

<...>

¹ Данные из этого сообщения использованы при подготовке третьего тома «Хроники...» (кн. 1 и 2).

² Здесь и далее цифры, указанные курсивом, приписаны простым карандашом (вероятно, количество билетов).

³ Князь П. А. Вяземский вычеркнут, так как в это время находился за границей.

⁴ Галка проставлена, очевидно, у тех, кому билеты были вручены (лично?).

6° По Собственной Е. И. В. Канцелярии.

<...>

Е.<го>Пр<евосходительст>^{вх} А. Н. Мордвинову 2

<...>

7° По Сенату.

<...>

Е.<го>Пр<евосходительст>^{вх} П. П. Свиныну 1

<...>

8° По Синоду.

<...>

9° По Главному Штабу.

<...>

10° По Морскому Штабу.

<...>

11° По Академии Художеств

Гр.<афу> Ф. П. Толстому 1

Е.<го>Пр<евосходительст>^{вх} И. П. Мартосу

Е.<го>. Высокобл.<агородию> В.И. Григоровичу

<...>

12. Директорам Воен.<ных> Деп<артамен>товъ

13. По Военному Министерству.

<...>

14. По Военной Академии.

<...>

15. По Медико-Хирургической Академии

<...>

16. По Главному Правлению Училищ и Цензуры

Разным Особам:

<...>

Е.<го> Пр<евосходительст>^{вх} Н. М. Лонгинову V

<...>

Е.<го> Пр<евосходительст>^{вх} Ф. Ф. Вигелю 1 V

<...>

Кн.<язю> П. А. Ширинскому-Шихматову. 2

Е.<го> Пр<евосходительст>^{вх} Я. А. Дружинину. 1 V

Е.<го> Выс.<око> род.<ию> И. А. Крылову. V

Е.<го> Выс.<око> бл.<агородию> А. С. Пушкину. 2 V

<...>

Е.<го> Пр<евосходительст>^{вх} Д. М. Княжевичу. 1 V⁵

Судя по этому реестру, Пушкин получил даже два билета. Кого он хотел взять с собой? Наталью Николаевну? Вроде бы сомнительно, но на заседании, должна была присутствовать, например, графиня Фикельмон вместе с мужем⁶, так что Наталье Николаевне было бы с кем пообщаться. Но, судя по всему, Фикельмоны на заседании не были. Граф в эти дни только-только оправился от болезни.

Отметим, что приглашение Пушкина на это заседание не отмечено ни в «Летописи...», ни в «Хронике...».

⁵ СПбФ АРАН. Ф. 1, оп. 2а, д. 113, лл. 7, 7 об, 10, 10 об.

⁶ Там же. Л. 6. «Список особам дипломатического корпуса».

О присутствии Пушкина на публичных заседаниях Императорской Академии наук в 1835 и 1836 годах известно, в частности, из воспоминаний А. А. Краевского, записанных М. И. Семевским и П. И. Бартеневым, но обе эти записи требуют некоторых исправлений.

Уместно привести сначала эти записи в том виде, как они были напечатаны.

Вот запись, опубликованная М. И. Семевским в 1880 году:

В одно из своих посещений г. Краевский застал Пушкина, именно 28-го декабря 1836 г, только что получившим пригласительный билет на годичный акт Академии Наук.

– Зачем они меня зовут туда? Что я там буду делать? – говорил Пушкин. Ну, да поедemте вместе, завтра.

– У меня нет билета.

– Что за билет! Поедemте. Приезжайте ко мне завтра и отправимся.

29-го декабря г. Краевский пришел. Подали двуместную, четвернею на вынос, с форейтором, запряженную карету и А. С. Пушкин с А. А. Краевским отправились в Академию Наук.

Перед этим только что вышел четвертый том «Современника», с «Капитанскою дочкою». В передней комнате Академии, пред залом, Пушкина встретил Греч – с поклоном чуть не в ноги:

– «Батюшка, Александр Сергеевич, исполать вам! Что за прелесть вы подарили нам! говорил с обычными ужимками Греч. Ваша «Капитанская дочь» чудо как хороша! Только зачем это вы, батюшка, дворовую девку свели в этой повести с гувернером... Ведь книгу-то наши дочери будут читать!...

– «Давайте, давайте им читать!» – говорил в ответ, улыбаясь, Пушкин.

Вошли. За столом на председательском месте, вместо заболевшаго Уварова, сидел князь М. А. Дундуков - Корсаков, лучезарный, в ленте, звездах, румяный и весело, приветливо поглядывал на своих соседей академиков и на публику. Непременный секретарь академии Фукс < sic! > читал отчет...

– «Ведь вот сидит довольный и веселый, – шепнул Пушкин г. Краевскому, мотнув головою по направлению к Дундукову, – а ведь, сидит-то на моей эпитафии! ничего, не больно, не вертится!»

Эпитафия Пушкина:

В академии наук

Заседает князь Дундук.... и проч.

давно была известна, но Пушкин уверял, что она принадлежит Соболевскому. На этот раз – он проговорился г. Краевскому потому, что не задолго пред тем сам же нечаянно показал ему автограф свой с этою именно эпитафиею.⁷

П. И. Бартенев опубликовал свою запись в 1892 году:

Краевский часто видался с Пушкиным в последние годы его жизни. Однажды, собираясь в Москву, где у него жила мать (по фамилии фон-дер Пален, державшая довольно известный пансион для девиц), Краевский зашел к Пушкину проститься и напомнил ему его обещание дать стихотворение «Московскому Наблюдателю». Пушкин достал свою тетрадь, вырвал из нее листок и подал его Краевскому. Это были стихи «Последняя туча рассеянной бури». Прочитав его и складывая, чтобы положить в карман, Краевский видит

⁷ Русская старина. 1880. Т. 29. Сентябрь. С. 220.

на обороте листка еще небольшие стихи; но только что он прочел первый стих: «В Академии наук...» ... Пушкин мгновенно вырвал у него листок, переписал посылаемые «Московскому Наблюдателю» стихи на отдельной бумаге, отдал Краевскому, а первый листок спрятал. Краевский помнил, что в последнем стихе было: «Оттого, что есть чем сесть.»

Через несколько месяцев Краевский приносит Пушкину корректуру «Современника.» – «Некогда, некогда, говорит Пушкин, надобно ехать в публичное заседание Академии. Хотите? Поедем вместе: посмóтрите, как президент и вице-президент будут торчать на моей эпиграмме.»⁸

Несколько фактов, которые помогут интерпретировать приведенные записи.

В 1835 году публичное заседание состоялось в ставшую уже традиционной к тому времени дату – 29 декабря, причем из-за болезни президента Академии С. С. Уварова председательствовал на этом заседании вице-президент князь М. А. Дондуков-Корсаков.

В 1836 году проведение публичного заседания первоначально планировалось также на 29 декабря, но затем почему-то было передвинуто на 30 декабря. Об этом было объявлено 24 декабря в «Санктпетербургских ведомостях»:

ИМПЕРАТОРСКАЯ Академия Наук будет праздновать день своего учреждения, не во Вторник 29 Декабря, как обыкновенно бывает, но в Среду, 30 числа, в 12 часов, публичным заседанием, к которому она приглашает всех находящихся в столице любителей наук.⁹

Пригласительные билеты на заседание, как и в 1834 году, рассылались определенному кругу лиц по списку, составлявшемуся Правлением Академии, но присутствовать на заседании, как видно и из газетного объявления, могли все желающие.

Если полностью доверять этим записям, в обеих речь идет о заседании 1836 года, так как и в той, и в другой упоминается журнал «Современник», который Пушкин издавал именно в 1836 году. Но согласно записи Семевского, Краевский посетил Пушкина накануне заседания, а согласно записи Бартенева – непосредственно в день заседания, то есть речь, похоже, идет о двух различных посещениях и двух различных заседаниях, но в какой записи – о каком? Возможно, одно из них относится к 1835 году, а другое – к 1836 году. О 1834 годе речи быть не может, так как тогда эпиграмма «В Академии наук...» еще не была написана.

Так как в записи Семевского Краевский сомневается в возможности присутствия на публичном заседании без билета, то можно полагать, что он на таком заседании еще ни разу не был и что это будет для него первым заседанием. Поэтому логично описанное Семевским посещение Краевским Пушкина отнести к 28 декабря 1835 году, а описанное Бартеневым – к 30 декабря 1836 года. Казалось бы, в пользу этого явно говорит и то, что, согласно записи Бартенева, Краевский принес корректуру «Современника», а в

⁸ Русский архив. 1892. Кн. II. С. 490.

⁹ Санктпетербургские ведомости. 1836. 24 дек. № 294.

1835 году «Современник» еще не выходил, но и 30 декабря 1836 года Краевский не мог принести корректуру «Современника». Последний, четвертый, том журнала за 1836 год, в котором была напечатана «Капитанская дочка», уже вышел в свет за неделю до этого дня, а первый номер «Современника» на 1837 год Пушкин только еще обдумывал, ни о какой корректуре еще не было речи. Пушкин даже еще не имел разрешения на издание «Современника» в 1837 году. Однако Краевский мог принести корректуру первого номера обновленных «Литературных прибавлений к Русскому инвалиду», редактором которых он стал с 1837 года, и в первом номере которых будет напечатано стихотворение Пушкина «Аквилон». На печать этого первого номера цензурное разрешение будет дано П. А. Корсаковым 1 января 1837 года.

Итак, для восстановления посещения Пушкиным публичного заседания Академии наук в 1835 году воспользуемся записью Семевского и повторим соответствующие фрагменты его записи.

В одно из своих посещений г. Краевский застал Пушкина, именно 28-го декабря 1836 <1835 (!)> г, только что получившим пригласительный билет на годичный акт Академии Наук.

– Зачем они меня зовут туда? Что я там буду делать? – говорил Пушкин. Ну, да поедemте вместе, завтра.

– У меня нет билета.

– Что за билет! Поедемте. Приезжайте ко мне завтра и отправимся.

29-го декабря г. Краевский пришел. Подали двуместную, четвернею на вынос, с фореитором, запряженную карету и А. С. Пушкин с А. А. Краевским отправились в Академию Наук.

Опустим среднюю часть записи о встрече с Н. И. Гречем, явно относящуюся к 1836 году, и продолжим:

Вошли. За столом на председательском месте, вместо заболевшего Уварова, сидел князь М. А. Дундуков - Корсаков, лучезарный, в ленте, звездах, румяный и весело, приветливо поглядывал на своих соседей академиков и на публику. Непременный секретарь академии Фукс <sic!> читал отчет...

– «Ведь вот сидит довольный и веселый, – шепнул Пушкин г. Краевскому, мотнув головой по направлению к Дундукову, – а ведь, сидит-то на моей эпиграмме! ничего, не больно, не вертится!»

Эпиграмма Пушкина:

В академии наук

Заседает князь Дундук.... и проч.

давно была известна, но Пушкин уверял, что она принадлежит Соболевскому. На этот раз – он проговорился г. Краевскому потому, что не задолго пред тем сам же нечаянно показал ему автограф свой с этою именно эпиграммою.

Семевский объединил этот рассказ Краевского с его же рассказом о посещении публичного заседания Академии наук 1836 года, к которому весь рассказ Семевским ошибочно и отнесен. Это связано или с ошибкой памяти Краевского за давностью лет, или, скорее, с тем, что Семевский неправильно

понял Краевского, однако упоминание о болезни Уварова и председательстве князя Дондукова-Корсакова определенно указывает на заседание 1835 года.¹⁰

В газетах об этом заседании будет сказано следующее:

В 12 часов утра собралось в большом Академическом зале необыкновенно многочисленное и блестящее Общество посетителей <...>. Место Президента Академии занимал, за болезнью Его Высокопревосходительства Г. Министра Народного Просвещения Тайного Советника С. С. Уварова, Г. Вице-Президент, Князь М. А. Дондуков-Корсаков.

Г. Непременный Секретарь Академии, Статский Советник П. Н. Фус, открыл заседание речью, в которой, почтив память скончавшагося 1-го Ноября (1835 г.) перваго Вице-Президента Академии, Действительнаго Академика по части Государственнаго Хозяйства и Статистики, Тайнаго Советника *Шторха*, обратил внимание посетителей на ученые труды достойнаго своего сочлена <...>

В речи упомянуто было также о новом знаке милости, которую Его Величеству угодно было удостоить Академию назначением в оную, указом 7-го Марта, Его Сиятельства Князя *Михаила Александровича Дондукова-Корсакова* – в звание втораго Вице-Президента и председателя Комитета Правления Академии. <...>. – За сим Г. Непременный Секретарь прочитал Отчет о собственно ученых занятиях Академии¹¹

Отметим, что Семевский в своей записи М. А. Дондукова-Корсакова называет **Дундуковым-Корсаковым** (причем дважды) вслед за эпиграммой Пушкина. Такое величание князя распространилось достаточно широко.

27 мая 1836 года в «Прибавлении № 116 к Санктпетербургским ведомостям» было напечатано объявление книгопродавца И. Глазунова о том, что «*поступил в продажу изданный от Императорской Академии Наук <...> МЕСЯЦЕСЛОВ И ОБЩИЙ ШТАТ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ на 1836 год*».

Так вот, в этом «Месяцеслове» князь М. А. Дондуков-Корсаков упоминается в разных разделах пять раз, и в двух случаях он назван «Князь Михаил Александр.<ович> *Дундуков-Корсаков*» (с. 478 и 494). В «Месяцеслове» на 1835 год этих опечаток не было, в «Месяцеслове» на 1837 год их тоже не будет.

«Месяцеслов» же на 1836 год составлялся в конце 1835 – начале 1836 годов. Невольно напрашивается предположение, что появление этих опечаток как-то связано с ходившей именно в это время эпиграммой Пушкина «В Академии наук / Заседает князь Дундук», и, скорее всего, их надо отнести не на счет ошибок наборщика, а на счет описок (вольных или невольных) чиновников, подававших списки служащих для помещения в «Месяцеслове».

Правда, С. А. Соболевский напишет М. Н. Лонгинову в 1855 году:

¹⁰ В «Летописи...» посещение Пушкиным этого заседания не отмечено, а весь рассказ А. А. Краевского ошибочно отнесен к 1836 году, причем утверждается (вероятно, все-таки, это просто досадная описка составителей), будто «Пушкин сказал П. А. Корсакову» (!!!) а не Краевскому, что Дондуков-Корсаков «сидит» на пушкинской эпиграмме. Это особенно вызывает удивление, так как П. А. Корсаков – родной брат М. А. Дондукова-Корсакова.

¹¹ Санктпетербургские ведомости. 1836. 4 янв. № 3.

П.<ушкин> жалел об эпигр.<амме>: в Академии Наук, когда лично узнал Дундука.¹²

Однако это вызывает большие сомнения, если иметь в виду, что Пушкин сам вспоминал свою эпиграмму и в декабре 1835 года, и в декабре 1836 года.

К 1836 году мы теперь и перейдем.

Советник правления Императорской Академии наук Владимир Андреевич Каратыгин 24 декабря 1836 года писал непременно секретарю Академии наук Павлу Николаевичу Фусу:

Милостивый Государь,
Павел Николаевич.

Имею честь препроводить при сем на Ваше благоусмотрение список особам, к коим развозятся пригласительные билеты. Развозка эта будет кончена послезавтра. Оставшиеся излишними билеты при сем равномерно представляю. – По миновении надобности в списке, покорнейше прошу благоволить мне возвратить.

С совершенным почтением и преданностью имею честь быть.
Вашим Милостивый Государь
покорнейшим слугою
В. А. Каратыгин

24 Декабря
1836.¹³

К этому письму был приложен «Список, кому именно следует приготовить билеты, к 29^{му}–Декабрю 1836го года, по случаю празднования Императорскою Академиею Наук, дня ея учреждения»¹⁴, в частности:

Разным Особам.

<...>.

6. Его Пре<восходительст>^{ву} Филип. Филип. Вигелю.

<...>

8. Его Пре<восходительст>^{ву} Павл. Павлов. Пезаровиусу.

9. Его Пре<восходительст>^{ву} Якову Алексан. Дружинину.

10. Его Высокобл.<агородию> Алексан. Сергее. Пушкину.¹⁵

11. Его Пре<восходительст>^{ву} Дмит. Максимов. Княжевичу.¹⁶

12. Его Пре<восходительст>^{ву} Алексан. Максимов. Княжевичу.

<...>

17. Его Пре<восходительст>^{ву} Егору Антон. Энгельгарду.¹⁷

¹² Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Вып. 31 – 32– Л., 1927. С. 39.

¹³ СПбФ АРАН. Ф. 1, оп. 2а, д. 136, л. 1.

¹⁴ Первое публичное заседание Академии наук состоялось 27 декабря 1725г. (см.: Летопись Российской Академии наук. Т. 1. 1724 – 1802. – СПб., 2000. С. 44.).

¹⁵ Строка с Пушкиным вычеркнута и справа от фамилии помета чернилами: «умер». Это, наверняка, сделано при подготовке списка для собрания 1837 г., так как на л. 8 есть карандашная помета: «Посему и для 1837 года разсылались».

¹⁶ Эта строка тоже вычеркнута и справа – помета: «не здесь».

¹⁷ СПбФ АРАН. Ф. 1, оп. 2а, д. 136, л. 7.

Итак, Пушкин должен был получить пригласительный билет между 24 и 26 декабря, а 30 декабря, согласно записи Бартенева, Краевский приносит Пушкину какую-то корректуру.

«Некогда, некогда, говорит Пушкин, надобно ехать в публичное заседание Академии. Хотите? Поедем вместе: посмотрите, как президент и вице-президент будут торчать на моей эпиграмме.»

Далее воспользуемся опущенной при рассказе о 1835 году частью записи Семевского:

Перед этим только что вышел четвертый том «Современника», с «Капитанскою дочкою». В передней комнате Академии, пред залом, Пушкина встретил Греч – с поклоном чуть не в ноги:

– «Батюшка, Александр Сергеевич, исполать вам! Что за прелесть вы подарили нам! говорил с обычными ужимками Греч. Ваша «Капитанская дочь» чудо как хороша! Только зачем это вы, батюшка, дворовую девку свели в этой повести с гувернером... Ведь книгу-то наши дочери будут читать!...

– «Давайте, давайте им читать!» – говорил в ответ, улыбаясь, Пушкин.

В «Санктпетербургских ведомостях» будет, в частности, сообщено:

Императорская Академия Наук торжествовала день своего основания, публичным собранием, под председательством Президента своего, Г. Министра Народного Просвещения, Тайного Советника Сергея Семеновича Уварова, и в присутствии многочисленного собрания почетных особ, в числе коих находились: Его Светлость Принц Петр Ольденбургский, Его Сиятельство Г. Главноуправляющий Путями Сообщения и Публичными зданиями Граф К. Ф. Толь, Его Высокопревосходительство Г. Министр Внутренних Дел Д. Н. Блудов, Его Сиятельство, Г. Статс-Секретарь Великого Княжества Финляндии Граф Ребиндер, Его Превосходительство Французский Посол при здешнем Дворе Барон де Барант, Их Сиятельства: Неаполитанский Посланник Князь Буттера и Граф Пальфи, Маркиз Лондондерри и проч.¹⁸

А. И. Тургенев запишет в дневнике в этот день:

В Академию: <...> Жук.<овский> Пушк.<ин> Блуд.<ов> Уваров о Гизо.¹⁹

Скорее всего, имеется в виду мнение Уварова о речи Гизо, произнесенной им 22 декабря 1836 г. (н. с.) при избрании его во Французскую академию,²⁰ но вряд ли это была общая беседа, учитывая отношения Пушкина и Уварова в это время.

Вот, пожалуй, и всё, что мы знаем о посещениях Пушкиным заседаний Императорской Академии наук.

¹⁸ Санктпетербургские ведомости. 1837. 4 янв. № 3.

¹⁹ Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина: Исследования и материалы. – М., 1987. С. 241.

²⁰ Прометей. Историко-биографический альманах. – М., 1975. – Т. 10. Изд. 2-е. С. 386 – 387.

«Так же зло, как и дельно»

25 ноября 1836 года состоялась генеральная репетиция оперы М. И. Глинки «Жизнь за царя» («Иван Сусанин»), а 27 ноября – ее премьера¹. Возможно, уже после генеральной репетиции Николай Иванович Греч заказал князю Владимиру Федоровичу Одоевскому статью о новой опере для «Северной пчелы». Одоевский принялся за нее немедленно. Во всяком случае, первая часть статьи ко 2 декабря была не только написана, но и передана Гречем в цензуру и уже получена обратно, о чем он в этот день известил князя².

Не зная об этом, к Одоевскому обращается Филипп Филиппович Вигель. Он пишет:

Вы музыкант, Вы истинный музыкант, Любезный Князь, и вместе с тем искусный писатель. Кажется, сии два таланта у нас Вы один в себе соединяете; другим они достались порознь, и потому то на Вас лежит обязанность, от исполнения коей Вам не простительно отказаться. Люди, которым дано право бранить и хвалить литературные произведения, искусства, науки, нравы общества – предметы, из коих две трети чужды их понимания, одним словом – журналисты, верно, не пропустят новую оперу в молчании: если не побранят они ее, то мимоходом, верно, скажут какой-нибудь вздор; жаль будет одним петухам предоставить оценку сего перла. Один из них, Булгарин, сказал мне при выходе из театра, что это какое-то *rotrouie* <попурри – франц.>; одною горькою улыбкой отвечал я ему. Весьма умно и забавно Жуковский назвал Глинку фарфором, но не совсем справедливо: какой это фарфор, это алмаз, а оценщика ему я лучше Вас не знаю. Вот посему именем всех меломанов и руссоманов умоляю Вас вступить в сие дело: скоро явится Современник <4-ый том>; напишите-ка статейку и услужите тем Пушкину и публике. О, еслиб <sic!> я имел двойное Ваше искусство, не заставил бы себя долго упрашивать! Мне бы быть журналистом; какое наслаждение хвалить! но также какое наслаждение и бранить! К сожалению первое труднее последнего: злость почти всегда бывает похожа на ум, а восторг, когда его не разделяют, всегда кажется смешным.

Не опасаясь сего, мне хочется сообщить Вам невежественные мои замечания на Ивана Сусанина и дать Вам отчет в сильных ощущениях, которых сие чудесное творение произвело во мне. Либретто, мне кажется, никуда не годится, и, по мнению моему, эта опера скорее может почитаться ораторией с декорациями и костюмами. Но что за музыка! Надобно очень хорошо знать

¹ Мне уже довелось касаться полемики, возникшей в печати после премьеры оперы (см.: Сидоров И. С. Пушкин и его журнал «Современник: мысли, наблюдения заметки // Сидоров И. С. О Пушкине и его современниках. – М., 2022. С. 229 – 231), но тема эта несколько шире того, что было сказано.

² Там же. С. 229 – 230.

русския сердца, чтобы одними звуками уметь так сильно говорить им. В языке этой новорожденной, прекрасной музы есть истинно что-то волшебное. Польское все также прекрасно выражено, и характеры двух наций музыкой чрезвычайно искусно отненены; в Польском сколько важности и даже чванства, а в мазурке буйное, отчаянное веселье. Напротив, в Русском, в самых веселых песнях сколько тишины и благонравия; и даже тогда, как народ ликует, при венчании царя, автор умел сохранить его песням свойственную ему скромность. А в печальном, так называемом заунывном его пении, у Глинки в каждом звуке есть, кажется, слеза. Когда случится видеть мне эту оперу, то эпилога не дождусь; слушая трио Воробьевой <в роли Вани> со Степановой <в роли Антонида> и Леоновым <в роли Собинина>, я готов был рыдать с ними; может быть, в третий раз не в силах буду удержаться, а смешным быть не хочется. Среди всеобщей радости, плач сирот о виновнике торжества производит разительную противоположность; это прекрасная мысль, самая драматическая идея, и я уверен, что она принадлежит автору музыки. – Вы знаете, что я не совсем терпеливо слушаю мнения, противные моим; но вертели, что тут напротив, во мне рождается какое-то сострадание к тупочувствию тех, кои меня не понимают; уж не действие-ли это Глинкиной музыки? Впрочем, еслиб <sic!> я и мог огорчиться двумя-тремя глупыми критиками, то должен бы был утешиться окружавшими меня в театре восторгами. Прощайте, любезнейший князь, до свидания. Россия и просвещение, вот безпрестанный крик моего сердца.³

Дата написания в письме не указана.

В редакционном примечании к письму при его публикации в 1901 году в «Русской музыкальной газете» говорится, что письмо написано «между 2-й и 3-й постановками “Жизни за царя”»⁴ Это заключение редакции, в свою очередь, явно основывается на том, что из содержания письма следует, что Вигель уже слушал оперу два раза и собирался пойти на нее в третий раз (то есть автор примечания предположил, что Вигель был именно на первых двух представлениях).

Однако упоминание Вигелем встречи с Булгариным при выходе со спектакля доказывает несправедливость такого предположения. 2-е представление оперы состоялось 29 ноября, тогда как Ф. В. Булгарин только 30 ноября приехал в Петербург из Дерпта⁵. Следовательно, Вигель мог его встретить не после второго спектакля (29 ноября), а только после одного из спектаклей 1-го, 4-го или 6-го декабря. Таким образом, письмо Вигеля не могло быть написано ранее 2 декабря, но ясно и то, что оно не могло быть написано позже 6 декабря (скорее всего – 5-го или 6-го), поскольку 7 декабря в «Северной пчеле» уже появилась первая часть статьи Одоевского⁶.

Она называлась: «Письма к любителю музыки об опере Г.<-на> Глинки:

³ Русская музыкальная газета. 1901. 25 нояб. № 47. Стлб. 1176 – 1178.

⁴ Там же. Стлб. 1176.

⁵ Прибавление к Санктпетербургским ведомостям. 1836. 15 дек. № 286.

⁶ А. А. Орлова датировала это письмо 29 ноября 1836 г. (см.: Летопись жизни и творчества М. И. Глинки. Изд. 2-е / Составитель А. А. Орлова. Ч. I. 1804 – 1843 [далее – «Летопись Глинки»]. – Л., 1978. С. 108).

Жизнь за Царя. <Письмо> I»⁷. Заканчивалась же она словами:

С оперою Глинки является то, чего давно ищут и не находят в Европе – *новая стихия в Искусстве*, и начинается в его Истории новый период: *период Русской музыки*. Такой подвиг, скажем, положи руку на сердце, есть дело не только таланта, но гения!⁸

Через неделю, 15 декабря, печатается начало «Второго письма к любителю музыки об опере Глинки: *Жизнь за Царя, или Сусанин*», в котором Одоевский пишет:

Мои письма не могут поспевать за представлениями этой оперы. Уже пять раз давали ее, и пять раз вызывали автора не рукоплескания приятелей, но единодушный голос публики. Из этого не следует, чтобы опера Глинки не имела противников, и даже очень горячих. <...>

В опере Глинки, музыка продолжается непрерывно, от того в 1-е представление рукоплескания публики заглушали лучшие места оперы, и, таким образом, половина ея была потеряна; в следующие представления публика была осторожнее: она удерживала знаки своего энтузиазма во время лучших мест, но за то, в последствии, сторицею награждала автора за наслаждение ей доставленное.⁹

Далее Одоевский разбирает первое действие оперы.

На следующий день печатается окончание «Второго письма», подписанное: *К. В. О.* Разобрав второе и третье действия оперы, он заключает:

Создать новый, неслышанный дотоле музыкальный характер, возвысить народный напев до трагедии – это дело творческого вдохновения, которое дается редко и немногим, от того мы считали себя в праве сказать после первого впечатления, произведенного на нас оперою, и теперь после пяти представлений, повторить еще раз, что с этою оперою начинается новый период в Искусстве, период Русской музыки. <...>

В последующем письме я постараюсь сказать несколько слов о новом театре, об общих качествах музыки Глинки, и об игре актеров.¹⁰

В постскрипуме ко второму письму Одоевский пишет:

Чтобы дать вам понятие, какое сильное действие произвела здесь эта опера на души, эстетически образованные, я позволю себе привести несколько строк из письма, полученного мною тотчас после первого представления¹¹, от одного умного человека, не музыканта, но одаренного живою пламенною любовью к Искусству и к России; эти немногие строки, вырвавшиеся из сердца, говорят более нежели все мои толкования.¹²

И дальше Одоевский приводит почти половину письма Вигеля, начиная со слов: «Что за музыка! Надобно очень хорошо знать Русския сердца, чтобы одними звуками уметь так сильно говорить им» и кончая фразой: «Впрочем,

⁷ Северная пчела. 1836. 7 дек. № 280.

⁸ Там же.

⁹ Там же. 1836. 15 дек. № 287.

¹⁰ Там же. 1836. 16 дек. № 288.

¹¹ Это не так; скорее всего, – после 3-го или 4-го представления, судя по тому, когда письмо Ф. Ф. Вигеля могло быть написано (см. выше).

¹² Северная пчела. 1836. 16 дек. № 288.

если б я и мог огорчиться двумя, тремя глупыми критиками, то должен бы был утешиться окружавшими меня в театре восторгами».

Обещанное князем Одоевским следующее письмо в газете не появится.

Вместо него 19 декабря будет напечатано начало статьи Ф. В. Булгарина «Мнение о новой Русской опере: *Жизнь за Царя*, музыка соч. Г. <-на> Глинки, слова соч. Барона Розена».

Воспользовавшись в качестве эпиграфа строкой А. С. Грибоедова: «Зачем же мнения чужие только святы! », Булгарин пишет в начале статьи:

Много различных суждений *о новой Русской опере*, но в печати появилось только одно, написанное, как слышно, не только любителем, но даже знатоком музыки. Это суждение провозгласила Северная Пчела в № 280 <имеется в виду статья князя В. Ф. Одоевского>, держась постоянно правила (за которое укорял ее *Современник*), что для избежания вредной монополии и духа партий в Литературе и Искусствах, должно помещать различные мнения об одном предмете. Но Северная Пчела имеет и собственное мнение. Вот оно!¹³.

Оспаривая слова В. Ф. Одоевского о том, что «с оперою Глинки является то, чего давно ищут и не находят в Европе – *новая стихия в Искусстве*», Булгарин заявляет:

Спрашиваем серьезно, что значит: *новая стихия в музыке*? Мы верим, что в музыке не может быть ни какой *новой стихии*, и что в ней *невозможно открыть ничего нового*. Все существует. Берите и пользуйтесь!¹⁴

Далее он излагает свое понимание национальных различий в музыке и относительно русской музыки делает вывод:

Во-первых у нас не может быть общаго характера музыки, потому что северная и южная Россия имеют резкия отличительныя черты <...> Сверх того, и в Великороссийских и в Малороссийских напевах есть нечто характеризующее наше Славянское племя, т. е. есть *общия Славянския*, неизгладимыя *черты*.¹⁵

Наконец, Булгарин заканчивает свои «теоретические» рассуждения и обращается к опере Глинки, явно не желая хвалить ее, но и понимая, что невозможно ее просто разругать:

Из *увертюры* нельзя постигнуть, какого рода эта музыка; не взирая на отголоски главных мотивов оперы в увертюре, быстрые переходы из такта в такт производят какое-то замешательство в целом.

Но интродукция вводит вас в святилище. С первых аккордов вы чувствуете, что это музыка Русская, народная, хотя и не слышите ни одного знакомаго вам напева.¹⁶

¹³ Там же. 1836. 19 дек. № 291.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

Заканчивает эту часть статьи Булгарин словами:

Г.<-н> Глинка доказал, что он имеет истинный, неподдельный музыкальный талант, глубокое чувство музыки, и что он напал на истинный путь, стремясь создать *народную Русскую музыку*. Но как это еще *первый шаг* на этом *длинном и трудном пути*, то почитателям великого таланта Г.<-на> Глинки не должно останавливать его уверением, что он уже *нашел то*, зачем он пустился в *поиски*.¹⁷

Через два дня печатается окончание статьи Ф. В. Булгарина. Он критикует оперу, высказывая как свои собственные, так и услышанные (и самим им неправильно понятые) мнения:

Во-первых, хоров в ней слишком много и хоры эти слишком растянуты.<...> Во-вторых, мало отдельных арий, мало дуэтов, терцетов и проч., следовательно, мало действия, мало жизни в опере. В третьих, музыка *иногда* не соответствует действию. Г.<осподин> Глинка за тип Польской музыки взял *полонез* и *мазурку*. У поляков есть и *заунывные* народные песни, как у всех Славян. Странно, что Поляки сговариваются на ужасный подвиг под *мазурку*, изъясляют ужас, скорбь и злобу мазуркой и *полонезом*! <Это – явная полемика с мнением Ф. Ф. Вигеля, которое анонимно привел В. Ф. Одоевский в своей статье.> В-четвертых, музыка для оркестра написана слишком низко, то есть на низкия ноты: от того эффект оркестра не значителен, и отдельные инструменты не обозначаются <Булгарин пересказывает в искаженном виде чужое мнение, не поняв его сути¹⁸>. Наконец, в-пятых, в целой музыке мало разнообразия, а от этого и от длинных хоров, сколь эта музыка ни прелестна, как ни восхитительны отдельные части, но целая опера *извините* скучна.¹⁹

Далее Булгарин поучает Глинку, говоря, в частности:

Следовало бы непременно ввести в пьесу речитативы, или просто разговоры, чтоб публике понятно было содержание пьесы, во всем ее объеме, и чтоб слушатели могли воспламениться блистательным, горячим изложением благородных побуждений Сусанина и добрых Русских крестьян, охотно жертвующих жизнью за Царя. В непрерывном пении, содержание пьесы – погибло.²⁰

Очевидно, помня о судьбе Н. А. Полевого, осмелившегося раскритиковать пьесу, понравившуюся царю («Рука Всевышнего Отечество спасла» Н. В. Кукольника), Булгарин не рискует подвергать резкой критике либретто оперы и пишет:

Но мы не хотим трогать этой пьесы, по старому предрассудку, хотя душевно желаем, чтоб пьесы патриотическая были писаны таким языком, как написано стихотворение Пушкина: *Полководец*, Жуковского: *Певец во стане воинов*. Если бы для таких пьес была музыка Глинки, то она повторялись бы от одного конца России до другого!..²¹

¹⁷ Там же.

¹⁸ Летопись Глинки. С. 113.

¹⁹ Северная пчела. 1836. 21 дек. № 292.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

Таковы были первые газетные отклики на представления «Жизни за царя».

В 1854 году М. И. Глинка пишет свои «Записки», в которых, рассказывая об этих первых представлениях, отмечает:

Несмотря на блистательный успех, нашлись з о и л ы ; Фаддей Булгарин напечатал в «Северной пчеле» две длинные статьи <имеются в виду две части статьи Булгарина> в декабре 1836 или в январе 1837. Эти статьи любопытны и ясно определяют степень невежества в музыке их автора.²²

Позже на копии «Записок», снятой его сестрой Л. И. Шестаковой, Глинка припишет:

Следовало бы отыскать их как *chef d'oeuvre* <шедевр – франц.> музыкальной галиматии.²³

При жизни композитора «Записки» не печатались, но давались на прочтение знакомым.

В 1857 году, сразу после смерти композитора, за написание большого биографического очерка о нем взялся Владимир Васильевич Стасов, пользуясь «Записками», из которых он включил в очерк много фрагментов. По поводу откликов в печати на оперу «Жизнь за царя» Стасов писал:

Что печаталось о новой опере в петербургских журналах? Тогда только в одной *Северной Пчеле* помещались разборы и обозрения всего появлявшегося на петербургской сцене, а потому только в *Северной Пчеле* можем мы искать выражения тогдашнего общественного мнения. <...>

Вскоре после первого представления, появилась в трех номерах *Северной Пчелы* (№№ 280, 287 и 288) статья о *Жизни за царя*, которая до самого последнего времени и осталась *единственной* критической статьей об этой опере; лишь в 1854 году снова пошла о ней речь в печати; до тех же пор у нас никто и нигде не говорил печатно об этом произведении, составляющем эпоху в истории русской музыки.²⁴

В. В. Стасов говорит о статье князя В. Ф. Одоевского, полностью игнорируя статью Ф. В. Булгарина. Удивительно, но о статье Булгарина он просто не знал и даже не поверил словам самого Глинки, приведенным выше. Со свойственной Владимиру Васильевичу решительностью он прямо на полях рукописи Глинки около слов того о булгаринской статье написал:

Это неправда. В «Северной пчеле» были только три статьи кн. Одоевского. Первая – 7 декабря 1836 г., № 280, вторая – 15 декабря, № 287 и третья – 16 дек., № 288. Больше никаких и ничьих не было.²⁵

Любопытно, что Стасов не перепроверил свою память. Думаю, это ему было бы нетрудно сделать: он работал в Публичной библиотеке и мог,

²² М. И. Глинка. Записки. – М., 1988. С. 73.

²³ Там же.

²⁴ Русский вестник. 1857. Т. 12, ноябрь, кн. первая [№ 21]. С. 131.

²⁵ М. И. Глинка. Записки. – М., 1988. С. 73.

наверное, просмотреть заново «Северную пчелу» за декабрь 1836 года.

В 1870 году начала выходить «Русская старина», и в первых же двух томах ее были опубликованы «Записки» М. И. Глинки, а в 1871 году «Русская старина» издала напечатанные в ней «Записки» в виде отдельной книги (в 50 экземплярах).

Готовил их к печати Никольский (между прочим, тоже Владимир Васильевич). Естественно, было напечатано и то место «Записок», где Глинка высказывается о болгаринской статье. К этому месту Никольский дает сноску:

Прим. Глинки: «Следовало бы отыскать их, как *chef d'oeuvre* музыкальной галлиматьи». Против этого места чьей-то рукой написано: «Это неправда. В Северной Пчеле были только три статьи кн. Одоевского. 1-я 7 дек. 1836, № 280, 2-я 15 дек., № 287 и 3-я 16 дек. 1836 № 288. Больше никаких и ничьих – не было». Но это замечание, в свою очередь, оказывается несправедливым. В Северной Пчеле № 291 – 19 дек. и № 292, 21 дек. действительно были две статьи за подписью «Фадей Булгарин» под заглавием «Мнение о новой Русской опере: Жизнь за Царя». В них, прикрывшись эпитафией из Грибоедова: «Зачем же мнения чужие только святы!» и заявлениями, что «Северная Пчела» имеет и собственное мнение, Булгарин нападает на выражения своего сотрудника Одоевского, который сказал, что «Глинка открыл новый период и влил новую стихию в музыку».

«В музыке, говорит Булгарин: не может быть никакой новой стихии и в ней невозможно открыть ничего нового. Все существует. Берите и пользуйтесь!» Все остальные суждения такого же достоинства.²⁶

Судя по всему, В. В. Никольский не знал руки своего тезки – Владимира Васильевича Стасова и поэтому написал в приведенной выше сноске: «чьей-то рукой», но сам-то Стасов знал, чья это рука.

В 1887 году Стасов издает сборник документов: «Записки Михаила Ивановича Глинки и переписка его с родными и друзьями», причем в «Записках» использует примечания Никольского, о чем говорит в предисловии:

В 1871 г. «Записки» были изданы <...> с примечаниями и под редакцией покойного профессора Императорского Александровского Лицея и Императорского Училища Правоведения Вл. Вас. Никольского, на иждивении журнала «Русская Старина». Это издание давно разошлось и стало теперь библиографической редкостью, почему и предпринято настоящее, вновь тщательно проверенное и исправленное по оригиналу, издание с сохранением всех примечаний В. В. Никольского.²⁷

Действительно, полностью сохранено примечание Никольского и к высказыванию Глинки о болгаринских статьях, включая «чьей-то рукой»²⁸. Не стал Стасов уточнять, чья же это рука. Чья-то и всё!

²⁶ Записки Михаила Ивановича Глинки. 1804 – 1854 / Издание «Русской старины». – СПб., 1871. С. 92.

²⁷ Записки Михаила Ивановича Глинки и переписка его с родными и друзьями / Сост. и предисл. В. В. Стасова. – СПб., 1887. С. III.

²⁸ Там же. С. 117.

Следующее издание «Записок» вышло уже в советское время, в 1930 году. Подготовил его Андрей Николаевич Римский-Корсаков, сын знаменитого композитора. Он также в некоторых местах использовал примечания В. В. Никольского и в каждом таком случае помечал: «(Прим. В. В. Никольского)».

К высказыванию М. И. Глинки о статьях Булгарина А. Н. Римский-Корсаков также дает примечание Никольского и делает соответствующую пометку. Но это было не вполне точное воспроизведение примечания Никольского! В частности, важно, что вместо слов «Против этого места чьей-то рукой написано...» Римский-Корсаков пишет: «На полях в подлинной рукописи против строк о статьях Булгарина в «Северной Пчеле» написано В. В. Стасовым:...»²⁹. Надо полагать, А. Н. Римский-Корсаков хорошо знал архив своего отца и видел там письма и другие бумаги, написанные Стасовым. Отмечает он пометы рукой Стасова и в других местах «Записок», не отмеченные Никольским³⁰.

Естественно, во всех последующих изданиях «Записок» М. И. Глинки мы уже не встретим «чьей-то руки».

Эта история с пометой Стасова – побочная относительно основной темы моего сообщения, но нужная, так как благодаря ей мы увидели, что никаких других статей того времени об опере «Жизнь за царя», кроме статей князя В. Ф. Одоевского и Ф. В. Булгарина в «Северной пчеле», в поле зрения биографов М. И. Глинки вроде бы не попадало.

В 1894 году были изданы первые тома собрания сочинений В. В. Стасова.³¹ Естественно, он сам принимал активное участие в его подготовке. Просматривая вошедшие в это собрание публикации, он иногда делал к ним новые примечания. Были и редакционные примечания, но они сопровождалась пометой «Ред.».

Уже в 1894 году был издан том с его музыкально-критическими статьями³², в котором был напечатан и очерк «Михаил Иванович Глинка», с первой публикации которого прошло 37 лет.

В первоизданном виде был напечатан и абзац:

Вскоре после первого представления, появилась в трех номерах «Северной Пчелы» (№№ 280, 287 и 288) статья о «Жизни за царя», которая до самого последнего времени и осталась *единственной* критической статьей об этой опере; лишь в 1854 году снова пошла о ней речь в печати; до тех же пор у

²⁹ Глинка М. И. Записки / Под редакцией, со вступительной статьей и примечаниями А. Н. Римского-Корсакова. – М. – Л.: 1930. С 179.

³⁰ В своем послесловии к «Запискам» А. Н. Римский-Корсаков специально оговаривает, что им «раскрывается, по возможности, авторство всех пометок, приписанных в первых двух изданиях неизвестной руке» (см.: Там же. С. 426).

³¹ Собрание сочинений В. В. Стасова. 1847 – 1886. Т. I – IV. – СПб., 1894 – 1906.

³² Там же. Т. III. Музыка и театр. – Литература. – Императорская Публичная библиотека. – Автобиография. – СПб., 1894.

нас никто и нигде не говорил печатно об этом произведении, составляющем эпоху в истории русской музыки.³³

Однако к этому абзацу Стасов дает большое примечание, которого, естественно, не было в первой публикации:

Это несправедливо. В «Северной Пчеле» было тогда напечатано еще две статьи, №№ 291 и 293 (19 и 21 декабря 1836 г.), за подписью «*Фадей Булгарин*», где этот писатель нападал на мнение кн. Одоевского (в «Северной Пчеле»), что «Глинка открыл новый период и влил новую стихию в музыку». Булгарин возражал: «В музыке не может быть никакой новой стихии и в ней невозможно открыть ничего нового. Все существует, берите и пользуйтесь...». Сверх того, князь Вл. Фед. Одоевский напечатал в «Литературных Прибавлениях к Инвалиду» 1837 г., № 5, статью (подписанную: «В. Невский»), в защиту Глинки против *большинства* петербургской публики, и тут между прочим говорил: «Многие сказали: “с’est mauvais <это плохо – франц.>, это можно слышать на всякой улице, dans tous les cabarets <во всех кабаках – франц.>” (было сказано в первое представление, в одной из лож бельэтажа)... Другие были благосклоннее и объявляют, что «опера порядочная, но как можно сравнить ее с нашими милыми Беллини, Россини! Есть еще другие, самые жалкие остатки высшего круга, которые, чувствуя всю прелесть творения г. Глинки, не смеют сказать громко своего мнения, чтобы себя не компрометтировать <sic!>. Этот чад суждений наполнил, с весьма малым исключением, все залы, весь партер... Теперь ясно, что высший круг остался тем же жалким, безхарактерным и притом безсовестным подражателем... Но, г. Глинка писал для немногих истинных меломанов, он их видит и слышит. Первым ценителям он также умеет отдать должную справедливость; он от души смеется и смеясь благодарит их за то, что они из *одолжения* наполняют ряды партера и усердно увеличивают шум при вызовах... Все желало и желает успеха г. Глинке, кроме высшей публики...».³⁴

Итак, в этом примечании впервые возникает упоминание о статье в «Литературных прибавлениях к Русскому Инвалиду», причем без тени сомнения ее автором называется князь В. Ф. Одоевский.

Об этой статье В. В. Стасов мог узнать, готовя публикацию очерка «Михаил Иванович Глинка» в собрании сочинений 1894 года и пересмотрев все-таки периодику за декабрь 1836-го – январь 1837-го годов, памятуя, что уже раньше пропустил статьи Ф. В. Булгарина. Во всяком случае, в 1887 году, издавая «Записки» М. И. Глинки, он, явно, ещё не знал о статье в «Литературных прибавлениях». Князь В. Ф. Одоевский умер в 1869 году, и от него Стасов уже ничего не мог узнать об этой статье.

Смею предположить, что мысль об авторстве Одоевского принадлежит самому В. В. Стасову. К этой мысли его могло склонить то, что оценки «Жизни за царя» в статье из «Литературных прибавлений» согласовались с оценками Одоевского в его «Письмах к любителю музыки» о «Жизни за царя» в «Северной пчеле». К тому же Одоевского лишили возможности закончить публикацию этих «Писем» в «Северной пчеле», и он мог прибегнуть как бы к

³³ Там же. Столб. 572 – 573.

³⁴ Там же. Столб. 573.

их завершению в «Литературных прибавлениях». Сам В. В. Стасов никаких аргументов в пользу авторства Одоевского не приводит, а все последующие публикаторы статьи из «Литературных прибавлений», как я могу судить, основываются на этом утверждении Стасова.

Так, В. Богданов-Березовский в томе литературного наследия М. И. Глинки, изданном в 1952 году, вслед за В. В. Стасовым принимает авторство В. Ф. Одоевского без каких-либо пояснений и пишет в комментарии к «Запискам»:

Суждения о новой опере суммирует В. Ф. Одоевский в статье «Новая русская опера “Жизнь за царя”, музыка соч. г. Глинки, слова барона Розена» (напечатана за подписью В. Невский в № 5 Литературных прибавлений к «Русскому инвалиду, 1837»).³⁵

Г. Б. Бернандт в изданном им в 1953 году сборнике статей В. Ф. Одоевского о М. И. Глинке писал об этой статье:

Статья впервые опубликована в «Литературных прибавлениях к Русскому Инвалиду» 1837 года, № 5, января 30, за подписью В. Невский. Частично напечатана в примечании к биографическому очерку «Михаил Иванович Глинка» (Собрание сочинений В. В. Стасова, т. III. СПб., 1894, столб. 573). Там же указано на принадлежность статьи Одоевскому.³⁶

Невольно поддержал авторство князя В. Ф. Одоевского И. Ф. Масанов, указавший в 1957 году в своем замечательном словаре псевдонимов, что одним из авторов, писавших под псевдонимом «Невский», был В. Ф. Одоевский. Правда, имеется в виду не статья 1837 года, а «“Б-<ibliote>ка д.<ля> Чт.<ения>” 1842, № 12»³⁷. Аккуратный Масанов всегда указывал источник, из которого почерпнуты сведения о псевдониме, и в этом случае он ссылается на вышедший в 1907 году том Большой энциклопедии (под редакцией С. Н. Южакова), в котором безымянный автор статьи о В. Ф. Одоевском пишет:

Как музыкальный критик, он <В. Ф. Одоевский> выступал в нескольких журналах. Среди них выделяется между прочим статья его под псевдонимом «Невский», напечатанная в «Библиотеке для Чтения» (1842, декабрь) о «Руслане и Людмиле» Глинки, где автор высказал удивительную чуткость при оценке музыки этой оперы, составив блестящее исключение из прочих тогдашних музыкальных критиков.³⁸

Если же мы посмотрим указанный номер «Библиотеки для Чтения», то

³⁵ Глинка М. И. Литературное наследие. Т. I. Автобиографические и творческие материалы / Под ред В. Богданова-Березовского. – Л. – М., 1952. С. 431.

³⁶ Одоевский В. Ф. Статьи о М. И. Глинке / Вступительная статья и комментарии Г. Бернандта. – М., 1953. С. 39 – 40. Это же повторено в его комментарии к статье, из «Литературных прибавлений» при публикации ее в 1956 году (см: Одоевский В. Ф. Литературно-музыкальное наследие / Общая редакция, вступительная статья и примечания Г. Б. Бернандта. – М., 1956. С. 554 – 555).

³⁷ Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. – М., 1957. Т. 2. С. 253.

³⁸ Большая энциклопедия / Под редакцией С. Н. Южакова. Т. XIV. Нерчинский округ – Пенч. – СПб.: 1904. С. 337.

действительно увидим там большую статью, посвященную опере «Руслан и Людмила», но она не подписана никаким именем – ни «Невским», ни каким-либо другим.³⁹ Статья эта была написана О. И. Сенковским, который тогда же сам рассказывал об этом в письме к Е. Н. Ахматовой, опубликованном в 1889 году в «Русской старине»⁴⁰, а В. В. Стасову авторство Сенковского было известно уже тогда, когда он работал с рукописью «Записок»⁴¹, вероятно, при написании биографического очерка для «Русского вестника».

Не будем винить И. Ф. Масанова в ошибке – его ввел в заблуждение безымянный путаник из южаковской энциклопедии.

Вероятно, у читателя уже возникло подозрение, что я сомневаюсь в том, что автором статьи в «Литературных прибавлениях к Русскому Инвалиду» был князь В. Ф. Одоевский. Действительно это так. К этому я и перейду.

Комментируя статью В. Ф. Одоевского «Письмо к любителю музыки об опере г. Глинки: Иван Сусанин», в которой Одоевский цитировал письмо Ф. Ф. Вигеля, Г. Б. Бернандт, в частности, писал:

Не будем преувеличивать искренность вигелевских восторгов по поводу оперы Глинки. Вполне возможно, что Вигель рассчитывал произвести своим письмом соответствующий эффект в общественном мнении и, заигрывая с передовыми кругами общества, хотел показать себя просвещенным ценителем русской музыки и искренним другом Глинки. Характерно, что в биографии Вигеля письмо это промелькнуло как случайный, проходящий эпизод. Примечательно и то, что Одоевский, публикуя выдержку из письма Вигеля, предусмотрительно скрыл от читателей имя его автора, весьма одиозное в литературно-общественном мнении

Нет никаких оснований усматривать в письме Вигеля свидетельство его личной близости к Одоевскому. В письме к Я. К. Гроту П. А. Плетнев писал 25 октября 1847 года: «Одоевский и Вигель друг друга не терпят, даже ругают друг друга оба – чего прежде не бывало в Одоевском ни в каком случае». Но нам не известен ни один факт, который говорил хотя бы о кратковременной близости или благожелательном отношении Одоевского к Вигелю.⁴²

Позволю себе не согласиться с Г. Б. Бернандтом. Филипп Филиппович Вигель был неоднозначной личностью, но столь резкая отрицательная его характеристика вряд ли справедлива. Заметим, что Пушкин поддерживал с Вигелем вполне благоприятные отношения и даже в 1836 году хотел напечатать в «Современнике» его статью, не напечатанную только потому, что ее буквально «изрезала» цензура.

И кто заставлял Одоевского вообще цитировать в своей статье письмо

³⁹ Опера в Петербурге. *Руслан и Людмила. Музыка М. И. Глинки* // Библиотека для Чтения. 1842. Т. 55. № 12. Раздел «Смесь». С. 157 – 176. – Без подписи.

⁴⁰ Русская старина. 1889. Т. 62, кн. 5. С. 288 – 289.

⁴¹ Глинка М. И. Записки / Под редакцией, со вступительной статьей и примечаниями А. Н. Римского-Корсакова. – М. - Л.: 1930. С. 281.

⁴² Одоевский В. Ф. Литературно-музыкальное наследие... С. 554.

Вигеля, если он его «не терпел»? Проще было бы просто о нем не упоминать, а не характеризовать (хотя и не называя по имени, что было бы просто неуместно) как «умного человека, не музыканта, но одаренного живою пламенною любовью к Искусству и к России»?

Почему отношения между ними испортились к 1847 году – это вопрос уже другой. Важно, что было чему портиться.

Вы спросите: а причем тут вообще Филипп Филиппович Вигель?
Постараюсь ответить на этот вопрос.

Сохранившиеся записки, которыми обменивались Пушкин и князь В. Ф. Одоевский, обычно не датированы. В этом они не нуждались, так как записки передавались с посылными сейчас же по написании. Мне (да и не только мне) уже приходилось об этом сокрушаться. Однако, иногда содержание записки позволяет датировать ее достаточно точно.

27 или 28 декабря 1836 года Пушкин пишет Одоевскому (XVI, 195):

Вигель мне сказывал, что он вам доставил критику статьи Булгарина. Если она у Вас, пришлите мне ее. Получили ли Вы 4 № Современ.<енника> и довольны ли Вы им?

Вероятно, в тот же или на следующий день Одоевский отвечает Пушкину (XVI, 195 – 196):

Я хотел было послать к Вам статью Виг.<еля>, но у меня перехватила ее Редакция Л.<итературных> П.<рибавлений>, которая взялась завтра Вам ее доставить, между тем ее переписут и пустят в ход. Статья прекрасна, но цензура наверное уничтожит в ней лучшую половину. Капитанскую дочь я читал два раза сряду и буду писать о ней особо в Л.<итературных> Пр.<ибавлениях> – комплиментов Вам в лице делать не буду – Вы знаете всё, что я об Вас думаю и к Вам чувствую <...>.

Получив, наконец, статью Вигеля, Пушкин читает ее и пишет Одоевскому около (не позднее) 30 декабря (XVI, 206):

Так же зло, как и дельно. Думаю, что цензура однако ж не всё уничтожит – на всякий случай спрос не беда. Не увидимся ли в Академии наук, где заседает кн.<язь> Д-<ундук>?

Датировка всех трех записок определяется тем, что в первой из них упоминается 4-й том «Современника», получивший билет на выход в свет 22 декабря 1836 года и вряд ли попавший к первым подписчикам ранее 27 декабря, так как в праздничные рождественские дни он находился еще у переплетчика⁴³, а в третьей записке упоминается публичное заседание Академии наук, состоявшееся 30 декабря.

О чем же была статья Филиппа Филипповича Вигеля? Какую статью Булгарина он критиковал?

Даже не зная содержания статьи Вигеля, мы понимаем из этих записок,

⁴³ Летописи Государственного Литературного музея. – М., 1939. Кн. 5: Архив опеки Пушкина. С. 117.

что и Одоевский, и Пушкин ее высоко оценили, и Одоевский, который, согласно мнению Г. Б. Бернандта, должен был «не терпеть» Вигеля, называет ее «прекрасной». Кроме того, понятно по их отзывам, что Вигель резко критикует какую-то статью Ф. В. Булгарина и что статье Вигеля грозит непрохождение через цензуру.

Так о чем же статья Вигеля? Какую статью Булгарина он критикует?

Ни в комментариях к публикациям Одоевского, ни в биографических очерках о нем мне не удалось найти ни одного упоминания об этой переписке Одоевского с Пушкиным. Эти записки известны благодаря пушкинистам, неоднократно публиковавшим их. Но и в комментариях к этим публикациям обходится молчанием, какую статью Булгарина критикует Вигель.

Только однажды Б. Л. Бессонов написал:

О какой статье Булгарина идет речь, не установлено – возможно, о «О моем перевоспитании по методе взаимного обучения (С<еверная>Пч.<ела>, 1836, №№ 255 и 256, 5 и 8 ноября).⁴⁴

В этой статье Булгарина критиковался третий том «Современника».

Понятно, что пушкинистам наиболее близка тема борьбы Пушкина с Булгариным, но тут же возникает вопрос: а почему Вигель счел необходимым познакомить с этой статьей прежде всего Одоевского, а не Пушкина? Что в это время так сближало Вигеля с Одоевским?

Смею предположить, что в статье Вигеля критиковалась только что напечатанная статья Булгарина об опере Глинки (а не вышедшая полтора месяца назад статья Булгарина о «Современнике»). И кому, как ни Одоевскому, это было особенно интересно. В оценке значения этой оперы Одоевский и Вигель выступали единомышленниками.

А теперь припомним слова Одоевского о том, что статью Вигеля у него «перехватила <...> Редакция Л.<итературных> П.<рибавлений>, <...> ее перепишут и пустят в ход».

Прежде, чем обсуждать возможное авторство статьи, опубликованной в «Литературных прибавлениях», я позволю себе полностью воспроизвести ее, так как со времени ее последней публикации прошло уже полвека, а в поле зрения пушкинистов она вообще не попадала. Между тем, если мое предположение об авторстве Вигеля верно, то эту статью читал в рукописи и оценил Пушкин.

Для точности воспроизведу ее в «первозданном» виде – с сохранением орфографии и пунктуации первой ее публикации.

Итак, 30 января 1837 года в № 5 «Литературных прибавлений к Русскому Инвалиду», в «подвале», на страницах 43 – 45, была напечатана статья:

⁴⁴ Пушкин. Письма последних лет. 1834 – 1837. – Л., 1969. С. 345.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ

Новая Русская Опера: Жизнь за Царя. Музыка соч. г. Глинки, слова барона Розена

(Посвящается М. П. М.....му) (*)⁴⁵

Прошло уже 14 представлений этой оперы, и театр каждый разъ былъ полонъ, и уже нѣсколько журнальныхъ статей различно отозвались о ней. Я не намѣрен этими строками, принявъ строгій видъ неумолимаго судьи, положить решительный приговоръ; но хочу только раздѣлить съ вами то впечатленіе, которое произвела на меня опера; я видѣлъ действіе, которое она произвела на вас, видѣлъ ваши слезы, и увѣренъ, что найду отзывъ на эти строки въ душѣ нѣжной и образованной.

Очень тяжело <sic> на моемъ мѣстѣ, взявъ перо и будучи полонъ сладкихъ воспоминаній *Жизни за Царя*, писать некоторыя ужасныя сужденія, къ несчастію довольно общія въ Петербургѣ; но впрочемъ, скрѣпя сердце, лучше рассказать ихъ сначала: по крайней мѣрѣ будетъ кончено! – До сихъ поръ, пока выходили частныя сочиненія въ Русскомъ духѣ, пока многіе благородные журналисты твердили, что теперь Россія получила свою самобытность, теперь Русскій понимаетъ свое Русское и т. д.; пока это говорили только сочинители и журналисты, до техъ поръ ихъ оптической обманъ имѣлъ совершенный успѣхъ. Но когда Русскій, благородный, образованный, съ пламенною душою, съ величайшимъ талантомъ, понялъ Русскую національность; когда онъ, увидѣвъ безоблачное небо Италии, вспомнилъ свое пасмурное родимое небо; услышавъ творенія Беллини, Россини, Доницетти въ ихъ отечествѣ, вспомнилъ унылую пѣснь Русскаго и создалъ нѣжную Антонида, ангела Ваню, и наконецъ, горестно разставаясь съ любимою своею мечтою, бросилъ ее на позорище свѣта: тогда исчезъ оптической обманъ, разорвалась завѣса, скрывавшая непроницаемо Петербургскій высшій кругъ и всѣ его сужденія; настала настоящая эпоха переворота общихъ мнѣній.

До сихъ поръ Европейская слава всехъ оперъ, появившихся на Петербургской сценѣ, обезпечивала сужденія нашихъ фешёнеблей, которые, сказавъ: «это удивительно *mais c'est délicieux!*⁴⁶» подтверждали этимъ только общее мнѣніе, что они великіе знатоки музыки; даже нѣкоторымъ изъ нихъ такъ счастливилось, что они успѣвали заучивать легкіе мотивы Россини и Беллини. Конечно, это мелочи, но мелочи, которыя вы встрѣчаете на каждомъ шагу, которыя не даютъ вамъ ни минуты покоя. И этихъ великихъ цѣнителей, какъ саранчи, развелось въ Петербургѣ; они же называютъ Петербургъ музыкальнымъ городомъ, твердятъ, что это варварство рѣдко ѣздитъ въ оперу, предпочитаютъ что-нибудь оперѣ и проч.

Наконецъ, явилась *Жизнь за Царя*, и все заговорили: «это наше сочиненіе, мы должны сами положить объ немъ сужденіе». Но бѣдные меломаны! Они забыли, что тутъ нѣтъ еще пока общаго мнѣнія, Европейской славы сочинителя, что во Французскихъ журналахъ для ихъ помощи не означены лучшіе пассажи, и нужно было рѣшиться говорить по собственному разумѣнію.

⁴⁵ Сноска на с. 43: «(*) Эту статью редакторъ Литер. Приб. получилъ при слѣдующемъ письмѣ: “М. Г. Мое старое сердце расшевелилось при звукахъ родной музыки нашей оперы. Меня поразили многія сужденія о ней, сужденія, которыя я счелъ бы несбыточными, если бы не былъ самъ очевиднымъ слушателемъ. – Эти двѣ причины побудили меня написать статью, которую здѣсь прилагаю. До сихъ поръ въ вашей газетѣ не было ничего помѣщено о твореніи г. Глинки, и я сочту за особенную честь, если моя статья, неискусною рукою написанная, удостоится вашего вниманія.”».

⁴⁶ но это восхитительно! – франц.

Многие сказали: «с'est mauvais⁴⁷, это можно слышать на всякой улице, dans tous les cabarets⁴⁸ (*)⁴⁹..... Другие были благосклонны и объявляют, что «опера порядочная, но как можно сравнить ее с нашими милыми Беллини, Россини!» И за этим с восторгом поется мотив – вы думаете Россини, Беллини; ничуть не бывало: намь <sic! – нашъ> меломанъ для доказательства своих словъ не можетъ вашъ <sic! – вамъ> ничего болѣе спѣть, кромѣ торжественнаго марша изъ Фенеллы! И эти люди судятъ о музыкѣ громогласно, в публичныхъ собраніяхъ!..... Есть еще другіе, самые жалкіе остатки высшаго круга, которые, чувствуя всю прелесть творенія г. Глинки, не смѣютъ сказать громко своего мненія, чтобы себя не компрометтировать <sic!>. – Этотъ чадъ суждений наполнилъ, сь весьма малымъ исключеніемъ, всѣ залы⁵⁰, весь партеръ, и Русскій человекъ не знаетъ, куда обернуться, чтобы, утирая сладостную слезу, исторгнутую музыкаю Глинки, не встрѣтить злой усмѣшки во фракѣ сь бархатными отворотами и сь лорнетомъ elastique въ рукѣ..... Давно, давно уже говорить о руссизмѣ, о Русскомъ, о національности; а теперь ясно, что высшій кругъ остался тѣмъ же жалкимъ, безхарактер [с.43/с.44] нымъ и притомъ безсовестнымъ подражателемъ (*)⁵¹... И что еще ужаснѣе, эти люди как бы изъ *одолженія* слушаютъ *Жизнь за Царя*, въ продолженіе всего акта лорнируютъ ложи, наконецъ въ самыхъ лучшихъ мѣстахъ оперы встаютъ и отправляются изъ перваго ряда къ выходу, останавливаются у каждаго ряда, здороваются, разговариваютъ.....(**)⁵².

Они жалки, очень жалки! Сердиться на них не стоитъ – и, кажется, подобныхъ нигдѣ, кромѣ Петербурга, нельзя найти.

Но есть еще цѣнители, и сужденія ихъ, къ несчастію, печатныя. Нѣсколько уже времени я догадываюсь и не могу догадаться, что бы заставило одну газету излить въ своихъ строкахъ какую-то художественную досаду, неудовольствіе? Неужели какая-нибудь національная гордость заставила автора помѣщенной въ ней статьи взяться за перо, чтобы впервые въ жизни сделать музыкальный разборъ и то неудачно?⁵³

Конечно, есть во второмъ актѣ слабыя роли (но не слабая музыка), речитативы: *Откуда? Романовъ? Где онъ?* произносимые г. Байковымъ скорѣе сме-

⁴⁷ это плохо – франц.

⁴⁸ во всехъ кабакахъ – франц.

⁴⁹ Сноска на с. 43: «(*) Было сказано въ первое представленіе въ одной изъ ложъ бель-этажа. *Прим. Сочинит.*»

⁵⁰ Это непонятное выраженіе «все залы», когда речь идетъ объ одномъ зале – зале Петербургскаго большого театра (ни въ какихъ другихъ «залахъ» опера не шла), скорее всего связано с цензурной правкой: «всеми залами», вероятно, заменили «все ложи», так как иначе под критику невольно попадала и императорская ложа. Это предположеніе подкрепляется и упоминаніемъ за «всеми залами» «всего партера», что было бы уместно в случае исходнаго варианта «все ложи».

⁵¹ Сноска на с. 44: «(*) Не слишкомъ ли пристрастно мнѣніе автора? Въ высшемъ кругѣ, какъ и въ другихъ кругахъ, было два мнѣнія: за музыку Глинки и *противъ* нея. Незнающіе и говорящіе о музыкѣ разсыпаны по всѣмъ рядамъ общества, и можетъ быть, ихъ менѣе въ высшемъ кругѣ, нежели въ другихъ. *Прим. Ред.*»

⁵² Сноска на с. 44: «(**) Да извинитъ насъ почтенный авторъ: этотъ портретъ списанъ не съ лучшаго общества; равнымъ образомъ къ нему не можетъ относиться большая часть того въ чемъ онъ его упрекаетъ. Впрочемъ это заблужденіе встречается у многихъ нашихъ писателей. *Прим. Ред.*»

⁵³ Имеется в виду статья Ф. В. Булгарина в «Северной пчелѣ» и польское происхождение ее автора.

шать, нежели производить уваженіе къ военачальнику. Конечно, слишком сильно отличается величественный, благородный характеръ Русскихъ предъ *крылатыми*⁵⁴. Но что же делать? Судьбы Вышняго неисповѣдимы, и онъ одинъ знаетъ, почему характеръ Русскаго народа великъ и благороденъ, почему то же есть и не великіе характеры. Во всякомъ случаѣ это вовсе не касается оперы.

Каждый ядъ имѣеть свое противоядіе, а послѣ горя и радость веселѣе! Съ какимъ же удовольствіемъ вы можете въ каждое представленіе насчитать нѣсколько десятковъ истинныхъ цѣнителей, которые умѣютъ восхищаться прекраснымъ; но ихъ сужденія, къ кнесчастью <sic!>, вы редко услышите; они вамъ только скажутъ: *четырехъ, пяти разъ мало слышать такую музыку, чтобы осмелиться сказать объ ней что-нибудь решительное*. Конечно, это слишкомъ скромно; но за то такой цѣнитель самъ себя измѣняетъ въ театрѣ: вы легко читаете въ его выраженіи лица, въ его движеніяхъ, въ этой невольно проблеснувшей слезѣ то, что онъ боялся повторить словами. Это настоящіе меломаны и притомъ съ душою Русскою. Для нихъ писалъ г. Глинка; онъ ихъ видитъ и понимаетъ. Первымъ цѣнителемъ онъ тоже умѣетъ отдать должную справедливость; онъ отъ души смѣется и смеясь благодаритъ ихъ за то, что они из *одолженія* наполняютъ ряды партера и усердно увеличиваютъ шумъ при вызовахъ.

Неоспоримо, что Итальянская, Французская и позже Немецкая музыка, будучи почти совершенно отработаны, получили всеобщую извѣстность и изъ нихъ образовалась общая Европейская музыка. Она такъ вкоренилась вездѣ, къ ней такъ прислушались, что обыкновенные безъискусственные звуки родной музыки не могли бы произвести на большее число людей замѣтнаго впечатленія.

Это условіе представило г. Глинке значительную трудность. Онъ долженъ былъ, руководствуясь общею музыкой, передать совершенно вѣрно звуки родные и тѣмъ поставить Русскую музыку на ту же степень, на которой стоятъ національныя мелодіи запада Европы. Трудность чрезвычайная, которую легко пойметъ всякой, кто хотя немного прислушается къ нашей мелодіи. Нѣтъ въ свѣтѣ болѣе своевольнаго, неправильнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ гармоническаго соединенія звуковъ, какъ въ Русскихъ напѣвахъ. Г. Глинка вполне успѣлъ въ этомъ дѣлѣ; онъ понялъ эти напѣвы и передалъ ихъ въ стройномъ цѣломъ, присоединивъ къ нимъ удивительную инструментовку, которая бы сделала честь любой изъ оперъ Обера, Галеви, Беллини или Доницетти. Онъ еще болѣе показалъ этимъ твореніемъ: онъ показалъ, что твердо владѣетъ перомъ музыки, что оно никогда не измѣняетъ ему, какъ бы различны ни были обстоятельства дѣйствій. И въ самомъ дѣлѣ, сколько противоположностей вы найдете въ *Жизни за Царя*? То беззаботность, семейное счастье, праздникъ, праздникъ свадебный, тихіе чувства счастливаго отца; то буйная веселость Поляковъ въ рѣзкихъ чертахъ мазурки, то опять картина семейнаго быта, сѣдая опытность и сладостная надежды отца, и ангельскія мечты питомца, птенчика! Не прошло минуты – и горесть, отчаяніе, потери все измѣняютъ. Величіе Русскаго характера беретъ верхъ надъ всѣмъ, любовь къ Царю рѣзко обозначается; и твердая рѣшительность, и теплая вѣра, и грустная, тяжелыя воспоминанія утраченнаго, соединяясь, показываютъ въ полной красотѣ Сусанина!...[с. 44/с. 45]

Прошли тягостныя минуты отчаянія, и грустная, унылая пѣснь одинокаго Вани облегчаетъ ужасъ предъидушаго впечатленія. Вы какъ бы ждали этой пѣсни; каждый звукъ ея проходитъ душу и успокоиваетъ; вы чувствуете слад-

⁵⁴ «Крылатые гусары» - элитная польская кавалерия, прозванная так за форму с крыльями за спиной.

кую слезу на щекѣ своей... Не стыдитесь этихъ слезъ: пѣснь вполне ихъ стоитъ, и авторъ болѣе цѣнить каждую изъ нихъ, нежели все длинныя, холодныя рассужденія о его сочиненіи. Ваша слеза молчалива, но она ручается автору за его славу; она молчалива и робка, но защищаетъ автора отъ всехъ непріязненныхъ сужденій.

Первый хоръ съ фугою, пѣснь Антонида, вся музыка II акта, тріо Антонида, Собинина и Сусанина, дуэтъ Сусанина и Вани, тріо техъ же трехъ лицъ («Время къ дѣвичнику»), семейная молитва, дуэтъ Собинина и Антонида («Сколько горя въ этотъ день избранный»), послѣдняя пѣснь Вани, финаль и особенно весь предсмертный монологъ Сусанина и вообще вся безъ исключенія инструментовка вполне доказываютъ неподдѣльный гениальный талантъ г. Глинки. Чемъ всякій авторъ, уже извѣстный и пользующійся славою, желалъ бы увѣнчать свои творенія, тѣмъ г. Глинка началъ свое поприще. Желаемъ ему въ послѣдующихъ трудахъ быть столь же сильнымъ, музыкальнымъ и чувствительнымъ, какъ въ «Жизни за Царя»: болѣе желать кажется невозможно.

Все желало и желаетъ успеха г. Глинкѣ, кромѣ высшей публики (*)⁵⁵. Наврядъ ли какая-нибудь опера была у насъ лучше выполнена и вообще и во всехъ частностяхъ. Одного только можно пожелать, чтобы игра г-жи Степановой и г. Леонова сделалась болѣе одушевленной.

Конечно, самая роль Антонида, не говоря о пѣніи, одна изъ труднѣйшихъ. Но чего нельзя ожидать и требовать отъ такого таланта, какимъ вполне обладаетъ г-жа Степанова. Г. Леонову самый лучший образецъ превосходная игра Петрова. Но что же сказать объ игрѣ г-жи Воробьевой? Трудно на чем-нибудь остановиться! Съ появленія «Жизни за царя» она стала выше всякаго сужденія и по игрѣ и по голосу. Въ одномъ только можно ее увѣрить, что вся публика безъ различія обожаетъ милого птенчика!

В. НЕВСКІЙ.

Обратили ли вы внимание на первое примечание редактора «Литературныхъ прибавлений» к этой статьѣ, в котором он цитируетъ письмо, сопровождавшее статью? Зачемъ 32-летний князь В. Ф. Одоевскій стал бы писать: «мое старое сердце расшевелилось» – и выдавать себя за неумелого писателя: «моя статья, неискусною рукою написанная»? Но это естественно для 50-летнего Вигеля, который до этого времени ничего не публиковал в печати.

Кроме того, в «Письмахъ к любителю музыки», противопоставляя сторонников и противников «Жизни за царя», князь Одоевскій никоим образом не разделяет их по общественному положенію. Ничего подобнаго не найдемъ мы и в другихъ его статьяхъ. Это не значит, что он никогда не осуждал высшій свет, но это могло быть в его повести или в собственномъ его дневникѣ⁵⁶, но не в журнальных или газетныхъ статьяхъ.

⁵⁵ Сноска на с. 45: «(*) Опять же заблужденіе автора. – *Прим. ред.*».

⁵⁶ Так, через 30 лет (что немаловажно – творческая натура не может оставаться неизменной в своихъ мнѣніяхъ десятилетиями), 20 декабря 1868 года, после посещения оперы «Жизнь за царя» в московскомъ Большомъ театре князь В. Ф. Одоевскій записал в дневникѣ: «наши такъ называемые аристократическіе слои публики поддерживаютъ в обществѣ свою репутацию анти-патриотизма» (см.: Дневникъ В. Ф. Одоевскаго. Хроника музыкальныхъ событій // Князь Владимиръ Одоевскій. Дневникъ. Переписка. Материалы. – М., 2005. С. 226). Но повторю: это – в личномъ дневникѣ и через 30 летъ после его первой статьи об оперѣ Глинки.

А в этой статье автор резко (и даже «зло», как отметил Пушкин) высказывается именно о «высшем круге»:

высший круг остался тем же жалким, безхарактерным и притом безсовестным подражателем <...> Они жалки, очень жалки! <...> Все желало и желает успеха г. Глинке, кроме высшей публики

и т. п.

Уместно сопоставить эти резкие высказывания о высшем круге с письмом Ф. Ф. Вигеля М. Н. Загоскину от 31 мая 1836 г., написанным всего за пять месяцев до премьеры оперы «Жизнь за царя». В этом письме Вигель, категорически не принимая гоголевского «Ревизора» как пасквиль на чиновничество, в то же время пишет о высшем свете, называя его «боярами»:

а нашим то Боярам и любо; все эти праздные трутни, которые далее Петербурга и Москвы России не знают, половину жизни проводят за границей, которые готовы смешивать с грязью и нас мелких Дворян, и Чиновников и всю нашу Администрацию, они в восторге от того что приобретают новое право презирать свое Отечество и указывая на сцену говорить: вот ваша Россия. Безумцы!⁵⁷

В тех же «Письмах к любителю музыки» князь Одоевский, разбирая сцены с участием поляков, не позволяет себе ничего против поляков как нации, разбирает только музыку.

В этой же статье мы видим строки:

Конечно, слишком сильно отличается величественный, благородный характер Русских пред *крылатыми*. Но что же делать? Судьбы Вышняго неисповедимы, и он один знает, почему характер Русскаго народа велик и благороден, почему тоже есть и не великие характеры. Во всяком случае это вовсе не касается оперы.

Действительно, «это вовсе не касается оперы», и князь Одоевский не стал бы об этом писать, а Вигель уже в письме к Одоевскому писал:

характеры двух наций музыкой чрезвычайно искусно оттенены; в Польском сколько важности и даже чванства, а в мазурке буйное, отчаянное веселье. Напротив, в Русском, в самых веселых песнях сколько тишины и благонаравия.

Польский вопрос в это время очень занимал Ф. Ф. Вигеля: как я уже упоминал, в августе 1836 года он даже предлагал Пушкину для «Современника» статью о польском вопросе, которая не была напечатана, так как цензура отрезала от нее почти половину из-за резкости политических высказываний.⁵⁸

Далее, вспомним упоминание Ф. В. Булгарина в письме Ф. Ф. Вигеля к князю В. Ф. Одоевскому («Один из них, Булгарин, сказал мне при выходе из театра, что это какое-то *potpourri* <попурри – *франц.*>; одною горькою улыбкой

⁵⁷ Хроника ... Т. 3, кн. 1. С. 650.

⁵⁸ Гиллельсон М. И. П. А. Вяземский: Жизнь и творчество. – Л., 1969. С. 251 – 253.

отвечал я ему») и откровенный, понятный каждому читателю того времени, намек на Булгарина в этой статье.

А также сравним отзыв Ф. Ф. Вигеля в письме о либретто барона Г. Ф. Розена («Либретто, мне кажется, никуда не годится <...> Но что за музыка!») с выражением в статье: «Конечно, есть во втором акте слабые роли (но не слабая музыка)».

Подозреваю, что внимательный читатель найдет и другие соответствия между письмом Ф. Ф. Вигеля (и другими его высказываниями) и этой статьей.

Во всяком случае, имея в виду переписку Пушкина и Одоевского о статье Вигеля, мне кажется не обосновательным предположение о том, что статья в «Литературных прибавлениях» принадлежит перу Филиппа Филипповича Вигеля. Конечно, редактор газеты А. А. Краевский мог даже просить князя В. Ф. Одоевского (который принимал активное участие в издании газеты) подредактировать рукопись Вигеля, против чего Филипп Филиппович вряд ли стал бы протестовать⁵⁹.

Вызывает удивление то, что статья даже в таком виде, со смягчающими редакторскими примечаниями, прошла цензуру. Конечно, здесь какую-то роль, вероятно, сыграло то, что цензором «Литературных прибавлений» был П. А. Корсаков. Не зря литераторы очень его уважали. Думаю, что будь на его месте А. Л. Крылов, то он так же «зарезал» бы эту статью, как и статью Вигеля о польском вопросе.

А то, что и последствий никаких для редактора газеты А. А. Краевского из-за этой именно статьи не возникло, полагаю, было связано с тем, что единственное, на что обратил внимание в этом номере газеты Министр народного просвещения и председатель Главного управления цензуры С. С. Уваров (чего он не мог спокойно пережить и на что было указано Краевскому), – был знаменитый некролог князя В. Ф. Одоевского: «Солнце русской поэзии закатилось!...».

Пушкин умер накануне.

⁵⁹ В свое время, посылая Пушкину свою статью о польском вопросе, Вигель писал в сопроводительной записке: «Не щадите моего самолюбия, скажите, дурно; но, если б, переделав, перекроив, вам вздумалось представить публике мой беглый труд, мне желательно бы было окрестить его следующим именем: Быстрый взгляд на историю славян» (XVI, 198), то есть он допускал, чтобы его статью напечатали, «переделав, перекроив».

Записка В. И. Даля о смерти Пушкина

Сразу же после кончины Пушкина близкие к нему люди – Василий Андреевич Жуковский, князь Петр Андреевич Вяземский, Александр Иванович Тургенев, граф Михаил Юрьевич Виельгорский – озаботились тем, чтобы собрать подробные свидетельства о дуэли и смерти Пушкина.

Свои записки передали им и бывшие при последних днях поэта врачи. Среди них – Владимир Иванович Даль, практически не отходивший от постели Пушкина с середины дня 28 января и до последних его минут 29 января 1837 года.

Эти записки были использованы В. А. Жуковским уже в феврале 1837 года в его письме к отцу поэта Сергею Львовичу Пушкину, жившему в то время в Москве. В подцензурном варианте (в печати было запрещено упоминать о дуэли) это письмо было напечатано в посмертном пятом томе пушкинского «Современника».

Записка В. И. Даля известна в нескольких вариантах, которые, сохраняя основу, отличаются все-таки в деталях. Он явно несколько раз сам переписывал свою записку для разных людей или целей. Были и копии его записки, переписанные чужой рукой.

Впервые один из вариантов ее был опубликован в 1860 году.¹ Затем этот вариант неоднократно включался в различные издания. Второй вариант, сохранившийся в коллекции А. Ф. Онегина-Отто и перешедший от него в Пушкинский Дом, был напечатан П. Е. Щеголевым в 1916 году и перепечатывался во всех последующих изданиях его книги «Дуэль и смерть Пушкина».² Эти два варианта и используются в современных публикациях, касающихся смерти Пушкина.

В рукописном отделе Российской Национальной библиотеки, в фонде князя В. Ф. Одоевского, сохранились еще два экземпляра записки В. И. Даля: его собственноручная записка и писарская копия. В основе своей они, конечно, совпадают с уже опубликованными, но в каких-то деталях различаются и с ними (начиная с названия), и между собой.

Естественно, они не остались вне поля зрения исследователей, о чем

¹ В. Даль. Смерть А. С. Пушкина // Московская медицинская газета. 1860. 3 дек. № 49. С. 389 - 394.

² П. Е. Щеголев. Дуэль и смерть Пушкина. Исследование и материалы. – Петроград, 1916 (второе издание – там же, 1917; третье – М. –Л., 1928). Текст книги по третьему изданию (с современными комментариями) был напечатан в издании 1987 года (М., Изд-во «Книга»).

говорят приложенные к ним, как полагается, листы использования, в которых отмечаются имена исследователей, даты и характер работы с документами. Поделюсь наблюдениями над этими листами. Я смотрел обе единицы хранения в 2009 и 2011 годах.

По состоянию на 8 ноября 2011 года с единицей хранения, включающей среди других документов и собственноручную записку В. И. Даля, начиная с 1950(?) года, познакомилось 25 человек, причем из знакомых мне фамилий исследователей я нашел только фамилии В. В. Ерофеева (1950 г.) и Б. Л. Бессонова («просмотр» – 2 октября 1968 г.). Смотрели ли они именно записку Даля, в листе использования не указано.

В то же время писарскую копию до меня (по состоянию на 7 ноября 2011 года) с 17 сентября 1962 г по 16 февраля 2009 г. просмотрели 11 человек; среди них: С. Л. Абрамович («прочитано» 1 марта 1973 г.); Г. М. Седова (смотрела 11 мая 1994 г, выписки – 31 января 2005 г.); Ю. П. Фесенко (смотрел 14 марта 1996 г., «уточнения» – 13 октября 1996 г.). Любопытно, что собственноручную записку Даля никто из названных исследователей не смотрел. Возможно, это связано с архивными особенностями этих документов. Писарская копия указана в описи как самостоятельная единица хранения с соответствующим описанием. В то же время собственноручная записка Даля «скрывается» в переплете № 101, который и является единицей хранения. Он содержит в себе много документов, в том числе и эту записку.

Поскольку эти два экземпляра записки В. И. Даля имеют некоторые отличия от уже опубликованных, я счел небесполезным опубликовать их. К тому же собственноручная записка отражает редакторскую работу Даля над ней, что само по себе интересно.

Ниже следует собственноручная записка В. И. Даля³.

Последніа сутки жизни Пушкина.⁴

28го Генваря, во второмъ часу пополудня<sic!>, встрѣтилъ меня Башуцкій⁵, когда я переступилъ порогъ его, роковымъ вопросомъ: слышали? и на отрицательный ответъ мой сказали, что Пушкинъ смертельно раненъ.

У Пушкина нашель я уже толпу въ передней и въ залѣ – страхъ ожиданія пробѣгалъ шопотомъ по блѣднымъ лицамъ. – Г.г. Арендъ⁶ и

³ ОР РНБ. Ф. 539, оп. 1, переплет № 101. Разные бумаги, в том числе: «(13) В. И. Даля: «Послѣдніа сутки жизни Пушкина» – статья собственноручная». 2 листа.

⁴ Основной текст написан одним почерком (№ 1), а заголовок приписан позже более тонким пером несколько иным, менее аккуратным почерком (№ 2). Поправки почерком № 1 явно сделаны в процессе написания основного текста. Поправки почерком № 2 сделаны в одно время, вероятно, при прочтении уже готового текста, написанного почерком № 1.

⁵ Башуцкий Александр Павлович (1803 – 1876), литератор, издатель «Журнала общепольных сведений».

⁶ Арендт Николай Федорович (1785 – 1859), врач-хирург, лейб-медик Николая I.

Спасскій⁷ пожимали плечами. Я подошелъ къ раненому – онъ подаль мнѣ руку, улыбнулся и сказалъ: «плохо, братъ.» Я присѣлъ къ одру смерти и не отходилъ от него до конца страстныхъ сутокъ. Пушкинъ въ первый разъ сказалъ мнѣ: ты – я отвечалъ ему тѣмъ же и – мы побратались съ нимъ за сутки до смерти его.

Пушкинъ заставилъ всѣхъ присутствовавшихъ сдружиться со смертію, такъ спокойно онъ ~~умиралъ~~ ожидалъ ее, такъ твердо былъ уверенъ, что послѣдній часъ его ударилъ. Плетневъ⁸ говорилъ мнѣ: глядя на него, я въ первый разъ не боюсь смерти. Пушкинъ положительно отвергалъ всякое утѣшеніе наше и на слова мои: мы надѣмся, не отчаивайся и ты – отвечалъ: «нет, мнѣ здѣсь не житье; я умру; да видно уже такъ и надо». В ночи на 29^е онъ повторялъ нѣсколько разъ подобное; спрашивалъ, напр. «который час?» и на ответ мой продолжалъ: «долголи мнѣ такъ мучиться! Пожалуста <sic!> поскорѣй!». Почти всю ночь держалъ онъ меня за руку, почасту просилъ ложечку холодной воды, кусочекъ льду и всегда при этомъ управлялся своеручно; бралъ самъ стаканъ съ ближней полки, теръ себѣ виски льдомъ, сымаль и накладывалъ на животъ припарки и приговаривалъ еще каждый разъ: «вотъ и хорошо, и прекрасно». Собственно отъ боли, страдалъ онъ по словамъ его не столько, какъ отъ чрезмѣрной тоски, что приписать должно воспаленію въ брюшной полости и воспаленію большихъ венозныхъ жилъ. «Ахъ какая тоска, восклицалъ онъ, когда припадокъ усиливался, сердце изнываетъ!» Тогда просилъ онъ поднять его, поворотить или поправить подушку и обыкновенно, не давъ кончить этого, останавливалъ словами: «довольно; ну вот и хорошо и прекрасно; теперь очень хорошо.» или: «постой, не надо; потяни меня только за руку – ну вотъ и прекрасно.» Вообще былъ онъ, по крайней мѣрѣ ~~в-обращ~~ со мною, покладливъ и послушенъ, какъ ребенокъ, дѣлалъ все, о чемъ я его просилъ и всѣмъ былъ доволенъ.

«Кто у жены моей?» спросилъ онъ ~~однажды~~ между прочимъ. Я отвѣчалъ: много людей о тебѣ заботятся – зала и передняя полны. «Ну, спасибо, ~~отвѣчалъ~~ продолжалъ онъ, однакоже, поди, скажи женѣ, что все слава Богу, легко; а то ей, пожалуй, наговорять!»

Съ утра пульсъ былъ крайне малъ, и слабъ и часть – послѣ полудня сталъ онъ подниматься, а <к> шестому часу ударялъ не болѣе 120 въ минуту и сталъ гораздо полнѣе и тверже; въ тоже время общая теплота тѣла возвысилась. Вслѣдствіе полученныхъ отъ Д^{ра} Арендта наставленій, припустили мы къ животу 25 пѣявокъ и послали въ тоже время за Н. Θ. <Арендтом> Онъ приехалъ и одобрилъ распоряженіе наше. Больной твердою рукою самъ ловилъ и припускалъ пѣявки и не охотно позволялъ намъ около себя копать. Пульсъ сделался еще ровнѣе, рѣже и гораздо мягче; я ухватился, какъ утопленникъ, за соломинку, робкимъ голосомъ провозгласилъ надежду и обманулъ и себя и другихъ. Пушкинъ замѣтилъ, что я сталъ пободрѣе, взялъ меня за руку и сказалъ: «Никого тутъ нѣтъ?» Никого, отвѣчалъ я. «Послушай, Даль, продолжалъ онъ, скажи мнѣ правду⁹, скоро-ли я умру?» Мы за тебя надѣмся Пушкинъ, отвечалъ я, право надѣмся! Онъ пожалъ мнѣ руку и сказалъ: «Ну, спасибо»; но по видимому онъ однажды только и то не на долго обольстился моей надеждой

⁷ Спасский Иван Тимофеевич (1795 – 1861), домашний врач Пушкиных.

⁸ Плетнев Петр Александрович (1792 – 1865), друг Пушкина, литератор, ректор Петербургского университета.

⁹ «правду» вписано над строкой почерком № 1.

– ни прежде, ни послѣ этого онъ ей не вѣрил; спрашивалъ нетерпѣливо: «скоро ли конецъ?» и прибавлялъ еще: «пожалуста поскорѣ!» Я налилъ и поднесъ ему рюмку кастороваго масла. ~~«Что и поднесъ ему~~ «Что это?» спросилъ¹⁰ онъ. Выпей, это хорошо, хоть можетъ быть на вкусъ и дурно. «Ну, давай» Онъ выпилъ тягучее масло это въ одинъ пріемъ и примовилъ: «Да это касторовое масло?» Оно; развѣ ты его знаешь? «Знаю; да зачѣмъ же оно плаваеъ на водѣ? Сверху масло, а снизу вода?» Все равно, сказалъ я, тамъ оно переболтаеъ! Онъ понималъ шутку, улыбнулся и отвѣчалъ: «Ну, хорошо, и то правда».¹¹

Впродолженіе долгой, томительной ночи, глядѣлъ я съ душевнымъ сокрушеніемъ на эту томительную борьбу жизни и смерти – и не могъ отбиться отъ трехъ словъ, трехъ страшныхъ словъ, которыя неотвязчиво раздавались въ ухахъ и въ головѣ моей и тѣмъ тѣснѣе были связаны съ настоящимъ происшествіемъ, что произнесены были самимъ поэтомъ, въ Онѣгинѣ:

Ну чтожь, убить!.....

О сколько силы и значенія въ трехъ словахъ этихъ! Они стоятъ знаменитаго Шекспирова вопроса: быть или не быть – ужасъ невольно обдавалъ меня съ головы до ногъ¹² – я сидѣлъ, не смѣядохнуть и думалъ: вотъ куда надобно приходитъ изучать опытную мудрость, философію жизни – сюда, гдѣ душа рвется изъ тѣла, гдѣ живое и мыслящее совершаеъ страшный¹³ переходъ свой въ мертвое и безотвѣтное. – Тамъ не найдешь

Когда тоска и боль его одолѣвали, онъ крѣпился усиленно и на слова мои: терпѣть надо, любезный другъ, пособить тебѣ нечѣмъ, но не стыдись боли своей, стонай, тебѣ будетъ легче – отвѣчалъ: «нѣтъ, не надо; жена услышитъ: и смѣшно же, чтобы этотъ вздоръ меня пересилилъ; не хочу.» Онъ продолжалъ, по прежнему, дышать часто и отрывисто, и но тихій стонъ его замолкъ на время воли.

Пульсъ сталъ упадать – и вскорѣ исчезъ вовсе. Руки начали стыть. Собственное выраженіе Пушкина: «смерть идетъ» – начинало сбываться. Ударило два часа пополудни. 29 Генваря¹⁴ и въ Пушкинѣ оставалось жизни — только на $\frac{3}{4}$ часа. Онъ раскрылъ глаза, и попросилъ моченой морожки. Когда ее принесли, то онъ сказалъ внятно: «Позовите жену, пусть она меня накормитъ». Дѣвъ Спасскій исполнилъ желаніе его. Наталья Николаевна опустила на колѣни у изголовья умирающаго, поднесла ему ложечку другую – и приникла лицемъ къ челу мужа. Пушкинъ погладилъ ее по головѣ и сказалъ: «ну, ничего, ничего, слава Богу, все хорошо.» Бодрый духъ все еще сохранялъ могущество свое – изрѣдка только полудремотное забвеніе на нѣсколько секундъ туманило мысли и душу, тогда умирающій подавалъ мнѣ руку, сжималъ ее и говорилъ: «Ну, подымай же меня, пойдемъ, да выше, выше – ну пойдемъ.» Опамятовавшись сказалъ онъ мнѣ: «А, это ты – мнѣ было пригрезилось, что я съ тобой лѣзу по этимъ книгамъ и полкамъ, высоко, и голова закружилась». Раза два онъ шурился и присматривался на меня и спрашивалъ: «кто это, ты, Даль чтоли?» и на отвѣтъ мой продолжалъ: «экой я, вообрази, не могъ тебя узнать.» Немного погодя онъ опять не уже не раскрывая глазъ, сталъ искать руку мою и

¹⁰ «"Что это?" спросилъ» вписано над зачеркнутым почерком № 1.

¹¹ Этой фразы об улыбке Пушкина нет в других вариантах записки В. И. Даля.

¹² Сначала написал: «съ головы до ногъ», потом исправил на «съ ногъ до головы», но потом опять восстановил: «съ головы до ногъ» – всё почерком № 1.

¹³ «страшный» вписано над строкой почерком № 1.

¹⁴ «29 Генваря» вписано над «29 февр.» почерком № 2.

потянувъ ее довольно сильно, сказалъ: «Ну, пойдемъ же, пожалуста, да только вмѣстѣ – пойдемъ, ну, ну.....» Я подошелъ къ В. А. Ж.<уковскому> и Гр.<афу Михаилу Юрьевичу> Вiельгорскому и сказалъ: отходить.¹⁵

Друзья и ближніе, молча, сложивъ руки, окружили изголовье отходящаго. Я, по просьбѣ его, взявъ его подъ мышки и приподнявъ повыше. Онъ вдругъ, будто проснувшись, быстро раскрылъ глаза, лице его прояснилось и онъ сказалъ: «кончена жизнь». Я не дослышалъ и сказалъ: да кончено, мы тебя поворотили.¹⁶ – «Жизнь кончена» сказалъ¹⁷ онъ внятно и положительно. «Тяжело дышать, давить» были послѣднія его слова. Всемѣстное спокойствіе разлилось по всему тѣлу – руки остыли по самыя плечи, пальцы на ногахъ, ступни и колѣни также – отрывистое, частое дыханіе измѣнялось болѣе и болѣе на медленное, тихое, протяжное – еще одинъ слабый, едва замѣтный вздохъ и – пропасть неизмѣримая уже раздѣляла живыхъ отъ мертваго! Он скончался так тихо, что многіе изъ предстоящихъ не замѣтили кончины его: В. А. Ж.<уковский> изумился, когда я ~~еказалъ~~ прошепталъ: аминь. Д^н Андреевскій¹⁸ наложилъ персты на вѣки его.

День смерти Пушкина, былъ день рожденія Жуковского. Въ этотъ же день Ж.<уковский> подписалъ послѣдній корректурный листъ своей¹⁹ Ундины: О томъ, какъ рыцарь нашъ скончался. По смерти Пушкина надо было опечатать казенныя бумаги – трупъ вынесли, и запечатали опустѣлую, рабочую комнату Пушкина – чернымъ сургучомъ. ~~Во всемъ домѣ~~ Краснаго, по словамъ Камердинера, не нашлось.

Рана Пушкина была – безусловно смертельная. Раздробленіе подвздошной и крестовой костей, неизлечимы. При такихъ обстоятельствахъ смерть могла послѣдовать: 1. отъ истеченія кровью; 2. отъ воспал. брюшныхъ внутренностей и оконечности становой жилы; 3^е самая медленная, томительная, отъ всеобщаго изнуренія. Раненый нашъ пережилъ первое и имѣлъ довольно времени, чтобы примириться съ ~~евѣтомъ~~ жизнью и уготовиться къ смерти; и – благодаря Бога, не дожиль до послѣдняго, чѣмъ избавиль и себя и ближнихъ своихъ отъ напрасныхъ страданій.

В.Даль.²⁰

¹⁵ Фраза «Я подошелъ къ В. А. Ж. и Гр. Вiельгорскому и сказалъ: отходить» приписана позже почерком № 2.

¹⁶ «и сказалъ: да кончено, мы тебя поворотили» вписано почерком № 2 над зачеркнутым «и спросиль тихо: Что кончено?»

¹⁷ «сказалъ» вписано почерком № 2 над зачеркнутым «отвѣчалъ»

¹⁸ Андреевскій Ефим Иванович (1789 – 1840), хирург.

¹⁹ «своей» вписано над строкой почерком № 1.

²⁰ Подпись – почерком № 1.

Далее следует писарская копия записки В. И. Даля²¹.

Последніа сутки жизни Пушкина.

28го Генваря, во второмъ часу полудня, встрѣтилъ меня Башуцкій, когда я переступилъ порогъ его, роковымъ вопросомъ: слышали вы? на ответъ мой: нѣтъ – рассказалъ, что Пушкинъ наканунѣ смертельно раненъ.

Я нашель у Пушкина толпу въ передней и въ залѣ – страхъ ожиданія пробѣгалъ шопотомъ по блѣднымъ лицамъ. Д.<-р> Арендтъ и Д.<-р> Спасскій пожимали плечами. – Я подошелъ къ болящему – онъ подаль мнѣ руку, улыбнулся и сказалъ: «плохо, братъ.» Я присѣлъ къ одру смерти и не отходилъ отъ него до конца страстныхъ сутокъ. Въ первый разъ Пушкинъ сказалъ мнѣ ты – я отвѣчалъ ему тѣмъ же и – мы побратались съ нимъ за сутки до смерти его, уже не для здѣшняго міра.

Пушкинъ заставилъ всѣхъ присутствовавшихъ сдружиться со смертію, такъ спокойно онъ ожидалъ ее, такъ твердо былъ уверенъ, что последній часъ его ударилъ. П. А. Плетневъ сказалъ мнѣ: глядя на Пушкина, я въ первый разъ не боюсь смерти. П.<ушки>^{нѣ} положительно отвергалъ утешенія наши и на слова мои: всѣ мы надѣмся, не отчаявайся <sic> и ты – отвечал: «нѣтъ, мнѣ ужъ не житье; я умру; да видно уже такъ и надо». В ночи на 29^е онъ нѣсколько разъ повторялъ то же; спрашивал, напр: который час и на ответъ мой снова говорилъ: «долго-ли мнѣ такъ мучиться! пожалуста<sic> поскорѣй!». Почти всю ночь держалъ онъ меня за руку, по часту просилъ ложечку холодной воды, кусочекъ льду и всегда при этомъ управлялъ своеручно: бралъ стаканъ самъ съ ближней полки, теръ себѣ виски льдомъ, самъ сымалъ и прикладывалъ себѣ на брюхо припарки; и проч. Собственно отъ боли страдалъ онъ, по словамъ его, не столько, какъ отъ чрезмѣрной тоски: что приписать должно воспаленію въ брюшной полости, а, можетъ быть еще болѣе воспаленію большихъ венозныхъ жилъ. «Ахъ какая тоска!» восклицалъ онъ когда припадокъ усиливался. «сердце изнываетъ!» Тогда просилъ онъ поднять его, повернуть или поправить подушку – и не давъ кончить этого, останавливалъ словами: «Ну, полно; такъ хорошо; вотъ и прекрасно, и довольно – теперь очень хорошо!» или: «постой, довольно; потяни только за руку – вотъ и прекрасно!» Вообще былъ онъ – по крайней мѣрѣ со мною, повадливъ и послушенъ какъ ребенокъ и дѣлалъ все, о чемъ я его просилъ и всѣмъ былъ доволенъ.

«Кто у жены моей?» спросилъ онъ между прочимъ. Я отвечал: много людей о тебѣ заботятся; и зала и передняя полна. «Ну, спасибо – отвѣчалъ онъ – однако же, поди, скажи женѣ, что все слава Богу, легко; а то, пожалуй, ей тамъ наговорять!»

Свечера пульсъ былъ крайне слабъ и часть – послѣ полуночи началъ онъ подыматься, а к 5^{мъ} часамъ ударялъ около 120 въ минуту и сталъ гораздо полнѣе и тверже; въ то же время началъ показываться небольшой общій жаръ. Въ слѣдствіе полученныхъ отъ Д-ра Арендта наставленій, приставили мы со Спасскимъ тотчасъ 25 пиявокъ и послали за Г. Арендтомъ. – Онъ пріехалъ и одобрилъ распоряженіе наше. Больной твердою рукою самъ ловилъ и

²¹ ОР РНБ. Ф. 539, оп. 2, № 1495. Даль Владимир Иванович. «Последние сутки Пушкина». Воспоминания. Писарская копия. 5 листов.

припускаль пѣвки, не охотно допускаль насъ около себя копаться и опять повторяль: «ну вотъ и хорошо и прекрасно». Пульсь сталъ еще ровнѣе, рѣже и гораздо мягче; я, какъ утопленникъ, ухватился за соломинку, робкимъ голосомъ провозгласилъ надежду и – обманулъ и себя и другихъ. П<ушки>^{нб} замѣтилъ, что я сталъ пободрѣе и спросилъ: «никого тутъ нѣтъ?» и на отвѣтъ мой: никого, взялъ меня за руку и сказалъ «Даль, скажи мнѣ правду, скоро ли я умру?» Мы за тебя надѣмся, отвечалъ я – право надѣмся! Он пожалъ мнѣ руку и сказалъ: «ну, спасибо—» но по видимому он однажды только и обольстился было моею надеждой: ни прежде, ни послѣ этого онъ ей не вѣрилъ; спрашивалъ нетерпеливо: «скоро-ли конецъ? – и прибавлялъ еще: «пожалуста поскорѣ!»

Впродолженіе долгой томительной ночи, глядѣль я съ душевнымъ сокрушеніемъ на эту таинственную борьбу жизни и смерти и – не могъ отбиться отъ трехъ словъ, изъ Онѣгина, трехъ страшныхъ словъ, которыя неотвязчиво раздавались въ ухахъ и въ головѣ моей – Ну, чтожъ? убить!...

Когда тоска и боль его одолѣвали, онъ крѣпился усиленно, и на слова мои: «терпѣть надо, любезный другъ, дѣлать нечего – но, не стыдись боли своей, стонай, тебѣ будетъ легче – отвѣчалъ отрывисто: «нѣтъ, не надо; жена услышитъ; да и смѣшно же это, чтобы этотъ вздоръ меня пересилилъ!»

Пульсь сталъ упадать примѣтно и вскорѣ исчезъ вовсе. Руки начали стыть. Ударило два часа пополудни 29го Января въ Пушкинѣ оставалось жизни – только на три четверти часа. П<ушки>^{нб} раскрылъ глаза и попросилъ моченой морожки. Когда ее принесли, то онъ сказалъ внятно: «позовите жену, пусть она меня накормитъ». Д. Спасскій исполнилъ желаніе его. – Наталья Николаевна опустилась на колѣни у изголовья умирающаго, поднесла ему ложечку, другую – и приникла лицомъ къ челу мужа. П.<ушкин> погладилъ ее по головѣ и сказалъ: «ну, ничего, ничего – слава Богу, все хорошо!»

Вскорѣ я подошелъ къ В. А. Жуковскому и Графу Віельгорскому и сказалъ: отходить:

Бодрый духъ все еще сохранялъ могущество свое – изрѣдка только полудремотное забвеніе на нѣсколько секундъ туманило мысли и душу – тогда умирающій нѣсколько разъ подавалъ мнѣ руку, сжималъ ее и говорилъ: «Ну, подымай же меня, пойдѣмъ, да выше, выше – ну, пойдѣмъ!» Опаматовавшись, сказалъ онъ мнѣ: «мнѣ было пригрезилось, что я съ тобой лѣзу по этимъ книгамъ и полкамъ, высоко – и голова у меня закружилась». Не много погодя онъ опять, не раскрывая глазъ, сталъ искать руку мою и потянувъ ее сказалъ: «Ну, пойдѣмъ же, пожалуста, да вмѣстѣ.»

Друзья и ближніе, молча, сложивъ руки, окружили изголовье отходящаго. Тутъ были В. А. Жуковский, П. А. Плетневъ, Гр. Віельгорскій, Др. Спасскій. – Наталью Николаевну вывели изъ комнаты. – По просьбѣ Пушкина, повернуть или поднять его, взялъ я его подъ мышки. другіе помогли мнѣ и мы приподняли его по выше. Онъ вдругъ, будто проснувшись, раскрылъ быстро глаза, лице его прояснилось и онъ сказалъ: «кончена жизнь». Я не дослышалъ и думалъ, что онъ спрашиваетъ: кончено ли, совсемъ ли я его приподнялъ – и спросилъ тихо: что кончено? – «жизнь кончена.» отвѣчалъ онъ внятно и положительно. «Тяжело дышать – давить» были послѣдніе его слова.

Спокойствіе разлилось по всему тѣлу – руки остыли по самыя плеча, пальцы на ногахъ, ступни и колѣна также – отрывистое, частое дыханіе измѣнялось болѣе и болѣе на медленное, тихое, протяжное — еще одинъ слабый, едва замѣтный вздохъ – и – пропасть необъятная раздѣляетъ живыхъ отъ мертваго.

Он скончался так тихо, что предстоящие не всё замѣтили его кончину: В. А. Жуковский изумился и ужаснулся, когда я сказалъ ему, что Пушкина уже нѣтъ!

День смерти Пушкина былъ день рожденія Жуковского. Въ тотъ же день Вас. Андреевичъ подписалъ послѣдній корректурный листъ своей Ундины: о томъ, какъ рыцарь нашъ скончался. По смерти Пушкина надобно было опечатать бывшія у него казенныя бумаги. Трупъ вынесли, какъ скоро былъ сдѣланъ гипсовый съ него слѣпокъ и запечатали опустѣвшую келію чернымъ сургучомъ; во всемъ домѣ не нашлось ни палочки красного сургуча.

При вскрытіи оказалось: подвздошная кость правой половины (os iliacum dextrum) раздроблена, часть крестцовой кости также – пуля затерялась около оконечности послѣдней. Кишки были воспалены, но гангрены не было; внутри брюшины до фунта спекшейся крови, вѣроятно изъ перебитой бедренной или брыжейчныхъ венъ. Пуля вошла в двухъ дюймахъ отъ верхней, передней оконечности правой чресельной кости, и прошла косвенно или дугою, внутри большого таза, и сверху внизъ, до крестцовой кости. П<ушки>^{нѣ} умеръ вѣроятно отъ воспаления большихъ венъ въ соединеніи съ воспаленіемъ кишекъ и воспаленіемъ оконечности становой жилы.

В. Даль.

Посмертный надзор

В 1842 году в журнале «Москвитянин», № 10, была напечатана подборка пушкинских писем, адресованных Михаилу Петровичу Погодину. Письма были пронумерованы, и последнее письмо имело № 29, но напечатано было только 15 писем; №№ 3, 9 – 20 и 25 были пропущены¹. Почему напечатаны не все, можно было только догадываться. Надо думать, что читатели, скорее всего, предполагали, что в пропущенных письмах содержится что-то не подцензурное.

Теперь, когда вся сохранившаяся переписка Пушкина опубликована, нам доступны и эти пропущенные номера. В основном это – двух-трехстрочные записки, посвященные главным образом попыткам поэта с помощью Погодина добыть денег для погашения большого карточного долга. Естественно, печати в то время они не подлежали – всё ещё было слишком свежо. Но то, что Погодин сохранил их, говорит о том, как он дорожил каждой строкой Пушкина, в отличие от многих пушкинских корреспондентов, не сохранивших писем поэта.

Практически сразу же после гибели Пушкина, 11 марта 1837 года, Погодин писал князю Петру Андреевичу Вяземскому, одному из соиздателей посмертных томов пушкинского «Современника»:

Хорошо было бы, если бы вы объявили в Современнике желание, чтобы все, имеющие у себя письма Пушкина, относились к вам и присылали бы копии для напечатания. Надо сохранить всякую его строку. И так уже мы растеряли сколько.²

В архиве Погодина сохранилась небольшая «записная тетрадь» (так она названа архивистами) за 1836 – 1837 гг. с разрозненными, иногда датированными, записями.³ Она представляет собой две не сшитые тетрадки: л. 1 – л. 4 – одна тетрадка из двух сложенных пополам листов; л. 5 – л. 12 – вторая тетрадка из 4 таких же листов, но не исключено, что первоначально листы были сложены по-другому.

¹ Б. Л. Модзалевский в предисловии к первому тому известного, подробно комментированного издания писем Пушкина, рассказывая об истории публикации пушкинских писем и говоря о публикации в «Москвитянине», писал, очевидно, опираясь на номер последнего письма: «Погодин опубликовал 29 писем и записок» (см.: Пушкин. Письма / Под редакцией и с примечаниями Б. Л. Модзалевского. Т. 1. 1815 – 1825. – М.-Л., 1926. С. XL).

² Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Вып. XXIII-XXIV. – Пб., 1922. С. 121. Прим. 5.

³ НИОР РГБ. Ф. 231/1, картон 39, ед. хр. 7.

Это – не дневник. Дневник велся самостоятельно. А здесь были в основном заметки о том, что надо сделать или написать, черновые наброски, например, черновик слова о Пушкине, которое Погодин произнес на своей лекции в университете после получения известия о смерти поэта, черновик упомянутого выше письма к князю П. А. Вяземскому.

Среди этих записей мы то и дело встречаем такие заметки:

Письма Карамзина должны быть у Евгения <митрополита>
Дмитриева <И. И.>
Вяземского <П. А.>
Жуковского <В. А.>

<...>

Пушкина у Плетнева <П. А.>
Языкова <Н. М.>⁴

<...>

Съ Жук.<овским> о Пушкине
об его письмах⁵

<...>

Письма к П. В. Нащокину из Петерб.<урга>⁶

В списке книг, предполагаемых Погодиным для издания, видим: «Письма Пушкина»⁷.

Не удивительно, что первый достаточно объемный корпус пушкинских писем был опубликован именно в погодинском «Москвитянине». Но любопытно, что эту публикацию сопровождало примечание:

Помещаем эти письма, пользуясь отсутствием Редактора Москвитянина, из его собрания материалов для Истории Русской Словесности.⁸

Дело в том, что Погодин 7 июля 1842 года выехал из Москвы, отправившись в путешествие по Европе⁹, а вернулся обратно только 10 ноября¹⁰, тогда как цензор В. П. Флеров подписал разрешение на печать «Москвитянина» с пушкинскими письмами 29 октября.

Основным сотрудником Погодина по «Москвитянину» был С. П. Шевырев, а после погодинского отъезда ему пришлось готовить номера журнала практически в одиночестве. В последних числах сентября (после 23-го) жена Погодина писала ему из Москвы:

⁴ Там же. Л. 2. Запись сделана, вероятно, в феврале 1837 года, когда до Москвы еще не дошла весть о кончине митрополита Евгения в Киеве 23 февраля этого года.

⁵ Там же. Л. 3. Жуковский, будучи в Москве вместе с цесаревичем наследником Александром Николаевичем, записал в дневнике 31 июля 1837 г.: «После обеда на Девичьем поле у Погодина» (см.: Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. – М., 1999. Т. 14. Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1834. – 1847 гг. С. 69).

⁶ Там же. Л. 11.

⁷ Там же. Л. 8 об.

⁸ Москвитянин. 1842. № 10. С. 456.

⁹ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 7. – СПб, 1895. С. 3.

¹⁰ Там же. С. 61.

Степан Петрович Шевырев измучился, жаль смотреть на него.¹¹

Вероятно, испытывая недостаток материалов для очередного номера журнала, С. П. Шевырев и решил воспользоваться «запасами» Погодина, который, без сомнения, знакомил Шевырева с ними и высказывал желание когда-нибудь напечатать письма Пушкина.

Конечно, и Погодин, и Шевырев понимали, что напечатать пушкинские письма без некоторых изъятий будет невозможно. Думаю, что самим Шевыревым не только были исключены упомянутые выше пушкинские записки, но и проведена некоторая первоначальная «цензура» при переписывании для передачи писем в Цензурный комитет. Понятно было, например, что недопустимо упоминать о личной царской цензуре пушкинских произведений.

Так, первое из напечатанных пушкинских писем (от 29 ноября 1826 г.) начиналось фразой (XIII, 307):

Милый и почтенный, ради бога, как можно скорее остановите в моск.<овской> цензуре всё, что носит мое имя – *такова воля высшего начальства.*

Естественно, фраза: «такова воля высшего начальства» – должна была быть исключена.¹²

Пятое письмо (от 31 августа 1827 года) начиналось абзацем (XIII, 340):

Победа, победа! *Фауста* царь пропустил, кроме двух стихов: *Да модная болезнь, она Недавно вам подарена.* Скажите это от меня господину, который вопрошал нас, *как мы смели* представить пред очи его высокородия такие стихи! Покажите ему это письмо и попросите его высокородие от моего имени впредь быть учтивее и снисходительнее. Плетнев доставит вам Сцену, с копией отношения Бенкендорфа. Если моск.<овская> цензура всё-таки будет упрячиться, то напишите мне, а я опять буду беспокоить государя императора всеподданнейшею просьбою и жалобами на неуважение выс.<очайшей> его воли.

В печати этот абзац будет выглядеть так:

Победа, победа! *Фауст* пропущен, кроме двух стихов. Скажите это от меня господину, который вопрошал нас, *как мы смели* представить пред очи его высокородия такие стихи! Покажите ему это письмо и попросите его высокородие от моего имени впредь быть учтивее и снисходительнее¹³

Естественно, упоминаемые в письмах фамилии сокращались до инициала.

Не приходится сомневаться в том, что и цензор Флеров внес в сокращения свою лепту.

Письмо № 28 (около, не позднее, 7 апреля 1834 года) на две трети было посвящено возмущению Пушкина тем, что его избрали в Общество любителей российской словесности при Московском университете вместе с Булгариным.

¹¹ Там же. С. 48.

¹² Москвитянин. 1842. № 10. С. 456.

¹³ Там же. С. 457.

Поэт воспринял это как пощечину (XV, 123). Шевырев, похоже, оставил в посланной в Цензурной комитет копии письма всю пушкинскую тираду. Как и в других письмах, копия письма начиналась с номера. Цензор вырезал (или вычеркнул красными чернилами) всё начало письма, содержавшее тираду, вместе с номером. И письмо в журнале начиналось не номером, как другие письма, а многоточием.¹⁴

Цензура коснулась и остальных писем.

Но, оказывается, этого было мало.

Публикация пушкинских писем не прошла мимо зоркого взгляда кого-то из сотрудников III Отделения, и 9 ноября 1842 года за подписью графа А. Х. Бенкендорфа было направлено отношение № 89 С. С. Уварову как Председателю Главного управления цензуры, причем, как в насмешку, и в своем отношении III Отделение объединило Пушкина с Булгариным, который тоже вызвал недовольство начальства:

Вашему Высокопре [л. 2 об./л. 3] восходительству более нежели кому нибудь извѣстно, до какой степени противно волѣ Государя Императора помѣщеніе въ журналахъ и другаго рода изданіяхъ статей не приличныхъ, и потому осмѣливаюсь представить на Ваше просвѣщенное сужденіе выписку изъ писемъ Пушкина къ Погодину, напечатанныхъ въ 10 № журнала «Москвитянинъ», какъ равно и нѣкоторые мѣста изъ «Комаровъ» Г. Булгарина.

Какъ въ письмахъ Пушкина встречаются неприличные выходки противъ публики, литературы, цен [л. 3/л. 3 об.] зурь и частнаго лица, то позвольте Ваше Высокопревосходительство изложить Вамъ мое мнѣніе, что ежели издатели «Москвитянина», печатая въ журналѣ своемъ эти письма, имѣли намѣреніе познакомить публику съ настоящими качествами Г^{на} Пушкина, въ такомъ случаѣ цѣль ихъ истинно похвальна, но не менѣе того Г^н Цензоръ не имѣлъ права и не долженъ былъ пропускать къ печатанію неприличной брани, столь нетерпимой Правительствомъ. Далее. Какъ «Комары» Г^{на} Булгарина¹⁵ также исполнены личностей, грубыхъ [л. 3 об./л. 4] намековъ и даже ругательства, то Г. Цензоръ при разсмотрѣніи этой книги также обязанъ былъ поступить съ большею осторожностію, и тѣмъ еще болѣе, что современныя всякаго рода изданія явно доказываютъ, до какой степени господа сочинители, увлекаясь страстями, не хотятъ понимать, что ихъ литературная война ни мало не можетъ быть занимательна для читателей, и сколько ихъ неприличныя выраженія оскорбляютъ образованную публику.

Выписка

изъ писемъ Пушкина къ [л. 4/л. 4 об.] Погодину, напечатанныхъ въ 10^м № журнала Москвитянинъ

Письмо № 5 стр. 458 PS

«Публика наша глупа, но не должно ее морочить.»

Письмо № 26 стр. 466.

«У насъ критика конечно ниже даже и самой публики, не только самой литературы».

¹⁴ Там же. С. 468.

¹⁵ Булгарин Ф. В. Комары. Всякая всячина. Рой первый. – Спб., 1842. Цензор П. А. Корсаков подписал разрешение на печать 6 марта 1842 г.

Письмо 1833 года 5го Марта стр. 468.

«Вообще пишу много про себя, а печатаю по неволѣ и единственно для денегъ: охота являться передъ публикою, которая васъ не понимаетъ, чтобъ дураки ругали васъ потомъ шесть мѣсяцевъ въ своихъ жур [л. 4 об./л. 5] налахъ только, что не Было время, литература была благородное аристократическое поприще. Нынѣ это вшивый рынокъ»

Письмо № 5 стр. 457.

«Побѣда, побѣда! Фаустъ пропущенъ кромѣ двухъ стиховъ. Скажите это господину, который вопрошалъ насъ, какъ мы смѣли представить предъ очи Его Высокородія такие стихи! Покажите ему это письмо, и попросите Его Высокородіе отъ моего имени впредь быть учтивѣе и снисходительнѣе».

Письмо №26 стр. 267¹⁶.

Недавно прочелъ я въ его журналѣ сравненіе меж [л. 5/л. 5 об.] ду мной и П....., оба де морочатъ публику: одинъ выманиваетъ у ней деньги, выдавая по одной главѣ своего Онегина, а другой по одному тому своей исторіи..... Н. воленъ находить мои стихи дурными, но сравнивать меня съ вымъ, есть съ его стороны.....ство»¹⁷.

Из приведенных III Отделением выписок видно, что, например, в пятом письме Пушкина, о сокращении которого редактором или цензурой я писал выше, по мнению «высшего начальства», и в сокращенном виде не следовало упоминать вообще о том, что «Фауста» кто-то пропустил.

Письмо № 28, которое и так было сокращено на две трети и даже лишилось своего номера, оказывается, также лучше было сократить совсем и уж, во всяком случае, не упоминать о «вшивом рынке».¹⁸

И остальные три выписки из писем Пушкина не менее «принципиальны».

¹⁶ Здесь сказалась «дотошная точность» III Отделения. Дело в том, что на самом деле это была страница 467, но в журнале была допущена опечатка в номере этой страницы (267 вместо 467) и эта опечатка была воспроизведена в отношении III Отделения.

¹⁷ ОР РНБ. Ф. 831 (Цензурные материалы), ед. хр. 4, лл. 2 об. – 5 об. Далее следуют выписки из книги Булгарина:

Комары.

Всякая всячина Фаддея Булгарина.

На первых страницах своих Комаровъ Г. Булгаринъ жалуется на личности, которые позволяют себѣ наши литераторы.

Стр. 9 и 10.

«..... оскорбленное авторское самолюбіе часто [л. 5 об./л.6] сбивается съ истиннаго пути и у нас! Намекъ заступаетъ мѣсто открытой личности....

..... Вотъ, напримеръ, посмотрите, какимъ образомъ выставленъ журналистъ въ такъ называемой, комедіи водевилъ: Петербургскіе квартиры! Хуже всякаго подъячего и ябѣдника!...»

А между тѣмъ, самъ Г. Булгаринъ, въ техъ же Комарахъ, на страницахъ 90 и 91 печатаетъ слѣдующій явный намекъ на автора Петербургскихъ квартиръ:

«– Ну, а этотъ водевилистъ, котораго вы показывали мнѣ в театрѣ, когда игра [л. 6/л. 6 об.] ли его пьесу : Собачьи Конуры, въ которой онъ вывелъ на сцену прежнихъ своихъ кормильцевъ, и представилъ ихъ ворами и разбойниками.... Въ немъ вѣрно душа какого-нибудь ужаснаго звѣрька... –Напримеръ – душа сказочнаго осла! Вы думаете, что онъ золь – онъ просто глупъ, и какъ осель лягаетъ тѣхъ, которые его кормятъ и чистятъ скребницей»

¹⁸ При этом в отношении III Отделения этому письму ошибочно приписали дату предыдущего письма: «Письмо 1833 года 5го Марта».

Можно не сомневаться, что С. С. Уваров в этой ситуации полностью разделял мнение графа А. Х. Бенкендорфа.

Как отношение III Отделения отразилось на редакторах «Москвитянина» и цензоре, мне – увы! – не известно.

Радугин и Хлестаков (Об одном из возможных источников «Ревизора»)¹

В октябре 1834 г. в «Литературных прибавлениях к Русскому Инвалиду» была напечатана следующая заметка:

Хвастунъ въ дальней губерніи

Радугинъ, между самыми высокими своими достоинствами поставляетъ то, что онъ въ Москвѣ родился, въ Москвѣ выросъ, въ Петербургѣ служилъ, въ Москвѣ состарѣлся, и притомъ былъ постояннымъ дѣйствительнымъ членомъ Благороднаго собранія, Англійскаго клуба и Скаковаго общества, вѣчно имѣлъ годовыя кресла в театрѣ и не пропустилъ ни одного гулянья ни подъ Новинскимъ, ни подъ Дѣвичьимъ, ни на Трѣхъ горахъ, ни въ Марьиной рошѣ, ни во Всесвятскомъ, ни на Нѣмецкихъ станахъ.

Въ прошедшемъ году ему случилось быть у насъ въ Саратовѣ: онъ говорилъ только объ одной Москвѣ; сравнивалъ наши привычки и обычаи съ столичными, находилъ страннымъ всё, что хотя на вершокъ отъ нихъ отступало; ему весьма хотѣлось, чтобы весь Саратовъ преобразился ему въ угоду. Онъ говорилъ о Дворѣ, какъ царедворецъ; о писателяхъ, какъ будто бы всё они друзья съ нимъ; о высшихъ обществахъ, какъ будто бы онъ первенствовалъ въ нихъ. Онъ переписывается съ министрами; у него просятъ совѣта члены Государственнаго Совѣта; онъ пользуется уваженіемъ, извѣстностью; для него открыты мѣшки съ червонцами банкировъ. По его мнѣнію, только въ Москвѣ и Петербургѣ живут люди просвѣщенные, съ дарованіями, знающіе обращеніе и хорошій тонъ.

И онъ не стыдился говорить это передъ людьми старыми, заслуженными, образованными, которые *видали виды*, и передъ такими, которые *на обухъ рожь молотятъ и зерна не уронятъ*, и передъ такими, <въ> которыхъ *въ ступъ пестомъ не попадешъ*. Чудное дѣло! Или онъ всехъ насъ считалъ пошлыми дураками, или страсть выдавать себя за человѣка значительнаго ослѣпляла его; но он до того однажды забылся, что смотря съ балкона на пышную и величавую Волгу, вскричалъ: “*Волга порядочная рѣка для губернскаго города*”².

¹ Опубликовано: *Philologica*, 2001/2002. Том 7. № 17/18. – М., 2003. С. 167 – 172; последний абзац статьи предложен М. И. Шапиром, который редактировал ее.

² Литературные прибавления к Русскому инвалиду. 1834. 17 октября. № 83. С. 658 – 659.

Заметка была напечатана без подписи в разделе «Пересмешник», который вел и чаще всего заполнял собственными текстами (под разными псевдонимами или без оных) редактор газеты А. Ф. Воейков.

Следующей осенью, в октябре – декабре 1835 г., под пером Гоголя на бумагу ложились монологи и реплики Хлестакова.

Невольно напрашиваются некоторые сопоставления.

О чем и как говорил Радугин?

Повторяя полностью второй абзац заметки, приведем, где это возможно, параллельные места из последней редакции «Ревизора»³:

Радугин	Хлестаков
Въ прошедшемъ году ему случилось быть у насъ въ Саратовѣ:	«Я еду в Саратовскую губернию, в собственную деревню» (с. 35)
онъ говорилъ только объ одной Москвѣ;	Хлестаков постоянно говорит о Петербурге: «Эх, Петербург! что за жизнь, право!» (с. 48).
сравнивалъ наши привычки и обычаи съ столичными, находилъ страннымъ всё, что хотя на вершокъ отъ нихъ отступало; ему весьма хотелось, чтобы весь Саратовъ преобразился ему въ угоду.	
Онъ говорилъ о Дворѣ, какъ царедворецъ;	«Во дворец всякий день езжу» (с. 50)
о писателяхъ, какъ будто бы всѣ они друзья съ нимъ;	«Литераторов часто вижу. С Пушкиным на дружеской ноге» (с. 48); «Как же, я им всем поправляю стихи» (с. 49).
о высшихъ обществахъ, какъ будто бы онъ первенствовалъ въ нихъ.	«Я всякой день на балах. Там у нас и вист свой составился. Министр иностранных дел, французский посланник, немецкий посланник и я <...> А любопытно взглянуть ко мне в переднюю, когда я еще не проснулся. Графы и князья толкутся и жужжат там, как шмели» (с. 49 – 50).
Онъ переписывается съ министрами;	«Я прямо к министру!» (с. 33); в передней у Хлестакова: «Иной раз и министр...» (с. 50).

³ Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений. Т. IV. Ревизор. [М. – Л.], 1951. Все цитаты из комедии приводятся по тексту этого издания, поэтому в ссылках указывается только номер страницы.

у него просят совета члены Государственного Совета;	«Меня сам государственный совет боится» (с. 50).
он пользуется уважением, известностью;	«<...> я даже стараюсь всегда проскользнуть незаметно. Но никак нельзя скрыться, никак нельзя! Только выйду куда-нибудь, уж и говорят: “Вон”, говорят, “Иван Александрович идет!”» (с. 48)
для него открыты мешки с червонцами банкиров.	
По его мнению, только в Москве и Петербурге живут люди просвещенные, с дарованиями, знающие обращение и хороший тон.	Хлестаков говорит о помещиках – соседях по саратовской деревне: «<...> лакей <Хлестакова>, золотая ливрея, входит»: «“Иван Александрович Хлестаков из Петербурга, прикажете принять?” Они, пентюхи, и не знают, что такое значит “прикажете принять”. К ним если приедет какой-нибудь гусь помещик, так и валит, медведь, прямо в гостиную» (с. 30); «Я ему <отцу Хлестакова> прямо скажу: как хотите, я не могу жить без Петербурга <...> душа моя жаждет просвещения» (с. 36); «Ведь это только в столице бон-тон и нет провинциальных гусей» (с. 61).

В ранних редакциях комедии можно найти и некоторые дополнительные параллели между репликами Хлестакова и рассказом о Радугине:

В театре я каждый день, знаете, так, как свой (с. 180); Да, меня уже везде знают, я на всех гуляньях бываю (с. 294).

Сходные характеристики персонажей в «Ревизоре» и «Литературных прибавлениях к Русскому Инвалиду» не ограничиваются лишь теми, кто врет, но и затрагивают и тех, кому врут. Радугин «не стыдился» важничать

перед людьми старыми, заслуженными, образованными, которые *видали виды*, и перед такими, которые *на обухъ рожь молотят и зерна не уронять*, и перед такими, <въ> которыхъ *въ ступь пестомъ не попадешь*.

Почти так же мог бы сказать о себе и гоголевский городничий, человек старый и заслуженный, выдавший виды, который никогда не упустит своего, не погнушается чужим и, казалось бы, всегда выйдет сухим из воды:

Тридцать лет живу на службе; ни один купец, ни подрядчик не мог провести; мошенников над мошенниками обманывал, пройдох и плутов таких, что весь свет готовы обворовать, поддевал на уду; трех губернаторов обманул!.. что губернаторов! (*махнув рукой*) нечего и говорить про губернаторов... (с. 93).

Надо, однако, отметить, что ситуация, в которой оказался Радугин, не имела ничего общего с ситуацией Хлестакова. Радугина никто не принимал за другое лицо, он был самим собой. Объединяет их только «страсть выдавать себя за человек значительного», или «желанье порисоваться», как назвал это Гоголь в «Предупреждении для тех, которые пожелали бы сыграть как следует “Ревизора”»:

Актер особенно не должен упустить из виду это желанье порисоваться, которым более или менее заражены все люди и которое больше всего отразилось в Хлестакове, желанье ребяческое, но оно [бывает] у многих умных и старых людей <выделено мною. – И. С.>, так что редкому на веку своем не случилось в каком-либо деле отыскать его (с. 118).

Выделенные слова относятся и к Радугину, который уже «состарился», но этой страсти не утратил.

Любопытно, что набор вымыслов, с помощью которых Радугин и Хлестаков раздувают свое значение в глазах окружающих, совпадает почти полностью, а некоторые расхождения объясняются, пожалуй, именно различием ситуаций. В самом деле, Хлестакову, который не мог расплатиться с трактирщиком, нельзя было похвалиться тем, что для него открыты мешки банкиров, но зато (в отличие от Радугина, находившегося среди людей образованных) он мог присвоить себе авторство «Юрия Милославского» или «Фрегата Надежды».

Конечно, Радугин охарактеризован в заметке практически с одной стороны и, естественно, ни в коем случае не может рассматриваться как главный и тем более единственный прообраз Хлестакова. В то же время считать случайными отмеченные совпадения не приходится – их слишком много. Но и тут встает вопрос о первоисточнике. Вряд ли «Хвастун в дальней губернии» есть только плод «чистого» воображения Воейкова. Вполне возможно, заметка – это литературно обработанный рассказ о действительных событиях, и не исключено, что статья в «Литературных прибавлениях к Русскому Инвалиду» и «тематика» хлестаковских рассказов восходят к общему устному источнику.

Но реальный анекдот мог сначала лечь в основу газетной заметки и уже оттуда быть почерпнут автором комедии. Во всяком случае, на такую возможность сам Гоголь на страницах «Ревизора». Сперва Хлестаков предлагает Тряпичкину описать случившееся и участников событий в статье для периодического издания:

Ты, я знаю, пишешь статейки: помести их в свою литературу (с. 91)⁴

Уже потом, ознакомившись с этим письмом Хлестакова, городничий понимает, что дело может получить огласку, и опасается стать героем комедии:

Разнесет по всему свету историю; мало того что пойдешь в посмешище – найдется щелкопёр, бумагомарака, в комедию тебя вставит (с. 94).

⁴ В ранних редакциях назывался конкретный печатный орган: «Ты пишешь там разные статейки для Библиотеки для чтения: пожалуста, их помести туда и окритикуй» (с. 352, ср. с. 223), но в окончательном тексте пьесы название журнала было убрано.

Заметка, обнаруженная в «Литературных прибавлениях к Русскому Инвалиду», заставляет предположить, что генеалогия образов «Ревизора», возможно, находит отражение в самой комедии.

Письма А. П. Бакунина

Светлой памяти Владимира Ивановича Сысоева

В 2004 году вышла в свет книга Владимира Ивановича Сысоева «Тверской губернатор Александр Павлович Бакунин»¹ о биографии пушкинского соученика по Лицею. Это была одна из целой серии его книг, посвященных роду Бакуниных, – книг, насыщенных многими новыми фактическими данными.

Публикуя обнаруженное им в рукописном отделе РГБ письмо А. П. Бакунина П. В. Киреевскому, В. И. Сысоев писал:

Вообще писем Бакунина до нас дошло очень мало, и поэтому каждое дошедшее письмо представляет большую ценность – как информация и как характеристика личности, круга его друзей, отношений с ними. В письмах черты характера проявляются несколько по-иному, нежели в официальных бумагах.²

А писать биографию А. П. Бакунина Сысоеву пришлось в основном именно по официальным служебным материалам, и он сетовал:

личная его жизнь без семейных бумаг так и осталась за семью печатями.³

Мне довелось неоднократно общаться с Владимиром Ивановичем на почве нашего общего интереса к роду Бакуниных.

В январе 2010 года Владимир Иванович Сысоев скончался, работая над книгой об одной из первых русских сестер милосердия – Екатерине Михайловне Бакуниной.

В том же 2010 году, в октябре, мне довелось работать в Петербурге в рукописном отделе РНБ. Я занимался тогда пушкинской темой.

Позволю себе привести запись из моего дневника:

28 октября 2010 г. Четверг. Петербург.

<...>. Не спешил, так как заказанное в РНБ накануне обычно бывает готово к трем часам, а из того, что оставалось, мне надо было списать одну страничку.

<...>

Был первый час, но оказалось, что новые материалы уже принесли.

¹ Сысоев В. И. Тверской губернатор Александр Павлович Бакунин. – Тверь, 2004.

² Там же. С. 243.

³ Там же. С. 6.

Списал оставшееся письмо А. Веневитинова к Одоевскому по поводу проекта З. Волконской о создании музея слепков.

Из новых материалов мало что интересно.

Но неожиданно обнаружил ошибку в атрибуции материалов.

Я увидел в описи фонда Шевырева письма Василия Михайловича Бакунина к нему, и решил их посмотреть. Про Василия Михайловича не так уж много известно. Правда, письма уже послепушкинского времени, но я их заказал именно из-за Василия Михайловича. Стал их смотреть. Что такое? Он пишет о каком-то сыне от первого брака и дочерях. А в моей росписи <Бакуниных> он значится бездетным. Никогда ничего о его семье не встречалось. Надо все эти данные списать. И пишет почему-то из Твери, где, судя по письмам, он служит. Про это я тоже не знал. Читаю дальше, и вдруг возникает подозрение. Ведь это же не Василий Михайлович, а Александр Павлович, в это время – тверской гражданский губернатор, и дети – его. Конечно, не зря же он называет Шевырева братом – они были женаты на родных сестрах.

И первый, о ком я подумал, был Сысоев. Вот кто действительно этому обрадовался бы! Он написал хорошую документальную книгу про Александра Павловича, опубликовал в ней много архивных материалов и очень жалел, что нигде не нашел никаких частных писем Александра Павловича, только все, связанное со службой. А они – вот лежат. Что особенно обидно, – он ведь и в этом рукописном отделе работал. Возможно, даже смотрел в картотеке, что есть про Бакуниных, но не мог же он подумать, что в карточке неверно указано имя и что за этой карточкой скрываются письма не Василия Михайловича, который на карточке указан, а Александра Павловича, которые ему так хотелось найти.

Вот эти письма⁴.

Первое из них адресовано жене Шевырева, а остальные – самому С. П. Шевыреву. Они были женаты (Бакунин – первым браком) на сестрах, и потому Бакунин часто называет Шевырева братом, а его жену – сестрой.

С 16 декабря 1842 года по 18 октября 1857 года Бакунин был Тверским гражданским губернатором, после чего вышел в отставку.

[л. 1]

Прилагаемое при семъ письмо получилъ на другой день проѣзда⁵ любезнаго Степана Петровича а потому въ цѣлости возвращаю его Вамъ безцѣнной <sic!> Сестрѣ <Софье Борисовне Шевыревой>⁶. Приѣздомъ Степана Петровича и Бориса⁷ я былъ болѣе чѣмъ обрадованъ но досадою на перваго въ

⁴ ОР РНБ. Ф. 850, ед. хр. 119.

⁵ Через Тверь.

⁶ Жена С. П. Шевырева – Софья Борисовна, урожденная Зеленская (1809 – 1871), внебрачная дочь князя Б. В. Голицына (1769 – 1813). 28 апркля 1834 года А. И. Кошелев писал князю В. Ф. Одоевскому: «Шевыревъ женится на дѣвицѣ Зеленской, воспитанницѣ Кн. Дм. Влад. Голицына. Она собою не смазлива, но за то имѣетъ двѣсти тысячъ рубликовъ. Объ умѣ и сердцѣ судить не могу, ибо едва разменялъ съ нею нѣсколько словъ. Шевыревъ очень влюбленъ, и находитъ ее даже Итальянскою Красавицею». (см.: ОР РНБ. Ф. 539, оп. 2, ед. хр. 637, л. 40 об. – 41).

⁷ Сын С. П. Шевырева – Борис Степанович Шевырев (1835 – 1888).

малой увѣренности его что по дружбѣ которую ему питаю <sic!> и пыль его облежавшая въ минуту приѣзда въ Тверь была бы мнѣ не противна и что въ слѣдствіе етаго не остановились у меня. – Вотъ плоды просвѣщенія!!! [л. 1/л. 1 об.] то ли дѣлалось въ прежніе годы между пріятелями и особенно между родными. —————

Вамъ Сестра жалуясь и прошу неоставить безъ взысканія виновнаго. –

Цѣлую миліонъ разъ ваши ручки обнимая брата <С. П. Шевырева>, Бору и прочихъ цѣлую остаюсь душою Вамъ преданный

А. Бакунинъ

23 Июля <sic!>
1844. <Тверь>

[л. 2]

Любезнѣйшіе Степанъ Петровичъ и Софья Борисовна, пользуюсь отъездомъ въ Москву Бешитова <?> чтобы писать къ Вамъ и исполнить давно обѣщанное, а именно по возможности уплатить Вамъ долгъ мой.

Состою я Вамъ должнымъ по Заемному письму отъ 18 Февраля 1835 года 5000 р. ассигн:<ациями> на сумму сію процентовъ съ 18 Февраля 1845 г. на 3. Октября того же года т: е: за семя съ половиною мѣсяцевъ (считая въ мѣсяць процентовъ со всей суммы 25^р ассигн:<ациями>, или въ годъ 300^р ассигн: <ациями>) 187^р 50 к. ассигн.<ациями> что составитъ итогъ долга въ 5187^р-50 к. ассигн.<ациями>. Въ уплату онаго посылаю – 2187-50 к. ассигн:<ациями> слѣдовательно остаюсь остаюсь Вамъ должнымъ еще 3000 руб: ассигн:<ациями> на которые высылаю новое заемное письмо и причитающіеся за годъ въ передъ проценты 180 руб. ассигн:<ациями>, прошу принять и то и другое и возратить мнѣ старое заемное письмо, которое хочу сохранить въ память прошедшаго и какъ знакъ дружбы Вашей ко мнѣ и доказательствомъ Вашей снисходительности. Новое Заемное письмо написалъ срокомъ [л. 2/л. 2 об.] на два года, но обещаюсь сделать возможное чтобы и въ будущемъ году уплатить если не весь долгъ свой то по крайней мѣре половину онаго. – Обнимая брата и цѣлую у сестры ручки благодарю за долговременное терпѣнье. – За настоящею уплатою хотя нужда моя быть въ Москвѣ стала значительно менѣе однако продолжаю желать свидѣться съ Вами и думать о поѣздкѣ въ Москву.

Новаго у насъ нѣтъ ничего и не желаемъ его ибо старое наше хорошо особенно относящееся до дома нашего до семьи нашей. – Мои всѣ Вамъ кланяются

Дѣлая то же прошу помнить и Любить искренно и душевно Вамъ преданнаго брата

А. Бакунина

1 Окт.
1845. <Тверь>

Виновать, любезнѣйшій другъ и братъ Степанъ Петровичъ, что не отвѣчалъ ранѣе на письмо Ваше, но ей ей недосугъ; ибо всѣ мѣста и Лица⁸ желаютъ къ концу года покончить сколь можно болѣе дѣлъ, выходить, что я ими доволенъ. – при семь посылаю Вамъ обязательство покойнаго К.<нзя> Д.<митрия> В.<ладимировича>⁹ съ надписью моею объ уплатѣ. – Очень любопытенъ видѣть бумагу <Московского опекунского> Совѣта, ибо изъ Твери писалъ я къ К.<нзяю> Влад.<имиру> Дмитр.<иевичу>¹⁰ прося его къ предположенному ими для написанія въ объявленіе Совѣту¹¹ прибавить. 1ое представить попечителю дѣтей моихъ, въ случаѣ смерти моей полученіе изъ Совѣта процентовъ для содержанія дѣтей и 2ое разрешить мнѣ выдачу денегъ или части оныхъ и до совершеннолѣтія дѣтей или выхода въ замужество дочерей для покупки имѣнія, когда представлю удостовѣреніе присутственнаго мѣста [л. 3/л. 3 об.] что действительно покупаю на имя одного или трехъ дѣтей моихъ перваго брака¹² – имѣніе; при етомъ объяснилъ, что желаю послѣднее прибавленіе потому, что нахожу необходимымъ при совершеннолѣтіи Николая дать ему для жизни не капиталъ а имѣніе; ибо послѣднее составляетъ прочную собственность, первое же въ распоряженіи молодаго человѣка легко можетъ известись. —

Мои частію – больны частію – выздоравливають и частію – здоровы; въ послѣднемъ состояніи я, жена¹³ и меньшая дочь Варвара, во второмъ состояніи Катя, бывшая въ оспѣ, которую получила отъ Татіаны, – въ первомъ состояніи Татіяна, получившая оспу отъ брата своего она передала ее Катѣ стала поправляться а теперь снова въ сыпи, Коля тоже заплатилъ дань етой болезни, занемогъ [л. 3 об./л. 4] онъ въ то время когда я былъ въ Москвѣ и занесъ къ намъ въ домъ ету болѣзнь отъ которой бѣдная Татіяна отдѣлаться не можетъ – впрочемъ оспа ета не опасна, ибо она ненастоящая. – Вотъ Вамъ донесеніе о состояніи дома нашего, затѣмъ прощайте, обнимая и поздравляя съ наступающими праздниками <Рождествомъ Христовымъ> Васъ добрую и милую Сестру – молодца Бориса и Кикишу¹⁴ остаюся искренно вамъ преданный

А. Бакунинъ

24 дек

1845 <Тверь>

⁸ Имеется в виду администрация Тверской губернии.

⁹ Князь Дмитрий Владимирович Голицын (1771 – 1844), московский генерал-губернатор, в семье которого воспитывались его племянницы – сестры Зеленские.

¹⁰ Князь Владимир Дмитриевич Голицын (1815 – 1888), сын Д. В. Голицына.

¹¹ Речь идет, вероятно, о наследственных делах после смерти князя Д. В. Голицына, скончавшегося 27 марта 1844 года. Сестры Зеленские, которые воспитывались у него после смерти отца (князя Б. В. Голицына), вероятно, были включены князем в его духовную, и им были завещаны какие-то суммы. А поскольку одна из них – первая жена Бакунина – Анна Борисовна Зеленская (1802 – 1835⁴) – тоже уже умерла, то ей наследовали ее дети, т. е. дети А. П. Бакунина от первого брака, и, вероятно, их долю положили в сохранную казну Московского опекунского совета до достижения ими совершеннолетия.

¹² Дети А. П. Бакунина от первого брака: Татьяна (1827 – 1900), Николай (1828 – 1893) и Екатерина (1833 – 1911).

¹³ Вторая жена (с 1838 года) – Мария Александровна Шулепникова (1808 ? – 1871).

¹⁴ Семейное прозвище дочери С. П. Шевырева Екатерины (род. в 1844 г.).

P:S: совершенно забылъ отвѣтить Вамъ относительно Г^{жи} Васильевой: 1, Она съ мужемъ дѣйствительно имѣютъ весьма ограниченное состояніе, но живя скромно и благоразумно могутъ не быть въ нуждѣ. 2 Г. Васильевъ теперь въ К. Подольской Губерніи¹⁵ въ гор. Проскуровѣ началъ [л. 4/л. 4 об.] никомъ жандармской команды. 3^е Жена его Г^{жа} Васильева въ Іюлѣ отправилась къ мужу своему получивъ отъ него на проѣздъ деньги – изъ пожалованныхъ ему по случаю перевода его изъ Твери.

При семь препровождаю также присланный Вамъ проектъ надписи. Кажется списалъ его верно. Прошу Васъ любезнѣйшій Степанъ Петровичъ повѣрить согласны ли суммы въ билетѣ Совета съ тою въ которой расписался я именно 37.714 р 28½ к.

37,714 р. 28½ коп. сер.
№ 11,236 1845 Дек. 18.

[л. 5]

Любезнѣйшій другъ и родной Степанъ Петровичъ, получивъ возможность исполнить обѣщаніе, спѣшу препроводить при семь составленное по моему приказанію служащимъ при мнѣ Чиновникомъ изъ Кандидатовъ Московскаго Университета <Лаврентіемъ Гайдуковымъ> «Краткое описаніе Тверской Губерніи»¹⁶. – Примите благосклонно етотъ трудъ, составленныиъ насоро, при огромномъ недосуге, пробѣгите его и скажите откровенно стоило ли для составленія етого описанія тратить хоть сколько нибудь времени. –

Увѣренъ, что ради дружбы Вы непохвалите дурное, но можетъ быть не захотите сказать и слишкомъ горькую правду а потому прошу Васъ убѣдительно высказать ее не щадя нашего самолюбія – прошу объ етомъ тѣмъ болѣе что сами мы недовольны и Типографскою работою и даже отчасти изложеніемъ собственно потому что о нѣкоторыхъ предметахъ, по собраннымъ нынѣ относительно ихъ свѣденіямъ, можно было бы сказать болѣе того что напечатано въ описаніи. –

[л. 5/л. 5 об.]

Съ наступившимъ праздникомъ <Рождествомъ Христовымъ> я жена и всѣ мои поздравляемъ всѣхъ Васъ а по случаю наступленія новаго года желаемъ встретить его и провести въ полномъ счастьи и не забывая искренно и много Васъ любящихъ. —

Второго Января жена моя и Татіяна отправляются въ Петербургъ къ Сыну <Николаю>, взглянуть на него юнаго офицера¹⁷ и помочь ему совѣтами для жизни въ Свѣтѣ. – По цѣли для которой мои ѣдутъ неслѣдовалобы ожидать ихъ возвращенія въ Тверь въ скоромъ времени – но какъ въ Петербур.<ге> одинъ Сынъ а въ Твери остаются трое дѣтей съ отцомъ озабоченнымъ дѣлами службы а потому возвращеніе моихъ будетъ къ великому посту¹⁸.

¹⁵ Вероятно, в Каменец-Подольском уезде Подольской губернии.

¹⁶ Краткое описание состояния Тверской губернии, основанное на сравнении статистических данных 1783 и 1846 года. – Тверь: В типографии Губернского Правления, 1847.

¹⁷ Николай в это время – прапорщик лейб-гвардии Семеновского полка (см.: Сысоев В. И. Тверской губернатор Александр Павлович Бакунин... С. 321).

¹⁸ В 1849 году великий пост начинался 14 февраля.

Но пора кончить, цѣлую ручки у Sophie мысленно обнимая Васъ и дѣтей остаюсь навсегда искренно и душевно Вамъ преданный

А. Бакунинъ

26 декабря
1848. <Тверь>

[л. 6]

21 Апр. 1850 г. Тверь

Дражайшіе родные Степанъ Петровичъ и Софья Борисовна, много и премного виновать особенно передъ Сестрою, что столь давно не писалъ и не отвѣчалъ на милыя письма ея, но право немогъ удосужиться все это время начиная съ декабря ибо занятъ былъ столь много и дѣлами столь важными, что нетолько не имѣлъ возможности писать къ друзьямъ, но даже заниматься собственными дѣлами – надѣюсь что повѣривъ етому вы простите мнѣ мое молчаніе – и простите вполнѣ ради сознанія въ винѣ и ради наступающаго великаго Праздника <Пасхи>¹⁹ съ которымъ Васъ всѣхъ поздравляю при желаніи всего лучшаго.

У насъ въ Семье слава Богу все благо [л. 6/л. 6 об.] получно, – въ большой Семье моей было не безъ греха²⁰, но съ помощью Божіею чинившіе оный обнаружили и принятыми относительно ихъ мѣрами лишены возможности продолжать свои дѣйствія – возня съ ними помѣшала кончить дѣло болѣе пріятное которымъ дѣятельно занимался и которымъ надѣялся къ пасхѣ подарить Любителей Рускаго, – а именно надѣялся кончить совершенно 1, начатое описаніе Тверскаго дворца разумѣется не однихъ стѣнъ, но съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ свѣденій о тѣхъ которые въ немъ пребывали и 2, Критическій разборъ Исторической Записки о Твери, рукопись прошедшаго столѣтія, составленная Тверитяниномъ [л. 6 об./л. 7] и довольно занимательная, но увы надежды мои неисполнились, первое только подготовлено – второе хотя готово, но требуетъ просмотра, а какъ до досуга еще не дожиль егдо <следовательно – *лат.*> то и другое еще полежить. – Вотъ Вамъ друзья еще доказательство справедливости моего оправданія выше сего принесеннаго – итакъ будьте милостивы, простите, продолжайте любить попрежнему – вѣря неизмѣнности моихъ къ Вамъ чувствъ

в.<есь> В.<аш> А. Бакунинъ.

P. S. Жена и всѣ дѣти просятъ Васъ поздравить съ наступающимъ Праздникомъ и всѣ желаютъ Вамъ встрѣтить и [л. 7/л. 7 об.] проводить ихъ въ полной радости.

¹⁹ В 1850 году пасха приходилась на 23 апреля.

²⁰ Имеется в виду конфликт, возникший в конце 1849 г. у А. П. Бакунина как губернатора с губернским прокурором бароном Н. О. Тизенгаузенем на почве выявленного нарушения делопроизводства в полиции (см.: Сысоев В. И. Тверской губернатор Александр Павлович Бакунин... С. 184 – 186).

[л. 8]

Любезнѣйшій родной Степанъ Петровичъ – зная Васъ решаюсь утрудить просьбою нижеслѣдующею. – В. Н. Муравьевъ²¹ былъ Вашъ сослуживецъ и былъ женатъ на дѣвицѣ Московской²² слѣдовательно более или менѣе онъ Вамъ извѣстенъ какъ человекъ и можно Вамъ узнать каковъ онъ былъ дома относительно жены. – Вопросъ этотъ дѣлаю не безъ причины и весьма важной, а потому убѣдительно прошу сообщить мнѣ о В. Н. что вы знаете, какъ Вы его разумѣете и полагаете ли что онъ [л. 8/л. 8 об.] можетъ составиь счастье той которая соединилась бы съ нимъ.²³ –

Хотя В. Н. М. я видель но не болѣе 2 разъ и на такое короткое время съ нимъ сходилъ что не могъ его узнать. – О службѣ его въ Ярославлѣ²⁴ слухи весьма въ пользу его, – о службѣ его въ Москвѣ²⁵ говорятъ двойкою, иные хвалятъ его другіе нѣтъ. О Семейной жизни его ничего узнать не могъ слышалъ только что покойная жена его была премилая – но была ли она счастлива не знаю – а этого знать мнѣ всего нужнѣе. Зачѣмъ обращаюсь я къ Вамъ съ вышеписанными во [л. 8 об./л. 9] просами теперь не объясню но сдѣлаю позднѣе при личномъ свиданіи что будетъ въ концѣ настоящаго мѣсяца, впрочемъ догадаться немудрено и особенно когда присовокуплю просьбу отвѣчать мнѣ сколь можно скорѣе и со всею откровенностію ибо не ради любопытства а ради любви къ семье своей дѣлаю вопросы съ которыми обратился къ Вамъ. Прежде чѣмъ кончить прошу обнять отъ меня всѣхъ Вашихъ.

весь Вашъ А. Бакунинъ

3 ноября

1852. <Тверь>

[л. 10]

27 Мая 1854 <Тверь>

Любезнѣйшій другъ и родной Степанъ Петровичъ получивъ 2 письма Ваши от 11 мая съ г Казаковымъ и отъ 18 мая съ 2 иноками Болгарскаго Монастыря, спѣшу отвечать на онья.

1ое по первому письму сдѣлано что возможно, ибо: принимая въ соображеніе что г Казакову не достаточно быть на службѣ, но что бы имѣть право на полученіе черезъ 2 года службы слѣдующаго чина, нужно ему быть на штатномъ мѣстѣ, а потому я ему таковое съ порядочнымъ содержаніемъ

²¹ Валериан Николаевич Муравьев (1811 – 1869).

²² Первая жена В. Н. Муравьева – Софья Григорьевна Гежелинская (1828 – 1850), от брака с которой родился сын Николай (1850 – 1908).

²³ Судя по всему, речь идет о возможном браке дочери А. П. Бакунина Татьяны с В. Н. Муравьевым. Он в это время был Костромским губернатором, и, вероятно, Бакунины общались с ним, так как в Костромской губернии у них было имение Райково. Татьяна с 1849 года была фрейлиной императрицы Александры Федоровны. Брак не состоится, и Татьяна до конца жизни останется незамужней.

²⁴ 28 августа 1848 – 15 июня 1850 – ярославский вице-губернатор.

²⁵ 15 июня 1850 – 28 февраля 1852 – помощник попечителя Московского учебного округа.

пріискаль въ Канцеляріи общаго Присутствія Губернскаго Правленія²⁶ и надѣюсь что на дняхъ представленіе объ немъ пойдетъ въ Инспекторскій департаментъ.

[л. 10/л. 10 об.]

²⁶ по последнему письму Вашему принесли мы всѣмъ Семействомъ въ жертву возможное, и отрекомендовалъ я лично Тверскому нашему городскому Головѣ странствующихъ Иноковъ и надѣюсь, что они останутся довольными. – Многого имъ дать нельзя, ибо граждане града нашего все это время многимъ и неоднократно жертвовали въ пользу войскъ и дѣйствующихъ, и выходящихъ изъ Губерніи и проходившихъ черезъ ея²⁷ – подробное исчисленіе хотя неполное напечатано въ Фельетонѣ <Русского> Инвалида № 116. Темъ не менее возможное будетъ сделано и для бедныхъ Болгаръ, изъ бывшихъ отъ васъ у насъ [л. 10 об./л. 11] младшій кажется образованнѣе.

Оба письма Ваши почтеннѣйшій Степанъ Петровичъ много порадовали меня вѣстью о миломъ Вашемъ Борисѣ, имѣнно доказательствомъ, что въ Васъ любовь къ отечеству выше сильной любви Вашей къ учености. – Безъ первой любви – и въ той мѣрѣ, какъ видно по дѣлу, она есть – едвали Вы решились на то, что решились относительно сына. Помогите Богъ Борису вотъ что отъ души желаю ему и желаемъ мы всѣ его и Васъ знающіе и по знанію любящіе искренно и отъ души.

По желанію Татіаны Александровны (дочери моей) посылаю Вамъ при семь трудъ тверской [л. 11/л. 11 об.] одного бывшаго Вашего Студента, Татіаны Александровны и одной подруги ея Тверской дамы, послѣднія двѣ хотя не значатся на заглавномъ листкѣ брошюры тѣмъ не менѣе переводчицы и даже кончаютъ переводъ другой брошюрки служащей продолженіемъ первой нынѣ посылаемой, прочтите этотъ трудъ и если онъ порядоченъ то похвалите позволеніемъ прислать нѣсколько экземпляровъ для тѣхъ которые не читали еще эту брошюрку. Цѣна оной 60 к. такъ незначительна, что не разоритъ а содержаніе болѣе чемъ ценно. – Вотъ образецъ какъ подвигается впередъ Тверь – переводъ, печать, словомъ все Тверское а еще поживя и сами сочинимъ подобное. Затемъ обнимая Васъ и цѣлуя отъ души ручки у Sophie остаюсь навсегда душевно Вамъ преданный А. Бакунинъ.

P.S. Когда Борисъ пріѣдетъ къ Вамъ обнимите его и отъ насъ.

[л. 12]

3/19 Января 1861 г. М.:<осква>

Дражайшій Степанъ Петровичъ, посланіе свое начну упрекомъ, за то что не простаясь хоть письменно, не только измѣнили бѣлокаменной Москвѣ, но и православной Руси.²⁸ По обыкновенію съ концемъ Ноября мы прибыли въ Москву, первымъ дѣломъ было узнать про Васъ и что же узнали что Вы положительно уѣхали и даже основались въ Флоренціи. Зная какъ Вы и въ особенности Сестра Софья Борисовна желали это переселеніе, не могли не порадоваться исполненію Вашего желанія, но вмѣстѣ съ тѣмъ не могли не

²⁶ Титулярный советник Андрей Иванович Казаков будет стряпчим по казенным делам (см.: Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве, 1856. Часть II. С. 162).

²⁷ Идет Крымская война 1853 – 1856 гг.

²⁸ 25 сентября 1860 годв С. П. Шевырев покинул Москву и уехал в Италию.

пожалеть о невозможности свиданія съ Вами на немалое время и кромѣ того я въ особенности не могъ не пожалеть что хоть при отъездѣ Вашемъ не пришелъ Вамъ на память, теперь получивъ эти строки надѣюсь вспомните душевно Вамъ всѣмъ преданнаго и много Васъ любящего роднаго. –

Про пребываніе наше въ Москвѣ новаго сказать нечего. Здѣсь по-обычному холодно, даже нерѣдко очень, снѣжно, мятельно, словомъ какъ было и въ прошедшій годъ въ настоящую пору. Родныхъ, друзей и знакомыхъ нашли благодаря Бога здоровыми и по-прежнему въполнѣ расположенными къ намъ, ерго <следовательно – лат.> отъ Людей намъ [л. 12/л. 12 об.] здѣсь хорошо и даже очень, отъ климата же увы не больно здорово, а потому ради своего недуга (катар грудной) съ прїѣзда въ Москву, сижу дома, визитовъ не дѣлаю и вижу только тѣхъ добрыхъ знакомыхъ которые сами желаютъ оказать мнѣ свою дружбу, благодаря Бога оказывается ихъ довольно и само собою разумѣется въ числе оказываются неизменными и Зубковъ²⁹ и Юрьевъ³⁰. Съ ними при свиданьи вспоминаемъ про Васъ и воображаемъ какъ Вы наслаждаетесь.

Про Шиповыхъ³¹ кромѣ хорошаго ничего сообщить не могу даже Дпрья Алексѣвна повозможности бодрствуетъ и даже такъ что нерѣдко визиты свои дѣлаетъ въ саняхъ³², новобрачные ея³³ тоже здравствуютъ и весьма интересны, новый годъ жена моя и дочери наши со всѣми Шиповыми и съ братомъ жены моей³⁴ и съ женою его встрѣчали у Николая Павловича весело и дружно, я же какъ старый инвалидъ и Кити³⁵ ради легкой простуды оставались дома въ товариществѣ съ Морфеемъ.

У дамъ моихъ выѣзды по обыкновению дѣло второстепенное, а потому только въ той мѣрѣ, въ какой крайне необходимо для удовлетворенія приличія, свиданья съ подругами не входятъ [л. 12 об./л. 13] въ счетъ прочихъ выѣздовъ, занятія попрежнему главное ихъ препровожденіе времени, чтеніе и рисование забавляютъ В.<арвару> А.<лександровну>, чтеніе и музыка особенно пѣніе занимаютъ Е.<катерину> А.<лександровну>. которая ради этого членъ Филармоническаго общества Московскаго, Т.<атьяна> А.<лександровна> увлекается чтеніемъ, художествами и цвѣтоводство<мъ>, Италію все любить попрежнему, но безъ Васъ практиковаться въ Итальянскомъ не можетъ, впрочемъ быть можетъ не на долго ибо часто подумываемъ и поговариваемъ о

²⁹ Василий Петрович Зубков (1799 – 1862), в 1820-х годах – чиновник в Москве, вместе с А. П. Бакуниным и И. И. Пущиным – член общества «Семиугольной, или Семисторонней, звезды» или «Практического союза», знакомый Пушкина..

³⁰ Юрьев Сергей Андреевич (1822 – 1888), математик, астроном, театралтный деятель. С 1846 г. по 1853 г. служил в тверском губернском правлении (см.: Сысоев В. И. Тверской губернатор Александр Павлович Бакунин... С. 189).

³¹ Семья Николая Павловича Шипова (1806 – 1887). Он по матери приходился родственником (двоюродным братом?) второй жене А. П. Бакунина. Выйдя в отставку, Н. П. Шипов вел хозяйство в своих имениях на научной основе и прославился как сельскохозяйственный деятель.

³² Дарья Алексеевна, жена Н. П. Шипова, урожденная Окулова (1811 – 1865), в это время страдала чахоткой.

³³ 11 ноября 1860 года дочь Шиповых Ольга Николаевна (1842 – 1915) вышла замуж за Бориса Сергеевича Шереметева (1822 – 1906) из не графской ветви Шереметевых.

³⁴ У второй жены Бакунина было три брата: Николай, Сергей и Алексей Александровичи Щуплепниковы. (см.: Сысоев В. И. Тверской губернатор Александр Павлович Бакунин... С. 65).

³⁵ Дочь Екатерина.

преѣздѣ на Зиму въ Италію именно туда гдѣ Вы т. е. въ Флоренцію, если свѣденія объ удобствѣ пребыванія тамъ, по климату и по дешевизнѣ разумѣется при комфортабельной жизни окажутся удовлетворительными. Отъ Васъ дражайшій Степанъ Петровичъ ждемъ етихъ свѣденій, пожалуста сообщите какъ живется во Флоренціи, можно ли нанять помѣщеніе достаочное для нашей семьи состоящее все изъ большихъ. Доктора наши находятъ что дабы уничтожить радикально причину болѣзни осаждающей меня всякую осень и терзающую меня всю зиму до весны необходимо мнѣ осень и зиму провести гдѣлибо въ климатѣ менѣе постоянно и долго суровомъ чѣмъ каковъ нашъ климатъ, приговоръ етотъ должен [л. 13/л. 13 об.] ствующій продолжаться болѣе одной зимы и порадило <sic> въ насъ мысль, не будетъ ли возможно намъ лѣто для дѣлъ своихъ проводить въ Россіи, осенью же для здоровья переселяться на югъ, въ Флоренціи имѣть главную свою квартиру, а оттуда по средствамъ и по желанію дѣлать набегі на другія мѣста.

Подъ вліяніемъ Флорентинскаго неба сообразите съ Сестрою проектъ нашъ и сообщите на досугѣ исполнимъ ли онъ или нѣтъ. Васъ не много менѣе чѣмъ насъ ибо Васъ 4, насъ же при пилигримствѣ можетъ быть не болѣе 6, слѣдовательно и путешествіе наше можетъ стоить болѣе чѣмъ Ваше путешествіе только половиною болѣе, и т. д. слѣдовательно и мы при намѣреніяхъ вести въ чужихъ краяхъ жизнь скромную можемъ вполне руководствоваться Вашею опытностію. Если то о чемъ прошу, не затруднить Васъ, пожалуста исполните мою просьбу. – Вѣсти Московскія слѣдующія: Ермоловъ очень нездоровъ и мало надеженъ къ выздоровленію³⁶. – Гвоздевъ <Александр Александрович> Тайный Советникъ и кавалеръ, бывшій директоръ депар.<тамента> Общихъ дѣлъ Министер.<ства> в.<нутренних> д.<ел> на Осташевской ст.<анции> ж.<елезной> д.<ороги>, упалъ подъ Вагоны и раздавленъ и обезглавленъ, Sic transit Gloria mundi! <Такъ проходитъ мирская слава! – лат.> – Про Сипацію³⁷ говорятъ, иные что она совершится въ Февралѣ, другіе въ Октябрѣ.

[л. 12, нижнее поле, верхомъ вниз:] передавая всѣмъ поклоны всѣхъ своихъ, обни [л. 12, верхнее поле, верхомъ вниз] маю и остаюсь весь Вашъ А.Б.

[л. 13 об., верхнее поле, верхомъ вниз:] Адресъ нашъ д. Засѣцкаго Малая Никитская и Садовыя. —

[л. 14]

17/29_Февр. 1861 года

Спасибо Вамъ другъ и родной Степанъ Петровичъ за любезное письмо Ваше отъ 31/19 Ян.<варя> изъ Флоренціи которое получилъ своевременно – благодарю за всѣ подробности письма Вашего сильно вызывающія къ тому чтобы быть жителями же Вашихъ блаженныхъ краевъ. У насъ сердитая зима миновала въ полдень при солнце и даже безъ онаго термометръ почти ежедневно показываетъ 2 и не много более тепла, но всетаки владычество снѣга не миновалось такъ что можно сказать, чтоу насъ еще зима умѣренная сносная. – Карнавалъ нашъ еще не начинался³⁸, а потому общественныя удовольствія, или вѣрнѣе сказать не общественныя а общества Московскаго

³⁶ Алексей Петрович Ермолов скончается 11 апреля 1861 года.

³⁷ «Сипація» - эмансипация, имеется в виду отмена крепостного права.

³⁸ Имеется в виду масленица, которая в 1861 году начиналась 27 февраля.

удовольствія идутъ еще прежнимъ зимнимъ ходомъ, балы начинаются, но не у всѣхъ, ибо принимающіе даже и строго соблюдающіе придворный этикетъ³⁹ находятъ еще неудобнымъ давать волю ногамъ дѣйствовать на ихъ паркетахъ кромѣ какъ ходить, а потому у таковыхъ бывають только рауты болѣе или менѣе огромные, впрочемъ теперь и не до этихъ прогулокъ въ залахъ, умы, [л. 14/л. 14 об.] сердца всѣхъ Москвичей обоого пола, имевшихъ и съ неимовѣрнымъ трудомъ имеющихъ быть въ большомъ театрѣ поражаются, восторгаются игрою Ристори⁴⁰, все ради нее забывается и откладывается до отъезда, на этомъ основаніи вѣроятно и самая емансипація отложена до марта (начала великаго поста). Ноги, руки и груди слушающихъ Ристори въ сонномъ страдательномъ положеніи, едва ли не можно сказать – слава Богу что она скоро уѣзжаетъ ибо иначе съ весною развилась бы в Москвѣ чахотка и число калякъ <sic!> сильно бы увеличилось. – Можете себѣ представить какого теперь положеніе Юрьева, математика, астрономія забыты онъ преисполненъ и дышетъ одною Рестрією – разстоянія ничто въ Москвѣ съ той поры какъ знаменитая трагическая актриса какъ ни часты ея представленія (4 въ недѣлю т. е: понедельникъ и вторникъ, среда отдыхъ, четвергъ, пятница снова представленіе, субота и воскресенье отдыхъ) Погодинъ <Михаил Петровичъ> съ Девичьего поля постоянно ѣздитъ. Словомъ не могу описать Вамъ фуроръ производимый имѣвшій <sic!> счастье слушать Ристори, по сихъ поръ по абонементу давала она 6 представленій. въ четвергъ 16 февр. даетъ она еще представленіе, а въ пятницу 17го будетъ ея [л. 14 об./л. 15] бенефисъ и вероятно будетъ демонстрація отъ публики, наши дочери пользовались абониментами въ ложахъ зятя моего⁴¹ и Кн.<ягини> Щербатовой⁴². На послѣдніе два спектакля сами взяли ложу но ни я ни жена не воспользуемся ею. Рикорди стоя <sic!> на первомъ планѣ а потому и началъ расказъ свой съ нее, затемъ на второмъ планѣ стоитъ емансипація и особенно съ той поры какъ убѣждены что она не объявится 19 Февр. а въ началѣ марта; по сихъ поръ знаемъ положительно только то что весьма вскорѣ народу и дворовымъ объявлено будетъ что они съ правами какихъ не имѣли, но подробности этого объявленія неизвѣстны, неизвѣстность эта немного смущаетъ иныхъ а потому есть въ Москвѣ и боящіеся минуты объявленія народу емансипаціи, есть и ничего не страшящиеся – къ которымъ изъ двухъ основательнѣе принадлежать не берусь решить – а потому вооружася надеждою и вѣрою на милость Божью. – съ перемѣною погоды и мое здоровье немного улучшилось так что въ полдень осмѣливаюсь прокатиться въ саняхъ, но съ кухнею латинскою <т. е. с лекарствами> не смѣю раззнакомливаться, къ счастью что врачъ мой не охотникъ дрогировать <?> и что то что онъ даетъ мнѣ приноситъ пользу. Жена и всѣ мои здоровы, первая ради вторыхъ выѣзжаетъ и довольно много [л. 15/л. 15 об.] дочери мало сидятъ дома, а когда и бывають усердно занимаются чтеніемъ и писаніемъ, кромѣ того занимаются и съ учителями: рисованія, пѣнія и Итальянскаго языка, такимъ образомъ время проходитъ и

³⁹ В это время еще соблюдался траур по императрице Александре Федоровне, вдове Николая I, скончавшейся 20 октября 1860 года.

⁴⁰ Итальянская актриса Аделаида Ристори (1822 – 1906).

⁴¹ Неясно, о какомъ зятѣ идетъ речь, так какъ ни одна изъ дочерей Бакунина в это время еще не была замужем, а мужъ его сестры Екатерины Павловны – Александръ Александровичъ Полторацкий – умеръ в 1855 году.

⁴² Вероятно, Софья Степановна Щербатова (1798 – 1885), урожденная Апраксина, двоюродная сестра первой жены А. П. Бакунина. Мужъ ее – князь Алексей Григорьевичъ Щербатов – умеръ в 1848 году.

весело и не без пользы. Съ родными видаемся по прежнему довольно часто, особенно съ Ник.<олаем> Павл.<овичем Шиповым> братья его⁴³ такъ озабочены своими многосложными дѣлами что и сердится <sic!> нельзя на нихъ что съ ними мало видимся, къ тому же общее безденежье и ихъ очень затрудняетъ. Ник. Павл. какъ то счастливѣе, имъ непосредственно управляемое идетъ отлично, къ тому же онъ не раскидывается въ разныя дѣла, а напротивъ того отдѣляется по возможности отъ всѣхъ дѣлъ и ничего новаго предпринимать не хочетъ. В настоящую минуту Н. П. одинъ въ дому своемъ такъ какъ Дарья Алек.<сеевна Шипова,> Елизавета Алек.<сеевна Окулова> и Варвара Алек.<сеевна Окулова> вывзваны въ С.П.б. болезнью Анны Алексѣевны <Окуловой, камер-фрейлины> (нынѣ уже умершею) при Старушкѣ Окуловой <Прасковѣ Семеновне> осталась одна Софья Алек.<сеевна Окулова> говорятъ что тѣло усопшей будетъ перевезено въ Москву для погребенія. Вотъ Вамъ новости о знакомыхъ Вамъ и намъ, о литературѣ напишу развѣ только сообщитъ Вамъ что вышло новое объявленіе отъ Конторы Литографіи Э. Лилъе и Комп. о ново [л. 15 об./ л. 16] вышедшей книгѣ подъ названіемъ чуда водаго міра, составилъ г. Шталь, переводъ съ немецкаго. Москва 1860 г. цѣна съ раскрашенными въ 2 тона 104 картинами съ пересылкою 3 р. 50 к. съ раскрашенными же акварелью – 4 р. – Хомякова нѣтъ⁴⁴ и съ нимъ прекратились къ большому сожаленію моихъ дамъ литературныя чтенія въ университетѣ. Можетъ быть Погодинъ надумаетъ постомъ⁴⁵ возобновить ихъ но и то сомнительно ибо тогда объявится и начнутся дѣйствія по емансипаціи.

Жена моя, дочери и Сынъ шлютъ Вамъ усердные поклоны и просятъ Васъ передать отъ нихъ сестрѣ Софѣ Борисовнѣ 1/м.<иллион> любезностей, дочь и Сына Вашего обнимаютъ я то же что и мои дѣлаю относительно всѣхъ Васъ и при етомъ желаю Вамъ здравія и многоденствія.

Въ настоящую пору когда участь первенствующаго въ Римѣ должна рѣшиться, болѣе чѣмъ любопытно быть въ такомъ близкомъ разстояніи отъ мѣста гдѣ все разворачивается, какъ Вы теперь отъ Рима и Турина⁴⁶. Любопытно бы повидать теперь Антонели⁴⁷ [л. 16/л. 16 об.] попрежнему ли онъ увѣренъ и нахалень. –

Съ той поры какъ Ристори въ Москвѣ я Юрьева не видѣлъ а потому не могъ узнать про открытіе сдѣланное въ Механикѣ, о чемъ Вы пишете ни узнать гдѣ напечатаются Ваши дорожныя впечатленія. Зубкова я все попрежнему часто выдаю а потому передалъ ему Вашъ поклонъ за что и за память объ немъ благодарить. – Но надо же кончить, а потому примите всѣ мой прощай и Господь да будетъ съ Вами.

весь Вашъ и отъ всей души

А Бакунинъ.

Москва.

⁴³ Братья Н. П. Шипова: Сергей (1790 – 1876), Иван (1793 – 1845), Александр (1800 – 1878), Дмитрий (1805 – 1882).

⁴⁴ Алексей Степанович Хомяков скончался 23 сентября 1860 года.

⁴⁵ Великий пост начинался в 1861 году 6 марта.

⁴⁶ В 1861 году происходило объединение Италии в единое государство. Столицей его стал Турин, а в Риме сохранялась власть папы римского.

⁴⁷ Вероятно, кардинал Джакомо Антонелли (1896 – 1876).

16 Апрелья 1861. Москва.
по нашему исчисленію

Дражайшій Степанъ Петровичъ спасибо и премного, за милое и любезнѣйшее письмо Ваше отъ 28 Марта С:<старого> С:<гиля> увы пришло оно къ намъ въ самую минуту совѣщанія съ Иностраннымъ докторомъ (временно бывшимъ въ Москвѣ) относительно того куда намъ ѣхать на зиму – тотчасъ передалъ я Ваше приглашеніе на обсужденіе, но еще разъ увы оно признано не удобнымъ къ исполненію собственно ради того что въ Флоренціи воздухъ слишкомъ остръ тогда какъ мнѣ нуженъ воздухъ болѣе мягкій, влажный и именно воздухъ горный и морской, поетому совѣтуютъ пожить въ Интерлакенѣ, потомъ переѣхать въ другое подобное мѣсто на лѣто и кончить курсъ гдѣ либо на берегахъ Сѣвернаго моря. – По сихъ поръ еще ничего не решили, но думаю, что понабравшись средствами для путешествія, осенью – быть можетъ въ началѣ зимы, отправимся въ Варшаву въ Франкфуртъ и т. д. – Словомъ въ настоящую минуту говоримъ и много объ отъѣздѣ въ чужіе края, но куда сначала ѣхать не рѣшили. Впрочемъ и я и мы всѣ не безъ надежды съ Вами встретиться такъ какъ Ве<не(?)>ція въ числѣ мѣстъ куда совѣтуютъ мнѣ ѣхать, въ числѣ ихъ тоже Ницца, между тѣмъ ѣдимъ мы въ деревню, но не по примѣру прошлыхъ лѣтъ на отдыхъ и отраду, а на работу и на работу самую скучную, ибо ѣдимъ на дѣло и именно писать [л. 17/л. 17 об.] (на основаніи положенія) установную грамоту или иначе сказать писать чѣмъ надѣляемъ бывшихъ крестьянъ нашихъ и какія быть должны впредь отношенія ихъ къ намъ. Все его конечно было бы дѣло не трудное, если бы теперь сдѣланное, на скоро во исполненіе повеленія, могло быть спустя время по опыту, передѣлаться но не таково наше положеніе, надо разомъ рѣшить и порѣшить на вѣки. – Какъ ни думаю, рассчитываю про себя и съ другими – результатъ одинъ и именно: слава Богу если все кончится тѣмъ что съ имѣніи получимъ на 1/3 менѣе дохода чѣмъ по нынѣ получали. Съ перваго взгляда положеніе кажется недурно для помѣщиковъ, но обдумавъ оно хорошенько, и принявъ во вниманіе страсть людей къ неповиновенію закону, алчность къ деньгамъ и съ какою готовностію рѣшаются на все для приобритенія ихъ, невольно приходитъ мысль что не быть крестьянъ а бюрократіи уллучшится, нашъ же быть ухудшится и какъ выше сказалъ – дай Богъ чтобы это ухудшеніе не пошло далѣе какъ на 1/3 того дохода который понынѣ получали съ именій – теперь спорить не буду съ Вами ни относительно добра, которое совершить положеніе, ни относительно Погодина и подобныхъ ему съ разныхъ концовъ и центровъ России вопіющихъ а la Pagodine т.е. что мужички смазавъ волосы главы кваскомъ, съ хлебомъ и солью придуть къ прежнимъ владельцамъ своихъ <должны быть: своимъ> благодарить ихъ за прошедшее и т. д. Страшно вретъ теперь Литература Московскихъ [л. 17 об./л. 18] вѣдомостей, противно читать ея выходки такъ все пересаливается. Прелестно, что въ Россіи нѣтъ рабства. честь и слава Царю коимъ оно уничтожено, но всетаки ради этого нельзя не сказать что отъ добра сдѣланнаго однимъ, другіе (мы) потерпели и не ради того что такъ должно быть, но ради того что при составленіи положенія интересы владѣльцевъ были на дальнѣйшемъ планѣ, виновны въ етомъ никто какъ составители положенія – люди изъ среды насъ же избранные. По милости Божіей по сихъ поръ о смутахъ рѣчи нѣтъ, возникаютъ между крестьянами и иными владѣльцами разнорѣчія но собственно отъ недоразумѣнія и худое знаніе положенія <sic!> но все кончается мирно и нигдѣ дѣло не стоитъ, конечно теперь по времени года, немного крестьянскихъ работъ, но при

благоразуміи со стороны владельцев и если назначаемые в мировые посредники будут чѣмъ быть должны, то кажется и въ послѣдствіи нельзя ожидать безпорядковъ. Словомъ какъ ни великъ переворотъ совершающійся въ Россіи, можно сказать что понинѣ она попрежнему сильна и не потѣшитъ запада неурядицею. –

По состоянію Костромскихъ имѣній нашихъ будущее устройство наше съ бывшими крестьянами можетъ быть или оставить ихъ на оброкѣ, или предоставить казнѣ выкупить для нихъ и усадебную и полевою земли (въ размѣрѣ указанномъ положеніемъ) послѣднее устройство много рациональнее перваго и потому полагаю [л. 18/л. 18 об.] воспользоваться онимъ для всѣхъ костромскихъ нашихъ имѣній, въ Новгородѣ сынъ будетъ дѣйствовать по своему усмотренію. – Вотъ Вамъ другъ любезный изложеніе краткое плода нашихъ всеобщихъ преній возбужденныхъ переворотомъ совершившимся уже – мнѣній и разногосольствованій <sic!> гибель трудно по примѣру пчель выбирать изъ всего лишь годное для блага, страшно чтобы вмѣсто набора для меда не набраться лишь годнымъ ни на что. – Погода у насъ стоитъ самая неблагоприятная точно осенью ибо за 1 – 2 дня солнечныхъ наступаютъ цѣлыя недѣли пасмурныя и холодныя, нерѣдко бываетъ отъ 3 до 8^а мороза, словомъ нынѣ весна много хуже прошлогодней, тѣмъ не менѣе съ 19 Апрѣля въ большомъ Кремлевскомъ манежѣ начнется выставка Московской флоры, въ манежѣ будетъ большой прудъ и по сторонамъ его два сада въ различныхъ вкусахъ. – Удѣль мой всякій разъ извѣщать Васъ объ умершихъ – послѣдовательно умерли Алексей Николаевичъ Бахметевъ⁴⁸, почти скоропостижно, говорятъ отъ какогого органическаго разстройства, послѣ умерла Пушкина⁴⁹, дочь Кн.<язь> Николая Ивановича Трубецкаго, была больна, простудилась и умерла отъ воспаления, потомъ умеръ Алексей Петровичъ Ермоловъ на погребеніи его были толпы, прахъ его отвезенъ въ Орловскую губернію для погребенія, наконецъ умеръ еще Кн.<язь> Андрей Борисовичъ Голицынъ женатый на Шереметьевой⁵⁰. – [л. 18 об/л. 19]

Кончивъ говѣнье на 5ой недѣлѣ въ началѣ 6ой Дарья Алексѣвна Шипова от<п>равилась въ Петербургъ пользоваться магнетизмомъ, пишетъ она что ей нисколько не лучше – вообще состояніе ея весьма ненадежное къ выздоровленію, вотъ отзывъ о ней врачей, одинъ изъ нихъ видѣвшій ее въ Парижѣ и теперь нашель въ ней большую перемену къ худшему – жалѣю о ней сердечно ибо нахожу что она таитъ <sic!> между тѣмъ какъ желалъ бы видеть ее цвѣтушею. Сегодня кончилось говѣніе Николая Павловича и сыновей его, въ началѣ 7ой недѣли онъ съ сыновьями⁵¹ ѣдитъ въ С. П. къ женѣ и одинъ вернется въ Москву на святой <неделе>, теперь у него дѣла много и не только своего собственнаго но и казеннаго по случаю емансипаціи, по своимъ дѣламъ Н. П. въ много лучшемъ положеніи чѣмъ братья его особенно чѣмъ Д.<митрий> П.<авлович> у котораго едва ли не всѣ предпріятія ведутъ къ

⁴⁸ Алексей Николаевичъ Бахметевъ (1798 – 1861), московский чиновник, гофмейстер, в 1858 – 1859 годах – попечитель Московского учебного округа, известный сахарозаводчик.

⁴⁹ Наталья Николаевна Мусина-Пушкина (1824 – 1861), урожденная княжна Трубецкая.

⁵⁰ Князь Андрей Борисовичъ Голицынъ (1791 – 1861); жена – Варвара Сергеевна, урожденная Шереметева (1815 – 1880).

⁵¹ Сыновья Н. П. Шипова: Николай (1846 – 1911), Филипп (1848 – 1926) и Дмитрий (1851 – 1920).

убыткамъ, а именно идетъ худо для него и дружина⁵² и Нижегородская ж. д. и чугуно плавильный заводъ и механическое заведение о собственной его бумагопрядильной ничего не знаю. Жаль Д. П. ибо онъ чловѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ отличный, путается же въ дѣлахъ по причинѣ слишкомъ большаго самонадѣнья, и взялся за дѣло свыше силъ— [л. 19./л. 19 об] впрочемъ надѣюсь что положеніе его поправится и что съ окончаніемъ двухъ ж. д. снова всплыветъ и поправится. А.<лександр> П.<авлович> недаромъ меньшій братъ С.<ергея> П.<авловича> финансы, и политическая экономія такъ его увлекли, а также устройство водяныхъ самоткатскихъ что настоящимъ дѣломъ своимъ дружиною нисколько не занялся, вслѣдствіе этого Зубкову, вѣроятно и другимъ, вмѣсто дивиденда подносилъ свою о чемъ то составленную брошюрку. – Вотъ настоящая причина почему ни Вы ни мы и никто изъ дружинныхъ акціонеровъ не получили дивиденда, были неоднократныя засѣданія дружины, много было преній и рассмотреній ея отчетовъ, немало досталось за худое и невнимательное управленіе дѣломъ и Д. П. и А. П. третьяго директора г. Ратькова⁵³ уволили отъ должности, потомъ тоже уволили отъ директорства и Д. П. и А. П. и наконецъ решили кончить дружину, но такъ какъ ликвидація не выгодна то положили 1, избрать въ директоры генера.<ла> Лермонтова, А. А. Шулепникова⁵⁴ и Михайлова; 2, пароходство дружины сдать Д. П. и А. П. (Н. П. совсѣмъ выбыль и промѣнялъ свои акціи на Скуратовскія⁵⁵) съ тѣмъ что они обязуются владѣльцамъ слишкомъ 700 акцій платить ежегодно 4% со ста до выкупки ихъ акцій. – Ежегод [л. 19 об./л. 20] но на опредѣленную сумму по тиражу выкупать акціи по номинальной ихъ цѣнѣ. тиражъ былъ сдѣланъ въ послѣднемъ засѣданіи и по оному вышло что въ январѣ 1863 года вы получите свои 3000 р. и кромѣ того получите за 1862 г. по 4% – намъ и Зубкову судьба была не такъ благосклонна ибо мы получимъ уплату нашихъ 10/т<ысяч> р. только въ январѣ 1872 г. вообще вся ликвидація 720 акцій должна кончиться <sic!> январемъ 1876. Впрочемъ Шиповы предоставили себѣ право и скорее кончить ликвидацію если ихъ средства ето позволяютъ.

Теперь кажется дѣло пойдетъ у Шиповыхъ получше чѣмъ какъ шло ибо все дѣло раздѣлено на легкое пассажирное и на буксирное, послѣднимъ управлять будетъ Д. П. почему онъ на все время судоходства переѣзжаетъ въ Нижній. Первымъ же дѣломъ управлять г. Рагозинъ зять А. П.⁵⁶ кажется вы несомнѣнно вернете свои деньги намъ же надеяться надо на милость Божью что финансы наши поправятся а съ ними и дѣла Шиповыхъ и вообще всѣ дѣла. – Скуратовская бумагопрядильная компанія тоже безъ дивиденда, Отца и Сына Скуратовы<х>⁵⁷ обоихъ уволили отъ директорства, выбрали новыхъ, но всетаки дѣло [л. 20/л. 20 об.] храмаеть, Орфановская филатура <прядильная мануфактура> совсемъ кончилась все продается для уплаты долговъ, а

52 Имеется в виду акционерное пароходное общество «Дружина», основанное в 1858 году братьями Александром, Дмитрием и Николаем Павловичами Шиповыми.

53 Возможно, Геннадий Александрович Ратьков-Рожнов (1826 – 1897), впоследствии директор-распорядитель пароходного общества «Самолет».

54 Вероятно, Алексей Александрович Шулепников (1807 – 1882), брат жены А. П. Бакунина.

55 Скуратовская бумагопрядильная мвуфактура в селе Наро-Фоминском (товарищество «Компания Нарских мануфвтур»).

56 Виктор Иванович Рагозин (1833 – 1901), муж Елизаветы Александровны Шиповой (р. 1843).

57 Скуратов Дмитрий Петрович (1802 – 1885); у него было четыре сына: Александр, Алексей, Борис и Михаил.

акціонеры остаются ни съ чѣмъ. – Изъ этого видите что дѣла комерческія идутъ не хорошо, за всеъ тѣмъ Самолетъ⁵⁸ даль опять свои обычные 20%, кромѣ того купилъ у Мальцова⁵⁹ его 3 парахода и заказалъ Кокрилю⁶⁰ 9 параходовъ, такъ что ихъ будетъ постоянно въ работѣ 36 параходовъ. –

Жена моя премного благодарить Вас за память и желанія Ваши ей, дочери шлютъ поклонъ я тоже и всѣ не отдѣляя отъ Васъ Вашихъ, Николай нашъ въ деревнѣ но быть можетъ прибудетъ къ нам на пасху⁶¹, при свиданьи передамъ ему Вашъ поклонъ. Юрьевъ кланяется не далѣе какъ вчера 15 апрѣ.<ля> провелъ у насъ вечеръ, Зубковъ все боленъ и какъ говорить страдаетъ отъ каменоломней своихъ. Вотъ Вамъ полная реляція очень радъ буду если она заинтересуетъ Васъ. – Послѣ 15 маія мы выѣдимъ изъ Москвы въ деревню, а потому примите ето къ свѣденію на случай надобности писать къ намъ, деревенский же адресъ нашъ Костромской Губернии въ городъ Кинешму. – Прежде чемъ кончить поздравляю Васъ съ блиско <sic!> наступающимъ праздникомъ, не забудьте что ровно черезъ 7 дней хоть заочно но скажу Вамъ и Вашимъ Христосъ воскресе. –

Вскоре послѣ пасхи должна <sic!> прибыть въ Москву Императоръ, супруга его и еще кто не знаю – говорятъ мѣсяца 2 проживуть здѣсь. Но надо кончить, ликуйте другъ, не забывайте насъ, и вѣрьте искренней дружбѣ много и много Васъ уважающаго и любящаго А. Бакунина.

Милѣйшей Софье Борисовне ручки цѣлую.

Вот и все письма. Не очень много, но всё-таки...

⁵⁸ Акционерное пароходное общество «Самолет» было учреждено Владимиром Александровичем фон Глазенапом, отставным капитаном Российского флота, и титулярным советником Максимилианом Густавичем Бехагель фон Адлескромом в 1853 г.

⁵⁹ Мальцов Сергей Иванович (1810–1893), генерал-майор, в отставке (с 1853 года) – крупный предприниматель.

⁶⁰ Завод «Коккериль» в Бельгии.

⁶¹ В 1861 году пасха приходилась на 23 апреля.

Шведский художник французского происхождения и его русские персонажи (Карл Мазер)¹

Шведский художник Карл Мазер, считавший своим родным языком французский и сам именовавший себя Шарлем Мазéром, родился в семье французских эмигрантов в Стокгольме в 1807 году и умер в Неаполе в 1884-м. Как заметил Ульф Абель в кратком биографическом очерке, предваряющем каталог выставки рисунков К. Мазера в Киеве в 1999 году, жизнь художника, обладавшего пылким «галльским» характером, была похожа на приключенческий роман². С 1838 по 1854 годы действие этого романа разворачивалось на просторах Российской империи – от Финляндии до Малороссии и от «Золотых ворот» Киева до золотых приисков Сибири (и ворота, и прииски нашли отражение в его рисунках).

Современному российскому зрителю имя этого художника само по себе мало что говорит, но зато портреты, нарисованные им, известны достаточно широко. Портреты декабристов и их близких, портреты знакомых Пушкина и посмертный портрет самого поэта, портреты лиц менее известных – они хранятся во многих российских музеях и в семейных архивах, без их воспроизведения не обходится практически ни одно издание, посвященное декабристам или Пушкину. Они настолько привычны и узнаваемы, что порой публикуются даже без указания автора, почти как репортажные фотографии.

Его работы помогают нам сформировать зрительный образ целой эпохи российской истории, и обидно, что сам художник оказался практически обойден вниманием советских и российских исследователей. В 1933 году А. П. Мюллер напечатала статью о нем, но в шведском журнале и на шведском языке³, так что единственной русской статьей, посвященной творчеству Мазера,

¹ Доложено в 2001 году в Москве, в Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина; см.: Сидоров И. С. «Этот горячий, благородный, умный человек» (Карл Мазер в дневниковых записях и письмах Корсаковых) // Русско-скандинавские культурные и художественные связи. Тезисы докладов международной научной конференции. – М., 2001. С. 19 – 21.

² Abel Ulf. Carl Peter Mazer // Carl Peter Mazer. Images of mid 19th century Kyiv [the catalogue of an exhibition in Kyiv]. – [Stockholm], 1999. P. 11 - 15.

³ Müller Alexandrine. Carl Peter Mazér. // Tidskrift für Konstvetenskap. 1933. September. S. 77 – 92.

(не считая, естественно, статьи шведского исследователя У. Абеля, напечатанной на русском языке⁴) оказывается, по-моему, статья, опубликованная Ильей Самойловичем Зильберштейном в газете «Неделя» в 1964 году.⁵ Буду рад, если меня поправят и советских или российских работ, посвященных Мазеру, окажется больше.

Я не ставил своей задачей – восполнить этот пробел. Моя цель – привлечь внимание российских исследователей к творчеству и жизни этого незаурядного человека и замечательного художника.

Карл Мазер приехал в Россию в начале 1838 года,

Вот что писала «Северная пчела» 20 апреля 1838 г (№ 87) в разделе «Смесь»:

Недавно прибыл в здешнюю столицу портретный живописец Г-н Мазер (Mazer) ученик знаменитого Французского художника Барона Гро (Gros). Г. Мазер пишет весьма сходные портреты масляными красками и карандашом, и весьма удачно схватывает выражение лица и физиономию. Отделка его имеет большое достоинство, в художественном отношении. Желаящие удостовериться, с каким сходством пишет портреты Г. Мазер, могут видеть портрет одного из наших литераторов, в книжном магазине А. Ф. Смирдина,⁶ или портрет известного всем Г-на Оле-Буля⁷, в квартире Г. Мазера, в Миллионной, возле Английского магазина, в доме портного Мастера Петерса, в 3-м этаже. Мы уверены, что Г-н Мазер найдет много занятия в Петербурге, потому что он работает скоро, соблюдает сходство в портретах, отделяет их искусно, и притом не дорожится.

Хотя Мазер приехал через год после смерти Пушкина, но память о поэте была еще слишком свежа, и художник ощутил это.

⁴ Абель Ульф. Шведские художники в Санкт-Петербурге. // Творчество. 1995. № 3/4. С. 20 – 22. (Эта статья практически в той же редакции повторена в сборнике: Шведы на берегах Невы. – Стокгольм: Шведский институт, 1998. С. 191 - 197).

⁵ Зильберштейн И. С. Герои 1825 года: Неизвестные портреты декабристов шведского художника Карла Мазера. // Неделя. 1964. 14 – 20 июня. № 25.

⁶ Вероятно, речь идет о портрете Н. И. Греча, почему эта рекламная заметка и появилась в «Северной пчеле». Карандашный портрет Греча, датированный самим К. Мазером именно 1838 годом, хранится в альбоме, принадлежавшем М. И. Глинке (см.: ОР РНБ. Ф. 190 (М. И. Глинка), ед. хр. 178, л. 39), и был опубликован в упомянутой статье А. П. Мюллер (см.: Müller Alexandrine (Leningrad). Carl Peter Mazér... S. 85).

⁷ Оле-Буль (Ole Borneman Bull) – норвежский скрипач, гастролировавший в это время в Петербурге: первый концерт состоялся 20 февраля (см.: «Северная пчела». 1838. 19 фев. № 40), последний – 4 марта 1838 г. (см. «Северная пчела». 1838. 4 марта. № 51; в газете опечатка: «Сегодня, в Пятницу 5-го Марта», но именно в этот день 4-го марта была пятница); уехал до 15 марта (в «Северной пчеле», № 60 от 15 марта, в статье «Липинский и Оле-Буль», написано: «Благодаря Бога, Оле-Буль оставил нас с любовью к Русским людям»). Таким образом, Мазер, явно, должен был приехать в Петербург не позднее первого концерта Оле-Буля, чтобы успеть организовать работу над его портретом (живописным). Поэтому можно предположить, что он, скорее всего, приехал не позднее середины февраля, так как успел уже обзавестись квартирой и устроить в ней мастерскую.

В Москве он познакомился и близко сошелся с другом Пушкина Павлом Воиновичем Нащокиным. Упомянутый шведский искусствовед Ульф Абель пишет:

Сохранился карандашный портрет Нащокина, датированный 1839 годом (Музей Пушкина, Петербург), а также масляный портрет, написанный несколькими годами позже (местонахождение неизвестно). Обе работы отличает высокое качество исполнения и психологическая насыщенность.

В записных книжках Мазера есть соответствующая письменная характеристика Нащокина - этого замечательного человека, великодушного, наделенного богатым воображением и разносторонними художественными способностями, например, талантом писателя, и в то же время, как свидетельствует Мазер, глубоко суеверного и крайне азартного в игре. В гостеприимном доме Нащокина Мазер встречался с художниками, писателями и другими творческими личностями, такими как Гоголь, Верстовский, Витали.

<...> В 1839 году, через два года после внезапной его (Пушкина. – И. С.) смерти, Нащокин, заказав Мазеру описанный выше карандашный портрет (Нащокина. – И. С.) и тем самым оценив возможности художника, попросил его написать посмертный портрет Пушкина (45x40 см, Музей Пушкина, Петербург).

В качестве основы для портрета Мазер использовал мраморный бюст, изготовленный Витали и принадлежащий Нащокину, и маску поэта, слушал живые воспоминания Нащокина и т. д. Он также посещал дом Пушкина на Мойке⁸ <...> В пару к портрету друга Нащокин заказал портрет Наталии Пушкиной (Музей Пушкина, Петербург).

Эти две работы ни в коей мере не относятся к шедеврам Мазера в России. Если принять во внимание очевидные обстоятельства истории создания, портрет Пушкина нельзя, да и не нужно сравнивать с портретами Нащокина, отличающимися необычайной проникновенностью и пронизательностью.⁹

Этим исчерпывается соприкосновение Карла Мазера с Пушкиным. Но к России он привязался, и эта привязанность заслуживает того, чтобы о ней напомнить.

Хочется чуть-чуть приоткрыть завесу над одной из страниц его жизни.

В упомянутом уже биографическом очерке, рассказывая о пребывании художника в России, Ульф Абель вскользь говорит о неких сложных сердечных делах («complex affair of the heart»), в которые оказался вовлечен Мазер.¹⁰

Известно, что Мазер зарабатывал не только рисованием портретов, но какое-то время был учителем рисования.

И. С. Зильберштейн писал:

Несколько лет Мазер провел в имении С. Н. Корсакова под Ярославлем в качестве учителя рисования, а затем в семье Савеловых, в их усадьбе в Московской губернии.¹¹

⁸ Последнее утверждение скорее всего ошибочно, так как в 1839 году квартира Пушкина в доме на Мойке, как таковая, уже не существовала.

⁹ Абель Ульф. Шведские художники в Санкт-Петербурге // Творчество. 1995. № 3/4. С. 22.

¹⁰ Abel Ulf. Carl Peter Mazer..., 1999. P. 13.

¹¹ Зильберштейн И. С. Герои 1825 года.... С. 8.

Это утверждение вместе с содержащейся в нем ошибкой восходит к работе Н. Врангеля, получившего сведения о Мазере из недостаточно компетентного устного источника¹². Дело в том, что имение Семена Николаевича Корсакова находилось не под Ярославлем, а в Дмитровском уезде Московской губернии по соседству с имением Савеловых. Тарусово – так называлось имение Корсаковых – располагалось на живописном берегу реки Дубны. Сейчас от него сохранились только остатки парка.

Семейство Корсаковых заслуживает отдельного подробного рассказа.

Я приведу только одно мнение о Корсаковых.

Василий Сергеевич Норов, декабрист, после отбывания наказания в крепостях и на Кавказе поселился в имении своих родителей, находившимся недалеко от имения Корсаковых, соседи постоянно общались, и в одном из своих писем к сестре Василий Сергеевич, человек умный и даровитый, восклицал:

Я смотрю на Тарусово, как на светоч среди полного мрака, как на прекрасный оазис среди дикой пустыни.¹³

И вот Карл Мазер в качестве учителя рисования оказывается в этом «прекрасном оазисе». Вероятно, Семен Николаевич Корсаков пригласил его на эту роль после того, как художник, живший тогда в Москве, нарисовал в 1840 г. портреты самого Семена Николаевича и его жены Софьи Николаевны¹⁴.

¹² Врангель Н. Иностранцы XIX века в России. // Старые годы, 1912. Июль – сентябрь. С. 38, 50.

¹³ Цитируется по: Фатуева Л. А. Надеждино, подмосковное имение Норовых, современников Пушкина. // Русская усадьба. Вып. 6 (22). – М., 2000. С. 271.

¹⁴ Портрет Семена Николаевича из фондов Государственного исторического музея экспонировался в 2001 г. на выставке в ГМИИ им. А. С. Пушкина (№ 105 по каталогу «Страна живительной прохлады...»: Искусство стран Северной Европы XVIII – начала XX века из собрания музеев России: Дания, Исландия, Норвегия, Финляндия, Швеция. – М., 2001). Правда, и в каталоге, и в тексте этикетки он ошибочно назван Иваном Семеновичем и действительным тайным советником, тогда как в момент создания портрета он был только статским советником, а в отставку вышел действительным статским советником (как это указано и в биографическом очерке К. Мазера в том же каталоге на с. 317). Награды, воспроизведенные на портрете, полностью соответствуют тем, которые имел Семен Николаевич. Портрет его жены упомянут в статье А. П. Мюллер, но, видимо, из-за одинакового отчества супругов она сочла Софью Николаевну сестрой Семена Николаевича и по той же самой причине, что и И. С. Зильберштейн, отправила их обоих в Ярославль. О местонахождении портрета Софьи Николаевны А. П. Мюллер, к сожалению, ничего не сообщила.

Уместно здесь же отметить, что в каталоге выставки «Страна живительной прохлады...» в подавляющем большинстве случаев подпись художника неправильно воспроизводится как Mazig, тогда как должно быть: Mazér. Именно так писал свою фамилию художник (см. об этом: Carl Peter Mazer. Images of mid 19th century Kyiv [the catalogue of an exhibition in Kyiv]. - [Stockholm], 1999. P. 60.), и это наиболее отчетливо было видно на экспонировавшемся на выставке «Страна живительной прохлады...» портрете А. П. Созонович из фондов Государственного исторического музея (№101 по каталогу).

В одной из записных книжек С. Н. Корсакова сохранилась запись, относящаяся к сороковым годам:

Charle Mazer, с<тудия(?)> близ Кузнецкого моста в Газетном переулке, в доме Ланскова, против французской ресторации Шевалье.¹⁵

Супруги Корсаковы были высококультурными и образованными людьми. Молодость их прошла в Петербурге, но несколько педантичный, склонный к спокойным кабинетным занятиям, интересовавшийся естественными науками и не лишенный изобретательской жилки, один из первых гомеопатов России, Семен Николаевич давно мечтал о жизни в имении.

Вспомним пушкинское (VIII, 52):

Петербург прихожая, Москва девичья, деревня же наш кабинет.

Корсаков осуществил свою мечту, приобретя в 1827 году Тарусово и переселившись туда со всей своей, уже разросшейся, семьей (у Корсаковых было шесть сыновей и три дочери). Воспитанию и образованию детей в семье уделялось самое серьезное внимание. Об этом говорит, в частности, и приглашение специального учителя рисования. Заметим при этом, что приглашается не случайный ремесленник, а хороший художник.

На одинокого скитальца Мазера не могла не произвести впечатление теплая атмосфера, царившая в этой дружной семье. Старшие три сына в это время уже служили или учились в Петербурге, но каждый их приезд превращался в настоящий праздник, а устраивать праздники в этом доме умели. И старшие, и младшие были горазды на выдумки, были музыкальны и не были обделены остроумием.

Украшением этого общества были две старшие дочери: миниатюрная, кипучая, талантливая Наташа, которой двадцать лет исполнилось в 1847 году, и красавица Вера, бывшая двумя годами старше сестры, с мягким характером и тонкой душой.

Нетрудно догадаться – что должно было произойти. Пылкий художник влюбился в Веру и в конце концов признался в своей любви. Вера, возможно, и не отвергла бы его, судя по позднему высказыванию ее сестры, но родители, надо полагать, при всех своих достоинствах не смогли переступить через сословные принципы, и Мазеру было отказано.

¹⁵ НИОР РГБ. Ф. 137 (Корсаковых), п. 14, ед. хр. 2, записная книжка № 4, л. 10 об.

Газетный, или Старогазетный, переулок протягивался в то время от Никитской улицы до Большой Дмитровки, пересекая Тверскую, а продолжением его был Кузнецкий мост. С середины XIX века часть Газетного переулка между Тверской и Большой Дмитровкой стала называться Камергерским переулком. Упомянутый Корсаковым дом Ланского находился на месте нынешнего здания Художественного театра, а напротив него, как показано в «Атласе столичного города Москвы» 1852 – 1853 гг., действительно был дом, принадлежавший, «Шевалье, Иппол <иту> Иванову, московск.<ому> Купцу». Вернувшись в Москву после путешествия в Сибирь, Мазер снова снимет для студии помещение в Газетном переулке, но на этот раз в той его части, которая соединяет Никитскую и Тверскую улицы, в доме коллежской секретарши княгини А. А. Шаховской, позади нынешнего здания Центрального телеграфа.

Следы этих событий сохранились в дневнике Наташи. Дневник велся своеобразно – записи делались в нем раз в четыре года – 29 февраля, т.е. в високосные годы. Наташа описывала, как прошел этот день, и делала своего рода обзор всего, что случилось с ней, с ее близкими и знакомыми за прошедшие четыре года. И вот в записи, сделанной 29 февраля 1852 года, дойдя в своем рассказе до судьбы Веры в прошедшие четыре года, Наташа пишет:

А Вера – бедное сердце, вечно ищущее, нигде не находящее души родной. Ханьков – Эйлер – Крейц – Nicolas – наконец Alexis Воейков приятно занимали ее, но бредом кончилось все, увы! Было еще сердце, которое поняло ее, полюбило ее, – это наш *cher enfant gâté* (милый баловень. – *франц.*) Mazer. Больно вспомнить об нем – лето так живо в памяти – что будет с ним? Неужели точно лишил он своим признанием в любви себя права бывать в Тарусове?¹⁶

Из этой записи следует, что объяснение произошло летом в промежуток между 1848 и 1851 годами. Но лета 1849 и 1850 годов Мазер провел в Сибири, так что остаются 1848 и 1851 годы, то есть Мазер объяснился или перед отъездом в Сибирь, или вернувшись из нее. Второе кажется более вероятным, так как в письмах Корсаковых, писанных в начале 1849 года и упоминающих о Мазере, не чувствуется никаких следов конфликта, и Мазер сам пишет Корсаковым из Сибири.

К поездке художника в Сибирь в 1848 году Корсаковы имели самое непосредственное отношение. Годом ранее генерал-губернатором Восточной Сибири стал молодой тридцатисемилетний генерал Николай Николаевич Муравьев (впоследствии – граф Муравьев-Амурский). Новый губернатор был родным племянником хозяйки Тарусова – Софьи Николаевны. Судя по всему, именно Корсаковы снабдили художника соответствующими рекомендациями, и он действительно был хорошо принят в Иркутске, куда приехал в конце 1848 года, вероятно, после установления зимнего пути. Свою благодарность Корсаковым Мазер выражает, выполняя их просьбу – нарисовать для них портрет жены Муравьева, с которой они не успели лично познакомиться.

Тем временем, вслед за Мазером туда же, в Иркутск, в качестве офицера для поручений к новому губернатору, своему двоюродному брату, в феврале 1849 года отправляется один из сыновей Корсаковых – Михаил, которому предстоит в Сибири блестящая карьера. Именно он сменит впоследствии Муравьева-Амурского на посту генерал-губернатора Восточной Сибири. А пока двадцатитрехлетний подпоручик лейб-гвардии Семеновского полка пишет с дороги письма родителям, а они шлют ему вслед ответы. Но долго идут письма из Сибири и в Сибирь.

13 апреля 1849 года Софья Николаевна пишет сыну:

Как и мы обрадовались, милый друг Миша, письму твоему из Красноярска <...>. Завтра ждем письма из Иркутска, там увидишь ты человека, который нас всех очень любит и нетерпеливо ожидает тебя видеть - какое милое письмо написал нам Мазер. Видно, понравился ему Ник<олай> Ник<олаевич> Муравьев и, спасибо ему, принял его хорошо. Это – много для

¹⁶ НИОР РГБ. Ф. 218, к. 1396, ед. хр. 14, л. 16 об.

иностранца в такой дальней стороне. И портрет мне начали уже Кат<ерины> Ник<олаевны Муравьевой>. Благодарю очень за это и Николая и милую жену его.¹⁷

Когда, наконец, Михаил Корсаков приезжает в Иркутск, то уже через несколько дней к родителям отправляется его портрет, надо думать, нарисованный Мазером. Из письма Софьи Николаевны от 26 апреля 1849 г.:

Долго любовалась я твоим портретом, милый мой Миша, – так он хорош, так мило смотрит, а между тем как бы взгрустнулось тебе, что далеко от нас.¹⁸

30 апреля Софья Николаевна пишет письмо другому сыну – Сергею, служащему в Петербурге. К этому письму делает большую приписку Вера, делясь с братом, в частности, известиями, полученными из Иркутска:

Миша описывает нам всех своих товарищей по службе <...>. Приятно брату тоже видеть там Мазера, с которым он много может говорить об Тарусове.¹⁹

Судя по совершенно спокойному тону, с которым Вера упоминает Мазера, объяснения с ним еще не было.

На обратном пути из Сибири художник, наверняка, должен был заехать к Корсаковым, хотя бы для того, чтобы передать приветы, а, может быть, и письма от Михаила, и рассказать, как очевидец, о тамошней жизни. В Тарусове он снова оказывается в уютной атмосфере этого семейства, снова видит Веру и, вероятно, решается на объяснение. Понятно, что после полученного отказа художник уже не мог оставаться в Тарусове.

Так завершается этот роман. Мазер остается холостяком. А Вера Корсакова в 1853 году выходит замуж за вдовца, уроженца Лифляндии Павла Егоровича Ганенфельдта, ровесника Мазера, но человека чисто практического склада и отнюдь не романтического.

Связь Мазера с Корсаковыми прерывается, но память о прошедших годах сохраняется, и не только у него. В середине шестидесятых годов Наташа Корсакова, вернее – теперь уже Наталья Семеновна Бакунина, пытается разыскать его.

Между прочим, она оказалась, возможно, одной из самых способных его учениц, сохранив увлечение рисованием на всю жизнь. Множество очень интересных ее рисунков дошло и до наших дней.

Так вот, через шестнадцать лет после первой приведенной записи, в очередной день 29 февраля 1868 г., Наталья Семеновна записывает в своем дневнике:

Отыскала я своего любезного *enfant gâté* (баловня. – *франц.*), Мазера. Долго писала во все стороны, ища его, – наконец нашла в Стокгольме – и ухватился он крепко за протянутую ему руку во имя Тарусова из прошлого (с тех пор мы уже потеряли друг друга из виду), и письма мои служат одинокому

¹⁷ Там же, п. 19, ед. хр. 8, л. 11 - 11 об.

¹⁸ Там же, л. 13.

¹⁹ Там же, п. 19, ед. хр. 13, л. 16 – 16 об.

старика утешением и радостью. Они составляют как бы связь между настоящим и прошедшим – между одинокою жизнью и тем светлым периодом, когда он любил всеми силами души и наслаждался нашим Тарусовым. Невольно сравнивается в моем представлении этот горячий, благородный, умный человек с тем ограниченным немцем, который своим эгоизмом и своим матерьялизмом задавил слабую натуру Веры.²⁰

Переписка Натальи Семеновны с Мазером продолжалась до самой его кончины, и однажды он написал, что чувствует себя в Швеции более иностранцем, чем когда-либо чувствовал в России.²¹

²⁰ НИОР РГБ. Ф. 218, к. 1396, ед. хр. 14, л. 73 об - 74.

²¹ Abel Ulf. Carl Peter Mazer.... P.13.

«Страшась потерять сына»

1856-й год. Прошло уже пять лет с того момента, как Австрия выдала Михаила Бакунина России. Пять лет, проведенных сначала в Алексеевском равелине Петропавловской крепости в Петербурге, а затем в Шлиссельбургской крепости. Тогда же, в 1851 году, по желанию Николая I Бакунин написал известную «Исповедь», но это не изменило его положения. Царь ему не поверил.

18 февраля 1855 года Николай I скончался, и на престол вступил Александр II. Это породило надежды в обществе на возможные изменения. И в семье Бакуниных возникла надежда на освобождение Михаила.

Уже в марте 1855 года Варвара Александровна Бакунина, мать Михаила (отец скончался за три месяца до этого), написала прошение на имя Александра II, которого (тогда еще наследника) восемнадцатью годами ранее она имела честь принимать в своем доме в Твери¹. Прошение осталось безответным. Безответными остались и обращения в 1856 году к управляющему III Отделением Л. В. Дубельту, а также к новому шефу жандармов и III Отделению князю В. А. Долгорукову.

С окончанием Крымской войны (мирный договор был заключен 18 марта 1856 года) за рубежом возникли слухи о возможном освобождении Михаила Бакунина:

«30 мая 1856 года министр иностранных дел уведомил шефа жандармов, что иностранные газеты распространяют слух о прощении Бакунина, “что причиняет беспокойство всем приверженцам порядка”». III Отделение их успокоило. Так сообщает М. К. Лемке.²

Министром иностранных дел Российской империи с 15 апреля 1856 года был соученик Пушкина по Лицею князь Александр Михайлович Горчаков, с самого окончания Лицея служивший в ведомстве иностранных дел. При Александре II его карьера резко пошла в гору. 26 августа 1856 года он был пожалован в действительные тайные советники (чин 1-го класса в табели о

¹ В. А. Жуковский, сопровождавший наследника в его путешествии по России, записал в дневнике 6 мая 1837 г. в Твери: «В 9 часов утра представление <наследнику>. <...> почетный попечитель училищ Бакунин, слепой. <...> После обеда визиты <наследника> <...> у Бакунина (Александр Михайлович, Варвара Александровна)» (см.: Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. – М., 1999. Т. 14. Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1834. – 1847 гг. С. 48).

² Корнилов А. А. Годы странствий Михаила Бакунина. – Л. – М., 1925. С. 552.

рангах), через 11 лет он станет канцлером.

Родственники Михаила Бакунина не оставляли попыток испросить облегчения его участи.

По окончании Крымской войны в Петербург вернулась двоюродная сестра Михаила Екатерина Михайловна Бакунина, одна из первых сестер милосердия, самый тяжелый период войны проведшая в госпиталях Севастополя. Она была назначена настоятельницей первой общины сестер милосердия и пользовалась расположением великой княгини Елены Павловны, шефствовавшей над сестрами милосердия. Екатерина Михайловна приняла самое деятельное участие в судьбе Михаила Бакунина.

3 октября 1856 года управляющий III Отделением Л. В. Дубельт писал бывшему шефу III Отделения, а ныне Председателю Государственного Совета князю А. Ф. Орлову:

Мне дали знать, что госпожа Бакунина все еще намерена утруждать государя императора о своем сыне.

Сестра <племянница мужа! – И.С.> ее была начальницею сестер милосердия в Севастополе и теперь живет во дворце у великой княгини Елены Павловны. Она упрашивает ее высочество просить об узнике государыню императрицу Марию Александровну.³

Судя по всему, эта попытка также оказалась безуспешной.

Варвара Александровна продолжала «стучаться во все двери». Решили воспользоваться растущим влиянием князя А. М. Горчакова и его либерализмом. Основания для этого были. Так, он 15 декабря 1856 г., в первый же день приезда в Петербург из Сибири его лицейского соученика, ссыльного декабриста Ивана Ивановича Пущина, не отказался от встречи с ним вместе с еще несколькими бывшими лицеистами. И. И. Пущин писал в письме Е. П. Оболенскому 8 января 1857 года:

В тот же день <15 декабря> лицейские друзья явились. Во главе всех Матюшкин⁴ и Борис Данзас⁵. Корф⁶ и Горчаков, как люди занятые, не могли часто видаться, но сошлись как старые друзья, хотя разными дорогами путешествовали в жизни.⁷

И вот, пользуясь поддержкой Екатерины Михайловны Бакуниной, мать Михаила Бакунина обращается к князю А. М. Горчакову с письмом, сохранившимся в фонде князя в Рукописном отделе Российской Национальной

3 Сысоев В. И. Сестра милосердия Екатерина Бакунина. – Тверь – Санкт-Петербург, 2012. С. 226.

⁴ Матюшкин Федор Федорович, лицеист первого курса, в это время – вице-адмирал, генерал-аудитор флота.

⁵ Данзас Борис Карлович, лицеист второго курса, в это время – сенатор. Брат Константина Данзаса, соученика и секунданта Пушкина на последней дуэли.

⁶ Корф Модест Андреевич, барон, лицеист первого курса, в это время – член Государственного совета, действительный тайный советник, директор Императорской Публичной библиотеки.

⁷ Пущин И. И. Сочинения и письма. Т. 2. – М., 2001. С. 215.

Ваше Сіятельство
Милостивый Государь
Князь Александръ Михайловичъ

Несчастливая мать, страшась потерять сына, осмеливается обратиться къ Вамъ съ мольбою о помощи. Сынъ мой Михаилъ Бакунинъ, вслѣдствіе участія въ Нѣмецкихъ возмущеніяхъ 1849го года, подвергся строгости законовъ и уже около 8ми лѣтъ находится въ заключеніи. Здоровье его нынѣ уже до такой степени разстроено, что жизнь его не можетъ долго продлиться, если не будетъ облегчена участь его. Видѣвъ его, по Всемилоствѣйшему [л. 1/л. 1 об.] позволенію, въ Августѣ сего года, я нашла въ немъ еще большую перемену. Онъ тѣнь самаго себя, убитый раскаяніемъ въ прошедшемъ, безъ утѣшенія въ настоящемъ, безъ надежды въ будущемъ, – и чѣмъ могла я ободрить его? Съ растерзаннымъ сердцемъ, я обращаюсь теперь къ Вамъ, полагая, что если Всемилоствѣйшее прощенье не распространилось на моего сына, то причина этому та, что онъ дѣйствовалъ внѣ предѣловъ Россіи, противъ Германскихъ Правительствъ, которыми и осужденъ былъ. Вы единственная надежда несчастной матери; вліяніе Ваше на политику иностранныхъ Дворовъ несомнѣнно, и Ваше милостивое участіе можетъ устранить препятствія къ облегченію горькой участи моего больного сына. Одного прошу, – чтобы было дозволено ему провести остатокъ дней своихъ въ родномъ семействѣ, въ [л. 1 об./л. 2] деревнѣ Тверской Губерніи, которое ручается, что родительскій домъ будетъ служить ему не менѣе тѣснымъ, но не столь тягостнымъ мѣстомъ заключенія. Пятеро сыновей моихъ, изъ нихъ трое отцы семействъ, и кои всѣ, въ последнюю войну, съ оружіемъ въ рукахъ доказали свою преданность Престолу и Отечеству, готовы быть порукой за несчастнаго своего брата. Ваше Сіятельство не усумнитесь, что мать не рѣшилась бы подвергнуть тяжелой отвѣтственности пятерыхъ сыновей, для облегченія участи одного, если бы не была совершенно увѣрена въ немъ и въ его раскаяніи. –

Я бы сама бросилась къ ногамъ Вашего Сіятельства, чтобы вымолить Ваше участіе; къ несчастію болезнь и лѣта мнѣ въ томъ препятствуютъ, и заставляють прибѣгнуть къ письму, которое не можетъ вполне выразить [л. 2/л. 2 об.] всей жестокости материнской скорби. Но я столько слышала о великодушіи Вашей возвышенной и горячей души, что и теперь надѣюсь болѣе на снисходительное участіе Ваше, чѣмъ на недостаточныя слова переполненнаго горемъ сердца, только отъ Васъ ожидающаго отрады и утешенія.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ, имѣю честь быть
Вашего Сіятельства
готовая ко услугамъ
Варвара Бакунина.

⁸ ОР РНБ. Фонд 212, ед. хр. 3. Письмо писано чернилами; вероятно, кем-то из семьи под диктовку; подпись – автограф; двойной лист.

⁹ Помета Горчакова (?) о получении. Год – ошибочный, должен быть: 1857. Типичная описка в первые дни нового года.

PS. Моя родная племянница, Екатерина Михайловна Бакунина взялась лично передать Вамъ это письмо; она дополнить то, что горестное волнение помѣшало мнѣ высказать. Да внушить ей Богъ.

1856го года
Декабря 24го дня
г. Торжокъ.

Как отреагировал на это письмо Горчаков, говорил ли он что-то императору или нет, неизвестно, но, когда через месяц, 3 февраля, Михаил Бакунин через князя В. А. Долгорукова обратится за позволением писать к государю, такое позволение будет получено. 19 февраля Александр II на письме Бакунина напишет резолюцию, согласно которой тюремное заключение будет заменено ссылкой на поселение в Сибирь, откуда в 1861 году Бакунин сбежит за границу.

Вероятно, впоследствии Горчаков, как министр иностранных дел, неоднократно получал информацию о деятельности Михаила Бакунина за границей.

И любопытно, что письмо это он сохранил.

«Здравствуй, Вульф, приятель мой!»¹

Вчера, своротя на проселочную дорогу к Яропольцу, узнаю с удовольствием, что проеду мимо Вульфовских поместий, и решил их посетить.

Из письма Пушкина
Наталье Николаевне.
21 августа 1833 г. Павловское.
(XV, 72).

В 1892 году в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона о происхождении интересующего нас рода Вульфов было сказано:

Родоначальником <...> был Гавриил Васильевич В<ульф>, «иноземец», в 1679 г. поступивший на русскую службу поручиком солдатского строя. Впоследствии (1700) он был полковником и купил вотчину в Медынском уезде.²

Через двадцать лет в новом издании этой Энциклопедии были повторены практически те же сведения:

Из целого ряда дворянских родов В<ульф> <...> старинным русским родом признается потомство «иноземца» Гавриила Васильевича В<ульфа>, поступившего в русскую службу в 1679 г. и дослужившегося до чина полковника (1700).³

¹ Сохранившийся машинописный экземпляр текста, легшего в основу данной статьи, датирован 15 ноября 1978 г. – 18 января 1979 г. Он никогда не был опубликован. От того же времени сохранился рукописный черновик еще одного текста о Вульфах, который теперь тоже вошел в статью. Этим, в частности, объясняется то, что в тексте даются ссылки не на современные публикации, а на давние, тогда бывшие вполне актуальными. Так как никаких погрешностей в этих ссылках не обнаружилось, я счел возможным сохранить их, упомянув в то же время в соответствующих местах и современные публикации.

Я искренне благодарен Павлу Владимировичу Седову, любезно согласившемуся прочитать статью и сделать замечания. Ему я обязан и указанием на соответствующие современные публикации.

² Вульф // Энциклопедический словарь. Т. VII. / Издатели: Брокгауз А. Ф., Ефрон И. А. – С.-Петербург, 1892. С. 455. Автор статьи не указан.

³ В. Р-в. Вульфы // Новый энциклопедический словарь. Т. 11. / Издатели: Брокгауз А. Ф., Ефрон И. А. - С.-Петербург: АО «Брокгауз и Ефрон», [1912]. Стлб. 931. Единственный сотрудник словаря (из приведенного в томе списка), чьи инициалы и фамилия «вписываются» в псевдоним «В. Р-в», - В. Е. Рудаков. Так же расшифровывает этот псевдоним и И. Ф. Масанов (см.: Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Т. 3. – М., 1958. С. 14).

Эти же сведения приводятся и в других публикациях, упоминающих о родоначальнике Вульфов.⁴

Действительно ли российские Вульфы начались с Гавриила Васильевича? И был ли он иноземцем?

Эти вопросы возникли, когда, собирая сведения о Вульфах, тверских знакомых Пушкина, я обратился к родословной книге Тверской губернии.

Конечно, родословие Вульфов не имело непосредственного отношения к биографии Пушкина, но, во-первых, погружение в историю России XVII века было настолько увлекательно, что от него трудно было отказаться, а, во-вторых, следуя вглубь родословия Вульфов, я на определенном этапе снова столкнулся с вопросом взаимоотношений Вульфов и Пушкина.

В шестую часть или в первую?

Около 1870 года были опубликованы материалы дворянской родословной книги Тверской губернии: альбом «Генеалогия господ дворян, внесенных в родословную книгу Тверской губернии с 1787 по 1869 год» (далее называемый «Генеалогия»), который сопровождался книгой «Приложения к генеалогии господ дворян, внесенных в родословную книгу Тверской губернии с 1787 по 1869 год» (далее – «Приложения»).⁵ И «Генеалогия», и «Приложения» были составлены М. П. Чернявским, занимавшим в то время должность протоколиста Тверского дворянского депутатского собрания.⁶ В «Генеалогии» для каждого дворянского рода было построено генеалогическое древо на основании документов, которые находились в делах Тверского дворянского депутатского собрания и которые перечислены, а иногда и кратко пересказаны в «Приложениях».

Потомки Гавриила Васильевича Вульфа были в основном занесены в 1-ю часть, но некоторые более поздние – во 2-ю часть родословной книги.⁷ Однако, при более внимательном знакомстве с материалами родословной книги выяснилось, что Вульфы стремились попасть в 6-ю часть и первоначально были-таки в нее внесены. Именно этому их стремлению мы и обязаны теми сведениями, знакомство с которыми привело к вопросу о родоначальнике Вульфов. Эти сведения мы рассмотрим, но сначала, наверное, надо кратко пояснить, что такое – родословная книга и чем различаются ее части. В конце концов станет ясной и причина перенесения Вульфов из 6-й части в 1-ю и 2-ю.

В 1785 году Екатерина II подписала «Жалованную грамоту дворянству», по которой, в частности, учреждались губернские дворянские собрания и родословные книги губерний. Для пользования правами дворянства каждый дворянский род (и каждый представитель этого рода) должен был быть записан в родословную книгу одной из губерний, а решение («определение») о его

⁴ См., например: Вересаев В. Спутники Пушкина. Т. 1. – М., 1937. С. 347.

⁵ Место и год издания ни на «Генеалогии», ни на «Приложениях» не указаны.

⁶ Памятная книжка Тверской губернии на 1868 г. – Тверь, 1868. С. 4.

⁷ В обоих изданиях Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона сказано только, что этот род Вульфов внесен в 1-ю часть родословной книги Тверской губернии.

записи принималось губернским дворянским собранием. Поместные дворяне (т. е. дворяне, обладающие поместьями, которые были пожалованы им или их предкам по государеву указу) обычно вносились в родословную книгу той губернии (или одной из тех губерний), где находились их поместья. Они должны были представить в губернское дворянское собрание документы, подтверждающие их дворянство и указывающие давность принадлежности их рода к дворянству. Дворянское собрание принимало определение о внесении рода в соответствующую часть родословной книги, и это определение утверждалось затем специальным указом Правительствующего Сената или Департамента герольдии.

В Тверской губернии первые фамилии были внесены в родословную книгу в 1787 г., а определение дворянского собрания о Вульфах (именно об Иване Петровиче Вульфе с детьми, с которыми впоследствии общался Пушкин) датировано 20 декабря 1793 г.

Для того, чтобы быть записанным во 2-ю часть книги, куда вносилось так называемое «военное дворянство» (т. е. дворяне, дослужившиеся до определенного военного чина, и их потомки), Ивану Петровичу достаточно было бы представить патент его отца Петра Гавриловича на звание бригадира. Грамота о пожаловании Петру Гавриловичу имений в Тверской губернии в 1722 и 1726 годах давала право на внесение его потомков в 1-ю часть, т. е. на зачисление их в «дворянство жалованное или действительное», что (выражаясь современным языком) было более престижным. Однако самым почетным было внесение в 6-ю часть родословной книги – в «древнее благородное дворянство». Для этого документы должны были подтвердить принадлежность рода к дворянству за сто лет до издания грамоты 1785 года, т. е. до 1685 г.

Иван Петрович не преминул представить не только документы отца, но и все сохранившиеся у него документы деда Гавриила Васильевича, самый ранний из которых датируется, как мы увидим далее, 1679 годом, и поэтому дворянское собрание 20 декабря 1793 года приняло определение внести Ивана Петровича Вульфа и его семью в 6-ю часть родословной книги.⁸

Однако через полвека Департамент герольдии издал указ о перенесении Ивана Петровича Вульфа с детьми и внуками из 6-й в 1-ю часть⁹. Правда, сам Иван Петрович и большинство его детей к этому времени уже умерли. В Департаменте герольдии не сочли, что представленный документ 1679 года доказывает дворянство Вульфов в это время (хотя и не опровергает такой возможности).

Вот данное в «Приложениях» описание документов, относящихся к Гавриилу Васильевичу Вульфу:

№ 223. Вульф. В 1679 году Степан Оботуров занял у солдатского строю Поручика Гаврилы Васильевича Вульфа деньги три рубля, за которые обязан

⁸ Генеалогия. Лист 39 об. (то же на листе 40).

⁹ Указ № 2542 от 5 апреля 1851 г. При этом внук Ивана Петровича – Петр Иванович Вульф, будучи полковником, был перенесен вместе со своими детьми не в 1-ю, а во 2-ю часть – в «военное дворянство».

служить ему во дворе, на что и дана Г. Вульфус служилая кабала. В 1691 г. жена стольника Лаврентия Богдановича Ордина-Нащокина Марфа Осиповна продала Майору Гавриле Васильевичу за 230 рублей двор свой Московский на белой земле в Белом городе меж Знаменки и Смоленской улицы в приходе церкви Тихона Чудотворца, а в межах тот двор подле двора Патриаршего приказа подъячего Никифора Мартынова, а на другую сторону церковная земля. В 1698, 1699 и 1700 гг. по указам великого господина Святейшего Кир Адриана Архиепископа Московского и Патриарха взято в патриаршую домовую казну Медынской десятины с церковной земли на подполковнике Гавриле Васильевиче Вульфе оброку по рублю, пяти алтын и две деньги в год. В 1699 г. Алексей Иванович Чичерин сговорил дочь свою Авдотью Алексеевну вдову Василия Жукова за подполковника Гаврила Васильевича Вульфа и дал на приданое рядную запись.¹⁰

Иноземцы в Москве

Чтобы вернее оценить факты, упоминаемые в документах, и выводы, сделанные на их основе, необходимо сказать о положении иноземцев в Москве того времени.

Миновав потрясения «смутного времени», Россия, казалось бы, стала прежней Россией. Однако изменения, вроде бы неприметные, но тем не менее необратимые, уже начинались, как в политике, так и в быту. Последнее относится в основном к придворному окружению, но в то же время с новыми непривычными особенностями иноземного быта пришлось соприкоснуться самым различным слоям населения.

Уже в правление царя Михаила Федоровича (1613 – 1645 гг.) начинается, а при «тишайшем» Алексее Михайловиче (1645 – 1676 гг.) активно продолжается преобразование русских вооруженных сил. Наряду с дворянским ополчением, которое собиралось только на время войн и походов, наряду со стрельцами, для которых военная служба была уже постоянным, но не единственным занятием, и которые в мирное время совмещали ее с торговлей,

¹⁰ Приложения к генеалогии господ дворян, внесенных в родословную книгу Тверской губернии с 1787 по 1869 год / Составитель М. П. Чернявский. – [Б. м. и б. г.]. С. 36.

Поскольку эти сведения нигде, кроме «Приложений», полностью не публиковались, приведу и остальную часть описания документов рода Вульфов: «Петр Гаврилович был дворовым подлючником с 1715 г., а в 1718 г. взят в комнату к государыне, цесаревне Наталье Петровне <вероятно, описка; должно быть: Наталье Алексеевне>, в 1722 г. пожаловано ему имение в Ржевском уезде, в 1725 г. пожалован Камер Юнкером, находился в военной службе в царствования: Екатерины 1^й, Петра 2го, Анны Иоановны, Елизаветы Петровны и в правление принцессы Анны Брауншвейг Люнебургской, уволен от службы бригадиром. В 1726 Камер Юнкеру Петру Гавриловичу дано стольника Алексея Ивановича Калитина, за издержание последним без указа казенные деньги 2299 рублей, принадлежавшее ему недвижимое имение в Ржевском, Новоторжском и Старицком уездах. Капитан поручик Иван Петрович был Старицким Уездным Предводителем Дворянства в 1787 году. Статский Советник Николай Петрович был Орловским Вице-губернатором в 1854 году. – Указы Деп<артамента> Гер<ольдии>: 1^й, от 5 Апр. 1851 г. за № 2542, о перенесении Ивана Петровича с детьми и внуками из 6^й в 1^ю часть родословной книги и о перенесении Петра Ивановича с детьми из 6^й во 2^ю часть, и 2^й, от 17 мая 1856 г. за № 3310, об утвержд.<ении> опр.<еделения дворянского собрания> 23 фев. 1856 года» (см.: Там же. С. 36 - 37).

ремеслом и земледелием, – наряду с этим, уже привычным для России, воинством появляются полки «нового строя», созданные по иноземному образцу. Появляются люди, для которых военное ремесло – не только основная, но и единственная профессия. Закладывается начало регулярной армии.

Количество таких полков, как кавалерийских («рейтарских» и «драгунских»), так и пехотных («солдатского строя»), значительно увеличилось при царе Федоре Алексеевиче (1676 – 1682 гг.). Для службы в этих полках (и особенно на офицерские должности) вербовались в большом количестве и иноземцы.

Но не только военные приезжали из-за границы на службу в Россию. Царь Алексей Михайлович постепенно вводил различные новшества на европейский манер. Приезжали доктора, лекари, «алхимисты», переводчики, «серебряные» и другие мастера. Эти специалисты использовались прежде всего для нужд царского двора и московских приказов.

Иноземцы оседали в Москве, покупали дворы, обзаводились хозяйством. Первоначально им дозволялось селиться в любых районах Москвы. Поэтому дворы иноземцев часто располагались вперемежку с дворами коренных москвичей, хотя некоторые и предпочитали селиться вместе с другими иноземцами, особенно рядом со своими соотечественниками, образуя как бы небольшие колонии. Возникали отдельные «иноземные слободы». Но свободные земли, где можно было бы создать целую такую слободу, лежали обычно на окраинах Москвы, что было не очень удобно, а порою и небезопасно, и поэтому многие иноземцы, располагавшие средствами, предпочитали покупать дворы у москвичей поближе к центру, во всяком случае – в пределах Белого города (т. е. в пределах нынешнего Бульварного кольца Москвы). Скупая постепенно соседние участки, они и в этих местах, если и не создавали отдельной колонии, то во всяком случае образовывали значительную прослойку.

Власти поначалу проявляли большую веротерпимость и даже не препятствовали тому, что в местах скопления иноземных дворов начали строиться иноверческие церкви. Иноземцам разрешалось нанимать для работы по двору и в доме русских людей. Так, в переписной книге Москвы 1638 года то и дело попадаются записи, аналогичные следующим:

Д<вор> немчина Якова Яковлева с<ына> Фрика, у него ч<еловек> Васка Карпов.¹¹

Д<вор> Немчина Ондreja Ондреева с<ына> Букина <...>, у него же стоит немчин Петр Иванов с<ын> Лаферс, у него ч<еловек> Володька Кондратьев <...> да дворник Якушко Васильев <...>. Д<вор> иноземца Дмитрея Ондреева с<ына> Францбекова, у него людей Ивашка Петров да Карпик Федоров.¹²

¹¹ Росписной список города Москвы 1638 года. – М.: 1911. С. 112. (Труды Московского отдела Императорского Русского Военно-исторического общества. Т. 1); далее – Росписной список 1638 г.

¹² Там же. С. 114.

Однако с некоторого времени как со стороны русского населения, так и особенно со стороны православной церкви стали возникать жалобы на «засилье» иноземцев.

Для нас важны даты и содержание указов, ограничивающих постепенно свободу проживания и деятельности иноземцев в Москве. Воспользуемся статьей С. К. Богоявленского¹³:

В 1628 г. начались прямые репрессии против иностранцев: иноверцам запрещалось иметь в своих домах православных работников на том основании, что хозяева-еретики заставляют своих православных слуг есть в постные дни мясо и «всякий скором» и поэтому надо оградить православных, «чтобы христианским душам осквернения не было и без покаяния не помирали бы»¹⁴.

Как видно из приведенных выше записей переписной книги Москвы, в 1638 году это запрещение практически не выполнялось, но затем оно было повторено в царских указах неоднократно, и в переписной книге Новой немецкой слободы 1665 года читаем:

Двор переводчика Тимофея Англера, послан он с послами, а живет жена его Катерина; людей у нее 2 человека Мирошка да Митрошка – поляки <...>; - пушечново дела мастер Юстр Фанден-Керковен; человек у него наемной касимовский татарин Ивашка Григорьев <...>; – порутчик Юрье Менстерман; человек у него польской Лукашка католик.¹⁵

Очевидно, что теперь в каждом случае, когда у иноземца был дворовый человек, в переписи отмечалось, что это – поляк, татарин или кто-либо еще из «некрещеных», т. е. неправославных. Итак, в 1665 году это соблюдалось уже строго.

Запретом нанимать в услужение православных дело для проживавших в Москве иноземцев не ограничилось.

В 1643 г. причты церковей Николы Столпа (Армянский переулоч) и Козьмы и Дамиана (Покровка) жаловались на засилье немцев <...>. Челобитье вызвало распоряжение общего характера: немцам и немкам запрещалось покупать и принимать в заклад у русских людей дворы «в Китае <Китай-городе, примыкавшем к Кремлю> и в Белом городе и за городом в слободах»¹⁶, т. е. по всей Москве <...>. Запрещение продавать иностранцам дворы и дворовые места по всей территории Москвы было подтверждено в XIX главе Уложения царя Алексея Михайловича <1649 г.>. Следовательно, иностранцы могли владеть дворами только за чертой Земляного города <современного Садового кольца>.¹⁷

¹³ Богоявленский С. К. Московская немецкая слобода. // Известия АН СССР. Серия истории и философии, 1947, т. IV, № 3, с. 228.

¹⁴ ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1679, № 282 (ссылка С. К. Богоявленского).

¹⁵ Переписные книги города Москвы 1665 – 76 гг. – М.: 1886. Столбец 233; далее – Переписные книги 1665 – 76 гг.

¹⁶ Акты исторические. Т. 3. 1613 – 1645. – СПб., 1841. С. 114 – 115 (ссылка С. К. Богоявленского)

¹⁷ Богоявленский С. К. Московская немецкая слобода... С. 224.

Подчеркнем, что речь идет о запрете иноземцам приобретать новые участки в Москве, а те, которыми они уже владели, сохранялись за ними, т. е. иноземцы продолжали жить в черте и Белого города, и Китай-города.

Но вот, наконец, в 1652 г. последовал царский указ, согласно которому все иноземцы вообще обязаны были жить за пределами Москвы. Для них специально была построена Новая иноземная слобода, ставшая впоследствии столь известной (под названием Немецкой слободы) в связи с именем Петра I.

Когда было приступлено к устройству Немецкой слободы, то иностранцам было объявлено, что в Москве могут остаться только те, которые примут православие.¹⁸

Поставленное условие было очень серьезным. Вероисповедание составляло основу жизни людей того времени. Вера впитывалась с детства. Не зря же разногласия в религиозных воззрениях бывали причинами войн. Поэтому согласившиеся на это условие оказывались ренегатами:

ренегаты без всякого снисхождения выбрасывались из общения с иностранцами, верными религии отцов, им было небезопасно посещать Немецкую слободу и был закрыт выезд за границу, они были для верных лютеран и кальвинистов «как колючки в глазу», по выражению одного иностранного путешественника.¹⁹

Заметим, что перед иноземцами, приехавшими в Москву после 1643 года, вопрос о перемене религии вообще не вставал, поскольку они могли приобретать дворы уже только за пределами Земляного города. А те, кто прибывал в Москву после 1652 года, оседали сразу в Новой иноземной слободе, находя здесь некоторый заменитель привычной западноевропейской среды.²⁰ Только какие-то чрезвычайные обстоятельства могли заставить вновь приехавшего решиться на перемену религии и в результате – лишиться привычной обстановки и возможности возвратиться не только на родину, но и вообще в Европу, и приспособившись к совершенно незнакомому и чуждому ему по духу русскому быту.

По-другому обстояло дело с теми, перед кем вопрос о перемене религии действительно был поставлен. Если иноземец жил в 1652 году в черте Москвы, значит он поселился здесь до 1643 года, т. е. жил в пределах Земляного города не менее десяти лет, а кое-кто – уже и полтора, и два десятка лет, а может быть и больше.

О возвращении на родину большинство из них, вероятно, всерьез уже не думало. Возвращаться, скорее всего, было не к кому и не к чему. Связи с прежним отечеством оборвались с отъездом из него. Жившим в России иноземцам даже запрещалось писать за границу. Например, в клятвенной записи, по которой присягали («целовали крест») на верность царю Михаилу

¹⁸ Там же. С. 230.

¹⁹ Там же.

²⁰ Исключения иногда делались, например, для иноземцев-докторов, лечивших царя и его семью, - им жаловались дворы в Белом городе.

Федоровичу в 1632 году принятые на службу «аглинские земли» лекари, говорилось, в частности:

с племенем своим и с друзьями, которые живут в иных государствах, письмом ссылаются с повеленья его царского величества, а без повеления его царского величества и с племянем, и с друзьями не ссылаются.²¹

Такие иноземцы-«старожилы» уже привыкли к русскому окружению, установили какие-то связи, знакомства; непривычная сначала русская среда была уже во всяком случае понятной. Было уже налаженное хозяйство, двор, дом, быт. А предстояло переселяться на новое место, куда-то за пределы Москвы, жить в тесном, пускай и похожем на западноевропейский, но разношерстном, разноязыком, достаточно склочном мирке «временных» людей, приезжающих и уезжающих. Страна, которая стала уже почти своей, вдруг должна была стать опять чужой, а в то же время в ней надо было продолжать жить.

К тому же

перемена религии сулила большие выгоды – денежный подарок от царя, поддержку крестного отца, обыкновенно крупного дворянина или влиятельного дьяка.²²

Взвесив все «за» и «против», многие иноземцы-«старожилы» принимали православие (некоторые сделали это еще раньше).

Оторвавшись от своих одноверцев, новые сыны православной церкви старались сблизиться с русскими. Они жили у всех на виду, их домашний обиход, обстановка жилищ, занятия ремеслом и торговлей не были секретом для соседей и не могли не вызывать подражания в том или другом отношении. Со своей стороны, крестившиеся иностранцы перенимали русские обычаи, носили русское платье и, состоя большею частью на царской службе, невольно приспособливали свой дневной распорядок к обычаям русской жизни. Некоторые женились на русских и скоро совершенно обрусели; при крещении все получали новое имя, а некоторые и новую фамилию по имени или прозвищу крестного отца.²³

Имея теперь в виду все сказанное, обратимся, наконец, к документам, описанным М. П. Чернявским в «Приложениях...»²⁴.

Поручик Вульф

Итак, в 1679 году мы знакомимся с Гавриилом Васильевичем Вульфом. Он – поручик в полку солдатского строя, холост, имеет двор и располагает деньгами. Он может одолжить Степану Оботурову три рубля, сумму по тем временам достаточно значительную, если иметь в виду, что речь идет не о

²¹ Матерьялы для истории медицины в России. Вып. 1. – СПб, 1881. С. 50.

²² Богоявленский С. К. Московская немецкая слобода... С. 230.

²³ Там же.

²⁴ Копии некоторых из этих документов обнаружены позднее в делах Департамента герольдии (см.: РГИА. Ф. 1343, оп. 18. № 4743).

князьях и боярах. Эта сумма составляла примерно трехмесячный денежный оклад среднего московского «чиновника» – подьячего какого-либо из московских приказов²⁵. Поэтому такой долг был оформлен уже «юридически» – в виде служилой кабалы, в которой было записано, что Степан Оботуров обязан в счет этого долга служить Гавриле Васильевичу Вульфу «во дворе» в течение года.²⁶

Эти сведения заставили меня усомниться в правоте упомянутых выше энциклопедических статей, утверждавших, что иноземец Гаврила Васильевич Вульф вступил в русскую службу в 1679 году. В служилой кабале, наверняка, было бы указано, что Гавриил Васильевич – иноземец. Но сомнения основывались не только на этом. Маловероятно, чтобы так быстро русифицировалось имя Вульфа, чтобы, вступив в русскую службу в 1679 году, он в том же году звался бы уже Гаврилой, да еще Васильевичем. Главное же: как мог бы иноземец в 1679 году заставить работать у себя во дворе православного, да еще официально оформить на это служилую кабалу? А Оботуровых (Абатуровых, Обадуровых) мы находим среди жителей Москвы еще в начале XVII века без каких-либо указаний на их «иноземство» или «некрещеность».²⁷

К 1691 г. Гавриил Васильевич поднялся по служебной лестнице на две ступени: из поручика он стал капитаном, а затем – майором. За время, миновавшее с 1679 г., произошло много самых разных событий.

27 апреля 1682 г. скончался царь Федор Алексеевич и, воспользовавшись волнениями стрельцов и малолетством братьев Ивана и Петра, фактически воцарилась их сестра Софья Алексеевна. Но, воспользовавшись сначала недовольством стрельцов, Софья осенью того же года подавила их выступление, опираясь на дворянское ополчение и, вероятно, полки иноземного строя, в одном из которых служил Вульф. Мог он участвовать и в Крымских походах 1687 и 1689 годов под командованием князя В. В. Голицына. По возвращении из последнего похода как стрелецкие, так и «солдатские» полки

²⁵ **Годовые** денежные оклады подьячих этого периода: «Алексеев Никита – подьячий Посольского приказа, гонец в Персию, в 1675/76 г. его оклад 14 руб.» (см.: Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV – XVII вв. – М., 1975. С. 18); «Алферьев Никита – подьячий Аптекарского приказа, в 1675/76 г. его оклад 8 руб.» (см.: Там же. С. 20); «Ватолин Маркелл Васильев – подьячий приказа тайных дел с 3 февраля 1665 г. по 3 декабря 1675 г.; в 1665/66 г. его оклад 12 руб., в 1668/69 – 15 руб., в 1671/72 г. – 1673/74 гг. – 20 руб., в 1675/76 г. – 13 руб.» (см.: Там же. С. 88); Озеров Андрей Андреевич – подьячий, 7 декабря 1672 г. в приказе тайных дел; 24 декабря 1672 г. поверстан окладом в 12 руб.; <...> в 1675/76 г. его оклад 15 руб.» (см.: Там же. С. 383) и т. д.

Книга С. Б. Веселовского не утратила своего значения и доныне, поэтому оставлены ссылки на нее. Теперь же наиболее полным является справочник: Служилая бюрократия в России XVII века (1625 – 1700). Биографический справочник. М., 2011.

²⁶ РГИА. Ф. 1343, оп. 18. № 474, л. 7 об.

²⁷ «Двор вдовы Домны Четаевския жены Обатурова» - в переписи московских дворов 1820 г. (см.: переписи Московских дворов XVII столетия. – М., 1896. С. 14). Ее муж Четай Оботуров (Абатуров) был дьяком в 1612-19 гг., а Якушко Оботуров был подьячим в 1625-26 гг. (см.: Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV – XVII вв. ...С. 7.). В 1638 г. в Москве живет Иван Васильев сын Обадуров (см.: Росписной список 1638 г., по указателю).

оказались втянуты в борьбу между Петром и Софьей в августе 1689 года, в результате которой Софья была отстранена от правления и в конце сентября заключена в Новодевичий монастырь. В 1689 – 1691 годах Гавриил Васильевич в составе своего полка, надо полагать, участвовал в многочисленных парадах, маневрах и потешных боях, которыми увлекался в это время молодой царь Петр.²⁸

Судя по тому, что Гавриил Васильевич продвигался по служебной лестнице (похоже, без особых взлетов и провалов) и при царе Федоре Алексеевиче, и в правление Софьи, и при Петре, можно полагать, что он не принимал участия в политической борьбе, но служил исправно. Не был, правда, жалован поместьями, но и не попадал в опалу.

В 1691 году майор Вульф купил «на белой земле²⁹ в Белом городе» за 230 рублей двор, принадлежавший до того стольнику Лаврентию Богдановичу Ордыну-Нащокину, двоюродному племяннику знаменитого дипломата Афанасия Лаврентьевича Ордына-Нащокина. Где жил Вульф до этого времени, в документах, описанных М. П. Чернявским, не указано.

Новый двор был расположен между Знаменкой и Смоленской улицей (ныне – Воздвиженкой) и считался в приходе церкви Тихона Чудотворца, что стояла у Смоленских ворот Белого города³⁰. Этот район, как и соседний (между Смоленской улицей и Никитской), был излюбленным местом жительства родовой и чиновной знати. В переписных книгах этой части Белого города мы найдем князей, бояр, думных дворян, стольников, стряпчих, дьяков, подьячих.

Купленный Вульфом двор граничил с церковной землей и с двором подьячего Патриаршего приказа Никифора Мартынова, жившего здесь уже не менее 15 лет³¹. Именно это соседство помогло уточнить местоположение двора Вульфа, так как на сохранившемся плане части этой территории, составленном в 1670-х годах, обозначен двор Никифора Мартынова.³²

Дворы Вульфа и Мартынова располагались между переулками - Шуйским (ныне Староваганьковским) и Воздвиженским (ныне Крестовоздвиженским), вблизи Воздвиженского монастыря (занимавшего угол Воздвиженского переулка и Смоленской улицы), Аптекарского двора (на углу Смоленской улицы и Шуйского переулка) и церкви Благовещения Богородицы, что стояла примерно в средней части Шуйского переулка.

Учитывая, что двор Вульфа граничил с одной стороны с двором Мартынова, а с другой – с церковной землей, можно предположить два вари-

²⁸ Богословский М. М. Петр I. Материалы для биографии. Т. 1. – [Л.], 1940. Сс. 94 – 95, 98 – 99, 105, 111 – 112, 122 – 130.

²⁹ Белая (обеленная или “бельная”) земля, – земля, освобожденная от податей.

³⁰ На нынешней Арбатской площади эта церковь простояла до 1934 года, когда при постройке метрополитена была снесена, а на ее месте встал вестибюль станции «Арбатская».

³¹ И, возможно, не менее 15 лет служившего подьячим в Патриаршем приказе. Представляется весьма вероятным, что именно он упоминается в записи: «Мартынов Никита <Никифор ?> – справный подьячий патриаршего Дворцового приказа, 18 декабря 1675 г.» (см.: Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV – XVII вв. ... С. 321).

³² Планы Москвы XVII века. – М., 1898. С. 34 – 35. (Древнерусская картография. Вып. 1).

анта его расположения: или его двор находился между двором Мартынова, Аптекарским двором и церковью Благовещения Богородицы и выходил в переулок, который ныне не существует, но в то время шел, коленообразно изгибаясь, от середины Шуйского переулка до Знаменки; или – между двором Мартынова и Воздвиженским монастырем и выходил в сторону Воздвиженского переулка.

О том, чтобы двор в этом месте в те годы купил «некрещеный», не могло быть и речи. В опубликованных переписных книгах конца XVII века мы не найдем в этом районе ни одного иноземца.³³ Значит, в 1691 году Гавриил Васильевич был православным, но тогда опять-таки придется признать, что и в 1679 году он уже был православным. Если бы он принял православие между 1679 и 1691 годами, то у него при крещении должно было бы измениться имя, а этого не произошло.

В 1698 году мы видим Вульфа в чине подполковника. Почти наверняка, он участвовал в Азовских походах 1695 и 1696 гг. Можно предположить, что в какой-то из этих годов майор Вульф получил чин подполковника. Оклад его повысился, и он, не удовлетворяясь уже двором в Москве, стал прискивать случай обзавестись где-нибудь и землей.

Возможно, что ему поспособствовал в этом его сосед – подьячий Патриаршего приказа Никифор Мартынов. Во всяком случае, с 1698 по 1700 гг. с разрешения патриарха Адриана Гавриил Васильевич Вульф арендовал церковную землю в Медынском уезде (на севере Калужской губернии), платя за нее оброк в патриаршую домовую казну Медынской десятины³⁴ по рублю, пяти алтын и две деньги (т. е. по 1 рублю 16 копеек) в год. Он именно арендовал эту землю, а не купил себе в вотчину, как это утверждается в статье из Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона. В противном случае он бы не платил в патриаршую домовую казну ежегодно оброка, и купленная земля уже не называлась бы «церковной» (а в «Приложениях» сказано, что оброк брался «с церковной земли»). Сдача церковных земель в аренду («на оброк») практиковалась в то время широко.

Пустые церковные земли сдавались на оброк различным лицам. Поступающие оброки записывались погодно и потерриториально³⁵.

Надо полагать, что эта арендная сделка была совершена в начале 1698 года, так как, начиная с лета (с начала июня, когда взбунтовались стрельцы), подполковнику Вульфу было не до сделок. Петра I в это время не было в России.

Бояре приговорили: против бунтовщиков идти из Москвы с войсками боярину и воеводе А. С. Шеину, а в войске у него быть московскому дворянству, отставным и недорослям московского чина и солдатским полкам³⁶,

³³ Переписные книги 1665 – 76 гг.

³⁴ Десятина – округ в епархии, находящийся в ведении десятичника – сборщика церковных налогов (эта десятина не имеет ничего общего с десятиной как мерой площади).

³⁵ Сахаров А. Н. Русская деревня XVII в. По материалам патриаршего хозяйства. – М., 1966. С. 24.

то есть полкам солдатского строя, в одном из которых служил подполковник Вульф.

13 июня первые отряды выступили из Москвы, а 18 июня произошло сражение у Воскресенского монастыря (вблизи нынешней Истры). Весьма вероятно, что в нем участвовал и Вульф. Стрельцы были разбиты. Зачинщики бунта были найдены и казнены.

Вернувшийся 25 августа в Москву из-за границы Петр

остался недоволен действиями Шеина. Он считал сделанный Шеиным розыск <...> крайне недостаточным и не доведенным до конца³⁷.

Царь повелел провести новое расследование – знаменитый «стрелецкий розыск», в результате которого открылись связи стрельцов с находившейся в Новодевичьем монастыре царевной Софьей.

30 сентября начались (и продолжались до конца октября) казни, невольным свидетелем которых стал, наверняка, и Гавриил Васильевич Вульф, так как казни происходили и у Смоленских ворот Белого города, недалеко от его двора.

Постепенно жизнь вошла в обычную колею, и в 1699 г. Гавриил Васильевич женился. Ему уже явно перевалило за сорок (если предположить, что в 1679 году поручику Вульфу было лет 20 – 25). Женился он на вдове Авдотье Алексеевне Жуковой, дочери Алексея Ивановича Чичерина (Чечерина³⁸).

Мы не знаем, кем был Василий Жуков, первый муж Авдотьи Алексеевны, но, скорее всего, они еще не обзавелись собственным хозяйством, не имели детей и жили, возможно, вместе с родителями мужа. Так или иначе, но, очевидно, после смерти мужа Авдотья Алексеевна вернулась в дом отца.

Алексей Иванович Чичерин принадлежал не к самой знатной части московского дворянства, но все-таки занимал достаточно высокое положение.

Согласно «боярским книгам»³⁹, в 1692 году он был стряпчим⁴⁰, а из его двоюродных братьев⁴¹ двое (Никита Васильевич и Семен Петрович Чичерины) были в это время стольниками, т. е. стояли в дворянской иерархии ступенькой

³⁶ Богословский М. М. Петр I. ... Т. 2. 1941. С. 539.

³⁷ Там же. Т. 3. 1946. С. 21.

³⁸ Вплоть до XIX века в документах встречается двойное написание этой фамилии.

³⁹ Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в 1-м отделении Московского архива Министерства юстиции, с обозначением служебной деятельности каждого лица и годов состояния в занимаемой должности. – М., 1853. (Чичерины – с. 460 – 461).

⁴⁰ «Стряпчие заведовали царевой “стряпней” – личными вещами царя (платьем, бельем, сбруей и др.), помимо придворной службы стряпчие назначались на воеводства в третьестепенные города, входили в состав посольств и несли другие административные обязанности незначительного ранга» (см.: Богословский М. М. Петр I. ... Т. 1. 1940. С. 432).

⁴¹ Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. 2. – СПб., 1887. С. 691 – 692.

выше Алексея Ивановича, а двое других (Лаврентий Михайлович и Семен Михайлович Чичерины) были, как и он, стряпчими.⁴²

Деду всех названных Чичериных – Осипу Матвеевичу – в 1619 г. за «московское осадное сидение» (1610 года) было пожаловано в вотчину поместье в Перемышльском уезде⁴³ (территория которого теперь входит в Калужскую область). Трое детей его затем были пожалованы поместьями⁴⁴. Только об одном его сыне – Иване Осиповиче – не имеем таких сведений, но можно предположить, что это связано с тем, что он просто унаследовал отцовскую вотчину, а от него она могла перейти к единственному, если верить родословной, сыну Алексею Ивановичу. Почти все двоюродные братья Алексея Ивановича также были перемышльскими помещиками⁴⁵, а в соседнем Медынском уезде арендовал землю Гавриил Васильевич Вульф.

Итак, в 1699 г. состоялась свадьба Авдотьи Алексеевны и Гавриила Васильевича. Отец невесты дал за ней приданое, на что была составлена «рядная запись»:

Самъ Алексѣй Чечеринъ въ нынѣшнемъ въ двести седьмомъ году <т. е. 7207 г. от сотворения мира> Февраля въ 9 день сговорилъ я Алексѣй дочь свою вдову Авдотью Алексѣвну замужъ Васильевскую жену Жукова за подполковника за Гаврила Васильевича Вульфа, а благословляю ее дочь свою Авдотью Алексѣвну Божиємъ Милосердіемъ: образъ всемилостиваго спаса <в> створномъ киотѣ; образъ же всемилостиваго спаса въ окладѣ Серебреномъ золоченой; образъ пресвятыя богородицы Казанскія, окладъ серебряной золоченой, убузъ у нее низоной, тутъ же крестъ господній, обложень крестъ серебромъ; образъ пресвятыя богородицы Смоленскія, венець Серебреной, золоченой; образъ воскресеніе Христово, окладъ серебряной золоченой; образъ пресвятыя Богородицы Казанскія; образъ святыя мученицы Праскевыи Нарнцаемыя Пятницы, окладъ серебряной золоченой. Далъ жъ Алексѣй за нею дочерью своею Авдотьею приданаго даль низанья и съ платья: треухъ соболей, верхъ низаной, прорезной, запоны съ каменьемъ по верху бархатномъ; треухъ же соболей, верхъ лудиной камки; серги Турецкія съ яхонты; подвески изумрудныя; серги корабликами съ изумруды и жемчуги; серги орешки съ каменьемъ; кокошникъ съ короною низаною, съ каменьемъ и въ зерни; кокошникъ жаркой атласной, съ кружевомъ немецкимъ, поднись низаная; кокошникъ лудяной камчатой красный, съ немецкимъ кружевомъ; кокошникъ атласный жолтой, съ кружевомъ серебрянымъ; кокошникъ камчатой лудяной дымчатой, съ кружевомъ; перла низанная, а низанья всѣ жемчужное; перстень золотой слить; девять перстней серебряныхъ; цепочка серебряная; два креста серебряныхъ; зубчистка серебряная; съ зерны жемчужными ошивная сетка золотая; шуба объериная рудожелтая <нрзб> чешусчетой, кружево плетеное сгороды золото серебромъ; бобровая шуба камчатая дымчатая, лудилной мехъ белой хрептовой, кружево плетеное сгороды золото серебромъ, на подзорѣ

⁴² Упоминаемые Чичерины учтены в книге: Захаров А. В. Государев двор Петра I. Публикация и исследование массовых источников разрядного делопроизводства. – Челябинск, 2009 (указание П. В. Седова).

⁴³ Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник... С. 691. Соответствующий документ опубликован недавно А. П. Павловым (указание П. В. Седова).

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. С. 691 – 692.

пухъ бобровой; шуба камчатая лудилная красная, мѣхъ белой; шуба камчатая лудилная ценильная, мехъ бѣлой, черевей пухъ бобровой; шуба кильдяшная, мехъ белой черевей; телогрея объериная, желтое кружево плетение серебряное, на подзорѣ пуговицы серебряныя золоченыя; телогрея камчатая красная, кружево Киселбаское, пуговицы серебряныя золоченыя; телогрея тафтяная алая, кружево киселбаское, пуговицы серебряныя; телогрея тафтяная красная, кружево киселбаское, пуговицы серебряныя; телогрея китайчетая съ пуговицы; стаканъ серебряной золоченой; ковшъ серебряной; чарка серебряная золоченая; сундукъ съ бельемъ; ларецъ окованъ жестью; перина с изголовьемъ изъ подушки; одѣяло заечье подъ выбойкой; завесь стаметной; всего низанья и кузни и платья на двѣсти на тридцать рублей, да дѣвка къ ларцу Палашка Васильева дочь да малой Мишка Никитинъ сынъ лѣтъ въ пятнадцать, и при подлинной рядной записи свидѣтели стольникъ Семіонъ Игнатьевичъ Протасовъ да Семень Петровичъ Воейковъ, а рядную запись писалъ Приказу Холопя Суда площадной подъячей Тимошка Таручинской лѣта 7207 году Февраля въ 9 день. Къ подлинной рядной записи Алексѣй Чечеринъ руку приложилъ, Семень Протасовъ руку приложилъ. Семень Воейковъ руку приложилъ.⁴⁶

Вскоре в семье появились два сына: Федор, а за ним – Петр.⁴⁷ Учитывая, что младший уже в 1715 г. служил дворцовым подключником, можно предположить, что они родились один за другим в первые же годы после свадьбы. Так у Алексея Ивановича Чичерина появились два внука.

Тут невольно вспоминается, что бабкой Пушкина по отцу была Ольга Васильевна, дочь Василия Ивановича Чичерина⁴⁸. А все Чичерины принадлежали к одному роду, ведущему свое начало, согласно опубликованной родословной росписи, от Афанасия Чичери, который выехал из Италии в свите Софии Палеолог в Москву в 1472 г.⁴⁹ К сожалению, не все связи в этой росписи установлены достоверно, поэтому нельзя точно указать степень родства Вульфов и Пушкина. Однако, если справедливо предположение составителя родословной, что Матвей Чичерин был сыном Дмитрия Ивановича Чичерина⁵⁰, то Василий Иванович Чичерин (прадед Пушкина) и Авдотья Алексеевна (жена Гавриила Васильевича Вульфа) были пятиюрродными братом и сестрой.

Тогда Пушкин и Павел Иванович Вульф, у которого так покойно и не стесненно жилось поэту в его приезды в Тверскую губернию, были отдаленными кузенами, а именно братьями в восьмом колене. Соответственно в той же степени родства находились с Пушкиным и остальные братья и сестры Павла Ивановича: среди них – и мать Катеньки Вельяшевой, и отец Алексея Вульфа, и мать Анны Петровны Керн; а представители этого младшего поколения Вульфов, Полторацких, Вельяшевых, Панафидиных приходились Пушкину далекими «восьмиюрродными» племянниками и племянницами.

⁴⁶ РГИА. Ф. 1343, оп. 18. № 474, л. 10 – 12. Практически все знаки препинания проставлены мною.

⁴⁷ Генеалогия. Лл. 39 – 40.

⁴⁸ Вегнер М. Предки Пушкина. – М., 1937. С. 152.

⁴⁹ Руммель В. В. Голубцов В. В. Родословный сборник... Т. 2. С. 686.

⁵⁰ Там же. С. 691.

Ни Пушкин, ни Вульфы, надо думать, не подозревали о своем родстве, но вряд ли знание об этом изменило бы что-то в их отношениях. Недаром Пушкин писал в том самом письме, строчки из которого вынесены в эпиграф этой статьи (X, 437):

приехал я к доброму моему Павлу Ивановичу, который обрадовался мне, как родному.

Но вернемся к Гавриилу Васильевичу Вульфу.

Служба продолжалась.

Он уже командовал полком. Известно, что «полк солдатский подполковника Гаврилы Вульфа»

в 1701 г. был в Таганроге у «городового дела». В 1706 г. нес «годовую службу» в Каменном Затоне⁵¹. В 1707 г. распущен по домам⁵².

Через какое-то время Гавриил Васильевич был произведен в полковники.

Хотелось бы, конечно, узнать, на чем же основывается его ничем не подтверждаемое «иноземство»? Похоже, только на его фамилии и на том, что он был поручиком именно в полку солдатского строя.

Поскольку мы знаем, где находился двор Гавриила Васильевича, можно попытаться проследить дальнейшую судьбу этого двора по переписным книгам Москвы и при этом, быть может, узнать что-то и о хозяине.

С 1 сентября 1718 г. по 1 сентября 1723 г. в Москве производился сбор так называемых «мостовых» денег. Хозяин каждого двора должен был в течение этих пяти лет выплатить определенную сумму, пропорциональную протяженности участка улицы, на который выходил его двор. Эти деньги предназначались на мощение улиц. Предварительно (очевидно, до сентября 1718 года) была проведена перепись всех московских дворов с указанием их «поперечника» и суммы, которую должен выплатить хозяин.

Просматривая перепись дворов части Белого города «от Всесвятских ворот по смоленскую улицу», мы найдем и двор «полк<овника> Гаврила Васильева с<ына> Вуфова»⁵³, который должен был уплатить 4 рубля и

⁵¹ Земляная крепость, заложенная в 1696 г., после завоевания Азова, на левом берегу Днепра, против Запорожской Сечи, на р. Белозерке; окончательно была отстроена в 1704 г.

⁵² Рабинович М. Д. Полки Петровской армии 1698 – 1725. – М., 1977. С. 45. Речь идет именно о подполковнике Вульфе, так что утверждение энциклопедических статей о том, что Вульф стал полковником уже в 1700 г., не соответствует действительности.

⁵³ Переписи, наверняка, составлялись путем устного опроса, и при этом имена и фамилии, воспринятые на слух, могли сильно варьировать. Так, в переписи 7 мая 1670 г. мы встречаем Петра Веннина (см.: Переписные книги 1665 – 76 гг. Столб. 39), Петра Викентьева (см.: Там же), Артемья Агибалова (см.: Там же. Столб. 42), Елисея Зеновьева (см.: Там же), а в переписи 14 апреля 1671 г. – Петра Васенина (см.: Там же. Столб. 47), Петра Вектьева (см.: Там же), Ортемья Огибалова (см.: Там же), Елисея Зиновьева (см.: Там же). Подобные вариации приходится учитывать, в частности, как при составлении алфавитных указателей к тем или иным документам, так и при пользовании такими указателями.

1 гривенник (двор его занимал вдоль улицы 9 сажений)⁵⁴. Значит, в 1718 году он был еще жив и уже точно был полковником.

Обратимся к более поздней переписи, материалы которой также опубликованы, – к переписи Москвы 1738 – 42 гг.

Смоленская улица к этому времени именовалась Арбатской, и вот между Знаменкой и Арбатской улицей на месте бывшего двора «полковника Гаврилы Васильева сына Вуфова» находим

пустырь подполковника Гаврилы Васильева с<ына> Ульфа, в том же приходе <церкви Тихона Чудотворца>, на белой земле и платежа с нее не имеется; м<ера> дл<иннику> по обе ст<ороны> по 8 с<ажений>, поп<еречнику> по обе ст<ороны> по 11 с<ажений>, в смежности по одну ст<орону двор> бригадира Ивана Леонтьева с<ына> Кокошкина, а по др<угую> ст<орону двор> капитана Ивана Иванова с<ына> Чагина.⁵⁵

Трудно судить, был ли еще жив в это время Гавриил Васильевич, но двор, очевидно, превратился в пустырь после опустошительного пожара 29 мая 1737 года, при котором выгорела большая часть Белого города. И если постройки после пожара не были восстановлены, то можно предположить, что уже перед пожаром на этом месте никто не жил.

Если запись была сделана со слов соседей, то почему они запомнили Вульфа, как подполковника, а не полковника, да еще и Ульфа? Скорее всего, при составлении этой записи были использованы какие-то документы его соседей, которые относились к тому времени, когда Вульф был еще подполковником. Но тогда приходится предположить, что в этих документах он фигурировал как Ульф. Почему? В случае использования документов Вульф не мог случайно превратиться в Ульфа. Скорее наоборот – редкая в России скандинавская (шведская, датская или норвежская) фамилия Ульф могла постепенно, особенно в быту, превратиться в Вульфа. В русском языке известна тенденция заменять в начале слова «у» на «ву»⁵⁶, да и среди приезжавших в Россию иноземцев было немало действительных Вульфов и Вольфов (англичан, немцев). А вытеснив Ульфа из разговорной речи, Вульф постепенно мог закрепиться позже и в документах.

Двор, о котором мы говорили до сих пор, Гавриил Васильевич приобрел в 1691 году, но где-то же он жил и до этого. На каком-то его дворе отрабатывал свой долг в 1679 году Степан Оботуров. Я занялся сплошным просмотром опубликованных переписных книг Москвы 1665 – 1678 гг. Занятие – утомительное, но вознаграждение последовало быстро.

⁵⁴ Переписи Московских дворов XVIII столетия. – М., 1896. С. 194. Далее: Переписи XVIII столетия.

⁵⁵ Переписная книга города Москвы, составлена в 1738 – 1742 годах. Т. 3. II команды: Тверская часть. – М., 1881. Стлб. 31.

⁵⁶ См.: Словарь русского языка XI – XVII вв. Вып. 3. – М., 1976. На с. 168: «вуголие» (вместо «уголье»), «вудел» («удел»), «вулица» («улица»), «вусадиче» («усадиче»), «вусердие» («усердие»), «вустье» («устье»), «вученик» («ученик»).

В майской переписи 1669 г. между Смоленской и Никитской улицами⁵⁷ обнаружались дворы:

боярина и оружейничего Богдана Матвеевича Хитрово, стольника Мирона Лаврентьева с<ына> Кологривова, Федора Михайлова с<ына> Рчинова, стольника князь Федора Волконского, стольника князь Матвея Оболенского, сокольника Зота Полозова, дьяка Якова Портомоина, стольника князь Василья Волконского, лекаря Василья Ульфа <!>

Может быть это случайное совпадение? Не будем спешить с выводами. Продолжим список. За двором лекаря Ульфа следуют дворы:

Стремянного конюха Афанасия Бурцова, сокольника Ивана Стуколова, <...> стольника Михайла Петрова с<ына> Головина, окольного Ивана Федоровича большого Стрешнева.

Этот же район был переписан 13 июня 1671 г., и в новой переписи⁵⁸ мы тоже находим «лекаря Василья Микитина с<ына> Ульфо́ва» в окружении тех же соседей. Правда, за это время некоторые изменения все же произошли: князь Василий Волконский из стольников был пожалован в окольных, сокольник Иван Стуколов стал стряпчим, а двор соседа Василия Ульфа – стремянного конюха Афанасия Бурцова – перешел к стрелецкому полуголове Василию Ивановичу Володимирову.⁵⁹

Следующая по времени из опубликованных переписей Москвы – это упоминавшаяся уже перепись по поводу сбора «мостовых» денег в 1718 – 1723 гг. Двор Гавриила Васильевича, купленный им в 1691 г., мы в этой переписи нашли. А что случилось с двором Василия Ульфа? Все-таки с 1671 г. миновало более сорока лет. Удастся ли найти дворы кого-либо из его бывших соседей, чтобы, ориентируясь на них, попытаться определить бывший двор Василия Ульфа?

Вот – район между Никитской и Смоленской улицами («идучи Никитскою улицею к Кремлю, на правой стороне»⁶⁰, вот – дворы

<стольника> Федора Самсонова с<ына> Бутырлина, ч<то> б<ыл> Зота Полозова, <...> стольника Федора Михайлова с<ына> Рчинова, <...> стольника Ивана Кологривова, ч<то> б<ыл> Мирона Кологривова, боярина кн<язя> Ивана Борисовича Трокурова, ч<то> б<ыл> боярина и дворецкого и оружейного Богдана Матвеевича Хитрово жены его вдовы Марьи Ивановны, <...> <сокольничего> кн<язя> Матвея Венедиктовича Оболенского.⁶¹

Знакомые имена. Зот Полозов, Федор Рчинов (правда, тогда еще не стольник), Мирон Кологривов, Богдан Матвеевич Хитрово (тогда не боярин, а окольный), князь Матвей Оболенский (тогда не окольный, а стольник) – все

⁵⁷ Переписные книги 1665 – 76 гг. Столб. 123.

⁵⁸ Там же. Столб. 162.

⁵⁹ Кроме того, в переписи 13 мая 1671 г. дьяк Яков Портомоин назван Протопоповым, а Федор Михайлович Рчинов – Репновым. Это еще одна иллюстрация того, как могут искажаться в переписях не очень простые фамилии.

⁶⁰ Переписи XVIII столетия. С. 198.

⁶¹ Там же. С. 200.

они жили недалеко от Василия Ульфа. Большинство из них к 1718 г. уже умерли или уступили дворы другим хозяевам, но, например, стольник Федор Рчинов и окольный князь Оболенский и в 1718 году владели теми же дворами, что и в 1669 или 1671 гг.

А вот и непосредственный сосед Ульфа – Василий Владимиров, только в 1718 г. он – полковник, а в 1671 г. был полуголова. Чей же двор теперь рядом с ним?

Майора Федора Борисова с<ына> Лобзина, да брата его Гаврила Васильева с<ына> Ульфо́ва.⁶²

Цепочка замкнулась! Гавриил Васильев сын Ульф унаследовал двор своего отца – лекаря Василия Никитина сына Ульфа (вместе с, вероятно, единоутробным братом Федором Борисовым сыном Лобзиным). Никаких других Ульфов мы в рассмотренных росписях не находим.

Таким образом, роль родоначальника российских Вульфов переходит от Гавриила Васильевича к его отцу. Появляется серьезное основание сомневаться – применим ли вообще термин «иноземец» к Гавриилу Васильевичу, не родился ли он сам уже в России от русской матери. Во всяком случае, поскольку отчество дано ему по его отцу, то из этого следует, что к моменту крещения Гавриила Васильевича, отец его уже был православным, и имя Василий – его церковное имя.

Лекарь Ульф

Вспоминая все то, что говорилось выше о положении иноземцев в Москве, можно предполагать, что лекарь Ульф приехал в Россию задолго до 1669 года (когда мы в первый раз встретили его в московской переписи).

Действительно, в делах Аптекарского приказа 1654 г. находим указ о приеме

в Аптекарский Приказ иноземцев новокрещеных 8 чел. лет 20 и меньше, которые бы умели немецкой и русской грамоте, а тех новокрещеных иноземцев указал дати Аптекарского Приказа лекарям для наученья лекарского дела.⁶³

Среди принятых – «лекаревы дети», в том числе - «новокрещена Васильев пасынок Ульфа»⁶⁴.

Следовательно, Василий Ульф к 1654 г. был уже крещен, женат и имел пасынка (или двух, урожденных Лобзиных, один из которых, как мы видели, пошел не по лекарскому, а по военному делу и к 1718 г. стал майором).

Позже Ульфа уже нередко стали называть Вульфом, но, что любопытно, вдруг всплывало (например, в июне 1674 г.) и его первоначальное имя: «лекарь Василей-Анс Вульф»⁶⁵.

⁶² Там же. С. 201.

⁶³ Новомбергский Н. Я. Врачебное строение в допетровской Руси. - Томск, 1907. Приложение. С. XL.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Матерьялы для истории медицины в России. Вып 2. – СПб., 1883. С. 511.

Приехав в Россию, Ханс Ульф, в конце концов, стал Василием Никитичем Вульфом.

В мае 1677 года потребовалось направить в полк князя В. В. Голицына костоправа и лекаря. В Аптекарском Приказе по этому поводу составили список всего наличного штата Приказа, в котором Василий Ульф сопровождался пометой: «Стар и дряхл».⁶⁶

В более поздних документах он уже не упоминается, а 10 марта 1682 года в Аптекарский Приказ подается челобитная:

Царю Государю и Великому Князю Феодору Алексеевичу (т<ак>), бьет челом раба твоя Аптекарского Приказу лекаря Васильевская женишко Никитича Вульфа – вдова Марфутка. Твое В.<еликого> Г.<осударя> хлебное жалованья на прошлой на 189 <1681> год мне рабе твоей дано, а на нынешней на 190 <1682>-й год, твоего В.<еликого> Г.<осударя> хлебного жалованья не выдано. Милосердый Государь (т<ак>), пожалуй меня рабу свою: вели Государь мне свое Государево хлебное жалованье на нынешней на 190 <1682> год выдать. Царь Государь смилуйся. *(На обороте помета):* Выписать.⁶⁷

Из челобитной следует, что уже в 1681 году Василия Вульфа не было в живых, раз жалованье было выдано его вдове.

В книгах Аптекарского Приказа находится объяснение этой «пенсии»:

Великого Государя жалованья Аптекарского Приказу лекарю Василью Вулфу велено давать по его смерть – для его скудости: по 30-ти четвертей с получетвериком ржи и овса потому ж на год; а после его тое дачю велено давать жене его – по ее смерть, с 183 <1675> году, – за взятую деревню Брюхово, которая взята к селу Измайлову.⁶⁸

Из дальнейшего текста выясняется, что жалованье Марфе выдается «за взятую ее деревню»⁶⁹, то есть деревня принадлежала жене Вульфа. Возможно, она получила ее в приданое, а в 1675 году они отдали деревню в Приказ, обеспечив тем самым себе содержание в старости.

На этом заканчивается краткая сага об Ульфе-лекаре и сыне его Гаврииле, правнуки которого стали добрыми знакомыми Пушкина.

⁶⁶ Там же. Вып 3. – СПб., 1884. С. 920.

⁶⁷ Там же. Вып 4. – СПб., 1885. С. 1282.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же.

Околопушкинский калейдоскоп

Характерная описка

На письме наместника Бессарабской области И. Н. Инзова из Кишинева к статс-секретарю Коллегии иностранных дел графу И. А. Каподистрии от 28 апреля 1821 года (о Пушкине) стоит канцелярская помета о дате получения: «1 мая 1821»¹. Понятно, что за три дня бумага от Кишинева до Петербурга даже с фельдьегерем дойти не могла. «1 мая» – это описка канцеляриста. Правда, в публикации документов эта описка не отмечена.² Но на нее обратил внимание, например, А. А. Белых³. Правда, считая, что письмо было направлено прямо в Петербург, он заключает, учитывая реакцию на это письмо, что все-таки работа «административной машины империи» была медлительной:

Для принятия решения <относительно просьбы Инзова> потребовалось немало времени – ответное письмо Инзову, подписанное министром иностранных дел графом К. В. Нессельроде отправлено 10 июня.⁴

Но любопытно попробовать понять, какая же дата должна была быть проставлена канцеляристом, чтобы поговорить о скорости работы «административной машины империи». Можно допустить, что это должно было быть одно из чисел между 10-м и 19-м мая. А может быть 1 июня?

Прежде всего отметим, что письмо Инзова было ответом на письмо Каподистрии, которое было послано из Лайбаха (ныне – Любляна), где проходил конгресс, на котором Каподистрия сопровождал Александра I. Письмо было послано 14 апреля по старому стилю (26-го – по новому), то есть оно шло 12 – 13 дней (вряд ли Инзов отвечал на него прямо в день получения). Шло оно в основном по относительно хорошим европейским дорогам.

Свое письмо Инзов, естественно, отправил не в Петербург, а в тот же Лайбах, так как адресовался именно к Каподистрии, который в это время находился еще в Лайбахе, и отправил, возможно, с тем же посланным, который привез письмо ему.

Инзов не мог знать о сроках закрытия конгресса.

¹ А. С. Пушкин. Документы к биографии. 1799 – 1829. – СПб.: Искусство, 2007. С. 366.

² Там же.

³ Белых А. А. А. С. Пушкин: доходы и долги // Пушкин и финансы: сборник статей. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХ и ГС, 2021. С. 23.

⁴ Там же.

Приходится допустить, что в Лайбах его письмо шло также где-то две недели и пришло туда около 12 мая по старому стилю (24 мая – по новому).

Конгресс в Лайбахе закрылся 30 апреля по старому стилю (12 мая – по новому). На следующий же день после закрытия конгресса Александр I отбыл из Лайбаха в Петербург, а вместе с ним или, во всяком случае, следом за ним уехал туда же и Каподистрия, так что письмо Инзова его в Лайбахе уже не застало. Надо полагать, что приходившая в Лайбах после отъезда российской делегации дипломатическая почта, не вскрываясь, переправлялась оттуда в Петербург, и письмо Инзова пробыло в дороге еще не менее двух недель и прибыло в столицу в самом конце мая по старому стилю.

Поэтому можно предположить, что в канцелярской помете о получении письма (а в России, естественно, вся документация датировалась старым стилем) «1 мая» было просто характерной опиской, когда в первых числах начинающегося месяца продолжали указывать по привычке предыдущий месяц, то есть, вероятно, должно было быть указано «1 июня».

Но тогда вряд ли стоит говорить о том, что «для принятия решения потребовалось немало времени», так как ответное письмо к Инзову, подписанное Нессельроде, было отправлено уже 10 июня.

Звезда с звездой говорят

В двадцатых числах 1823 года в продажу поступил альманах «Полярная звезда на 1824 год». На странице 21 читатели альманаха могли увидеть строчки:

Прости – иль нет! Когда мое светило
Во звездной вышине
Начнет бледнеть, и все, что сердцу мило,
Забуть придется мнѣ...

А дочитав до страницы 198, могли почувствовать, что нечто похожее уже встречали:

Люблю твой слабый свет в небесной вышине,
Он думы разбудил уснувшия во мне.
Я помню твой восход, знакомое светило,
Над мирною страной, где все для взоров мило;

Первое четверостишие – из стихотворения Е. А. Баратынского⁵, а второе – из стихотворения А. С. Пушкина⁶.

Так как для обоих стихотворений это было первой публикацией, то о реминисценции какого-то из них по отношению к другому вроде бы не может быть и речи. Общаться между собой поэты в это время тоже не могли, так как Пушкин был далеко на юге, а Баратынский служил в Финляндии. Похоже, что музы обоих поэтов черпали иногда из одного источника.

⁵ Баратынский Е. А. Истина. // Полярная Звезда. Карманная книжка на 1824 г., для любителей и любителей Русской словесности, изд. А. Бестужевым и К. Рылевым. – Спб., 1824. С. 21.

⁶ Пушкин А. С. Элегия. // Там же. С. 198.

Возможно, что это сходство заметили и издатели альманаха и постарались разнести стихотворения подальше друг от друга.

Думаю, что Пушкин, внимательно следивший за творчеством Баратынского, не мог пропустить это его стихотворение, а прочитав, не мог не заметить указанного сходства. Тем более любопытно, что, помещая «Элегию» в первый свой сборник стихотворений, вышедший в 1826 году, Пушкин не только не смутился этим сходством, а даже усилил его, заменив «все для взоров мило» на «все для сердца мило»⁷.

«Очень ласков»

4 апреля 1829 года Михаил Петрович Погодин записал в дневнике⁸:

4. Все хлопочу о введении Шл.<ецера>⁹ Цѣлое утро убѣждалъ Пушкина, чтобы онъ не намѣкалъ на царскую цензуру своимъ критикамъ. Бѣсится безъ памяти за обвиненіе въ безнравственности¹⁰. Перепис.<ал статью> о равновесіи. – Вечеръ у Акс.<акова С. Т.> <...> Говор.<или> о Полев.<ом> – Сплетни Унив.<ерситетские> – О 14 Дек.<абря 1825>, до 2 часа. <...> Пушк.<ин> очень ласковъ. Нап.<исал> письмо къ Министру съ отказомъ.¹¹

М. А. Цявловский в публикации «Пушкин по документам Погодинского архива»¹² так воспроизвел эту запись:

4. [...] Цѣлое утро убѣждалъ Пушкина, чтобы онъ не намѣкалъ на царскую цензуру своимъ критикамъ. Бѣсится безъ памяти за обвиненіе въ безнравственности. [...] ¹³

Он почему-то опустил второе упоминание о Пушкине в этой записи (пропустил?) о том, что «Пушк.<ин> очень ласков». А для Погодина это второе упоминание о Пушкинге, судя по всему, было важно.

Позже, просматривая этот дневник и делая для себя некоторые заметки, Погодин выписывает:

4 Убѣждалъ цѣлое утро Пушк., чтобы онъ не намекалъ своимъ критикамъ на царскую цензуру. Бѣсится безъ памяти за обвиненіе въ безнравственности – очень ласковъ.¹⁴

⁷ Стихотворения Александра Пушкина. СПб., 1826. С. 125.

⁸ НИОР РГБ. Ф. 231/1, картон 32, ед. хр. 1, л. 5.

⁹ Шлецер А. В. Введение во всеобщую историю для детей. Пер. с немецкого М. Погодина. Ч. 1 – 2. – М., 1829

¹⁰ В безнравственности за «Графа Нулина» Пушкина обвинял Н. И. Надеждин в «Вестнике Европы», 1829, № 3.

¹¹ За три дня до этой записи, 1 апреля, Погодин записал здесь же в дневнике: «Получилъ деньги отъ Мин.<истерства народного просвещения> 2000^р въ вознагражденіе за убытки. – Не надо мнѣ. Жертвую ихъ на напечатаніе полезныхъ книгъ. – Знай наших!» (см.: НИОР РГБ. Ф. 231/1. картон 32, ед. хр. 1, л. 5)

¹² Цявловский М. А. Пушкин по документам Погодинского архива // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. – Пг., 1916. – Вып. 23/24. – С. 101 – 122.

¹³ Там же. С. 102.

¹⁴ НИОР РГБ, Ф. 231/1, картон 37, ед. хр. 9, л. 1.

Делает он эту выписку через сорок лет, будучи уже практически семидесятилетним старцем.

На той же странице, чуть ниже приведенной выписки, Погодин пишет:

Тогда еще считалъ себя въ правѣ больше Кар.<амзина> писать Историю – а вотъ прошло 40 лѣтъ, издалъ 40 статей и томовъ, а все неудоювають.¹⁵

На фоне этой обиды теплое отношение Пушкина, видимо, согревало ему душу.

О забывчивости¹⁶

В марте 1830 года вышла в свет седьмая глава «Евгения Онегина». Цензурного разрешения на ней указано не было, так как она печаталась «С позволения правительства». Не был выдан на нее из цензурного комитета и билет на выпуск. Вместо него из III Отделения в Типографию Департамента народного просвещения было направлено отношение № 986:

В Типографию Департамента Народнаго Просвещения.

III-е Отделение Собственной Его Императорскаго Величества Канцелярии, просмотрев отпечатанный в Типографии Департамента Народнаго Просвещения экземпляр стихотворения А. Пушкина: «Евгений Онегинъ», глава VII, и находя оный согласным с одобренною к напечатанию рукописью, при сем прилагаемою, не находит препятствия выпуску книги в продажу.

фон-Фок.

№ 986.

17 Марта 1830 г.¹⁷

Выпуск книги в продажу не заставил себя ждать, и уже 22 марта появились рецензии на нее в «Литературной газете» и в «Северной пчеле».

Напряжение в отношениях Пушкина и Ф. В. Булгарина достигло к этому времени высокой степени, и Булгарин обрушился на седьмую главу с уничтожающей критикой, заявив уже в самом начале своей статьи

Ни одной мысли в этой водянистой VII Главе, ни одного чувствования, ни одной картины, достойной воззрения. Совершенное падение, chute complete <полный провал – франц.>¹⁸

22 марта была напечатана первая половина рецензии Ф. В. Булгарина, но в трех последующих номерах «Северной пчелы» окончания рецензии не было.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Эта заметка использована в статье «1836. 7 ноября. Петербург. В газете “Северная пчела”...» (Хроника... Т. 3, кн. 2 (в печати)).

¹⁷ Дела III Отделения собственной его императорского величества канцелярии об Александре Сергеевиче Пушкине. – СПб., 1906. С. 103.

¹⁸ *Евгений Онегин, Роман в стихах, Глава VII. Сочинение Александра Пушкина.* С. П. б. в Типографии Департамента Народнаго Просвещения, 1830. В малую осьмушку 57 страниц // Северная пчела. 1830. 22 марта. № 35. С. 1.

Возможно, Булгарин ожидал реакции на начало рецензии, чтобы сразу ответить и на неё, но, не дождавшись, напечатал окончание рецензии 1 апреля.

В седьмой главе «Евгения Онегина» Татьяну привозят в Москву «на ярмарку невест», и Пушкин описывает представителей разных групп московского общества, с которыми приходится сталкиваться Татьяне.

Ф. В. Булгарин по этому поводу пишет:

Начинается описание Московской жизни и общества. Здесь поэт взял обильную дань из *Горя от ума* и, просим не прогневаться, из другой известной книги.¹⁹

На это обвинение Пушкина в заимствованиях А. А. Дельвиг (без подписи) откликнулся в следующем же номере «Литературной газеты» – 6 апреля – в разделе «Смесь»:

В 39-м Но *Северной Пчелы* помещено окончание статьи о VII главе Онегина, в которой между прочим прочли мы, будто бы Пушкин, описывая Москву, «взял обильную дань из *Горя от Ума* и, *просим не прогневаться, из другой известной книги*». <...> И Грибоедов и Пушкин писали свои картины с одного предмета: неминуемо и у того и у другого должны встречаться черты сходные. Но из какой, просим не прогневаться, другой известной книги Пушкин что-то похитил? Не называет ли Северная Пчела известною книгою *Ивана Выжигина*, где находится странное разделение Московскаго общества на классы, в числе коих один составлен из архивных юношей? Кажется, что так; и мы тоже обвиним Пушкина, хотя по какой-то игре случая, его описание Москвы было написано прежде *Ивана Выжигина* и напечатано в *Северной Пчеле* почти за год до появления сего романа.²⁰

Действительно, в 1828 году строфы из VII главы «Евгения Онегина» с описанием Москвы Пушкин отдал в «Северную пчелу» после того, как они были опубликованы в «Московском вестнике» с досадными опечатками. Эти строфы появились в «Северной пчеле» 9 февраля 1828 г. с примечанием то ли самого Ф. В. Булгарина, то ли Н. И. Греча:

Сей отрывок напечатан был в одном Журнале с непростительными ошибками. По желанию почтеннаго Автора, помещаем оный с поправками в Сев. Пч. – Повторение стихов Пушкина (NB с его позволения) никогда не может быть излишним. *Изд.*²¹

Вряд ли Булгарин мог забыть об этой публикации в собственной газете, даже если ее осуществил не он сам, а Греч. Более вероятно, что он рассчитывал на то, что за прошедшие два года читатели могли это уже запомнить, а «Иван Выжигин» уже год пользовался успехом у публики.

Похожий случай его «забывчивости» мы найдем в «Северной пчеле» и в 1836 году.

¹⁹ Там же. 1830. 1 апреля. № 39. С. 2.

²⁰ Литературная газета. 1830. 6 апр. Т. I. № 20. С. 161.

²¹ Северная пчела. 1828. 9 февр. № 17. С. 3.

В рецензии на первый том «Современника» Ф. В. Булгарин, в частности, настаивая на объективной и благородной роли «Северной пчелы», пишет:

Так, например, мы позволили сотруднику Современника напечатать в Пчеле похвалу *Истории Пугачевского бунта*. Но если б мы сами стали разбирать это сочинение, по всем законам критики, то оно не выдержало бы первого натиска. Все красноречие этой Истории сосредоточилось в *выпуске из рукописных записок И. И. Дмитриева о казни Пугачева*, а важность историческая разлетелась бы в прах. Что открыто новаго, неизвестнаго в этой Истории? какие последствия извлечены из столь важнаго происшествия? на сколько подвинулась История? что выиграло человечество? разгадан ли этот чудовищный феномен? На все эти вопросы слабо отвечала бы История Пугачевского Бунта, которую превознес до небес сотрудник Современника и которая поколебалась в своем основании от *одного замечания покойнаго Броневского, в Сыне отечества*.²²

Под сотрудником «Современника» подразумевался барон Е. Ф. Розен.

Узнав из рецензии Ф. В. Булгарина об авторстве В. Б. Броневского, чья статья была опубликована анонимно, Пушкин в третьем томе «Современника» помещает статью «Объяснение на критику Г.<осподина> Броневского (История Пугачевского бунта)».

Ф. В. Булгарин, в свою очередь, разбирая в ноябре этот третий том «Современника», пишет, в частности:

Критическое замечание Г.<осподина> Броневского было напечатано *весьма поздно*, когда можно было распродать три издания *Пугачевского Бунта*, а тотчас *вслед за выходом* этой книги, в *Северной Пчеле* был напечатан разбор, составленный Бароном Розеном, в котором *Историю Пугачевского Бунта* превозносили *превыше всего*, что только вышло в Европе по части Истории, в течение века! Но публика не попала на удочку и ускользнула от приманки!!²³

И снова Ф. В. Булгарин, то ли забыв (то ли рассчитывая на то, что публика за это время забыла!), как все происходило почти два года назад, подтасовывает факты.

На самом деле, статья В. Б. Броневского в «Сыне отечества и Северном архиве» была напечатана 19 января 1835 года²⁴ – менее, чем через три недели после поступления в продажу первых экземпляров «Истории пугачевского бунта», тогда как разбор барона Е. Ф. Розена появился в «Северной пчеле» только через месяц после статьи В. Б. Броневского, с которой он как раз и полемизировал.²⁵

Забывчив был Фаддей Венедиктович.

²² Там же. 1836. 9 июня. № 129. С. 3 – 4.

²³ Там же. 1836. 7 нояб. № 256. С. 4.

²⁴ Сын отечества и Северный архив. 1835. 19 янв. № 3. С. 177 – 186. О его выходе было сообщено в «Северной пчеле» 21 января.

²⁵ Северная пчела. 1835. 18 февр. № 38. С. 1 – 4.

«Венчались в приходе невесты у Большого Вознесения»²⁶

Согласно сохранившемуся «брачному обыску» церемония венчания Александра Сергеевича Пушкина и Натальи Николаевны Гончаровой происходила в «Церкви Вознесения Господня, что на Царицыной улице»²⁷, стоявшей у Никитских ворот. «Царицыной улицей», упоминающейся в официальном названии церкви, в XVII – XVIII вв. называлась часть Большой Никитской между Никитскими воротами и Садовым кольцом – «по двору царицы Натальи Нарышкиной, матери Петра I <...> В 1685 г. Наталья Кирилловна Нарышкина построила против своего двора каменную церковь Большого Вознесения, простоявшую до 1831 г.»²⁸

Правда, Большим Вознесением она стала называться не сразу. Среди москвичей эта церковь была известна и как Вознесение в Сторожках, а когда Царицына улица стала называться Никитской – то Вознесения на Никитской (например, на плане Москвы 1767 г.). Но при этом на Никитской улице оказалось две церкви Вознесения (вторая, более древняя, – на участке улицы между Никитскими воротами и Моховой).

В 1798 г. началось строительство нового большого здания для церкви у Никитских ворот, и поэтому в самом начале XIX в., в период строительства этого здания, в обиход вошли названия Малое Вознесение (для церкви, что находилась внутри Бульварного кольца) и Большое Вознесение (для церкви у Никитских ворот).

Дом Гончаровых находился в приходе церкви Большого Вознесения. В ней и проходило венчание. «Венчались в приходе невесты у Большого Вознесения», – рассказывала впоследствии княгиня Е. А. Долгорукова П. И. Бартеневу²⁹.

Среди части современных исследователей существует мнение, что Большим Вознесением назывался только новый храм, и поэтому полагают, что венчание происходило в притворе этого храма, так как средняя его часть еще не была достроена (строительство закончится только в 1848 г.). Но А. Я. Булгаков писал на следующий день после венчания своему брату в Петербург: «их обвенчали <...> у Старого Вознесения»³⁰, без сомнения, имея в виду именно старую церковь у Никитских ворот, которая в это время еще действовала, а не новое недостроенное здание. А так как княгиня Долгорукова тоже не могла ошибиться (их собственный дом находился рядом с домом Гончаровых и, следовательно, принадлежал к приходу этой же церкви), то становится ясно, что название «Большое Вознесение» москвичи относили ко всему комплексу зданий храма у Никитских ворот.

²⁶ Эта заметка использована в статье «1831. Февраль, 18. Москва. Венчание Пушкина и Н. Н. Гончаровой» (см.: Хроника... Т. 2, кн. 1. С. 50 – 51).

²⁷ Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. – М. – Л., 1935. С. 578.

²⁸ Сытин П. В. Из истории московских улиц. – М., 1958. С. 400.

²⁹ Бартнев П. И. О Пушкине. Страницы жизни поэта. Воспоминания современников. – М., 1992. С. 369.

³⁰ Русский архив. 1902. Кн. 1. № 1. С. 54.

Перекличка

Петербургская ночь по А. С. Пушкину – «Евгений Онегин», 1-е (1825) и 2-е (1829) издания, гл. 1, строфа XLVIII³¹:

Всё было тихо; лишь ночные
Перекликались часовые;
Да дрожек отдаленный стук
С Мильонной раздавался вдруг (VI, 25).

Московская ночь по Н. М. Языкову – «Весенняя ночь» (1831)³²:

В прозрачной мгле безмолвствует столица;
Лишь изредка на шум и глас ночной
Окликнется дремавший часовой,
Иль топнет конь, и быстро колесница
Продребезжит по звонкой мостовой.

Пушкин 25 мая 1831 г. приехал в Царское Село³³ и мог увидеть стихи Языкова, скорее всего, в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду», вышедших 20 июня, где это стихотворение сопровождалось примечанием:

Сие и следующее стихотворение Сонет взяты из Одесского Альманаха, который поздно вышел и только на днях получен в С. Петербурге.³⁴

К этой «перекличке» можно сделать три небольших замечания.

Любопытно, что в Одессе писалось «цензор», а в Петербурге – «цензор», то есть не было устоявшегося написания этого слова, чему есть много и других примеров.

Еще интереснее то, что цензурное разрешение на печать «Одесского альманаха» датировано 17 марта 1831 г., а стихотворение Языкова, помещенное в нем, датировано 25 марта 1831 г. Если эта дата соответствует действительности (а похоже, что это так), то имело место нарушение цензурных правил, так как после выдачи цензурного разрешения в альманахах нельзя было вносить никаких изменений, а тем более – добавлений. Возможно, что из-за желания включить это стихотворение в альманах он и был издан

³¹ Евгений Онегин, роман в стихах. Сочинение Александра Пушкина. – Санктпетербург. В типографии Департамента народного просвещения. 1825. С. 38; ценз. разрешение: «Санктпетербург, Декабря 29 дня. Цензор Александр Бируков»; второе издание – то же, 1829; «С дозволения правительства».

³² Языков Н. М. Весенняя ночь. *Посвящается Т...<атьян>ъ – Д...<митриевне>ъ <Демьяновой>//* Одесский Альманах на 1831^й год, изданный П. Морозовым и М. Розбергом. – Одесса: Печатано в Городской типографии, 1831. С. 225; ценз. разрешение: «Одесса, Марта 17 дня, 1831 года. Исправляющий должность Отдельного в Одессе цензора, Коллежский Советник Ив. Дудрович»; стихотворение датировано (с. 227): «1831 года, Марта 25-го». Перепечатано: Литературные Прибавления к Русскому Инвалиду. 1831. 20 июня. № 49. С. 381-382: «Весенняя ночь (*). *Посвящено Т...ъ. – Д...ъ.*»; повторено: Там же. 5 дек. № 97. С. 766: «Весенняя ночь. (*Посвящ. Т...ъ Д...ъ*)»).

³³ Хроника... Т. 2, кн. 1. С. 105.

³⁴ Литературные Прибавления к Русскому Инвалиду. 1831. 20 июня. № 49. С. 381.

поздно, как говорит об этом примечание в «Литературных прибавлениях», но тогда издатели альманаха П. Морозов и М. Розберг, а также цензор И. Дудрович могли понести наказание, допустив такое нарушение.

Любопытно также: почему в «Литературных прибавлениях» стихотворение Языкова в течение полугода было напечатано дважды? Вряд ли это связано с тем, что при первой публикации была допущена опечатка в посвящении. Там было напечатано «*Посвящено*», а должно быть, как и было напечатано во второй раз, «*Посвящ. <ено>*».

Музыкальный альбом

6 января 1832 года в «Прибавлении к Санктпетербургским ведомостям», № 4, в разделе «О книгах», было напечатано объявление:

Во всех музыкальных и книжных магазинах в С. Петербурге, а в Москве у Г.<на> Ленгольда продается

СЕВЕРНЫЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ АЛЬБОМ на 1832 год, содержащий:

- 1) *Воспоминание о С. Петербурге*, фантазия из романса: Соловей.
 - 2) 12 Русских романсов и песен.
 - 3) Шесть народных Русских песен с вариациями.
 - 4) Две Русския пляски и одна мазурка на песни Российския.
- Украшено шестью литографированными виньетами.
Гравировано и печатано у Давыда Брифа.

Авторы романсов и песен не названы, но редкий песенник или альбом романсов обходился в то время без произведений на стихи Пушкина. Иногда, правда, Пушкину приписывались чужие стихи, или его стихи искажались, но в любом случае публикация его стихов представляет интерес. Поэтому желательно было узнать: не было ли их и среди указанных 12 романсов и песен? В знаменитом справочнике «Пушкин в печати»³⁵ этот альбом не упомянут.

9 января объявление будет повторено в № 7 «Прибавлений к Санктпетербургским ведомостям», но рядом с ним будет напечатано еще одно объявление:

У комиссионера Императорской публичной библиотеки Андрея Васильева Глазунова, в книжной его лавке под № 25, состоящей против Гостиного двора в доме Генерал-майора Балабина.

Поступили в продажу на сих днях отпечатанныя новыя книги:

<...>

СЕВЕРНЫЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ АЛЬБОМ на 1832 год для фортепьяно, содержащий в себе 12 отборных Русских романсов и песен, 6 народных Русских песен с вариациями, с портретами поэтов Пушкина и Гафиза и с 4 картинами народных Русских песен и плясок. - Ц. 10 р.

<...>

³⁵ Пушкин в печати, 1814 – 1837: Хронологический указатель произведений Пушкина, напечатанных при его жизни / Сост. Н. Синявский и М. Цявловский. – М., 1938.

Иногородные Особы за всеми книгами и Журналами благоволят адресоваться в книжную лавку Андрея Васильева Глазунова на имя управляющаго Ивана Тимофеева Лисенкова в С. Петербурге.

Уж если в альбоме помещен портрет Пушкина, то, наверняка, там должен быть и какой-то романс на его стихи, да и сам портрет, конечно, интересен.

Альбом нашелся в фонде нотных изданий Российской Национальной библиотеки. К сожалению, у меня не было возможности в то время поехать в Петербург. Я поделился всем этим с Галиной Михайловной Седовой. Она тоже заинтересовалась и посмотрела этот альбом.

И что же?

Портрет Пушкина там действительно был, но ни одного романса на его стихи не было.

Похоже, что и в то время, как и ныне, имя Пушкина использовалось просто для привлечения покупателей. Конечно, это лишний раз говорит о широкой популярности не только его поэзии, но и самого его имени уже тогда.

Портрет же Пушкина, помещенный в «Северном музыкальном альбоме», является переработкой портрета работы Н. И. Уткина и дан в зеркальном отображении. Гравировал его, как и ноты, вероятно, Д. Брифф, так как на титульном листе напечатано: «A. S. Petersbourg gravé et imprimé par D. Brieff» («В С. Петербурге выгравировано и напечатано Д. Бриффом»).

О романсе князя В. Ф. Одоевского «Талисман» на стихи Пушкина

В справочнике «Пушкин в музыке» князь В. Ф. Одоевский дважды фигурирует в качестве автора музыки на стихи Пушкина: «Татарской песни» (из поэмы «Бахчисарайский фонтан») ³⁶ и «Канона в честь М. И. Глинки» ³⁷ – эти произведения были напечатаны. Однако, без сомнения, Одоевский писал музыку и к другим стихам Пушкина, что подтверждается приводимым ниже недатированным письмом к нему Эраста Петровича Перцова, поэта и драматурга, знакомого и Пушкина, и Одоевского.

«Талисман» был впервые напечатан в 1828 году. ³⁸ Перцов вышел в отставку в 1832 году ³⁹, а в письме он упоминает о своей службе. Следовательно, датировать письмо можно периодом: 1828 – 1832 гг. Оно сохранилось в фонде князя В. Ф. Одоевского в Рукописном отделе Российской Национальной библиотеки.

Любезнѣйшій и почтеннѣйшій Князь Владимиръ Федоровичъ! Я имѣю къ вамъ покорнѣйшую просьбу: одолжить мнѣ вашу музыку на романсъ

³⁶ Пушкин в музыке. Справочник / Составители Н. Г. Винокур и Р. А. Каган. – М.: Советский композитор, 1974. С. 22.

³⁷ Там же. С. 78.

³⁸ Альбом северных муз. Альманах на 1828 год, изданный А. И. – СПб., 1828. С. 127–128.

³⁹ Попов С. И. Перцов Эраст Петрович // Русские писатели. 1800 – 1917. Биографический словарь. Т. 4. М – П. – М., 1999. С. 565.

Пушкина: Талисманъ. Будьте увѣрены, что ваши ноты возвратятся вамъ въ цѣлости и немедленно по списаніи.

Занятый и службою и своими дѣлами, живя на противоположномъ съ Вами концѣ города, именно по дорогѣ къ пороховским <?> заводамъ, я не нахожу минуты видѣться съ вами лично, хотя воспоминаніе о нашихъ бесѣдахъ и доселѣ мнѣ пріятно. Впрочемъ чувства искреннаго почтенія и преданности къ Вамъ всегда будутъ чувствами

вашего покорнѣшаго слуги
Эр. Перцова⁴⁰

«Въ ночи здѣлано похищеніе»

Владимир Алексеевич Гиляровский в своей знаменитой книге «Москва и москвичи», рассказывая о московском сыщике конца XIX века Смолине, писал:

Был с ним курьезный случай: как-то украли медную пушку из Кремля, пудов десяти весу, приказало ему начальство через три дня пушку разыскать. Он всех воров на ноги.

-- Чтоб была у меня пушка! Свалите ее на Антроповых ямах в бурьян...
Чтоб завтра пушка оказалась, где приказано.

На другой день пушка действительно была на указанном пустыре. Начальство перевезло ее в Кремль и водрузило на прежнем месте, у стены. Благодарность получил.

Уже много лет спустя выяснилось, что пушка для Смолина была украдена другая, с другого конца кремлевской стены послушными громилами, принесена на Антроповы ямы и возвращена в Кремль, а первая так и исчезла.⁴¹

Похожая ситуация имела место в Петербурге за полвека до этого случая. Правда, сыщика Смолина там не было. Зато, если московская история основывается на устной, возможно, мифологии, то в Петербурге всё было зафиксировано документально.

Произошло это на принадлежавшем великому князю Михаилу Павловичу Каменном острове, где вдоль берега Большой Невки под сенью липовой аллеи были установлены трофейные турецкие пушки.

И вот в придворную кантору поступил рапорт:

№ 1488 10го Июля 1834го года
Его Императорскаго Высочества
Государя Великаго Князя Михаила
Павловича Въ Придворную Кантору.
Каменнаго Острова
Смотрителя фонъ Нандельштета
Рапортъ.

Имѣю честь донести что Сего Июля 8го на 9е число въ ночи здѣлано похищеніе изъ Дворцоваго Липоваго Сада изъ числа бти турецкихъ орудій

⁴⁰ ОР РНБ. Ф. 539, оп. 2, ед. хр. 866, л. 1. Письмо было сложено в конверт. Обрат листа 1 и лицевая сторона листа 2 – чистые; на обороте листа 2 – остатки красной сургучной печати и адрес: «Его Сіятельству / Князю Владимиру Федоровичу / Одоевскому. / Д.<ом> Ланскова».

⁴¹ Гиляровский В. А. Избранное в 3-х томах. Т. 3. Москва и москвичи. Друзья и встречи. М., 1961. С. 58.

стоящей <sic!> въ доль берега, одна снята съ лафета и по слѣдамъ видно что какъ оную скатили къ самой рѣки Невы и должна быть увезена водою.

Смотритель баронъ фонъ Нандельштеть

Июля 10го дня
№118. 1834го года.⁴²

От населявших Каменный остров дачников эта новость, надо думать, распространилась по Петербургу. Могла дойти она и до Пушкина, но ему в эти дни было не до пропавшей пушки. Он пытался выйти в отставку, чем вызвал недовольство царя. 11 июля писал Наталье Николаевне, жившей в это время с детьми в Полотняном заводе (XV, 178):

На днях я чуть было беды не сделал: с *тем* чуть было не побранился – и тухнул-то я, да и грустно стало. С этим поссорюсь – другого не наживу.

Начались поиски пропавшей пушки, и, в конце концов, сначала были найдены обломки этой пушки, а затем и сами похитители. Великому князю было доложено:

2 Октября. <1834>

Послѣ представленныхъ Вашему Императорскому Высочеству обломковъ турецкой пушки по сдѣланнымъ полиціею розысканіямъ и слѣдствию открыто: что пушка похищена отставнымъ объѣзчикомъ Васильемъ Тимофеевымъ Озеровымъ бывшимъ при дворцѣ истопникомъ и бѣжавшимъ изъ 4. Подвижной Инвалидной роты рядовымъ Алексѣемъ Николаевымъ, отданнымъ въ Военную службу, за кражу на 136,855 рублей, по наказаніи плетьюми 25 ударами.

Озеровъ и Николаевъ, на принадлежащей имъ лодкѣ, оную пушку привезли въ Галерную Гавань и продали торгующему въ оной Гавани въ мѣлочной лавкѣ Графа Шереметева крестьянину Федору Матвѣеву за 140 рублей, и вмѣстѣ съ лодкою, въ которой она находилась принадлежащую Матвѣеву лошадь, запряженною въ одни переднія колеса, ввезли ея во дворъ мѣщанки Крючковой, и свалили въ конюшню. <...>⁴³

Потом они пытались распилить ее, но лопнула пила, Тогда они вывезли ее по Московскому тракту на 13 верст и еще в сторону на 5 верст в лес, развели костер и, раскалив ее,

разбили железными молотами и сложивъ въ куль, крестьянинъ Матвѣевъ продалъ неизвѣстному якобы торговцу за восемь полуимпериаловъ.⁴⁴

Весила пушка 17 пудов 20 фунтов⁴⁵, т. е. была потяжелее московской. Её было уже не вернуть и начались хлопоты о ее замене, продолжавшиеся два года.

Наконец, тот же смотритель Каменного острова пишет завершающий рапорт:

⁴² РГИА. Ф. 548, оп. 1, дело 452, л. 1.

⁴³ Там же, л. 21.

⁴⁴ Там же, л. 21 об.

⁴⁵ Там жк, л.27 об.

Его Императорскаго Высочества
Государя Великаго Князя Михаила
Павловича Въ Придворную Кантору.
Каменнаго Острова
Смотрителя фонъ Нандельштета
Рапортъ.

Въ Исполненіе даннаго мнѣ предписаніе <sic!> сего 16го июля 1836го года за № 1879мъ что назначенная для Каменно Островскаго Дворца Турецкая медная Пушка 4хъфунтовая подь № 128мъ Вѣсомъ 19пудъ 10.фунтов доставленная изъ Кіевскаго въ С. петербургскій Арсеналь изъ котораго вчерашняго числа 17го сего июля мною принята привезена на Каменный островъ и поставлена на имѣющемся лафетѣ на коемъ и утверждена закреплениемъ чекъ о чемъ честь имѣю донести. –

Смотритель баронъ фонъ Нандельштетъ

Июля 18го дня
1836 года.
№ 98^{н.46}

Пушкин в это лето жил на Каменном острове. В город обычно ходил пешком. 17 июля он был в городе, заходил в книжный магазин Беллизара.⁴⁷ Не исключено, что, проходя по Каменноостровскому проспекту, он мог встретить тяжело груженую повозку с новой пушкой, а мог увидеть ее и гуляя по берегу Большой Невки, рядом с которой была его дача.

Нелегкая судьба цензора

22 декабря 1834 года Пушкин записал в дневнике (XII, 335):

Цензор Никитенко на обхапте под арестом, и вот по какому случаю: Деларю напечатал в Библ.<нотеке для Чтения> Смирдина перевод оды В. Юго, в которой находится следующая глубокая мысль: Если де я был бы богом, то я бы отдал свой рай и своих ангелов за поцелуй Милены или Хлои. Митрополит (которому досуг читать наши бредни) жаловался государю, прося защитить православие от нападений Деларю и Смирдина. – Отселе буря. Крылов сказал очень хорошо:

Мой друг! когда бы был ты бог,
То глупости такой сказать бы ты не мог.

Это всё равно, заметил он мне, что я бы написал: когда б я был архиерей, то пошел бы во всем облачении плясать французский кадрили.

Когда состоялась эта беседа Пушкина и И. А. Крылова? Когда был арестован А. В. Никитенко?

Пробыв на гауптвахте 8 дней и вернувшись домой, Никитенко, цензор и профессор Петербургскаго университета, описал в дневнике это событие:

⁴⁶ РГИА. Ф. 548, оп. 1, дело 550, л. 1.

⁴⁷ Хроника ... Т. 3, кн. 1. С. 736.

В понедельник, 16 числа <декабря>, в половине лекции моей в университете, я получаю от попечителя записку с приглашением немедленно к нему приехать. В записке было упомянуто: «по известному вам делу». Ясно было, какое это дело. Я привел свои душевные силы в боевой порядок и явился к князю <М. А. Дондукову-Корсакову> спокойный, готовый бодро встретить обрушившуюся на меня беду.⁴⁸

В тот же день Никитенко был помещен на гауптвахту. Значит, беседа Пушкина с Крыловым могла состояться с 16 по 22 декабря.

Занимаясь в октябре 2014 года в рукописном отделе Пушкинского Дома с фондом А. В. Никитенко, я с интересом познакомился и с сохранившейся в нем той самой запиской князя М. А. Дондукова-Корсакова:

Прошу васъ Любезнѣйшій Александръ Васильевичъ ни мало не медля и не ожидая конца вашей Лекціи явиться ко мнѣ по извѣстному вамъ дѣлу. – Для ускоренія времени посылаю за вами мой экипажъ.–

Понедельникъ⁴⁹

Под словом «Понедельник», вероятно, кто-то из архивистов аккуратно приписал простым карандашом «17 декабря 1834.». Заглянув в календарь 1834 года, я убедился, что понедельником, действительно было 17 декабря, а не 16 декабря; следовательно, раньше 17 декабря не могла состояться и беседа Пушкина с Крыловым по этому поводу.

Видимо, Никитенко через две недели, делая запись в дневнике, запомнил число, но помнил день недели, так как именно по понедельникам у него была лекция. Соответственно оказались сдвинуты и последующие даты, то есть 17-е надо исправить на 18-е, 18-е – на 19-е и 19-е – на 20-е.

Затем у Никитенко идет такая запись:

20, 21 и 22 <декабря>. Эти дни проведены однообразно, как и прилично в заточении.⁵⁰

Именно это однообразие позволило Никитенко растянуть его на три дня, чтобы сохранить хронологию. Последующие дни (23, 24 и 25 декабря), более близкие к моменту написания, он уже помнил хорошо (они были наполнены хоть какими-то событиями), то есть приведенная запись должна включать только 21 и 22 декабря.

Оригинал этой части дневника не сохранился, так что источник ошибки выявить нельзя, но можно и нужно эту ошибку исправить и при переиздании дневника, и, в частности, в «Хронике», где датой ареста Никитенко указано 16 декабря⁵¹.

⁴⁸ Никитенко А. В. Дневник. Т. 1. 1826 – 1857. – Л., 1955. С. 160 – 161.

⁴⁹ РО ИРЛИ. Ф. 205, ед. хр. 18516. Л. 1.

⁵⁰ Никитенко А. В. Дневник. Т. 1... С. 163.

⁵¹ «Хроника». Т. 2. Кн. 2. С. 504.

Три сестры – три письма⁵²

Наиболее полно письма Н. Н. Пушкиной и ее сестер к брату Дмитрию опубликовали И. М. Ободовская и М. А. Дементьев.⁵³ Письмам сестер (вместе) и отдельно письмам Натальи Николаевны они присвоили особую нумерацию, которой я и буду придерживаться.

Письмо Екатерины Гончаровой №13⁵⁴ публикаторы датируют: «Конец апреля – начало мая 1835 г.»⁵⁵.

Датировка – верная, но ее можно уточнить.

Сначала определим крайние границы датировки.

Екатерина пишет:

Мы узнали вчера от Пушкина, который услышал это от своей матери, о смерти Бабушки.⁵⁶

Бабушка – Надежда Платоновна Гончарова – умерла 16 апреля.⁵⁷ В любом случае ранее 20 – 21 апреля известие об этом в Петербург попасть не могло, а поскольку сестры узнали об этом «вчера», то письмо пишется не ранее 21 – 22 апреля.

Сестры слышали об этом от Пушкина, который в свою очередь узнал об этом от своей матери. Поскольку Пушкин 5 мая уехал в Псковскую губернию⁵⁸, то это «вчера» не могло быть позже 4 мая, а письмо не могло быть написано позже 5 мая. (Отнести это письмо к периоду после возвращения Пушкина в Петербург нельзя, так как в самый день его возвращения – 15 мая⁵⁹ – Екатериной будет уже написано следующее письмо – №14⁶⁰).

Екатерина также пишет:

Мы получили от Носова⁶¹ деньги, спасибо, дорогой братец, они все ушли на оплату наших несчастных долгов.⁶²

Из письма Александрины № 19 от 14 августа 1835 г., в котором она приводит счет полученных сестрами денег, известно, что деньги (750 рублей) они получили 26 апреля⁶³. Следовательно, письмо Екатерины не могло быть написано ранее 26 апреля.

⁵² Эта заметка использована в статьях: «1835. Апрель, 26. Петербург. Пушкин навещает...» (см.: Хроника... - Т. 3, кн. 1. С. 115), «1835. Июль, 27 (?). Черная речка...» (см.: Там же. С. 195) и «1835. Декабрь, 1. Петербург. А. Н. Гончарова, как обычно...» (см.: Там же. С. 324).

⁵³ Ободовская И. М., Дементьев М. А. Вокруг Пушкина: Неизвестные письма Н. Н. Пушкиной и ее сестер Е. Н. и А. Н. Гончаровых. – М., 1975.

⁵⁴ Там же. С. 274.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же. С. 369.

⁵⁸ Хроника... Т. 3, кн. 1. С. 123.

⁵⁹ Там же. С. 128.

⁶⁰ Ободовская И. М., Дементьев М. А. Вокруг Пушкина... С. 275.

⁶¹ Петр Иванович Носов – петербургский контрагент Дмитрия.

⁶² Ободовская И. М., Дементьев М. А. Вокруг Пушкина... С. 274.

⁶³ Там же. С. 287.

Наконец, Екатерина пишет, что известие о смерти бабушки

не помешает нам поехать сегодня вечером на «Фенеллу».⁶⁴

В промежутке между 26 апреля и 5 мая «Фенеллу» дважды показывали в Александринском театре: 27 апреля⁶⁵ и 4 мая⁶⁶. Следовательно, письмо Екатерины было написано в один из этих дней. В какой же?

Если предположить, что письмо было написано 27 апреля⁶⁷, то придется допустить, что, получив 26 апреля деньги, сестры успели в тот же день раздать их все («они все ушли»), так как письмо, наверняка, писалось утром, ибо письма на почте принимали до двух часов дня и письма обычно писались по утрам, чтобы успеть отправить их в тот же день. Вряд ли сестры раздавали долги в таком пожарном порядке.

Кроме того, в этом же письме Екатерина поздравляет брата Ивана с днем рождения, который будет 22 мая. Вряд ли бы она стала это делать еще 27 апреля (почти за месяц до дня рождения), хотя и 4 мая не слишком близко ко дню рождения, но она, вероятно, не была уверена, что напишет в течение мая второе письмо, хотя все-таки написала (№ 14) 15 мая, чтобы сообщить о рождении сына у Натальи Николаевны, и в этом письме вторично поздравила Ивана с днем рождения.⁶⁸

Косвенным аргументом в пользу 4 мая служит также то, что 3 мая (то есть «вчера») Пушкин действительно навещал родителей (передавал им деньги)⁶⁹ и значит действительно мог услышать от своей матери полученное ею, очевидно, от московских знакомых или родственников известие о смерти Надежды Платоновны Гончаровой.

О 26 апреля у нас таких сведений нет.

Поэтому я предлагаю датировать это письмо Екатерины именно 4 мая 1835 года.

Теперь о письме Натальи Николаевны № 7.

И. М. Ободовская и М. А. Дементьев датируют его: «Начало лета 1835 г. Петербург».

Письмо начинается фразой:

Я только что узнала, дорогой Дмитрий, что Нейгарт заменил в Москве князя Хилкова.⁷⁰

Но вот – сообщение в «Русском инвалиде» от 16 июля (№ 177):

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО в присутствии Своем в бивуаке при мызе Кипене, Июля 9-го дня 1835 года, соизволил отдать

⁶⁴ Там же. С. 274.

⁶⁵ Прибавление к Санктпетербургским ведомостям. 1835. 27 апр. № 93.

⁶⁶ Там же. 4 мая. № 99.

⁶⁷ А именно эта дата была все-таки принята в «Хронике...» (Т. 3. С. 115).

⁶⁸ Ободовская И. М., Дементьев М. А. Вокруг Пушкина... С. 275.

⁶⁹ Щеголев П. Е. Пушкин и мужики: По неизданным материалам. – М., 1928. С. 218.

⁷⁰ Ободовская И. М., Дементьев М. А. Вокруг Пушкина... С. 166.

следующий приказ: <...> Назначаются. Командир 1-го Пехотного Корпуса, Генерал-Лейтенант, Генерал-Адъютант Нейдгардт 2-й, Командиром же 6-го Пехотного Корпуса, с оставлением в прежнем звании, на место Генерал-Лейтенанта Князя Хилкова 1-го, который увольняется в отпуск для излечения болезни, на один год.

Раньше 16 июля Наталья Николаевна вряд ли могла узнать об этом.

Конечно, кто-то, присутствовавший при подписании приказа, мог приехать в тот же или на следующий день в Петербург и там кому-то сообщить об этом. Но все-таки это не какая-нибудь сенсационная новость, которая бы быстро распространилась и дошла до дачных мест (а Пушкины в это время жили на Черной речке). Это – обычное, достаточно рядовое назначение, не связанное с какими-то необыкновенными событиями, и вряд ли оно могло привлечь всеобщее внимание. Так что известие об этом могло, конечно, дойти до Натальи Николаевны помимо газет, но вряд ли так уж быстро.

При любом варианте, я думаю, она узнала об этом не ранее середины июля. Хотя, конечно, чтобы уж ни к чему нельзя было придраться, можно датировать ее письмо так: «Июль 1835 г., не ранее 9-го. Черная речка».

Но я осмелюсь предположить, что именно это письмо Наталья Николаевна имеет в виду в своей приписке к письму Александрины № 18 от 27 июля 1835 г., когда пишет:

Я забыла в своем письме напомнить тебе о шали.⁷¹

Вряд ли она успела написать Дмитрию еще одно письмо незадолго до 27 июля, и оно при этом не сохранилось. Она бы написала тогда, скорее всего: «в моем прошлом письме». Если мое предположение справедливо, тогда письмо Натальи Николаевны можно датировать 27 июля.⁷² Вероятно, запечатав уже свое письмо, она не стала его распечатывать, а сделала эту приписку к письму сестры, а письма они, вероятно, отправляли одной почтой.

Наконец, письмо Александрины № 22⁷³.

Это письмо, как отмечают публикаторы, не имеет начала, то есть является концом какого-то письма. Датируют они его октябрём 1835 г. на следующем основании:

Дата определена предположительно по содержанию письма: в письме от 4 октября <№ 21> Е.<катерина> Н.<иколаевна> передает напоминание о шали; из данного письма видно, что шаль уже получена.⁷⁴

Позволю себе сразу заметить, что приведенный ими аргумент ни в коем случае не говорит о том, что и шаль была получена, и это письмо было написано именно в октябре. Этот аргумент говорит о том, что шаль была

⁷¹ Там же. С. 285.

⁷² В «Хронике...» оно датировано: «1835. Июль, 27 (?). Черная речка» (см.: Хроника... Т. 3, кн. 1. С. 195).

⁷³ Во втором издании книги «Вокруг Пушкина» (1978 г.) это письмо получило № 23.

⁷⁴ Ободовская И. М., Дементьев М. А. Вокруг Пушкина... С. 372 (в издании 1978 г. – С. 293)

получена и это письмо было написано **после 4 октября**, а это могло случиться и в октябре, и в ноябре, и в декабре и т.д.

Начинается этот конец неизвестного письма со слов (по-русски):

Так грустно иногда приходится, что мочи нет; не знаю куда бы бежала с горя. Только не на Завод.⁷⁵

Теперь обратимся к ее же письму № 25⁷⁶ от 1 декабря 1835 г. Публикаторы отмечают, что у этого письма нет конца, а сохранившееся начало оканчивается рассказом о предстоящей конной карусели, который заканчивается словами (по-французски):

Не подумай, что я из-за этого очень счастлива, я смеюсь сквозь слезы.⁷⁷

А за этим следует одно слово по-русски: «Правда» - и текст обрывается.

Что получится, если соединить этот текст с предыдущим?

Посмотрим:

Сначала по-французски: «Не подумай, что я из-за этого очень счастлива, я смеюсь сквозь слезы», а далее по-русски: «Правда. Так грустно иногда приходится, что мочи нет; не знаю куда бы бежала с горя. Только не на Завод».

Похоже, что текст соединяется достаточно гладко.

Но это не единственный аргумент.

Письмо от 1 декабря начинается словами:

Я начну свое письмо, дражайший и почтенный братец Дмитрий с того, что ты непроходимо глуп.⁷⁸

А в письме, не имеющем начала, мы находим фразу:

Таша также просит тебе передать, что ты глуп.⁷⁹

В письме от 1 декабря она иронизирует по поводу «некоего господина Носова» (через посредство которого Дмитрий Николаевич выплачивал сестрам деньги) и дальше также иронически пишет:

Я хотела тебя просить дать мне к нему рекомендательное письмо. Вот уже 1 декабря, и я была бы не против возобновить знакомство <...> иначе мы снова начнем жаловаться на нищету.⁸⁰

А в письме, не имеющем начала, в предпоследнем абзаце:

Прощай, любезный братец, целую от души. Пожалуйста письмо к Носову.⁸¹

⁷⁵ Там же. С. 292 (1978 г. – С. 225).

⁷⁶ В издании 1978 г. – № 26.

⁷⁷ Ободовская И. М., Дементьев М. А. Вокруг Пушкина... С. 299 (в издании 1978 г. – С. 231).

⁷⁸ Там же. С. 298 (в издании 1978 г. – С. 230).

⁷⁹ Там же. С. 293 (в издании 1978 г. – С. 226).

⁸⁰ Там же. С. 298 – 299 (в издании 1978 – С. 230).

⁸¹ Там же. С. 293 (в издании 1978 – С. 226).

Я беру на себя смелость предположить, что эти два письма (одно – без конца. другое – без начала) составляют одно письмо от 1 декабря 1835 г. Если это принять, то тогда к 1 декабря относятся и слова Александрины о Пушкине:

Что касается денег за бумагу, то Пушкин просит передать, что он их еще не получил и что даже когда они у него будут, он ничего не может тебе уплатить вперед в настоящее время.⁸²

Пророческая опечатка

В 1832 г. для Московского университета была приобретена усадьба Пашковых – не тот знаменитый Пашков дом на углу Моховой и Знаменки, а недалеко от него на той же Моховой у Пашковых была еще одна усадьба, на углу Моховой и Никитской, то есть рядом с основным зданием университета. В 1833 – 1836 гг. эту усадьбу перестраивали для нужд университета, для чего был организован специальный строительный комитет.

И вот, в 1836 г. в «Журнале Министерства народного просвещения», в официальной части, где печатались сведения о награждениях, определениях и увольнениях по Министерству народного просвещения, было напечатано, что награждаются единовременной выдачей денег:

По строительному Комитету, Высочайше утвержденному при Московском Университете.

Смотритель Пушкинского <sic> дома Титул.<ярный> Сов.<етник> Вальцов и Смотритель Пашковского дома Провинциальный Секретарь Яковлев.⁸³

Конечно, это – опечатка, и в обоих случаях имеется в виду Пашковский дом, но любопытно, что, хотя и случайно, словосочетание (и с большой буквы!) «Пушкинский дом» появилось еще при жизни поэта.

Известие о выходе этого номера журнала было напечатано в «Санктпетербургских ведомостях» 3 сентября 1836 г. (№ 200). В библиотеке Пушкина этот номер журнала сохранился, причем отмечено, что он местами разрезан⁸⁴.

Мог ли Пушкин видеть эту опечатку?

Страница XVI, на которой было напечатано об этом награждении, приходится на разворот, который не надо разрезать⁸⁵, и поэтому вопрос, заглядывал ли Пушкин на эту страницу или нет, навсегда останется открытым.

Знаменитый этюд к известной картине

Известная картина – это «Парад по случаю окончания военных действий

⁸² Там же.

⁸³ Журнал Министерства народного просвещения. 1836. № 7. С. XVI.

⁸⁴ Модзалевский Б.Л. Библиотека А.С.Пушкина: (Библиографическое описание). – СПб., 1910. С. 127. № 473.

⁸⁵ За информацию об этом я благодарен сотрудникам Пушкинского Дома Л. А. Тимофеевой и Т. И. Краснобородько.

в Царстве Польском, бывший на Царицыном лугу в Санкт-Петербурге в 1831 году». На ее написание Григорий Григорьевич Чернецов потратил несколько лет, так как она включает в себя более 200 портретов. Каждый портрет сначала писался отдельно, а потом встраивался в картину.

Уже в 1832 году были готовы портреты И. А. Крылова, В. А. Жуковского, А. С. Пушкина и Н. И. Гнедича, и художник объединил их в «этюде поэтов», изобразив их встречу в Летнем саду, то есть, можно сказать, по пути на соседний Царицын луг.

Говоря о значении этого этюда, Г. Н. Голдовский в статье о художниках братьях Чернецовых и Пушкине пишет⁸⁶:

Импульс к размышлению на тему о происхождении и судьбе небольшого, но исторически и иконографически важного художественного опуса Григория Чернецова опять-таки дает бесценный материал дневника <Г. Г. Чернецова>, где картина «Четыре поэта» упоминается дважды. Впервые – в феврале 1836 года, когда императрица Александра Федоровна увидела в мастерской живописца «этюды поэтов» и пожелала его иметь.⁸⁷ Вторично – 26 декабря того же года: “Группа Поэтов Крылова, Жуковского, Пушкина и Гнедича, писанная мною с натуры, вечером приготовил контуром для камня, я хочу их нарисовать к изданию, а между прочим делаю несколько копий их масляными красками для желающих”⁸⁸.

К сожалению, в этом абзаце – две ошибки. Во-первых, в феврале 1836 года этот этюд увидела и захотела иметь не императрица Александра Федоровна, а великая княгиня Елена Павловна. Во-вторых, вторая запись Чернецова об этюде датируется не 26 декабря, а 25 ноября 1836 года.

Этим замечанием я предвараю возможные вопросы и недоумения, которые могут возникнуть у читателя при знакомстве с приводимыми ниже фрагментами дневника Г. Г. Чернецова, относящимися к работе его над картиной о параде 1831 года⁸⁹:

[л. 149]

Записки 1836го года.

Февраль.

1^е. Суббота. <...>

Севодня писалъ мундирь съ натуры Графа Бенкендорфа въ свитѣ на картинѣ Парада. Вчера былъ у меня Государь Императоръ изволил сдѣлать замѣчаніе, что зрители все отъ вернулись отъ главной сцѣны, я ска-

⁸⁶ Голдовский Г. Н. Художники братья Чернецовы и Александр Сергеевич Пушкин // Художники братья Чернецовы и Пушкин. – СПб., 1999. С. 129.

⁸⁷ ОР ГРМ. Ф. 28, д. 3, л. 150 (сноска Г. Н. Голдовского).

⁸⁸ Там же, л. 164 об. (сноска Г. Н. Голдовского).

⁸⁹ ОР ГРМ. Ф. 28, ед. хр. 3.

заль Его Величеству: безъ сего нельзя дѣлать портреты, естлибы зрители смотрели на главное дѣйствіе то мнѣ видны были бы одни затылки, но чтобы обратить вниманіе ихъ то я здѣлаю позади безъ портретныхъ обращенныхъ къ главному дѣйствію.

<...>

[л. 150]

<...>

4°. Вторникъ. Утромъ писалъ съ натуры П. П. Пезаровиуса⁹⁰ на парадѣ. Потомъ началъ Дениса Давыдова Партизана Поэта. Я почти окончилъ голову. Это дѣлаю съ своего акварелью нарисованнаго мною съ натуры въ прошедшее Воскресеніе у Жуковского, гдѣ онъ былъ, теперь кажется уже уѣхалъ въ свою деревню⁹¹, человѣкъ замѣчательный по 12^м году. – <...>

6°. Четвергъ севодня очень трудно было работать по случаю посещенія и день особенно задался, писалъ фигуру Давыдова и безпрестанно долженъ былъ оставлять работу. – Утромъ привели маленькихъ Великихъ Князей⁹² потомъ пришли Великія Княжны Марія и Ольга Николаевны⁹³. А после Государь, но Марія Николаевна вторично съ Еленю Павловною⁹⁴ опять посетила, Елену Павловну я первый разъ имѣлъ случай видѣть и говорить съ нею. – Ея Высочеству понравился этюдъ поэтовъ и она желаетъ его иметь.

<...>

[л. 154 об.]

<...>

27^е<мая>. Наконецъ я видѣлся съ знаменитымъ живописцемъ въ Европѣ, познакомился и началъ писать на парадѣ съ натуры Карла Брюлло! Вчерашній день онъ приехалъ въ Петербургъ⁹⁵ былъ въ моей мастерской два раза Я смотрелъ съ особеннымъ удовольствіемъ на этого замечательнаго человѣка нашего времени. Онъ здѣлалъ мнѣ нѣкоторые наставленія на счетъ картины коими и воспользуюсь. <...>

<...>

⁹⁰ П. П. Пезаровиус – в 1831 г. редактор «Санктпетербургскихъ ведомостей».

⁹¹ Д. В. Давыдовъ былъ у В. А. Жуковского в воскресенье 26 января, о чем он напишетъ женѣ: «мы с Жуковскимъ прошли весь Эрмитаж, смотрели картинную галерею и потомъ смотрели живописца Чернецкого, который по приказанію императора пишетъ, две картины двухъ парадовъ на Марсовомъ полѣ. Он просилъ меня поставить и мою фигуру в своей картинѣ и потому, пока я сидѣлъ у Жуковского и слушалъ Гоголя, читавшаго свою неподобную и чудесную комедию “Ревизоръ”, Чернецкой нарисовалъ мой портретъ во весь ростъ» (см.: Давыдовъ Д. В. Записки партизана; Стихи. – М.: Мол. гвардия, 1984. С. 285). 30 января Давыдовъ уже уѣхалъ изъ Петербурга (см.: Санктпетербургскіе ведомости. 1836. 2 фев. № 27).

⁹² Младшихъ сыновей Николая I, вероятно, Константина и Николая.

⁹³ Дочери Николая I.

⁹⁴ Елена Павловна – жена великаго князя Михаила Павловича, брата Николая I.

⁹⁵ Вызванный изъ-за границы Николаемъ I.

[л. 161 об.]

<...>

24°. <сентября> Севодни Н: В: Кукольникъ переписалъ всехъ лицъ по-
именно на писанныхъ на парадѣ, онъ хочеть непечатать
для руководства зрителю.⁹⁶ <...>

<...>

[л. 162]

<...>

27°. Воскресеніе. Утромъ рано картина отправлена въ Академію⁹⁷

<...>

<...> Севодни день

Собранія Академіи все съ ѣхались члѣны <...>

Севодни Парадъ мой выдержалъ и получилъ общую похвалу

Я перевелъ духъ! – теперь публика, общій голосъ! Посмотримъ? –

[л. 162 об.]

28°. Открытіе Академіи Художествъ <...>.

<...>

<...> Явилась публика постепенно окружила мой

парадъ и составила изъ себя твердыню. – Ладюрнеръ и Зау

рвейде осиротели!⁹⁸ <...>

[л. 163 об.]

<...>

Ноябрь.

9° Началъ опять работать парад.

<...>

[л. 164 об.]

25° Группа Поэтовъ Крылова, Жуковскаго, Пушкина и Гнедича
писанная мною съ натуры, вечеромъ приготовляя контуръ
для камня, я хочу их нарисовать и издать⁹⁹, а между
прочимъ я дѣлаю нѣсколько копій ихъ масляными краска-
ми для желающихъ.

Этот этюд в наше время упоминается и воспроизводится чаще, чем сама картина, к которой он был написан.

Простите, княгиня!

Вот к чему подтолкнуло меня прочтение статьи С. Л. Абрамович о письмах князя П. А. Вяземского¹⁰⁰.

⁹⁶ Н. В. Кукольник издал прибавление к «Художественной газете» в виде отдельной брошюры «Краткий обзор выставки Императорской Академии Художеств 1836». Значительное место в обзоре отведено перечню портретов, включенных Г. Чернецовым в его картину.

⁹⁷ 28 сентября 1836 года должна была открыться «Выставка Императорской Академии Художеств».

⁹⁸ А. И. Ладюрнер и А. И. Заурвейд – художники-баталисты, работы которых тоже были представлены на этой выставке.

⁹⁹ Экземпляры изданной чернецовым литографии сохранились до наших дней. Позднее эта литография неоднократно переиздавалась

¹⁰⁰ Абрамович С. Л. Письма П. А. Вяземского о гибели Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 13. – Л., 1989. С. 169 – 185.

Вслед за Б. В. Казанским Абрамович признает, что в промежуток времени между 5 и 15 февраля 1837 г. друзья Пушкина получают какие-то сведения, которые существенно меняют их отношение к преддуэльной ситуации и непосредственно к Геккернам¹⁰¹. С этим трудно не согласиться. Абрамович считает возможным:

высказать следующее предположение: сведения, которые заставили их по-новому взглянуть на пушкинскую историю, друзья поэта получили прежде всего из его семьи – от Натальи Николаевны и Александрины. В этих письмах содержатся подробности, которые могла сообщить им только вдова поэта.

Мне очень сомнительно, чтобы Наталья Николаевна в эти дни стала рассказывать кому-нибудь, кроме священника, о том, что происходило между нею и Геккернами. А Александрина, действительно, могла, тем более, что у нее с княгиней В. Ф. Вяземской были и свои (независимо от Пушкиных) отношения¹⁰². Возможно, она рассказала княгине В. Ф. Вяземской примерно то же, что в 1887 г. будет записано со слов Александрины ее мужем Г. Фризенгофом в письме к дочери Натальи Николаевны А. П. Араповой¹⁰³.

Но интересно вот что.

Если признать достоверность позднейшего рассказа княгини В. Ф. Вяземской о свидании Натальи Николаевны с Дантесом у Полетики, то придется признать, что

1) или супруги Вяземские сочли это свидание вполне невинным, до начала февраля 1837 г. считая поведение Дантеса вполне допустимым,

2) или (и это мне кажется наиболее вероятным) Наталья Николаевна не приезжала к Вяземской после свидания у Полетики, и об этом свидании Вяземские узнали именно от Александрины.

Этот рассказ и, вероятно, рассказ о письме Геккерна к Наталье Николаевне и повлиял на резкое изменение мнений Вяземских, Жуковского и других о Геккернах и их роли. А позже в беседе с Бартеневым Вяземская сочинила этот приезд к ней Натальи Николаевны вместе с мелодраматическими деталями (пистолет и пр.)¹⁰⁴. С какой стати Наталье Николаевне было ехать в этой ситуации к Вяземским? Быстрее вернуться домой, а там поделиться с Александриной, – другое дело.

Мне всегда был подозрителен этот рассказ Вяземской, но то, что ко времени разговора с Бартеневым ей не могло быть известно содержание письма Фризенгофов к А. П. Араповой заставляло все-таки принимать ее рассказ как свидетельство, хотя и приукрашенное.

¹⁰¹ Там же. С. 170.

¹⁰² В апреле 1836 года, после смерти матери Пушкина, Александрина писала брату Дмитрию: «И вот сестра в трауре, но нас это не касается, мы выезжаем с княгиней Вяземской, и завтра едем на большой бал к Воронцовым» (см.: Ободовская И. М., Дементьев М. А. Вокруг Пушкина... С. 305.).

¹⁰³ Красная нива. 1929. № 24. С. 10 – 11.

¹⁰⁴ Бартенев П. И. О Пушкине: страницы жизни поэта; Воспоминания современников.– М., 1992. С. 384.

Но предположение, что она узнала обо всем этом непосредственно от Александрины еще в 1837 году, укрепляет мои сомнения в достоверности рассказа Вяземской.

Так же, как вызывает сомнение ее рассказ о том, как она отказала Дантесу в посещении их дома из-за его ухаживаний за Натальей Николаевной.¹⁰⁵

Она утверждает, что это было сделано, когда ее дочь была невестой, то есть это могло произойти только весной 1836 г. Но почему тогда Дантес спокойно появляется в их доме осенью того же года? Просто через достаточное количество лет, когда все эти хронологические подробности уже вряд ли могли возникнуть в чьей-то еще памяти, легко было изобразить свое такое критическое отношение к Дантесу с самого начала?

Да простит меня тень Веры Федоровны, если я не прав!

Преданный друг

17 сентября 1836 года в Царском Селе на даче Карамзиных отмечали именины Софьи Николаевны. Рассказывая об этом 19 сентября в письме к брату Андрею, бывшему за границей, Софья отмечает, в частности, что среди гостей – «один из князей Барятинских»¹⁰⁶.

В примечании к этому письму, составленном П. Р. Заборовым, сказано:

Барятинский – вероятно, кн. Александр Иванович (1815 – 1879), поручик л.-гв. Кирасирского полка, товарищ Лермонтова по юнкерской школе, впоследствии генерал-фельдмаршал. Барятинский был одним из друзей Дантеса, и после роковой дуэли его сочувствие было целиком на стороне противника Пушкина. Это видно по его письму к арестованному на гауптвахте Дантесу, где, сетуя о том, что «вследствии строгости караульных офицеров» он не может больше его посещать, Барятинский заверяет его: «верьте по-прежнему моей самой искренней дружбе и тому сочувствию, с которым относится к вам вся наша семья». Письмо подписано: «Ваш преданный друг» (Щеголев, стр. 348, 349)¹⁰⁷.

Заметим, что в книге П. Е. Щеголева письмо подписано: «Ваш преданный друг Барятинский»¹⁰⁸.

В письме Софьи упоминается «один из князей Барятинских».

Из чего, собственно, следует, что это – именно Александр Иванович?

Просто из того, что мы других Барятинских знаем плохо?

Между прочим, Щеголев ничего не говорит об имени этого Барятинского, но включает это письмо в раздел: «Письма к барону Жоржу Геккерену его полковых товарищей»¹⁰⁹.

¹⁰⁵ Там же. С. 382.

¹⁰⁶ Пушкин в письмах Карамзиных 1836 – 1837 годов. – М.-Л., 1960. С. 109.

¹⁰⁷ Там же. С. 363. Ссылка на Щеголева – это: Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. Исследование и материалы. – М.-Л., 1928.

¹⁰⁸ Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. Исследование и материалы. – М., 1987. С. 293. Текст в этом издании напечатан по изданию 1928 г.

¹⁰⁹ Там же.

Князь А. И. Барятинский служил юнкером в кавалергардском полку с 12 августа 1831 г. по 8 ноября 1833 г., когда был переведен корнетом в лейб-гвардии Кирасирский полк, то есть вместе с Дантесом, зачисленным в Кавалергардский полк в феврале 1834 г.¹¹⁰, он не служил.

После ранения в сентябре 1835 г. на Кавказе и возвращения в Петербург Александр Иванович 1 января 1836 г. был назначен состоять при Наследнике, а с 26 января 1836 г. он – поручик.

Но самое интересное – дальше.

Все эти данные я взял из справочника: Шилов Д. Н., Кузьмин Ю. А. Члены Государственного совета Российской империи. 1801 – 1906». СПб., 2007. С. 52.

Так вот дальше на той же странице напечатано:

09.04.1836 – 15.07.1838 в заграничном отпуске для лечения.

И действительно, в «Прибавлении к Санктпетербургским ведомостям», № 78, от 10 апреля 1836 г. в рубрике «Отъезжающие за границу» читаем:

Состоящий при ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМ ВЫСОЧЕСТВЕ НАСЛЕДНИКЕ ЦЕСАРЕВИЧЕ, Лейб-Кирасирскаго ЕГО ВЫСОЧЕСТВА НАСЛЕДНИКА полка Поручик Князь Александр Барятинский; при нем: Австрийский подданный Доктор Антон Спиро и крепостной дворовый его человек Александр Новиков; спросить 1-й Адм.иралтейской части 1-го квартала в доме Нарышкина, под No 7.

Это объявление, как и было положено, напечатано троекратно (еще в № 81 от 14 апреля и в № 84 от 17 апреля).

Теперь уже не сложно ответить на вопрос, мог ли князь Александр Иванович Барятинский написать 19 марта 1837 г. записку Дантесу о том, что ему не позволяют прийти на гауптвахту посетить арестованного.

И точно такой же ответ придется дать на вопрос, мог ли князь Александр Иванович присутствовать на именинах Софьи Карамзиной 17 сентября 1836 г.

А кто же был на именинах? Неизвестно. Может быть, например, девятнадцатилетний брат Александра Ивановича князь Владимир Иванович Барятинский, корнет лейб-кирасирского полка.

Мог ли он написать записку Дантесу? Не знаю.

«Э! сказали мы с Петром Ивановичем»

Этих Петров Ивановичей мы знаем со школы – двух толстячков с почти одинаковыми фамилиями: **Бббчинский** и **Дббчинский**. Именно так мы привыкли произносить эти фамилии – с ударением на «Ббб» и «Дбб».

Но всегда ли так было?

Почитаем стихотворения князя Петра Андреевича Вяземского.

В 1851 году, отправившись на лечение в Европу, он пишет стихотворение «Проезд через Францию в 1851 году», в котором есть такие строчки:

¹¹⁰ Там же. С. 35.

И, распростившись с берегом Финским,
Я от родного рубежа
*Петром Ивановичем Добчинским*¹¹¹
Достиг местечка Парижа.¹¹²

Конечно, можно предположить, что здесь ударение в фамилии «Добчинский» – это такая же шуточная поэтическая вольность, как и ударение в слове «Парижа», которое проставлено и в самом цитируемом тексте.

Три года спустя, в 1854 году, Вяземский пишет стихотворение «Литературная исповедь», в котором никаких шуточных вольностей нет и в котором мы, в частности, читаем:

Здесь Петр Иванович Бобчинский с крестным братом,
Который сам глупец, а смотрит меценатом;
<...>
Пред ними рад пребыть я с истинным почтеньем,
Но все ж, когда пишу, скажите, неужель
В Бобчинском, например, иметь себе мне цель?¹¹³

Вспомним письмо князя Вяземского к Александру Ивановичу Тургеневу из Петербурга в Париж от 19 января 1836 года, в котором он рассказывает о вечере у В. А. Жуковского:

Вчера Гоголь читал нам новую комедию «Ревизор» <...>. Читает мастерски <...>. Не знаю, не потеряет ли пьеса на сцене, ибо не все актеры сыграют, как он читает.¹¹⁴

Значит, князь Вяземский слышал фамилии Петров Ивановичей в произношении самого Н. В. Гоголя и вряд ли он потом стал их коверкать.

Думаю, что и в Александринском театре в Петербурге, где Гоголь сам принимал участие в подготовке спектакля, эти фамилии произносились с тем же ударением: **Бобчинский** и **Добчинский**.

Для Петербурга не безразличен был и тот факт, что **Бобчинский** слишком похоже на **Бобринский**. А граф Алексей Алексеевич Бобринский был очень уважаемым в Петербурге лицом (и не только в высшем свете), не говоря уже о том, что он приходился двоюродным братом Николаю I по бабушке (Екатерине II). Весьма вероятно, что он присутствовал и на премьере «Ревизора». Какой-либо намек на него был просто невозможен.

Другое дело – Москва. В Москве чтения Гоголя никто не слышал, и здесь вполне, естественно, Петры Ивановичи вполне могли оказаться **Бббчинским** и **Дббчинским**. Не зря же Пушкин писал жене из Москвы 6 мая 1836 года в преддверии московской премьеры «Ревизора» (XVI, 113):

¹¹¹ Во всех цитируемых текстах фамилии Бобчинского и Добчинского выделены мною, и мною же проставлены в них знаки ударения.

¹¹² Вяземский П. А. Поезд через Францию в 1851 году // Полное собрание сочинений князя П. А. Вяземского. Т. IV. – СПб., 1880. С. 372.

¹¹³ Вяземский П. А. Литературная исповедь // Вяземский П. А. Сочинения. Т. I. Стихотворения. – М., 1982. С. 300 – 301.

¹¹⁴ Остафьевский архив князей Вяземских. – СПб., 1899. – Т. 3. С. 285.

Пошли ты за Гоголем и прочти ему следующее: видел я актера Щепкина, который ради Христа просит его приехать в Москву прочесть Ревизора. Без него актерам не спеться. Он говорит, комедия будет карикатурна и *грязна* (к чему Москва всегда имела поползновение). С моей стороны я то же ему советую: не надобно чтоб Ревизор упал в Москве, где Гоголя более любят, нежели в П.<етер>Б.<ург>е.

Но Гоголь в Москву не приехал.

Так в театральном мире могло возникнуть двойное произношение фамилий Петров Ивановичей.

Любопытно, как эта двойственность отразилась в стихотворении К. К. Случевского 1859 года «Странный город», включающем такой фрагмент:

Сильны теперь и не в одной России
Авторитеты Рудиных, Ноздревых;
Сквозник, Коробочка, Петух и Собакевич,
Добчѣинский с Бѣбчинским, Молчалин, Простаков,
И Фамусов, и Чичиков, и Плюшкин.¹¹⁵

Но князь Вяземский, слышавший чтение Гоголя, продолжал придерживаться гоголевских ударений. В 1862 году он пишет стихотворные «Заметки», третья из которых начинается так:

Добчѣинский гласности, он хочет,
Чтоб знали, что **Добчѣинский** есть:
Он рвется, мечется, хлопочет,
Чтоб в люди и в печать залезть.¹¹⁶

Наконец, в 1866 году он пишет уже отсылающее напрямую нас к «Ревизору» стихотворение «Хлестаков», в котором мы встречаем рядом обе фамилии:

Все это вздор, но вот что горе:
Бѣбчѣинских и **Добчѣинских** род,
С тупою верою во взоре
Стоят пред ним, разинув рот¹¹⁷.

Но московское (?) произношение в конце концов взяло верх и в театре, и у читающей публики.

Уместно здесь сказать и о судьбе фамилии другого гоголевского персонажа, но уже не из «Ревизора», а из «Мертвых душ» – Ноздрева.

Александр Дмитриевич Вентцель сообщил мне, что его мама – Елена Сергеевна Вентцель (урожденная Долгинцева)¹¹⁸ говорила:

– Надо Нѣздрев, а не Ноздрѣв.

¹¹⁵ Случевский К. К. Странный город // «Иллюстрация». 1859. № 53. С. 43.

¹¹⁶ Вяземский П. А. Заметки. III // Полное собрание сочинений князя П. А. Вяземского. Т. XI. – СПб., 1887. С. 430.

¹¹⁷ Вяземский П. А. Хлестаков // Вяземский П. А. Сочинения. Т. 1. Стихотворения. – М., 1982. С. 358.

¹¹⁸ Математик и замечательная писательница (под псевдонимом «И. Грекова»).

- Почему?
- Мой отец так говорил.
- А почему?
- Его отец так говорил, потому что ему его отец говорил, что так надо, потому что так говорил его друг Щепкин, а Щепкин слышал, как Гоголь читал «Мертвые души».

Кто из дочерей моложе?¹¹⁹

Екатерина Михайловна Бакунина – пожалуй, самая известная из первых российских сестер милосердия, была активной помощницей Н. И. Пирогова в Севастополе во время Крымской войны. Знаменитый хирург отзывался о ней с большим уважением.

Посвященная ей очень содержательная статья Ю. И. Проскуровской начинается так:

Екатерина Михайловна Бакунина родилась в Петербурге в 1813 г.¹²⁰

Так ли это?

В ГАРФ, в фонде Бакуниных, хранится дневник Евдокии Михайловны Бакуниной (старшей сестры Екатерины Михайловны) за 1818 – 1820 гг.¹²¹ Дневник представляет собой своего рода журнал, в котором Евдокия описывала поведение и учење своих младших сестер – Паши и Кати, воспитанием которых она занималась в семье, будучи почти на двадцать лет старше них.

Дневник начинается записью:

1818.
Август.
19.

Сегодня Катеньке минуло 5 лет, Пашиньке уже 6.¹²²

Казалось бы, что вопрос о дате рождения Екатерины Михайловны решается однозначно: 19 августа 1813 г. При этом ясно, что она на год моложе Прасковьи Михайловны, то есть Екатерина Михайловна является младшей дочерью.

Однако, если мы обратимся к воспоминаниям М. А. Дмитриева, известного в свое время литератора и знакомого семьи Бакуниных, то прочтем:

Мы сблизилась с этим семейством в 1839 году <...>.

Простота обращения, умеряемая светским приличием, светский же, но не пустой разговор, любовь к литературе младшей дочери Прасковьи Михай-

¹¹⁹ Данные этой заметки использованы при составлении «Родословной росписи Бакуниных», включенной в книгу: Сысоев В. И. Бакунины. – Тверь, 2002.

¹²⁰ Проскуровская Ю. И. Сестра милосердия Екатерина Бакунина // Вопросы истории. 1988. № 10. С. 145.

¹²¹ ГАРФ. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 246.

¹²² Там же. Л. 1.

ловны (выделено мной. – *И. С.*) — все это согласовалось с моими вкусами и привлекало меня более и более.¹²³

То же мы находим и в воспоминаниях А. А. Фета, который писал о вечерах у Ф. Н. Глинки в начале 40-х годов:

Между дамами замечательны были по уму и по образованию две сестры девицы Бакунины, из которых **меньшая**, несмотря на зрелые лета, **сохранила** еще неизгладимые **черты красоты** (выделено мной. – *И. С.*).¹²⁴

Красотой отличалась в семье Бакуниных именно Прасковья Михайловна. Например, будучи с Катей и Пашей в Петербурге, их мать Варвара Ивановна писала в Москву мужу о рауте у графини Фикельмон 9 января 1837 г.:

Многие спрашивали об наших, а об Паше – с эпитетом: кто эта хорошенькая особа?¹²⁵

Теперь самое время обратить внимание на то, что в приведенной выше дневниковой записи цифра 5, обозначающая лета Кати, вписана по явно подтертому месту. Можно, конечно, гадать о том, что было там написано сначала: то ли просто стерли что-то неудачно написанное и пятерка соответствует действительности, то ли зачем-то заменили истинную цифру на пятерку (из каких соображений и когда – это еще более гадательный предмет). Но, перелистав несколько страниц дневника, мы находим следующую запись, не несущую никаких следов исправления:

12 <ноября 1818>

<...> вечером когда оне (Катя и Паша. – *И. С.*) раздевались **Катя** расплакалась зачем не ее первую раздевают, ето так умно для **восмилетней девочки** (выделено мной. – *И. С.*), что и слов не достает что об этом сказать.¹²⁶

Из этой записи становится совершенно ясно, что 19 августа 1818 года Кате исполнилось не 5, а 8 лет; что родилась она 19 августа 1810 года и что Паша, родившаяся 22 апреля 1812 года, действительно была младшей дочерью Бакуниных в полном соответствии с приведенными выше свидетельствами мемуаристов.

Итак, можно со всей уверенностью утверждать, что Екатерина Михайловна Бакунина родилась в 1810 году, 19 августа по старому стилю или 31 августа по новому стилю.

¹²³ Дмитриев М. А. Главы из воспоминаний моей жизни. – М.: Новое литературное обозрение, 1998. С. 392.

¹²⁴ Фет А. А. Ранние годы моей жизни // Фет А. А. Воспоминания. – М.: Правда, 1983. С. 171.

¹²⁵ Сидоров И. С. «Это нам читал Пушкин, поэт, у Фикельмон...» / Солнце нашей поэзии (Из современной Пушкинианы). – М., 1989. С. 124.

¹²⁶ ГАРФ. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 246, л. 14 об. Сохраняю пунктуацию оригинала.

II

Пушкинист Павел Сергеевич Попов¹

Есть лица, чья истинная роль в истории культуры, истории науки осознается только по прошествии значительного времени после завершения их деятельности и жизненного пути. Они как бы постепенно выходят из тени их знаменитых современников. Так сложилась судьба и Павла Сергеевича Попова.

Всегда сдержанный в поведении, педантичный в работе, избегавший (насколько это было возможно) участия в каких-либо общественных акциях, он был при жизни оценен достаточно узким кругом коллег, учеников и немногочисленных близких друзей.

У него и фамилия была не броская – мало ли было Поповых?

Например, многие читатели знают Попова – одного из ближайших друзей М. А. Булгакова. Текстологи припомнят Попова, комментировавшего незавершенные исторические романы Л. Н. Толстого и его переписку с женой, а также переписку А. В. Дружинина, А. П. Чехова. Кто-то знает Попова – переводчика античных и поздних западноевропейских философов. Исследователи творчества Достоевского вспомнят Попова, выступившего в двадцатые годы с получившим широкий резонанс докладом «“Я” и “Оно” в творчестве Достоевского». Выпускники философского факультета Московского университета конца сороковых – начала шестидесятых годов слушали лекции профессора логики Попова. Пушкиниста Попова знают тоже в основном только те, кто занимается пушкинской «Историей Петра».

И совсем мало тех, кто знает, что все эти Поповы – это один и тот же Павел Сергеевич Попов.

Собственные его работы (помимо комментариев и переводов) рассеяны

¹ Доложено 20 декабря 2006 г. на заседании Пушкинской комиссии ИМЛИ РАН (г. Москва) и 20 октября 2007 г. на Международной филологической конференции к 45-летию М. И. Шапира, состоявшейся в Московском государственном университете; опубликовано: Сидоров И. С. Пушкинист Павел Сергеевич Попов // *Res Philologica: Essays in memory of Maksim Il'ich Shapir* = Сборник статей памяти М. И. Шапира. Amsterdam: Pegasus, 2014. (*Pegasus Oost-Europese Studies*, 23). P. 441 – 466. Электронный вариант: *Philologica*, 2012, vol. 9, № 21/23, с. 368 – 391 (<http://www.rvb.ru/philologica/09pdf/09sidorov.pdf>); использовано в публикации: «Открывается эпоха занятий Пушкина над Петром». Доклад профессора П. С. Попова. 1938 г. / Публикация Ф. Г. Никитиной, И. С. Сидорова // *Исторический архив*. 2009. № 2. С. 170 – 186

по журналам и сборникам, иногда малоизвестным и малодоступным. При жизни Попова увидели свет всего две его собственные книги, напечатанные издательством Московского университета, – сорокавосемистраничная брошюра «Суждение» (1957) и «История логики нового времени» (1960).

Поэтому, прежде чем говорить о деятельности Павла Сергеевича именно в области пушкинистики, надо хотя бы кратко рассказать о его жизни в целом².

1

Он родился 22 августа 1892 г. в семье фабриканта, купца-«суконщика» Сергея Максимовича Попова. Его отец уже не имел ничего общего с купцами А. Н. Островского. Это был фабрикант новой формации. Окончивший юридический факультет Московского университета, он много делал для усовершенствования как производства, так и быта рабочих: закупал новые станки, создал клуб для служащих, бесплатную чайную с библиотекой, баню и прачечную для рабочих, строил школы для детей рабочих и окрестных крестьян (у Поповых был дом в Красновидове под Москвой), создал при фабрике «народный» театр. В 1900 г. на Всемирной выставке в Париже С. М. Попов был награжден серебряной медалью.

О характере воспитания детей в семье лучше всего говорит тот факт, что старший брат Павла Сергеевича – Сергей Сергеевич стал музыковедом, учеником композитора А. Т. Гречанинова, сестра Любовь Сергеевна Попова – известным художником-авангардистом, другая сестра – Ольга – служила в библиотеке Большого театра.

Сам Павел Сергеевич в 1915 г. закончил историко-филологический факультет Московского университета и был оставлен на кафедре философии для подготовки к профессорскому званию. Во время учебы в университете его наставником и другом стал профессор философии Л. М. Лопатин, один из лучших знатоков новейшей западной философии. Лопатин был для Павла Сергеевича образцом ученого – образцом, которому Попов следовал всю жизнь. Через Лопатина Попов познакомился с В. Ф. Эрном, Г. Г. Шпетом, Л. И. Шестовым и другими учениками и коллегами своего учителя. В университете же Павел Сергеевич сблизился и с учившимся одновременно с ним А. Ф. Лосевым.

Революция 1917 года нарушила планы Попова. В 1919 г. он – профессор философии, но не Московского, а Нижегородского университета, куда ездит читать курс логики и истории новейшей философии. В 1923 г. начинается его

² В основе этого рассказа лежит доклад «П. С. Попов – человек, ученый, преподаватель», сделанный 8 июня 2005 г. на заседании двух кафедр философского факультета МГУ (логики и истории философии в России) ученицей П. С. Попова по университету, историком философии Фаиной Георгиевной Никитиной, которая любезно позволила воспользоваться сведениями из ее доклада. Используются также данные из статьи М. О. Чудаковой, сопровождающей публикацию «Михаил Булгаков: глава из романа и письма» (Новый мир, 1987, № 2), а также из статьи В. В. Гудковой «О Михаиле Булгакове и Павле Попове», которая предваряет публикацию их переписки (см.: «Когда я вскоре буду умирать...»: Переписка М. А. Булгакова с П. С. Поповым (1928 – 1940). – М., 2003). Ссылки на другие источники приводятся в соответствующих местах.

работа в Государственной академии художественных наук (ГАХН). В мае он избирается ее действительным членом, активно участвует в деятельности литературной и философской секций, которыми руководит Г. Г. Шпет. В том же 1923 году он выступает на литературной секции с упомянутым уже докладом «“Я” и “Оно” в творчестве Достоевского»³. По линии философской секции Попов на протяжении нескольких лет участвует в разработке «Словаря художественных терминов», сохранившиеся материалы которого увидели свет только в 2005 г.⁴

С 1926 г. параллельно с работой в ГАХН Павел Сергеевич работает консультантом при библиотеке объединенной Центральной контрольной комиссии и Рабоче-крестьянской инспекции (ЦКК-РКИ), где занимается подбором литературы по различным вопросам и переводами иностранных статей и документов на иностранных языках.⁵

Еще до начала своей работы в ГАХН Павел Сергеевич участвует в дискуссиях молодых художников-реформаторов, друзей и коллег его сестры Любови Сергеевны, с которой он был очень близок.

Специально следует отметить, что всю свою жизнь Попов оставался верующим человеком. В двадцатые годы он вместе с А. Ф. Лосевым входил в религиозно-философский кружок имяславцев.

Вероятно, в 1925 г. (во всяком случае – не позже) Павел Сергеевич знакомится с Михаилом Афанасьевичем Булгаковым. Это знакомство постепенно перерастает в самую близкую дружбу. Попов одним из первых в полной мере осознал всю значительность булгаковского таланта. На дружбе этих двух людей не сказались ни аресты Попова (о которых будет сказано далее), ни преследования Булгакова. Она оставалась неизменной до самой смерти писателя, что хорошо видно по изданной их переписке⁶. И первым биографом Булгакова стал Попов. Он же хранил тексты запрещенных пьес Булгакова и один из экземпляров романа «Мастер и Маргарита».

Всегда сдержанный, не отличавшийся бойцовским характером, Павел Сергеевич при этом всю жизнь был одним из хранителей русской культуры, что порой требовало немалого мужества. Он не только оставался верен лучшим научным и педагогическим традициям, но был хранителем и в самом прямом смысле этого слова. Кроме текстов М. А. Булгакова, он бережно сохранил архив своего учителя Л. М. Лопатина, а также сберег и хранил картины своей ра-

³ Попов П. С. «Я» и «Оно» в творчестве Достоевского // Достоевский: Сборник статей. М., 1928. С. 217 – 275 (Труды Государственной академии художественных наук. Лит. секция. Вып. 3).

⁴ Словарь художественных терминов. Г. А. Х. Н. 1923 – 1929 гг. / Ред. и послесл. И. М. Чубарова. – М., 2005.

⁵ Файман Г. Первый биограф Михаила Булгакова и его «дело»: Павел Попов в О. Г. П. У. // Независимая газета. 1998. № 42 (1613). С. 8.

⁶ «Последнее письмо Михаила Афанасьевича Булгакова Павлу Сергеевичу Попову – это и самое последнее из известных сегодня его писем» (см.: «Когда я вскоре буду умирать...» ... С. 57). Письмо это (вернее – записка в три строки) датировано 24 января 1940 г., когда уже смертельно больному писателю оставалось жить полтора месяца.

но умершей сестры, пока они, наконец, не оказались востребованы. Есть указания, что он хранил и вовсе опасные по тем временам вещи, а именно – документы о гонениях советской власти на церковь. Во всем этом Павла Сергеевича поддерживала его жена Анна Ильинична (1888 – 1954), внучка Л. Н. Толстого, с которой он обвенчался в 1926 г. и которая стала надежной его опорой во всех перипетиях его судьбы. В отличие от мужа, она была необыкновенно энергичным (а при необходимости – и воинственным) человеком.

В том же 1926 г. Попов возглавил в ГАХН Кабинет по изучению современной художественной терминологии, где постепенно концентрируется работа философской секции академии. На заседаниях Кабинета он выступал с докладами «Аполлон Григорьев и Шеллинг», «Тютчев и Шеллинг», «Эстетические взгляды Л. Н. Толстого». Последний доклад был связан, в частности, с тем, что в самом конце двадцатых годов, вероятно, не без участия Анны Ильиничны, Павел Сергеевич был привлечен к изданию юбилейного полного собрания сочинений Л. Н. Толстого. Вместе с М. А. Цявловским, с которым Попов был знаком, по крайней мере, с середины двадцатых годов⁷, он участвовал в подготовке и комментировании неоконченных исторических романов Толстого: Цявловский готовил роман о декабристах, а Попов – роман из времен Петра I.

24 февраля 1930 г. Павел Сергеевич был арестован. Немедленно, еще до какого-либо решения следственных органов, в ГАХН оформляется его увольнение (с 1 марта).

Первоначально Попова обвинили в шпионаже (он и Анна Ильинична общались с сотрудником посольства Чехословакии, так как в Праге жила мать Анны Ильиничны, к которой она на некоторое время посылала своих двух сыновей от первого брака). В обвинительном заключении, датированном 31 марта 1930 г., говорилось, что «по роду своей деятельности Попов соприкасался с секретными материалами ЦКК-РКИ» и, «будучи знакомым с Гирса <сотрудником чехословацкого посольства. – И. С.>, мог информировать его о состоянии нашей промышленности»⁸.

Анна Ильинична, когда нужно, умевшая, по ее собственным словам, «повисеть на бороде деда», вероятно, все это время активно хлопотала. Возможно, к хлопотам был подключен В. Д. Бонч-Бруевич, с которым они были знакомы по работе над изданием собрания сочинений Л. Н. Толстого. Во всяком случае, 16 апреля Павла Сергеевича освободили под подписку о невыезде, а 28 апреля Особое совещание при Коллегии ОГПУ переквалифицировало его из шпиона в «социально-опасный элемент» без права проживания в крупных городах и пограничных округах. В мае ему было выдано предписание – покинуть Москву. Но хлопоты продолжались, и все закончилось тем, что 25 июня 1930 г. Попов

⁷ После смерти М. А. Цявловского Попов в конце ноября 1947 года писал В. Д. Бонч-Бруевичу: «Вы знаете, как я был тесно связан с М. А. Цявловским. Помню его горе, когда он потерял своего единственного любимого сына, и помню его, можно сказать, еще юношеские выходки, которые потом сошли на-нет» (см.: НИОР РГБ. Ф. 369 (В. Д. Бонч-Бруевича), к. 319, ед. хр. 41, л. 43). Сын Цявловского утонул в 1926 году.

⁸ Файман Г. Первый биограф Михаила Булгакова и его «дело»...

получил справку, которая «видом на жительство служить не может», но в которой говорится, что ему «согласно Постановления Ос. Сов. при Колл. ОГПУ от 9/VI-30 г. разрешено свободное проживание по СССР»⁹.

Однако его попытка вернуться в ГАХН не удалась¹⁰. Да и на свободе ему предстояло пробыть не слишком долго.

Буквально в те дни, когда Попова выпустили из-под стражи, началось дело о группе «Имяславие» (18 апреля 1930 г. был арестован А. Ф. Лосев), и имя Павла Сергеевича опять оказалось в поле зрения следователей. Во всяком случае, 7 марта 1931 г. его снова допрашивают в ОГПУ. Следствие продолжается до сентября. И на этот раз для Попова снова все заканчивается почти благополучно – его «только» высылают из Москвы на три года. К счастью, других ограничений на место жительства определено не было, и Павел Сергеевич выбирает для проживания Ленинград. Этот поворот судьбы неожиданно приводит его в пушкинистику, но об этом подробно рассказывается ниже, во второй части статьи. Благодаря хлопотам все той же Анны Ильиничны, осенью 1932 г. Попов возвращается в Москву.

Активно сотрудничая в тридцатые годы в пушкиноведческих изданиях, он в то же время продолжает свою работу в редакции по изданию собрания сочинений Л. Н. Толстого, пишет внутренние рецензии на материалы, поступающие в редакцию сборника «Звенья», переводит античных философов и Ф. В. Шеллинга, готовит очередные тома «Летописей Государственного литературного музея», посвященные переписке А. В. Дружинина и неизданным материалам А. П. Чехова. Полностью подготовленный том чеховских материалов Павел Сергеевич сдает в редакцию буквально накануне начала Великой Отечественной войны.

Война прерывает эти работы, а в 1943 г. Попов получает приглашение на философский факультет Московского университета, и с этого времени до конца жизни преподавание становится основной его деятельностью. С 1943 г. он исполняет обязанности заведующего, а в 1947 г. утверждается заведующим кафедрой логики. Правда, в этой должности он пробыл недолго, что не удивительно, если принять во внимание, что он был не только беспартийным, но при этом еще и верующим человеком, ходившим в церковь.

Фаина Георгиевна Никитина вспоминает о тех годах:

В 1943 году я, студентка II-го курса, участвовала в семинаре профессора Попова по Спинозе. Помню, как мы жадно ловили каждое его слово. Помню, как он умел заинтересовать студентов сложными философскими проблемами. Всегда подтянутый и собранный, П. С. Попов отличался врожденным тактом. Он никогда не повышал голоса. Его оценки были точно и научно обоснованы. Нас, студентов, поражала его философская осведомленность и широта кругозора. <...> Нельзя забывать, что время работы Попова на философском факультете МГУ было трудное и не только потому, что шла война. Под видом борьбы за чистоту научной теории в 40-50-ые годы там развертывались острейшие

⁹ Там же.

¹⁰ ГАХН в это время подверглась чистке и реорганизации, а в апреле 1931 г. была ликвидирована.

идеологические баталии <...> Идеологический отдел ЦК партии бдительно следил за преподаванием философии. <...> В этой атмосфере, когда наушничество процветало и каждый чувствовал себя неуверенно, Попов вел себя в высшей степени достойно. Он, не принимая участия в бурных обличительных собраниях, никого не разоблачал, как мог старался поддерживать беспартийных коллег, хотя и его собственное положение было весьма шатким. <...> Попова взяли под защиту его студенты, вернувшиеся с фронта, один из которых – Г. А. Орлов – занимал тогда ответственный пост в парткоме МГУ. Другим преподавателям не повезло. Помнится, с факультета был изгнан известный философ А. Лосев, затем талантливый преподаватель логики А. С. Ахманов. Вся эта вакханалия происходила на моих глазах. И мне странно, что в последнее время появились мнения о том, что Попова в это время «бес попутал», что именно он написал донос на профессора Лосева. Это никак не соответствует действительности.

В 1948 г. он был освобожден от заведывания кафедрой.

Освобожденный от административных обязанностей, Павел Сергеевич смог больше времени уделять науке и преподаванию. Он занимается проблемами логики; в 1957 г. выходит его брошюра «Суждение»¹¹, в 1960 г. – книга «История логики нового времени»¹². В 1950-х годах, кроме философского факультета МГУ, он читает также лекции в Московском областном педагогическом институте им. Н. К. Крупской, в «Ученых записках» которого также публикует свои статьи.

Его литературоведческие интересы в эти годы как бы отошли на второй план, но не исчезли совсем. После войны, наконец, увидели свет подготовленные им еще до ее начала тома, посвященные А. П. Чехову¹³ и А. В. Дружину¹⁴. В конце 1950-х годов Павел Сергеевич снова выступает с докладом и статьей, посвященными Достоевскому, отстаивая точку зрения, что

ни идеологию, ни писательский талант или своеобразие художника нельзя втиснуть в готовые, впрямь препарированные рамки: вот – революционный демократ, вот либерал, вот консерватор; при таком подходе такие авторы, как Достоевский, рассекаются на такие ничего не значащие половинки: вот петрашевец-революционер, а вот консерватор типа Каткова¹⁵.

До последних дней жизни Попов трудился. Уже тяжело больной, будучи не в силах ездить на лекции в университет, он приглашал аспирантов к себе домой, думал над новыми статьями. Скончался Павел Сергеевич 31 января 1964 г.

Каждая из сторон его деятельности достойна самостоятельного рассмотрения. Далее предлагается краткий обзор работ Павла Сергеевича Попова в об-

¹¹ Попов П. С. Суждение. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1957.

¹² Попов П. С. История логики нового времени. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1960.

¹³ Материалы этого тома подверглись переработке и вышли уже не в серии «Летописей Государственного литературного музея»: А. П. Чехов. Сборник документов и материалов / Подгот. к печати П. С. Попов и И. В. Федоров. Под общ. ред. А. Б. Дермана. – М., 1947 (Литературный архив, т. 1).

¹⁴ Письма к А. В. Дружину (1850 – 1863) / Ред., вступ. статья и коммент. П. Попова. – М., 1948 (Летописи Государственного Литературного музея. Кн. 9).

¹⁵ Попов П. С. Атеистические идеи в творчестве Достоевского // Материализм и религия. – М., 1958. С. 248 – 249.

Когда именно П. С. Попов стал пушкинистом, известно с точностью до дня. 24 октября 1931 года Попов в письме Михаилу Афанасьевичу Булгакову из Ленинграда (точнее – из поселка Тярлево под Ленинградом) писал:

Со вчерашнего дня перешел на Пушкина. В бывшем Пушкинском доме имеется 22 тетради Пушкина, доселе не опубликованные. Правда, все это подготавливаемые выписки и материалы к оставшейся ненаписанной истории Петра, но охватывает трепет, когда приступаешь к редактированию такого opus'a¹⁶.

Привлек Павла Сергеевича к этой работе М. А. Цявловский.

Два события способствовали тому, что Попов начал работать над пушкинскими рукописями именно в это время. В январе 1931 года неожиданно умирает П. Е. Щеголев, через которого пушкинские материалы по истории Петра I попали в Пушкинский Дом и который должен был готовить их для задуманного уже пушкинистами нового академического полного собрания сочинений Пушкина. Второе событие могло закончиться трагически для самого Павла Сергеевича. Как уже было сказано, весной 1931 года его вторично арестовывают. Арест завершается высылкой из Москвы, и осенью того же года Попов вместе с Анной Ильиничной отправляется в Ленинград. Можно полагать, что, узнав об этом, Цявловский, после смерти Щеголева вошедший в состав Главного редакционного комитета академического издания Пушкина, и поручает Попову взять на себя, будучи в Ленинграде, работу с пушкинскими материалами по истории Петра I.

К. П. Богаевская вспоминала:

Вероятно, М. А. ценил П. С. как работника, так как поручил ему готовить для академического издания Пушкина «Историю Петра», даже против желания <Ю. Г.> Оксмана¹⁷.

Свою роль в этом решении Цявловского, надо полагать, сыграло и то, что для собрания сочинений Толстого Павел Сергеевич, как упоминалось выше, готовил к изданию и комментировал начатый писателем, но не заверченный роман, получивший условное название «Роман времен Петра I»¹⁸. Благодаря этому Попов уже ориентировался в историографии петровского времени, что несомненно должно было способствовать и его работе над текстами пушкинской «Истории Петра».

В Главной редакции полного собрания произведений Л. Н. Толстого отъезд Попова в Ленинград официально оформляется как командировка. В выданном ему удостоверении говорится:

Редактор П. С. Попов направляется в Ленинград для работ в Ленинград-

¹⁶ «Когда я вскоре буду умирать...» ... С. 72.

¹⁷ Богаевская К. П. Из воспоминаний // Новое литературное обозрение. 1996. № 21. С. 124.

¹⁸ См.: Попов П. С. Романы из эпохи конца XVII – начала XIX вв. // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений, т. XVII. – М., 1936. С. 624 – 701.

ских архивах и книгохранилищах по изданию Полного Собрания Сочинений Л. Н. Толстого на два месяца с оплатой за работу по 125 <рублей> ежемесячно¹⁹.

Таким образом, на первые два месяца проживания в Ленинграде он обеспечен зарплатой, а дальше, вероятно, должен найти себе работу на месте. Одной из таких работ (скорее всего, по договору с Институтом русской литературы, как тогда стал называться Пушкинский Дом) и оказывается подготовка к изданию пушкинской «Истории Петра»²⁰.

К весне 1932 г. работа по прочтению пушкинской рукописи в основном закончена, но академическое собрание сочинений Пушкина, для которого она предназначалась, еще не вышло из области предположений и планов, и подготовленные материалы остаются без движения. Уже с конца 1931 г. Попов пытается найти какие-нибудь возможности их издания. В частности, 21 ноября он пишет об этих материалах в недавно созданную редакцию «Литературного наследства», но ответа не получает²¹.

К нему обращается В. Д. Бонч-Бруевич²² с предложением дать что-нибудь в сборник «Звенья», первая книжка которого только что вышла, и Павел Сергеевич отвечает ему:

Я с удовольствием стал бы сотрудничать в редактируемом Вами журнале, но до сих пор номера «Звеньев» не видел и не вполне знаю его характер, почему и предлагаю Вам на выбор следующее.

1. Неопубликованные материалы по истории Петра I Пушкина. Рукописей Пушкина около 10 печ. листов; найдены они только во время революции, из них напечатано до сих пор листа 1½. Для академического издания Пушкина их должен был редактировать Щеголев, после его смерти предложено мне. ГИХЛ в настоящее время от академического издания отказался. Я хотел издать книгой, здешнее издательство писателей заинтересовалось, но нет бумаги. Моя подробная докладная записка об этом Пушкинском материале находится у Цявловского, который меня и побудил к этой работе. Если заинтересует Вас, затребуйте у него мой план издания. Можно опубликовать частично (выборку). – Материал здешний, Ленинградский²³.

Но в «Звеньях» этот материал тоже не появится.

В 1932 г. Попову разрешено вернуться в Москву, и осенью он приезжает обратно в столицу. К этому времени в редакции «Литературного наследства» начали подготовку известного ныне специального пушкинского тома. Тут-то

¹⁹ НИОР РГБ. Ф. 547 (П. С. Попова), к. 5, ед. хр. 75, л. 1.

²⁰ «Предоставлением рукописей я обязан директору ИРЛИ академику А. С. Орлову и б.<ывшему> заместителю директора В. В. Бушу», – отмечал позже П. С. Попов (см.: Попов П. С. Пушкин в работе над историей Петра I // Литературное наследство. № 16 – 18. – М., 1934. С. 511).

²¹ НИОР РГБ. Ф. 547, к. 5, ед. хр. 57, л. 1.

²² Как уже упоминалось, Попов был знаком с В. Д. Бонч-Бруевичем по работе над собранием сочинений Л. Н. Толстого, одним из редакторов которого был Бонч-Бруевич. Кроме того, последний в это время начинает издавать сборник «Звенья», а также занимается организацией Литературного музея в Москве, директором которого он же и станет.

²³ НИОР РГБ. Ф. 369, к. 319, ед. хр. 41, л. 3 об – 4.

они вспомнили о прошлогоднем предложении Павла Сергеевича.

15 сентября 1932 г. один из составителей этого тома литературовед И. В. Сергиевский²⁴ пишет ему:

Уважаемый Павел Сергеевич!

Занимаясь в настоящее время подготовкой очередного сборника нашего издания, посвященного в основной своей части Пушкину, я ознакомился с вашим письмом от 27/XI-31 г. с предложением об издании пушкинских материалов по Петру, а также с вашей докладной запиской по этому вопросу, полученной мною от М. А. Цявловского.

Само собой разумеется, что использовать весь имеющийся в вашем распоряжении материал мы не сможем, так как он занял бы весь сборник. Однако он представляется мне настолько ценным и значительным, что даже частичная публикация была бы вполне законна и своевременна. Вопрос в том, как можно построить такую частичную публикацию, и по этому-то вопросу мне и хотелось бы услышать ваше мнение. Не предвешая ваших соображений, хотел бы указать только одно: совершенно ясно, что это должно быть не голое собрание текстов, а нечто цельное и законченное, своего рода исследование на тему: «Пушкин в работе над историей Петра». Документально текстовый материал должен здесь безусловно доминировать, но подан он должен быть не как самоцель, а так чтобы в подборе его проступали основные линии деформации голиковского материала у Пушкина²⁵.

Вероятно, подход к публикации, предлагаемый Сергиевским, практически совпадал с подходом самого Павла Сергеевича. В результате, для пушкинского выпуска «Литературного наследства» (№ 16 – 18; будет сдан в набор 15 января 1934 г.) он готовит большую статью «Пушкин в работе над историей Петра I». Эта статья была первым серьезным исследованием всего корпуса пушкинских материалов по «Истории Петра». П. С. Попов проанализировал характер пушкинской работы над трудом И. И. Голикова «Деяния Петра Великого» и показал, что пушкинский текст не является простым конспектом голиковских томов, а отражает во многих случаях пушкинские размышления над описываемыми событиями и пушкинское отношение к ним.

С присущей ему педантичностью Павел Сергеевич расклассифицировал различные случаи отступления Пушкина от голиковского текста:

Сопоставление содержания имеющихся 22 тетрадей с повествованием Голикова приводит к выводу, что Пушкин от себя внес изменения, которые можно объединить в четыре группы. Пушкин: 1) не следовал слогу подлинника и перелагал все своим языком, 2) подчас самостоятельно формулировал ссылки на исторические источники и определял их значимость, 3) делал

²⁴ Иван Васильевич Сергиевский (1905 – 1954), пушкинист. «Его первое выступление, статья «Пушкин в изучении марксистов» (журнал «Печать и революция»), относится к 1925 г. С тех пор изучение творчества Пушкина стало основным предметом его научных занятий. Пушкину, а также проблемам советского пушкиноведения И. В. Сергиевский посвятил около тридцати статей. <...> С первых же лет существования «Литературного наследства» И. В. Сергиевский являлся одним из руководящих работников издания. Значительная часть из 62 вышедших томов «Литературного наследства» создана при его непосредственном и активном участии» (см.: Литературное наследство. 1955. Т. 62. С. 862 – 863).

²⁵ НИОР РГБ. Ф. 547, к. 5, ед. хр. 57, л. 1.

собственные сопоставления, пояснения, вставки и обобщения, 4) проводил собственную тенденцию в подборе и в толковании излагаемых исторических фактов²⁶.

Каждую из выделенных групп Попов подробно проанализировал и проиллюстрировал, а в конце статьи впервые полностью опубликовал XXI тетрадь пушкинских записей, давая ее текст параллельно с соответствующим текстом голиковского труда. Эта статья во многом определила дальнейшее отношение пушкинистов к пушкинским материалам по истории Петра I. Однако в рецензии на статью Павла Сергеевича все-таки было отмечено, что в целом проблема «Пушкин-историк» оказалась не раскрытой:

Для автора рецензируемой статьи проблемы Пушкина-историка как будто вовсе не существовало, или же что она представлялась ему слишком простой. Между тем – это глубокая и сложная проблема²⁷.

Заметим, что именно эта проблема в дальнейшем окажется в центре почти всех пушкиноведческих работ П. С. Попова.

Вероятно, желая прояснить историю пушкинских рукописей, над которыми он работал, Павел Сергеевич связывается с внуком поэта – Григорием Александровичем Пушкиным, который в это время живет в Лопасне и от которого П. Е. Щеголев в свое время получил эти материалы. В письме к Попову от 23 октября 1932 г. Г. А. Пушкин и рассказывает ставшую ныне хрестоматийной историю о забытом всеми при переездах ящике с материалами по истории Петра I, который долгие годы оставался безнадзорным в кладовке лопасненской усадьбы, и лишь в 1917 году

при обмене помещениями и связанном с ним разборе вещей Наталья Ивановна Гончарова (племянница Натальи Николаевны Пушкиной) обратила внимание на исписанные листы, которыми была устлана клетка с канарейкой, висевшая в усадьбе. Г. А. Пушкин, убедившись что бумага исписана рукой деда, стал искать, откуда растаскивались эти листы; тогда только и был обнаружен в кладовой затерявшийся и уже раскрытый ящик с бумагами, объединенными мышами, – очевидно было, что часть их уже уничтожена. Основным ядром этих бумаг оказались выписки А. С. Пушкина для истории Петра I²⁸.

Попов сумел расположить к себе Г. А. Пушкина. Снова оказавшись в тяжелом материальном положении и решив продать остававшуюся у него часть хозяйственного архива Пушкиных, внук поэта обращается с этим именно к Павлу Сергеевичу, и тот сразу же соглашается быть посредником между ним и Государственным Литературным музеем. 1 февраля 1933 г. Григорий Александрович привозит документы в Москву из Лопасни и передает Попову, а на следующий день Павел Сергеевич разбирает их вместе с М. А. Цявловским, под

²⁶ Попов П. С. Пушкин в работе над историей Петра I... С. 477

²⁷ Шебунин А. Н. [Рецензия:] П. Попов. Пушкин в работе над историей Петра I («Литературное наследство», № 16 – 18, стр. 466 – 512) // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. – М.; Л., 1936. Вып. 2. С. 441.

²⁸ Из архива Пушкина. Публ. и коммент. П. Попова // Пушкин: Летописи Государственного Литературного музея. Кн. 1. – М., 1936. С. 84.

диктовку которого Т. Г. Цявловская тогда же записывает в их дневнике:

1-го февраля Гр. Ал. приехал и привез еле завернутые в дырявую бумагу, кучей сложенные бумаги. Там оказалось несколько автографов Пушкина (записи денежные:

за Бат.<юшку ?> заплачено столько-то
за брата - - - -
долгов брата - - - - и т. д.),

прикидка собр.<ания> соч.<инений> с расчетом по листам и просто денежные подсчеты на оборотах писем управляющего, пачка писем Калашникова (управл. Болдиным), 1 п.<исьмо> его дочери Ольги – «крепостной любви Пушкина», письма Пеньковского, очень много документов по истории рода Пушкиных, Приклонских, Ганнибалов, отпускное (т. е. по ее делам) свидетельство Пр.<асковьи> Ал.<ександровны> Осиповой двум крестьянам в Петербург 29 ноября 1825 г. (рукой Пушкина, стилиз.<ованной> под писаря XVIII в.). Почему оно *осталось у Пушкина*? Я думаю, что неспроста. Тут какое-то несостоявшееся поручение к Пушкину или что-ниб.<удь> подобное.

Еще в архиве подворные переписи пушк.<инских> крестьян в Болдине, жалобы крестьян на управл.<яющего>.

И еще: два документа исключительного интереса. Приказы Пугачева, как Петра III. Словом, потрясающе!²⁹.

Расклассифицировав документы на несколько разделов, Попов составляет их опись, которую приложит к следующему заявлению в фондовую комиссию только еще создававшегося Государственного Литературного музея (заявление датировано 7 февраля 1933 г.):

1 февраля сего года мне передан внуком А. С. Пушкина Григорием Александровичем Пушкиным хозяйственный и семейный архив А. Пушкина, опись которого при сем прилагается. Согласно договоренности с Г. А. Пушкиным, уполномоченный последним на переговоры касательно данного архива, представляю этот архив на рассмотрение Фондовой Комиссии с целью определения его стоимости для покупки в Литературный Музей.

Что касается права первого опубликования, то согласно договоренности Г. А. Пушкина со мною от того же 1 февраля преимущественное право первой публикации предоставляется мне, Попову, согласно же моей договоренности с М. А. Цявловским от 2 февраля, главным редактором по публикации данного материала является Цявловский. Поэтому приобретение данного архива сопровождается обязательством для соответствующего государственного хранилища не представлять документов архива для использования других лиц <sic!> до времени первой публикации, осуществляемой Цявловским и Поповым³⁰.

В тот же день, 7 февраля,

в заседании Фондовой комиссии по организации Центрального Литературного Музея было постановлено приобрести этот архив для музея. Тогда же выдвинуто В. Д. Бонч-Бруевичем предложение опубликовать полностью содержимое архива в первом выпуске органа Литературного Музея «Летописи»³¹.

²⁹ Цявловский М. А., Цявловская Т. Г. Вокруг Пушкина. – М., 2000. С. 113.

³⁰ НИОР РГБ. Ф. 369, к. 319, ед. хр. 45, л. 1.

³¹ Из архива Пушкина... С. 85.

Архив был куплен³². В те же дни В. Д. Бонч-Бруевич решает включить описание приобретенного архива в третью книжку «Звеньев», уже находившуюся в типографии (она была сдана в набор еще 5 ноября 1932 г.). Попов срочно берется за описание архива и через три недели, 27 февраля 1933 г., пишет В. Д. Бонч-Бруевичу:

Препровождаю статью «Новый архив Пушкина». <...> В статье – печатный лист³³.

Ради скорейшей публикации этого, достаточно сенсационного, материала Бонч-Бруевич пошел на задержку третьей книжки «Звеньев» и объединение ее с уже готовившейся четвертой.

Тем временем, с 8 по 11 мая 1933 г. в Ленинграде проходит представительная конференция пушкинистов, на которой окончательно решается вопрос об издании академического полного собрания сочинений Пушкина к столетию со дня смерти поэта.

Большое внимание конференция уделила Пушкинской энциклопедии, признав необходимым скорейшее ее издание³⁴.

Попов включен в комиссию по подготовке и изданию этой энциклопедии, именованной также «Пушкинским энциклопедическим словарем» (а впоследствии преобразованной в «Справочник к сочинениям Пушкина»). В ноябре-декабре 1933 г. комиссией выработан набор разделов словаря, а также подготовлены проспекты, характеризующие содержание статей каждого раздела. Очевидно, как философ и логик, Павел Сергеевич участвовал в разработке проспекта для раздела «Пушкинская тематика и терминология», а проспект для раздела «Музыка» подготовлен его братом, музыковедом Сергеем Сергеевичем Поповым (позднее репрессированным)³⁵.

В июле 1934 г. выходит в свет двоянная книжка «Звеньев» (№ 3 – 4), в которой статья Попова «Новый архив Пушкина» открывает раздел «Пушкин и о Пушкине». Эта статья оказалась первой пушкиноведческой публикацией Павла Сергеевича.

Между тем, параллельно продолжается его работа над рукописями незавершенного романа Л. Н. Толстого из времен Петра I. 12 декабря 1834 г. том

³² Цявловский М. А., Цявловская Т. Г. Вокруг Пушкина ... С. 113; НИОР РГБ. Ф. 369, к. 319, ед. хр. 45, л. 3 об.

³³ НИОР РГБ. Ф. 369, к. 319, ед. хр. 41, л. 8.

³⁴ Мануйлов В., Модзалевский Л. Хроника пушкиноведения за 1933 год // Пушкин: 1834 год. – Л., 1934. С. 154.

³⁵ Материалы работы этой комиссии частично опубликованы (см.: Из истории справочных пушкинских изданий / Публ. И. С. Чистовой // Пушкин: Исследования и материалы. Т. XIV. – Л., 1991. С. 278 – 292). Дубликаты части из опубликованных документов сохранились также в фонде П. С. Попова (НИОР РГБ. Ф. 547, к. 1, ед. хр. 27, 28, 32 – 38), что позволяет установить авторство С. С. Попова для проспекта раздела «Музыка» (см.: е. хр. 27, л. 2), тогда как в указанной публикации оно ошибочно приписано П. С. Попову (см.: Из истории справочных пушкинских изданий... С. 281). Кроме того, проспект раздела «Пушкинская тематика и терминология» датируется 1 декабря 1933 г. (см.: НИОР РГБ. Ф. 547, к. 1, ед. хр. 28, л. 3), тогда как в публикации он не датирован.

полного собрания сочинений Толстого, включающий, в частности, варианты этого романа и комментарии Попова к ним, сдается в набор.

Наконец, в марте 1935 г. выходит в свет пушкинский том «Литературного наследства» с его статьей «Пушкин в работе над историей Петра I», в которой он, между прочим, сопоставляет работу Пушкина и Толстого над историческими источниками.

В июне того же года этому тому «Литературного наследства» посвящается целая страница «Литературной газеты». Есть здесь и обзор содержания тома, в котором статья Попова не упомянута, но обусловлено это тем, что писал обзор сам Павел Сергеевич³⁶. Он был не только педантичен в своих исследованиях, но и очень строг в вопросах научной этики и такта («рекламировать» собственную работу он просто не мог). Эта строгость проявлялась и в отношении к другим исследователям, независимо от уровня их заслуг. Так, характеризуя в этом обзоре работу Б. В. Томашевского «Издания стихотворных текстов», Попов писал, что она

приковывает к себе внимание обстоятельностью и полнотой, если откинуть в работах Томашевского запальчивый полемический тон и смакование ошибок, не всегда бесспорных, других его собратьев по перу в области пушкиноведения.

А пушкинская «История Петра» по-прежнему дожидается своей публикации. Тем временем Павел Сергеевич готовит для первого тома «Летописей Государственного Литературного музея» сам архив, полученный от Г. А. Пушкина. Эта работа потребовала значительных усилий при подготовке как комментария, так и самих текстов. Попов старается максимально сохранить орфографию и синтаксис как писарских документов XVIII века, так и, например, безграмотных писем болдинского управляющего Калашникова к Пушкину (впоследствии, в академическом издании Пушкина, они будут напечатаны – не Поповым – в значительно более «сглаженном» виде). 6 июля 1935 г. первый том «Летописей» сдан в набор, но еще возникнет множество трений с издательством.

Едва сдав эту работу, Павел Сергеевич тут же начинает подготовку к изданию поступившего в фонды литературного музея «Архива опеки Пушкина», который должен составить отдельный том «Летописей Государственного Литературного музея». Уже 25 мая 1935 года музей заключает с Поповым договор на новую работу³⁷.

В 1936 году резко активизируется подготовка к столетию со дня смерти Пушкина. И периодические издания, и издательства требуют публикаций на пушкинскую тему. Павел Сергеевич участвует в подготовке пушкинского календаря-альманаха³⁸, а также в июне 1936 года заканчивает две статьи для подготавливаемого в Горьком сборника «Пушкин в Болдине» (выйдет в самом начале 1937 г.). Это – основанные на находящихся в распоряжении Попова ар-

³⁶ Попов П. С. Новое о Пушкине // Литературная газета, 1935. 5 июня. № 31(522). С. 2.

³⁷ НИОР РГБ. Ф. 547, к. 9, ед. хр. 18.

³⁸ Пушкинский календарь. 1837 – 1937. – Л., 1937. 157 с. (сдан в набор 1 ноября 1936 г.).

живных материалах статьи «История Болдина»³⁹ и «Пушкин под надзором в Нижегородской губернии»⁴⁰. В последней статье впервые в полном составе публикуется отложившийся в свое время в делах канцелярии нижегородского военного губернатора комплекс документов, связанных с организацией тайного надзора за поэтом во время его поездки в Оренбург и Болдино в 1833 г.

20 сентября 1936 г. в «Литературной газете» печатается заметка Павла Сергеевича «Существовал ли неизвестный дневник Пушкина?»⁴¹ Это – отклик на появившуюся в предыдущем номере газеты публикацию Н. К. Козмина «Зарубежные автографы Пушкина», в которой излагалась гипотеза о существовании (скорее всего – за границей) неопубликованного дневника Пушкина, который в 1923 году пытался получить М. Л. Гофман у внучки поэта – Е. А. Розенмейер. Попытка завершилась безрезультатно, но призрак возможного существования этого дневника до сих пор время от времени возникает в пушкиноведческой литературе.

Попов в своей заметке опровергает возможность существования этого дневника, опираясь, в частности, на информацию, полученную от внуков Пушкина, живущих в это время в Москве:

В настоящее время все дети Александра Александровича Пушкина, владевшего рукописями поэта, единогласно свидетельствуют, что никакой другой дневник, помимо переданного во Всесоюзную публичную библиотеку им. Ленина, им неизвестен.

Параллельно с подготовкой этих публикаций продолжается работа над «Архивом опеки Пушкина», и В. Д. Бонч-Бруевич очень доволен тем, как она идет. 2 июля 1936 г. он пишет Павлу Сергеевичу:

Очень благодарю Вас за Вашу замечательную работу, которую Вы делаете, и, будучи совершенно согласен, что совершенно невозможно проделывать такое мучительство, которое проделывали над Вами с первым томом Летописи, я принимаю все и всяческие меры, чтобы ни в коем случае этого не повторилось бы с «Опекой Пушкина». Да это теперь и не может повториться, так как дело значительно ушло вперед, все налаживается и как будто бы мы выходим на широкую воду. Да ведь и самый том будет ведь значительно легче той кабастики, которую Вам приходилось разбирать в документах, публикуемых Вами в «Летописи». Зато том получился великолепный, я с наслаждением перечитывал его весь, лист за листом⁴².

Первый, пушкинский, том «Летописей Государственного Литературного музея» выходит в свет в октябре 1936 г.

Наконец, решилась судьба и пушкинской «Истории Петра». 27 декабря 1936 г. Издательство Академии наук СССР заключает договор с П. С. Поповым на подготовку «16-го <впоследствии ставшего 10-м. – И. С.> тома академ. <ического> собрания соч.<инений> А. С. Пушкина (16 листов текста – и 2 ли-

³⁹ Пушкин в Болдине. – Горький, 1937. С. 54 – 100.

⁴⁰ Там же. С. 107 – 114.

⁴¹ Литературная газета, 1936, 20 сент. № 53 (616). С. 6.

⁴² НИОР РГБ. Ф. 547, к. 5, ед. хр. 42, л. 1.

ста комментариев, указателей и пр.»⁴³.

Предваряя не скорый еще выход этого тома, Павел Сергеевич продолжает в 1937 г. начатую в «Литературном наследстве» публикацию в периодической печати отдельных тетрадей пушкинских записей по истории Петра: 9 февраля – в газете «Известия» (записи о 1695 – 1696 гг.)⁴⁴, 5 июня – в «Литературной газете» (1697 г.)⁴⁵.

Помимо этого, в той же «Литературной газете» в январе Попов печатает заметку «Мнимое открытие. Болдинский дом Пушкина»⁴⁶ – о том, что дом, в котором жил в Болдине Пушкин, не сохранился, вопреки некоторым утверждениям; а в февральском номере «Литературного обозрения» – статью «Дневник Пушкина»⁴⁷, в которой рассматривает дневник поэта в аспекте темы, которая более всего интересует Павла Сергеевича, – «Пушкин-историк».

Интерес к этой теме, возникший у него в процессе работы над пушкинскими материалами к истории Петра I, не ограничился только ими. Попов внимательно анализировал работу Пушкина над историей Пугачевского бунта, выявляя общие подходы и приемы Пушкина в его исторических исследованиях. С этой же точки зрения он смотрит и на дневник поэта. Обобщая свои размышления над этой темой, Павел Сергеевич в юбилейном пушкинском выпуске «Вестника Академии наук СССР» публикует статью, которая так и называется – «Пушкин как историк»⁴⁸. А в июле 1937 г. именно ему передают на рецензирование IX том академического собрания сочинений Пушкина, содержащий «Историю Пугачева»⁴⁹.

Попутно со всем этим продолжается кропотливая работа над материалами архива опеки Пушкина: отбор документов для публикации, их классифицирование по намеченным разделам и подробное комментирование, к которому Павел Сергеевич никогда не подходил формально. Как писал он однажды В. Д. Бонч-Бруевичу:

Я при работе словно чувствую себя в атмосфере того, если хотите, наивного энтузиазма, который характерен, например, для Цявловского. Вот тот умеет из возможности узнать точно имя и отчество какого-нибудь забытого корреспондента создавать себе радость. Уточняя годы жизни, он чувствует пафос точности научной работы⁵⁰.

2 февраля 1938 г., после новой сверки с рукописями, наконец, сдан в набор X том академического собрания сочинений Пушкина. Таким образом, завершается почти семилетний труд П. С. Попова над пушкинской «Историей Петра».

Через шестьдесят лет, в 2000 г., В. С. Листов, заново прочитавший, тща-

⁴³ НИОР РГБ. Ф. 369, к. 451, ед. хр. 27, л. 2.

⁴⁴ Известия ЦИК и ВЦИК, 1937. 9 фев. № 35(6197). С. 3.

⁴⁵ Литературная газета, 1937. 5 июня. № 30(666). С. 3.

⁴⁶ Там же, 1937. 15 янв. № 3(639). С. 3.

⁴⁷ Литературное обозрение. 1937. № 2. С. 62 – 65.

⁴⁸ Вестник Академии наук СССР. 1937. № 2 – 3. С. 128 – 149.

⁴⁹ НИОР РГБ. Ф. 369, к. 451, ед. хр. 27, л. 3.

⁵⁰ НИОР РГБ. Ф. 369, к. 319, ед. хр. 41, л. 31; письмо от 21 июня 1941 г.

тельно проанализировавший и подготовивший к публикации материалы Пушкина по истории Петра I, так оценит работу Павла Сергеевича:

П. С. Попов впервые полностью опубликовал сохранившийся корпус текста «Истории Петра» <...> и дал к нему текстологический комментарий <...>. Заслужено П. С. Попова следует считать полное прочтение обширного черновика, представляющего большие трудности. В чтении Попова встречаются неточности и даже смысловые ошибки, однако все последующие публикации в той или иной степени основаны были на традиции Большого Академического собрания сочинений, т. е. на трудах Попова⁵¹.

В течение 1938 г., пока X том набирается, Попов публикует еще две порции пушкинских записей по истории Петра: в мартовском номере журнала «Октябрь» (записи о 1698 – 1702 гг.)⁵² и в июльском номере журнала «Литературный критик» (1718 г.)⁵³.

А в ноябре 1938 г. Павел Сергеевич выступает на одном из двух заседаний Пушкинской секции Института мировой литературы им. А. М. Горького, посвященных «новинкам академического издания сочинений Пушкина»⁵⁴. Выступает он с «Докладом об “Истории Петра” Пушкина», машинописный оригинал которого сохранился в его архиве⁵⁵. В нем содержатся как очень интересные сведения о конкретных подготовительных пушкинских материалах, так и не менее интересные соображения о методе работы Пушкина как историка. Характеристика же текста «голиковских» тетрадей Пушкина (иллюстрируемая примерами) в существенной части предвосхищает некоторые позднейшие выводы И. Л. Фейнберга. К сожалению, доклад, прочитанный в достаточно узкой аудитории, напечатан не был, и его содержание практически не вошло в научный оборот, хотя, на мой взгляд, во многом не потеряло своей актуальности и по сей день.

В наше время достаточно широкое распространение получило мнение, что в связи с постепенным изменением отношения Пушкина к Петру I выявилась невозможность для поэта создать историю, которая удовлетворила бы и его самого, и Николая I, и Пушкин искал возможности если не избавиться от этого задания, то хотя бы облегчить себе его выполнение. Это и явилось, в частности, причиной его обращения к труду Голикова.

Вот что пишет по этому поводу В. С. Листов:

Через несколько лет от начала историографических усилий Пушкин решает серьезно упростить себе задачу. Причины этого шага, кажется, нетрудно понять.

Во-первых, предыдущий исторический опыт – «История Пугачевского бунта» – встречен публикой более чем прохладно. Книгу не читают, не поку-

⁵¹ Пушкин А. С. История Петра / Составление, подготовка текста, предисловие и комментарии В. С. Листова. – М., 2000. С. 45 – 46.

⁵² Октябрь. 1938. № 3. С. 170 – 182.

⁵³ Литературный критик. 1938. № 7. С. 208 – 224.

⁵⁴ Богаевская К. Государственный музей А. С. Пушкина: (К годовщине его существования) // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. – М., Л., 1941. Вып. 6. С. 545.

⁵⁵ НИОР РГБ. Ф. 547, к. 1, ед. хр. 4.

пают. Для Пушкина это тяжелый удар <...> Следовало ли и дальше метать бисер в свинарнике?

Во-вторых, как уже было сказано, сам замысел «Истории Петра» всё более отчётливо растекался по двум руслам – подцензурному, служебному; и – вольному, собственному. Глубоких архивных изысканий требовал, главным образом, этот второй труд, не стеснённый казёнными культовыми условиями. Для той книги, которую уже несколько лет ждал от Пушкина император, многие архивные изыскания не были так уж необходимы.

В этих условиях обращение Пушкина к голиковским «Деяниям Петра Великого, мудрого преобразователя России...» было и логичным, и оправданным. Ибо старое сочинение несло в себе едва ли не весь корпус апологетически трактованных фактов, располагало основные события в строгой хронологической последовательности и давало известный простор для собственных размышлений⁵⁶.

И далее В. С. Листов высказывает предположение:

Попытка отставки в июне 1834 года до сих пор объяснялась главным образом денежными затруднениями, перлюстрацией личных писем и вообще климатом петербургского двора. Всё это верно. Но нельзя, думается, сбрасывать со счетов и желание Пушкина избавиться от официального задания⁵⁷.

А вот что говорил в своем докладе П. С. Попов:

Пушкин пошел по особому пути. Обычно в исторических трудах исследователи исходят из материала и начинают с изучения или даже с изыскания его. Так поступил и Пушкин при писании Истории Пугачева. С Петром дело обстояло иначе: до Пушкина Пугачев не имел своего историка; деятельность же Петра уже изучалась. Кроме того, Пушкину хотелось первоначально составить идею целого, поэтому к архивным материалам по эпохе Петра Пушкин решил обратиться не в начале, а в конце работы. Это решение во многом подкреплялось особым характером известных «Деяний Петра Великого», 30-томного труда Голикова, собравшего груды сведений и фактов в свою историю Петра. <...> Пушкин решил прежде всего использовать «Деяния Петра Великого». <...>

Мне уже приходилось указывать, в каких разрезах подготовительный текст Пушкина представляет исследовательский интерес. Прежде всего имеется ряд самостоятельных отступлений, характеристик и оценок Пушкина исторических лиц и событий. Можно прощупать критическое отношение к источнику, также идеологические тенденции поэта. Кроме того, в записях несомненно намечается та общая манера повествования, которую хотел принять Пушкин: насыщенный фактами, простого и стройного сказа. <...>

Пушкин отличал, как известно, «государственные учреждения Петра – плод ума обширного, исполненного доброжелательства и мудрости» и свои нравные, жестокие его указы, «писанные кнутом, вырвавшиеся у самовластного помещика». <...> Противоречивость оценок обострялась. Как продолжать работу, когда в основном взгляд двоился, а в глубине Пушкин сознавал всю значимость дела Петра. Подоспело и еще одно разочарование – во внешних средствах осуществления. <...>

Есть основания думать, что Пушкин усомнился, можно ли в основу будущей Истории Петра класть канву, извлеченную из «Деяний» Голикова. Во

⁵⁶ Пушкин А. С. История Петра ..., 2000. С. 25 – 26.

⁵⁷ Там же. С. 28.

всяком случае, раз ее составив, он к ней не возвращался и даже не перечитывал – об этом свидетельствуют многие неисправленные описки, повторно написанные и пропущенные слова. Рукописи Пушкина испещрены вопросами и пометами (когда? сколько? невероятно! Чего? и т. п.), указывающими на необходимость дальнейших расследований и изысканий – по архивным и т. п. материалам. До этого этапа работа не дошла. <...>

Можно ли однако заключить, что Пушкин не справился с задачей, которую он сам себе поставил, что он оказался беспомощным перед историческими материалами и только затягивал и откладывал свою работу. Ведь и в самом преобразователе он усматривал такую решительную двойственность, что нельзя говорить об определенном взгляде на личность и дело Петра, который мог бы лечь в основу всего труда Пушкина.

Мне думается, следует сделать обратный вывод: Пушкин слишком глубоко и изнутри хотел понять личность и дело Петра, не боясь взглянуть с самых противоположных точек зрения. Обнаружилась контроверза⁵⁸. Но весь вопрос в том, что ценнее для историка: подогнать противоречивую действительность под формулу, удачно подобрать эту формулу, или, не боясь углов и противоречий, отдаться загадочной стихии неуравновешенных сил. До конца жизни Пушкина Петр оставался для него мучительной загадкой. Однако разрыв и противоречие порою содержательнее готовой формулы.

Уже в конце своих черновых записей по поводу одного указа Петра 1718 года Пушкин выразительно пометил: «Сам он был странный монарх». Этот образ странного, загадочного, мощного «властелина судьбы», «горделивого истукана» получил гениальное воплощение в поэме «Медный всадник», но не простое дело уложить такой образ в прокрустово ложе систематического деесписания. «Мечты поэта, историк строгий гонит вас». Титан русского национального слова не мог с легким сердцем разделиться с титаном русского национального дела – в этом глубина, а не беспомощность замысла⁵⁹.

Эти размышления Попова, к сожалению, остались практически неизвестными.

Наконец, 10 декабря 1938 г. в Ленинграде подписывают к печати X том Полного собрания сочинений Пушкина, а 25 декабря того же года в Москве сдают в набор «Архив опеки Пушкина». Павел Сергеевич беспокоится о его судьбе.

Еще за два года до этого, 10 октября 1936 года, он писал В. Д. Бонч-Бруевичу:

У меня есть сомнения, и по поводу них я хочу с Вами посоветоваться. Дело в том, что первый том «Летописи»⁶⁰, который со всех сторон нельзя не приветствовать (говорю это не как один из редакторов, а по сопоставлению с другими литературными материалами, выходящими из печати) – вызывает

⁵⁸ Контроверза (от лат. *controversia*) – спорный случай, вопрос, разногласие, расхождение. ⁵⁹ НИОР РГБ. Ф. 547, к. 1, ед. хр. 4, л. 9 – 11, 16 – 20.

⁶⁰ Имеется в виду только что вышедшая (на момент написания письма) первая книга «Летописей Государственного Литературного музея», посвященная Пушкину и включавшая полную публикацию архива, приобретенного в 1933 г. у Г. А. Пушкина.

нарекания и предвидится разгромная статья в пушкинском «Временнике»⁶¹. <...> Так или иначе, но предполагают бушевать: что это крохоборство, не нужный и мелкий биографический материал, касающийся даже не самого Пушкина, а его окружения. От всего этого можно было бы отмахнуться, но это совпало с новыми, не вполне обоснованными веяниями в советском литературоведении. Многие авторитетные критики и литературоведы, попавшие под упрек вульгарной социологии, обжегшись на молоке, дуют на воду. Со всех сторон поднимаются разговоры, что нужно поменьше социологии, поменьше экономики, и вообще к чему биографический материал?

Это заставляет насторожиться. Нужно вперед предвидеть возможные упреки по отношению к тому Опеки⁶².

В январе 1939 г. два заседания Пушкинской секции Института мировой литературы им. А. М. Горького посвящаются докладу М. В. Нечкиной «Пушкин и декабристы» и его обсуждению⁶³. Павел Сергеевич выступает в прениях, полемизируя с докладчицей по поводу толкования некоторых мест пушкинской оды «Вольность», а именно – он аргументированно доказывает, что Пушкин в своей оде противопоставлял не конституционную монархию неограниченной монархии (как считала Нечкина и многие вслед за ней), а законную монархию – тирании⁶⁴.

В конце 1939 года закончено печатание «Архива опеки Пушкина». Беспокойство Попова по поводу прохождения этого тома «Летописей» сквозь возможные идеологические препоны оказывается не напрасным. В. Д. Бонч-Бруевич в письме к Павлу Сергеевичу в 1948 г., касаясь темы «политической заостренности», будет вспоминать:

Лишь один раз мне пришлось встретиться с этим вопросом в Главлите, – именно с Вашей работой по тому «Летописи» – Опека Пушкина. Главлит просил меня заострить целый ряд примечаний и объяснений, касающихся верно-подданических писем жены Пушкина, об отношении Бенкендорфа к Пушкину и т. д. И мне пришлось, кажется, в 13-ти местах написать примечания от Редакции, где дать нужные политические объяснения и тем самым убедить Главлит, чтобы оставить те документы, которые были введены в том⁶⁵.

Перед самым выходом тома приходится переделывать предисловие. По этому поводу Павел Сергеевич напишет М. А. Булгакову 12 декабря 1939 года:

Досажаю на себя, что я быстро сжигаю корабли. Вот какой был маленький эпизод. Завтра выходит сигнальный экземпляр «Архива опеки Пушкина» под моей редакцией. В предисловии я писал: «Надо отметить, что благодаря организации опеки с ее отчетностью и требованиями документальности мы

⁶¹ См.: Козмин Н. [Рецензия] Летописи Государственного Литературного музея. Книга первая. Пушкин. Москва, 1936. IV+609 стр. // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. – М.; Л., 1937. Вып. 3. С. 466 – 472. Рецензия содержала ряд критических замечаний, в том числе и по поводу публикации документов из архива Пушкина, но ни в коем случае не была разгромной. Завершалась она выводом, что «первый выпуск “Летописей” займет видное место в пушкинской юбилейной литературе».

⁶² НИОР РГБ. Ф. 369, к. 319, ед. хр. 41, л. 11.

⁶³ Богаевская К. Государственный музей А. С. Пушкина ... С. 545.

⁶⁴ НИОР РГБ. Ф. 547, к. 1, ед. хр. 11.

⁶⁵ Там же, к. 5, ед. хр. 42, л. 8 об.; письмо от 8 – 14 октября 1948 г.

находимся в исключительно благоприятных условиях для характеристики будничной жизни Пушкина последних лет. На документы по долгам поэта редакция смотрит как на весьма интересный материал по жизнеописанию поэта. В связи с юбилеем, как известно, широко развернулась работа советских писателей по созданию новых драматических произведений, связанных с жизнью Пушкина, романов, ему посвященных, и т. п. Правильные исторические краски, накладываемые авторами на их беллетристические писания, зависят в большой степени от доброкачественности тех сведений, на которые они опираются. В предлагаемых вниманию документах» и т. д.

Так вот. В последний момент цензура потребовала, чтобы в предисловие был включен отдельный абзац о Николае I. Я его сделал, но места оставалось недостаточно, а переверстывать весь том – невозможно. Как быть? Мне говорят: вычеркните лишнее из предисловия. Я отвечаю, что лишнего не пишу. Ну, мы без вас найдем. И вычеркивают вышеприведенные строки. Я возражаю. А мне в ответ: да какие такие драматические произведения о Пушкине вы нашли? Я было хотел назвать то, из чего я внутренне исходил – твою пьесу⁶⁶ (о романах Тынянова и Новикова⁶⁷ я как то и не очень думал), да махнул рукой и сказал: делайте, как хотите.

А вышло глупо: ведь если кому будет интересна книга, так постановщикам твоей пьесы, и хорошо бы, если бы это было предусмотрено предисловием. А я смалодушествовал⁶⁸.

Все-таки том «Архива опеки Пушкина» благополучно выходит, и даже в «Правде» в краткой информационной заметке будет отмечено, что он представляет «большой интерес»⁶⁹. Положительный отзыв появится и в «Литературном обозрении»⁷⁰.

В июне 1940 г. в издательство сдан, наконец, и «Справочник к сочинениям Пушкина»⁷¹, в подготовке которого Павел Сергеевич участвовал и для которого написал ряд статей, в том числе – о пушкинском «Путешествии в Арзрум», о Петре I, А. П. Ермолове, И. Ф. Паскевиче, И. И. Дибиче и др.⁷² В свет, однако, этот справочник так и не выйдет. Этому помешает Великая Отечественная война⁷³.

Как уже отмечалось в первой части статьи, после войны литературовед-

⁶⁶ Пьеса М. А. Булгакова «Александр Пушкин».

⁶⁷ Роман Ю. Н. Тынянова «Пушкин» (к тому времени вышли первые две его части) и роман И. А. Новикова «Пушкин в Михайловском».

⁶⁸ «Когда я вскоре буду умирать...»... С. 237 – 238.

⁶⁹ Правда. 1940. 11 янв. № 11(8057). С. 3.

⁷⁰ Литературное обозрение. 1940. № 9. С. 58.

⁷¹ Ашукин Н. Справочник к сочинениям Пушкина // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. – М.; Л., 1941. Вып. 6. С. 551. Заметим, что у Ашукина сказано: «рукопись в июне сдана издательству» (без указания года). Учитывая, что этот выпуск временника 7 марта 1941 г. уже был подписан к печати, кажется, не приходится сомневаться, что Ашукин говорит об июне 1940 г. В публикации же «Из истории справочных пушкинских изданий...» почему-то утверждается, что «рукопись “Справочника к сочинениям Пушкина” была сдана в издательство в июне 1941 г.» (с. 280).

⁷² НИОР РГБ. Ф. 547, к. 1, ед. хр. 16 – 20 и, по-видимому, ед. хр. 9, л. 1.

⁷³ «Война помешала книге выйти в свет, но рукопись сохранилась. Научная ценность ее чрезвычайно велика <...> Рукопись книги, к сожалению, остается пока малодоступной» (см.: Из истории справочных пушкинских изданий... С. 280 – 281).

ческие интересы Попова отходят как бы на второй план.

Правда, в 1946 г. он снова выступает как редактор «Истории Петра»⁷⁴, но ничего нового (по сравнению с академическим изданием), кроме исправления нескольких погрешностей, он в эту работу не вносит, а в 1950 г. допечатывается часть тиража X тома академического собрания сочинений Пушкина, в которой при участии П. С. Попова также исправляются замеченные к тому времени ошибки и опечатки.

Этим практически завершается пушкиноведческая деятельность Павла Сергеевича, если не считать его попытки вступить в дискуссию с И. Л. Фейнбергом, который, активно начав заниматься пушкинской «Историей Петра» в конце 1940-х – начале 1950-х гг., позволял себе весьма критически (и не всегда обоснованно) отзываться о работах предшественников.

Особенно Попова задела заметка Фейнберга, напечатанная в «Литературной газете» 5 июня 1954 г., в которой, в частности, говорилось:

«Историю Петра» опубликовали, указав, что эта обширная рукопись представляет собой всего только предварительные конспекты, сделанные Пушкиным при чтении «Деяний Петра Великого» – многотомного свода исторических источников, изданного в конце XVIII столетия И. Голиковым. Редакторы не увидели, таким образом, в найденной рукописи Пушкина ничего, кроме отражения начального этапа его исторических занятий. <...>

Незамеченными остались и проступающие в подготовительном тексте «Истории Петра» многочисленные страницы – заготовки исторической прозы, подготовленной уже Пушкиным для его будущей книги.

Таким образом, вместо того, чтобы изучить обширную рукопись «Истории Петра» и соответственно расширить наше представление о границах творчества Пушкина, редакторы этого труда встали невольно на другой путь: они подогнали оценку пушкинского труда под старое представление о нем, выработанное до того, как этот труд был найден и перед нами открылась возможность его изучения⁷⁵.

Павел Сергеевич решил ответить на эти выпады, но пока он подготовил ответную статью⁷⁶, в январе 1955 г. появилась новая статья И. Л. Фейнберга на ту же тему⁷⁷, а весной вышла и его книга «Незавершенные работы Пушкина»⁷⁸. Попов существенно дополнил свою ответную статью⁷⁹, в которой, во-первых, вполне аргументированно отводил обвинения Фейнберга в адрес редакторов академического издания Пушкина, а во-вторых, не менее аргументированно

⁷⁴ Пушкин А. С. История Петра. Подготовительные тексты // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в шести томах. 5-е изд. Т. 6. Кн. 2. – М., 1946.

⁷⁵ Фейнберг И. Л. Незученные страницы Пушкина // Литературная газета. 1954. № 67(3251). С. 3. Заметим, что еще более резкой в оценках была статья: Фейнберг И. Л. Незавершенная книга Пушкина («История Петра») // Вестник Академии наук СССР. 1949. № 5. С. 26 – 63.; но она, очевидно, прошла мимо внимания П. С. Попова.

⁷⁶ НИОР РГБ. Ф. 547, к. 1, ед. хр. 5, лл. 21 – 25, 27 – 28.

⁷⁷ Фейнберг И. Л. Новые данные о работе Пушкина над «Историей Петра» (Пушкин и «Дело царевича Алексея») // Вестник Академии наук СССР. 1955. № 1. С. 83 – 95.

⁷⁸ Фейнберг И. Л. Незавершенные работы Пушкина. – М., 1955.

⁷⁹ НИОР РГБ. Ф. 547, к. 1, ед. хр. 5, лл. 1 – 20.

критиковал многие из положений, выдвигавшихся Фейнбергом как бесспорные. Неизвестно, где и как пытался Павел Сергеевич напечатать свою статью, но увидела она свет только в конце 1958 г. в «Ученых записках» МОПИ им. Н. К. Крупской⁸⁰, издании малотиражном и малоизвестном, и явно осталась вне поля зрения пушкинистов, так как ни одной ссылки на нее встретить не удалось⁸¹. Похоже, что не дошла она и до И. Л. Фейнберга, так как ни в одном из последующих изданий его книги «Незавершенные работы Пушкина» никаких намеков на эту статью Попова нет, хотя критические замечания Павла Сергеевича сохраняют свою актуальность и сейчас.

Итак, активная пушкиноведческая деятельность Павла Сергеевича оказалась не очень долгой, но весьма плодотворной. К одним ее результатам исследователи творчества и биографии Пушкина обращаются и сегодня; другие – не опубликованные или незаслуженно забытые – еще ожидают своего часа.

Пушкиноведческие публикации П. С. Попова

1. **Попов П. С.** Новый архив А. С. Пушкина // Звенья. 1934. № 3 – 4. С. 132 – 146.
2. **Попов П. С.** Пушкин в работе над историей Петра I // Литературное наследство. 1934. № 16 – 18. С. 467 – 512.
3. **Попов П. С.** Новое о Пушкине [обзор «Литературного наследства», № 16 – 18] // Литературная газета. 1935. 5 июня. № 31 (552). С. 2.
4. **Попов П. С.** Существовал ли неизвестный дневник Пушкина? // Литературная газета. 1936. 20 сент. № 53 (616). С. 6.
5. **Из архива Пушкина.** / Подготовка текстов, предисловие и комментарии П. С. Попова // Пушкин. – М.: Журнально–газетное объединение, 1936. С. 81 – 292. (Летописи Государственного Литературного музея. Книга 1).
6. **Пушкинский календарь. 1837 – 1937** / При участии П. С. Попова. – Л.: Соцэкгиз, 1937. 159 с.
7. **Попов П. С.** Мнимое открытие. Болдинский дом Пушкина // Литературная газета. 1937. 15 янв. № 3 (639). С. 3.
8. **Попов П. С.** История Болдина // Пушкин в Болдине. – Горький: Горьковское обл. изд-во, 1937. С. 54 – 100.
9. **Попов П. С.** Пушкин под надзором в Нижегородской губернии // Пушкин в Болдине. – Горький: Горьковское обл. изд-во, 1937. С. 101 – 114.
10. **Попов П. С.** Дневник Пушкина // Литературное обозрение. 1937. № 2 С. 62 – 65.

⁸⁰ Попов П. С. О работе А. С. Пушкина над историей Петра (В порядке обсуждения) // Московский областной педагогический институт имени Н. К. Крупской. Ученые записки. Том LXVI. 1958. (Труды кафедры русской литературы, вып. 4). С. 333 – 344.

⁸¹ Возможно, это объясняется еще и тем, что она попала в своеобразную библиографическую лагуну: 1958 – 1960 годы не охвачены ни одной из опубликованных пушкиноведческих библиографий.

11. **Неопубликованные рукописи Пушкина по истории Петра I [1695 – 1696]** / Подготовка текста и вступительная заметка Попова П. С. // Известия ЦИК и ВЦИК. 1937. 9 фев. № 35 (6197). С. 3.
12. **Попов П. С.** Пушкин как историк // Вестник АН СССР. 1937. № 2 – 3. С. 128 – 149.
13. **Попов П. С.** Всесоюзная Пушкинская выставка [обзор] // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. Т. 3. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 517 – 524.
14. **Неопубликованный отрывок Пушкина из истории Петра I [1697]** / Подготовка текста и вступительная заметка Попова П. С. // Литературная газета. 1937. 5 июня. № 30 (666). С. 3.
15. **Неопубликованные записи Пушкина по истории Петра I (1698–1702)** / Подготовка текста Попова П. С. // Октябрь. 1938. № 3. С. 170 – 180.
16. **Попов П. С.** Работа Пушкина по истории Петра I // Октябрь. 1938. № 3. С. 181 – 182.
17. **Неопубликованные записи Пушкина по истории Петра I [1718]** / Подготовка текста и вступительная заметка Попова П. С. // Литературный критик. 1938. № 7. С. 208 – 224.
18. **Пушкин А. С.** История Петра. Подготовительные тексты / Подготовка текстов и комментарии П. С. Попова // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. Т. 10. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1938. С. 1 – 291, 371 – 407, 481 – 487, 490 – 491. (Вторая половина тиража тома была отпечатана в 1950 г., причем в текст при участии П. С. Попова был внесен ряд поправок).
19. **Материалы по истории Петра** / Подготовка текстов, перевод и комментарии П. С. Попова // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. Т. 10. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1938. С. 441 – 478, 488 – 489, 492 – 506.
20. **Архив опеки Пушкина** / Составление, подготовка текстов, предисловие и комментарии П. С. Попова. – М.: Государственный Литературный музей, 1939. 447 с. (Летописи Государственного Литературного музея. Книга 5).
21. **Пушкин А. С.** История Петра. Подготовительные тексты / Подготовка текстов и статья «От редактора» – П. С. Попова // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в шести томах. 5-е изд. Т. 6. Кн. 2. – М.: ГИХЛ, 1946. 495 с.
22. **Попов П. С.** О работе А. С. Пушкина над историей Петра (В порядке обсуждения) // Московский областной педагогический институт имени Н. К. Крупской. Ученые записки. Том LXVI. 1958. (Труды кафедры русской литературы. Вып. 4). С. 333 – 344.

Из полемики 1930-х годов об оде Пушкина «Вольность»: споры о тирании¹

Политическая интерпретация вольнолюбивой лирики Пушкина (прежде всего – его оды «Вольность») всегда была предметом дискуссий. В СССР эти дискуссии особенно оживились с приближением столетия со дня смерти поэта. Обсуждались степень радикальности его взглядов в молодые годы и отход от них в зрелые годы, характер его отношений с декабристами и другие, связанные с этим, проблемы.

В статье, написанной в 1928 году, В. Е. Вальденберг утверждал:

Ода «Вольность» ничего не говорит о конституции (выделено мною. – *И. С.*). В ней развивается и несколько раз повторяется мысль о законности или о закономерности, но закономерность и конституция суть понятия, далеко не spolна перекрывающие друг друга. **В оде говорится о подчинении царей закону** (выделено мною. – *И. С.*) («склонитесь первые главой под сень надежную закона»), но ничего нет об ограничении императорской власти, ничего – о народном представительстве. Из лекций Куницына Пушкин, конечно, был знаком с учением Монтескье, который в наличии твердых законов видел существенный признак, отличающий монархию от деспотии, да и сам Куницын считал законность непременным условием всякого правильного строя, а не одного конституционного. В то время, когда писалась ода «Вольность», в России не существовало основных законов, и принцип законности нигде не был выражен; поэтому установление его, не говоря уже о практическом проведении, могло представляться, как крупный шаг вперед, и нельзя отрицать, что Пушкин мог увлекаться подобного рода идеями².

Статья В. Е. Вальденберга была опубликована в 1930 году.

В том же году во вводной статье к первому советскому полному собранию сочинений поэта А. В. Луначарский писал:

В год окончания лица Пушкин восклицает в своей оде «Вольность»:

«Хочу воспеть свободу миру,
На тронах поразить порок...»

Он грозил самодержавию:

«Тираны мира, трепещите.
А вы мужайтесь и внемлите:
Восстаньте падшие рабы...»

¹ Доложено 12 января 2011 г. на заседании Пушкинской комиссии ИМЛИ РАН.

² Вальденберг В. Е. Замечания к оде «Вольность» // Пушкин и его современники. – Л., 1930. Вып. 38 – 39. С. 57.

Правда, этот совсем юный Пушкин, как истый дворянин, доходит в своих мечтах, несмотря на резкость выражений, только до конституционного либерализма (выделено мною. – И. С.):

«Склонитесь первые главой
Под сень надежную закона
И станут вечной стражей трона
Народов вольность и покой...»³

В 1936 году был издан однотомник сочинений Пушкина, составленный Б. В. Томашевским и выдержавший впоследствии несколько переизданий. В биографической статье «Пушкин» Томашевский писал:

Политическая идеология «Вольности» свидетельствует о влиянии на Пушкина весьма умеренных либеральных идей (выделено мною. – И. С.), получивших временное господство в западной публицистике после восстановления Бурбонов. С точки зрения этой политической системы «законности» (легитимизма) французская революция была примером заблуждения и одичания нации; революционные эксцессы привели, естественно, к тиранической военной диктатуре Наполеона; только восстановление законной династии, на первых же шагах даровавшей французам конституцию («хартию»), обеспечивает порядок и процветание страны. **Умеренная конституция при монархической системе – вот идеал этой группы либералов** (выделено мною. – И. С.).⁴

А в комментариях к оде «Вольность» Б. В. Томашевский отмечал:

Несомненно, что в оде отразилось идеологическое влияние братьев Тургеневых с их умеренными конституционными идеями.⁵

В начале 1937 г. В. Б. Шкловский выступил с критикой мнения Б. В. Томашевского, считая ошибочным понимание под «самовластительным злодеем» Наполеона. Он писал с осуждением:

При новом толковании стихотворения Пушкин оказывается типичным защитником конституционной монархии⁶.

По мнению же В. Б. Шкловского, ода Пушкина говорит не об ограничении власти абстрактной монархии вообще, а имеет конкретную, так сказать, «личную» направленность:

Ода «Вольность» политически направлена прямо против Павла и Александра (выделено мною. – И. С.).⁷

Наконец, в феврале и марте 1937 года со статьями и докладом, имевшими одно и то же название «Пушкин и декабристы», выступила М. В. Нечкина. Ее точка зрения на вынесенную в название тему оказалась как бы

³ Луначарский А. В. Александр Сергеевич Пушкин // А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в шести томах. Т. 1. Стихотворения. 1814 – 1835 (Приложение к журналу «Красная нива» на 1930 год). – М – Л., 1930. С. 18 – 19.

⁴ Томашевский Б. Пушкин // А. Пушкин. Сочинения. – Л., 1936. С. XXXII.

⁵ Там же. С. 863.

⁶ Шкловский В. Ода «Вольность» // Шкловский В. Заметки о прозе Пушкина. – М., 1937. С. 13.

⁷ Там же. С. 16.

канонизированной, и сформулированные ею отношения Пушкина и декабристов стали официально признанной точкой зрения, на много лет определив, как надо освещать эту тему.

Судя по всему, первоначально Нечкина написала статью для журнала «Историк-марксист», которая, вероятно, получила одобрение в соответствующих идеологических органах, и на основе этой статьи она подготовила сокращенный популярный вариант для газет. Надо полагать, что этот вариант статьи был централизованно разослан в редакции газет как один из материалов к годовщине гибели поэта. Во всяком случае, статья «Пушкин и декабристы» появилась 3 февраля в «Советской торговле», 6 февраля – в «Бакинском рабочем», 7 февраля – в «Правде», 8 февраля в «Советской Киргизии», 10 февраля – в «Казахстанской правде», «Тамбовской правде» и т. д.⁸ В статье, в частности, говорилось:

В своей оде «Вольность» (1817) поэт воспевал лозунг ограничения тирана незыблыми законами (выделено мною. – И. С.).

14 февраля 1937 г. М. В. Нечкина выступила с докладом «Пушкин и декабристы» на специальной Пушкинской сессии Академии наук СССР⁹. В своем выступлении она, в частности, отмечала:

Грубейшей ошибкой является утверждение некоторых пушкинистов, к несчастью, попавшее и в предисловие к однотомнику Гослитиздата (речь идет об однотомнике, подготовленном Б. В. Томашевским. – И. С.), что ода «Вольность» написана Пушкиным с позиций легитимизма. Легитимизм – контрреволюционная теория французских буржуазии и дворянства, шедших с феодальными лозунгами. Она пришла во Францию после революции в обозе интервенции. Конечно, эта теория не имеет решительно ничего общего с революционными лозунгами оды «Вольность» Теория легитимизма, провозглашающая законность монархических династий, свергнутых революцией с престола, ни в каком смысле не похожа на политические лозунги замечательной революционной пушкинской оды¹⁰.

Заметим, что положение об «умеренной конституции при монархической системе», которое Томашевский связывает с одой Пушкина, у Нечкиной возражения не вызывает. В другом месте своего доклада она сама говорит:

«Союз спасения» ставит себе целью борьбу за ограничение деспотизма в России, за завоевание конституционной монархии. <...> Пушкин в своем замечательном революционном произведении «Вольность» отражает основные лозунги борьбы на этом этапе. <...> Пушкин в оде «Вольность» бросает лозунг ограничения самодержавия.¹¹

Наконец, в первом номере журнала «Историк-марксист» за 1937 г. (подписан в печать 9 марта), была напечатана большая статья М. В. Нечкиной

⁸ Библиография произведений А. С. Пушкина и литературы о нем. 1937 – 1948. – М.-Л., 1963. С. 208.

⁹ Нечкина М. В. Пушкин и декабристы // Сто лет со дня смерти А. С. Пушкина: Труды Пушкинской сессии Академии наук СССР. 1837 – 1937. – М. – Л., 1938. С. 37 – 56.

¹⁰ Там же С. 39.

¹¹ Там же. С. 38.

«А. С. Пушкин и декабристы»¹², в которой, говоря об оде «Вольность», она вновь утверждала:

Политические лозунги этой оды общи с основными политическими лозунгами Союза спасения (выделено мною. – И. С.) и с либеральными идеями тургеневского кружка – это лозунги ограничения самодержавия, произвола, «тиранства» законами, стоящими выше политических властителей. Требование конституционной монархии было основным политическим требованием Союза спасения (выделено мною. – И. С.).¹³

В это же время и Д. Д. Благой в статье «Пушкин в 1817 году», подготовленной для «Известий АН СССР»¹⁴, писал:

Говоря в терминах столь популярного среди членов будущего «Союза Благоденствия» Монтескье, Пушкин выступает в своей оде против «деспотии» за «законно-свободную» (термин, которым, по предложению Александра I, переводилось французское слово liberal), т. е. конституционную монархию (выделено мною. – И. С.) <...> Ее цель – призыв к Александру «склониться под сень закона», т. е. дать конституцию¹⁵.

Итак, диапазон интерпретаций политического содержания оды Пушкина был не слишком широк. Преимущественным было признание того, что Пушкин в своей оде выступал за конституционную монархию, призванную сменить неограниченную монархию, так что точка зрения М. В. Нечкиной не была в этом отношении оригинальной¹⁶. Просто ей выпало стать официальным «рупором».

Поэтому достойна особого внимания принципиально отличная точка зрения.

Практически одновременно с «Историком-марксистом», содержащим статью М. В. Нечкиной, выходит первый номер журнала «Красный архив» (подписан к печати 23 февраля), где публикуются лицейские лекции по записям А. М. Горчакова¹⁷, в частности – лекции А. П. Куницына по курсу «Энциклопедия прав». В предваряющей эту публикацию статье Б. С. Мейлах, разбирая лекции Куницына о естественном праве, отмечает:

¹² Нечкина М. В. Пушкин и декабристы // Историк-марксист. 1937. № 1 (59). С. 16 – 47.

¹³ Там же. С. 20.

¹⁴ Благой Д. Пушкин в 1817 году // Известия Академии наук СССР. Отделение общественных наук. 1937. № 2 – 3. С. 607 – 642 (номер был сдан в набор 27 мая, а подписан к печати 4 октября 1937 г.).

¹⁵ Там же. С. 637.

¹⁶ Характерно, что Н. И. Мордовченко в обзоре пушкиноведческой литературы за 1937 г. отметил: «Ничего нового не дала статья М. В. Нечкиной, посвященная общей характеристике взаимоотношений Пушкина с декабристским движением» (см.: Мордовченко Н. И. Биография Пушкина: Обзор литературы за 1937 г // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. — М. – Л., 1939. — Вып. 4 – 5. С. 524), имея в виду упомянутую выше ее большую статью в журнале «Историк-марксист».

¹⁷ Лицейские лекции (по записям А. М. Горчакова). Вводная статья Б. Мейлаха // Красный архив. 1937. № 1. С. 75 – 206.

**Незыблемость «естественного закона», как основы
государственного порядка, декларативно провозглашена Пушкиным в оде
«Вольность» (выделено мною. – И. С.)¹⁸.**

Таким образом, Б. С. Мейлах высказывает мысль, что в пушкинской оде речь может идти не о конституции или вообще о «положительных» законах, а о «естественных». Откликов на это замечание Мейлаха обнаружить в печати того времени не удалось.¹⁹

В январе 1939 г. с докладом «Пушкин и декабристы» М. В. Нечкина выступила и на заседании Пушкинской секции Института мировой литературы им. А. М. Горького. Обсуждению ее доклада было посвящено и следующее заседание секции²⁰. Вероятно, к этому второму заседанию Павел Сергеевич Попов (судя по его вступительной фразе) и готовил свои замечания по поводу толкования М. В. Нечкиной некоторых мест оды «Вольность», сохранившиеся в его архиве в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки (приложено к данной статье). Состоялось ли его выступление, неизвестно. Никаких упоминаний об этом выступлении или ссылок на изложенные в нем суждения П. С. Попова обнаружить не удалось.

Исходная позиция П. С. Попова состояла в том, что, определяя идеологическую позицию Пушкина, отраженную в оде, необходимо прежде всего основываться на понятиях о государственном праве, которыми мог обладать Пушкин, только что окончивший Лицей, то есть на понятиях, которые донес до своих учеников А. П. Куницын. Для решения этого вопроса П. С. Попов использовал упомянутую выше публикацию записей лекций А. П. Куницына в «Красном архиве», оговорив при этом, что

это вовсе не его (Куницына. – И. С.) самостоятельные точки зрения. <...>, <они> были свойственны наиболее передовым умам начала прошлого века в России и <...> в свою очередь являются отголоском либеральных идей французского просвещения, подготовившего революцию 1789 г.

В своих замечаниях П. С. Попов приводит развернутую аргументацию положения, вскользь высказанного Б. С. Мейлахом, о естественном законе как основе государственного порядка и конкретизирует это положение, утверждая, что в пушкинской оде нельзя усмотреть противопоставления идеала конститу-

¹⁸ Там же. С. 81.

¹⁹ Позже влияние идеи «естественного» закона на содержание оды иногда частично признавалось, но не столь решительно, как у Б. С. Мейлаха и П. С. Попова. Так, Б. В. Томашевский в своей монографии о Пушкине, первый том которой вышел в 1956 г., писал: «Характерной чертой “Вольности” является вера в закон. При этом не совсем ясно, о каком законе идет речь, о так называемом “положительном” или “естественном”. <...> С одной стороны, провозглашается принцип единства вольности и закона, по-видимому, естественного, но здесь же он отождествляется с законом положительным» (см.: Томашевский Б. В. Пушкин. Кн. 1 (1818 – 1824). – М. – Л., 1956. С. 161). Завершал же трактовку «Вольности» он все-таки, как и за двадцать лет до того, утверждением: «Закон в этих стихах приобретает характер закона конституционного, ограничивающего власть царя» (см.: Там же. С. 170).

²⁰ Богаевская К. Государственный музей А. С. Пушкина: (К годовщине его существования) // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. – М – Л., 1941. Вып. 6. С. 545.

ционной монархии монархии неограниченной, а <усматривается> противопоставление монарха – тирану.

Приложение

Попов П. С. [Об оде Пушкина «Вольность»] – замечания к толкованию²¹

Мое выступление вызвано прошлым докладом Милицы Васильевны и будет касаться одного толкования, которое было придано докладчицей оде «Вольность». Имеются в виду следующие строки:

Владыки! Вам венец и трон
Дает закон, а не природа –
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас закон²²

Склонитесь первые главой
Под сень надежную закона
И станут вечной стражей трона
Народов вольность и покой

Милица Васильевна считает, что здесь налицо следующая система подчинения. Монарх стоит над народом, но сам в свою очередь подчинен закону, следовательно, его власть ограничена этим законом, таким образом, в приведенных строках Пушкина разумеется ни что иное, как ограниченная или конституционная монархия.

Это толкование я считаю неправильным; я буду стремиться показать, что в этих строках нет речи о конституционной монархии, а имеется в виду другое взаимоотношение понятий закона и властителя.

Для доказательства я приведу основные определения государственного права в тех формулировках, какие были наиболее актуальными для просвещенных лицейстов выпуска 1817 года, я имею в виду формулировки Куницына. Оговорюсь, что в этом есть известная условность, ибо, каким бы большим ни было идеологическое воздействие Куницына на Пушкина, безоговорочно базироваться на Куницынской философии права нет оснований. Поэтому я сейчас приведу определения Куницына условно, а затем покажу, что это вовсе не его самостоятельные точки зрения, а своего рода лоци комунес²³, которые были свойственны наиболее передовым умам начала прошлого века в России и которые в свою очередь являются отголоском либеральных идей французского просвещения, подготовившего революцию 1789 г.

Итак, какова структура монархической власти по Куницыну и чем самодержавие или неограниченная монархия отличается от монархии ограниченной.

²¹ НИОР РГБ. Ф. 547, к. 1, е. х. 11; машинопись с авторской правкой. Название рукописи – архивное; авторского названия нет. Здесь и далее подстрочные примечания и конъектуры в угловых скобках принадлежат публикатору.

²² Подчеркнуто П. С. Поповым.

²³ Латинское выражение «loci communes» – «общие места», «общие положения».

В § 179 лицейских лекций Куницына мы читаем: «Когда физическому лицу договором подданства предоставлены все права величества без всякого ограничения, т. е. когда он может располагать средствами для целей общества по своему только благоусмотрению, тогда образ правления называется монархическим неограниченным или самодержавным»²⁴.

«§ 181. Если монарх или не имеет всех прав верховной власти или в выполнении некоторых ограничен известными постановлениями, то образ правления называется ограниченным»²⁵.

Из этих определений вытекает ли, что неограниченный монарх не связан никакими условиями своей власти? Нет. Как раз формулировка Куницына говорит о таком условии: это - договор подданства. Что же есть договор подданства? Согласно § 73, «через договор подданства возлагается на своевластителя должность пеших о безопасности государства и каждого частного гражданина»²⁶. Таким образом, мы видим, что и абсолютная монархия имеет своеобразное ограничение, налагаемое обязанностью заботиться о благе граждан и о благополучии государства в целом. Это есть естественное ограничение, в противоположность юридическому, обуславливающему конституционно-монархическую форму правления. Куницын говорит: «Естественное ограничение верховной власти состоит в том, что оно имеет предметом только такие действия, которые относятся к цели общества, ибо для оной только поверяется верховная власть»²⁷. В начале курса «Изображение <системы> политических наук» Куницын объясняет так: «граждане <...> подвергаются верховной власти на том только условии, чтобы она избирала и употребляла средства для их безопасности и благосостояния; они предлагают свои силы в распоряжение общества, но с тем только, чтобы они обращены были на общую и, следовательно, так же и на их собственную пользу»²⁸. Мы находим также такие формулировки Куницына: «Каждое правление законно, которое учреждается законным образом»²⁹. Итак, верховная власть естественно ограничена законом, договором или условием, что она будет действовать во благо своего народа и не употребит во зло принадлежащую ей власть. Это не есть конституционная монархия. И в соответствующих, приведенных мною стихах Пушкина, нельзя усмотреть противопоставления идеала конституционной монархии монархии неограниченной, а <усматривается> противопоставление монарха – тирану. В § 70 и 71 у Куницына читаем: «<§ 70.> <...> гражданин подчинен своевластителю только для цели государства и во всем, что к оной относится, должен ему повиноваться. <§ 71.> Но когда употребляется кто-либо от своевластителя к другим целям, а не для цели государства, то таковое злоупотребление верховной власти называется

²⁴ Лицейские лекции (по записям А. М. Горчакова) // Красный архив. 1937. № 1. С. 110.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 102. Подчеркнуто П. С. Поповым.

²⁷ Там же. С. 94.

²⁸ Там же. С. 116.

²⁹ Там же. С. 110. § 177.

тиранством»³⁰. И в курсе «Изображение <системы> политических наук» мы читаем: «граждане независимые делаются подданными и состоят под законом верховной власти: но сие подданство не есть состояние кабалы»³¹. Итак, верховная власть должна руководствоваться целями государства, это есть закон, на котором покоится власть; без этого соблюдения целей государства власть извращается и переходит в тиранство. Таким образом, в формулировках Пушкина оды «Вольность» естественно усматривается противопоставление идеала законно действующей власти в противоположность власти тиранической. После ликвидации наполеоновских войн, Наполеон являлся наиболее ярким представителем власти тиранической и ему противопоставлялся образ монарха, соблюдающего интересы своих подданных. Приведенное сопоставление тирана и законно действующего монарха можно прощупать у всех прогрессивных мыслителей эпохи просвещения, начиная с наиболее радикальных – того же Руссо³². У последнего мы находим такое определение: «Тиран – это тот, кто восстает против законов, чтобы управлять согласно своим законам; <деспот> ставит себя выше законов» («le despote est celui, qui se met au-dessus des lois memes»)»³³. У Пушкина: «Но вечный выше вас закон». Можно возводить формулировки оды «Вольность» через Куницына к Руссо, как это не без основания делает Мейлах³⁴, но нужно помнить и то, что, если мы возьмем любого, даже более умеренного, выразителя просветительных идей Франции, то мы найдем те же тезисы. Так, например, Гольбах³⁵ говорит следующее о законах: «Чтобы законы были справедливыми, они должны иметь своей неизменной целью всеобщие интересы общества, т. е. обеспечение наибольшему числу граждан тех выгод, ради которых они объединились»³⁶. И

³⁰ Там же. С. 102. Подчеркнуто П. С. Поповым; в публикации лекций выделено разрядкой.

³¹ Там же. С. 116.

³² Жан Жак Руссо (1712 – 1778), французский писатель и философ. Одно из главных его произведений – «Об общественном договоре» (1762).

³³ Цитируется по: Лицейские лекции (по записям А. М. Горчакова). Вводная статья Б. Мейлаха // Красный архив. 1937. № 1. С. 82. Подчеркнуто П. С. Поповым.

³⁴ Б. С. Мейлах пишет: «Основным теоретическим источником курсов “Изображение <системы> политических наук” и “Право государственное” явился “Contrat Social” <“Общественный договор”>. За это говорит хотя бы то, что ряд формулировок Куницына непосредственно восходит к этому произведению Руссо. <...> У Руссо он заимствовал не только общие положения, но и частные определения» (см.: Там же. С. 82). Эта мысль Б. С. Мейлаха, разделяемая П. С. Поповым, явно, не вошла прочно в научный обиход, так как через полвека Г. М. Фридендер «открывал» ее заново: «В научной литературе, посвященной оде «Вольность», ее политические идеи не раз ставились в связь с идеями Монтескье, Куницына, Радищева, Державина. Однако, думается, что не менее важна зависимость политической доктрины «Вольности» от воззрений Руссо» (см.: Фридендер Г. М. Вольность и закон (Пушкин и Великая французская революция) // Великая французская революция и русская литература. – Л., 1990. С. 176).

³⁵ Поль Анри Гольбах (1723 – 1789), французский философ-материалист, активный сотрудник «Энциклопедии» Д. Дидро и Ж. Д'Аламбера. Главное произведение – «Система природы» (1770).

³⁶ П. С. Попов цитирует по изданию: Гольбах П. Система природы или о законах мира физического и мира духовного. – М., 1924. С. 111 – 112.

Гольбах более конкретно определяет эти условия или выгоды: «Свобода, собственность, безопасность»³⁷. И в другом месте Гольбах формулирует так: «Права человека по отношению к его ближним основываются лишь на счастье, которое он им доставляет или на которое он дает им возможность рассчитывать; в противном случае его власть над ними является насилием, узурпацией, явной тиранией; всякий правомерный авторитет основывается лишь на способности делать нас счастливыми. Ни один человек не получает от природы права распоряжаться другими людьми» (ср<a>в<ни> «Договор подданства» в формулировках Куницына). «Но, - продолжает Гольбах, - мы охотно даем это право тому, от кого мы ждем своего благополучия. Управление означает право повелевать³⁸ всем, данное государю во имя выгоды управляемых»³⁹. Следует подчеркнуть, что высказанные тезисы Гольбаха казались исключительно одиозными в глазах французской королевской власти. Именно как раз приведенные места особо инкриминировались прокурором в «Системе природы», почему она и была торжественно сожжена рукою палача по приговору парижского парламента 18 августа 1770 года. Речь шла о всемерном желании граждан видеть в своем государе носителя народных интересов, который заменялся в исторической действительности образом бездушного тирана, не интересующегося благосостоянием своей страны. Мне кажется, на этом противопоставлении заостряется противоположность владыки, соблюдающего закон, и владыки, его попирающего, в строках оды «Вольность». Это находит свое подтверждение и в других поэтических высказываниях Пушкина 1817 года. Так, например, в «Бове» Пушкин писал:

Царь Додон венец со скипетром
Не прямой достал дорогою,
Но убив царя законного.
<.....>
Царь Додон не слабоумного
Был достоин злого прозвища,
Но тирана неусыпного.⁴⁰

³⁷ Там же. С. 112.

³⁸ П. С. Попов описался и вместо «повелевать» написал «распоряжаться».

³⁹ Гольбах П. Система природы ... С. 253.

⁴⁰ Пример заимствован П. С. Поповым у Б. С. Мейлаха; см.: Лицейские лекции (по записям А. М. Горчакова). Вводная статья Б. Мейлаха ... С. 81. Подчеркнуто П. С. Поповым; у Б. С. Мейлаха выделено разрядкой. Неизвестно, почему П.С.Попов относит «Бову» к 1817 г. В упоминавшемся первом полном собрании сочинений Пушкина 1930 г. «Бова» датируется январем-февралем 1815 г.; в академическом полном собрании сочинений 1937 г. и в последующих публикациях – сентябрем-октябрем 1814 г.

«Классический комментарий с классическими ошибками» или новые ошибки новых комментаторов?»¹

В 1997 г. в журнале «Новый мир» была напечатана рецензия И. З. Сурат на том пушкинской графики, который издатели подавали как дополнительный том академического Полного собрания сочинений Пушкина². Рецензия называлась «О старом академизме и новой русской пушкинистике». Признаюсь, мне хотелось воспользоваться этим же названием и для моего сообщения, так как речь пойдет о тех же явлениях, о которых говорилось в рецензии, только на других, более близких мне примерах.

Итак, речь пойдет не о принципиальных проблемах пушкинистики, а о качестве публикаций, о стиле и методах того, что можно назвать черновой исследовательской работой, которая и служит базой для построения гипотез, теорий, концепций. И если попытаться охарактеризовать в этом отношении новую пушкинистику какими-то ключевыми словами, то среди них, по-моему, должны обязательно присутствовать: небрежность, поспешность и склонность к сенсационности.

Характерно, что сформулированное И. З. Сурат противопоставление (старый академизм – новая пушкинистика), кажется, не только не вызывает возражений у представителей этой новой пушкинистики, но, напротив, вполне соответствует их собственной позиции, выражающейся иногда в достаточно пренебрежительном отношении к работам предшественников. Это отметила в своей рецензии и И. З. Сурат, характеризуя высказывания одного из составителей рецензируемого тома – С. В. Денисенко. Вот еще один пример такого отношения.

В 1998 г. вышла книга Н. Е. Мясоедовой «О Грибоедове и Пушкине»³, представляющая собой сборник ее статей и заметок. Одна из статей посвящена комментированию коллективного стихотворения «Канон в честь М. И. Глинки»⁴.

««Канон в честь М. И. Глинки» можно прокомментировать так», – пишет она и приводит комментарий Б. В. Томашевского (правда, не называя его фами-

¹ Доложено 22 марта 2000 г. на заседании Пушкинской комиссии ИМЛИ РАН (г. Москва); опубликовано: Московский пушкинист. Вып. IX. – М., 2001. С. 32 – 45.

² Сурат И. З. О старом академизме и новой русской пушкинистике // Новый мир. 1997. № 7. С. 225 – 229.

³ Мясоедова Н. Е. О Грибоедове и Пушкине. (Статьи и заметки). – СПб., 1998. 256 с.

⁴ Мясоедова Н. Е. Из историко-литературного комментария к лирике Пушкина 1830-х годов // Мясоедова Н. Е. О Грибоедове и Пушкине... С. 237 – 250.

лии):

Написано на обеде, данном 13 декабря 1836 г. по поводу первого представления оперы «Жизнь за царя» («Иван Сусанин»). Первая строфа написана М. Ю. Виельгорским, вторая – Вяземским, третья – Жуковским, четвертая Пушкиным. С нотами (музыки В. Ф. Одоевского и М. Ю. Виельгорского) «Канон» был издан в том же месяце (декабрь 1836 г.)⁵.

И далее Н. Е. Мясоедова дает оценку:

Это пример классического комментария с классическими ошибками.

Красиво сформулировано, не правда ли? За что же Томашевский такого удостоился? В чем заключаются эти «классические ошибки»? Тут же дается разъяснение: «премьера оперы Глинки состоялась 27 ноября»⁶. Вот оно что! А у Томашевского-то – 13 декабря! Но простите, скажете Вы, он же говорит не о премьере, а об обеде, данном по поводу премьеры. И будете правы! Просто Н. Е. Мясоедова, вероятно, полагает, что по поводу какого-нибудь события надо обязательно собираться в тот же самый день, как при защите диссертации, только не все это понимают... И ведь такие ошибки совершаются, страшно сказать, и на государственном уровне. Все знают, что день Победы – 9 мая, а вот в 1945 г. парад по поводу Победы устроили 24 июня!

Да, но это – одна «ошибка» (хотя, вероятно, самая главная), а речь шла об «ошибках» (во множественном числе). Что же еще? А вот что! Томашевский упоминает обед, а Мясоедова считает, что это был завтрак⁷. Она, правда, не указывает источник своих сведений, но, действительно, например, в «Летописи жизни и творчества М. И. Глинки» тоже говорится о завтраке⁸ и даже в пометке В. Ф. Одоевского, которую тот когда-то позже сделал на сохранившейся рукописи канона, значится: «на завтраке»⁹, и – что интересно! – Б. В. Томашевский должен был знать об этом, так как он вместе с Л. Б. Модзалевским составлял описание, в частности, и этой рукописи. В чем же дело? Вероятно, в том, что он знал и другое – то, что указано в одном из комментариев к «Запискам» Глинки:

Чествование Глинки произошло 13 декабря 1836 г. на завтраке («déjeuner dînatoire») в доме А. В. Всеволожского. В архиве В. Ф. Одоевского сохранился список приглашенных и список произнесенных тостов¹⁰.

Итак, оказывается, мероприятие, на которое приглашались гости, обозначалось на самом деле не русским словом «завтрак», а французским выражением (так уж у них, у дворян, было почему-то принято) «déjeuner dînatoire». Правда, в современном французско-русском словаре это выражение также переводится как «плотный и поздний завтрак»¹¹, но если мы заглянем в более близкий к

⁵ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 10 томах. Изд. 3-е. – М., 1963. Т. 3. С. 532.

⁶ Мясоедова Н. Е. О Грибоедове и Пушкине... С. 237.

⁷ Там же. С. 238.

⁸ Летопись жизни и творчества М. И. Глинки. Часть I. 1804 – 1843. – Л., 1978. С. 111.

⁹ Модзалевский Л. Б., Томашевский Б. В. Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме. Научное описание. – М. – Л., 1937. С. 94.

¹⁰ Глинка М. И. Записки. – М., 1988. С. 169.

¹¹ Ганшина К. А. Французско-русский словарь. – М., 1979. С. 266.

пушкинскому времени французско-русский словарь В. А. Эртеля 1841 – 1842 гг., то там наряду с вариантом перевода «большой завтрак» дается и вариант «обед под видом завтрака»¹², а в словаре Н. П. Макарова 1870 г. – просто «обеденный завтрак»¹³. Надо полагать, что Б. В. Томашевский достаточно хорошо знал дворянскую культуру XIX века, знал и особенности словоупотребления того времени, так что и эта якобы «ошибка» на самом деле – не ошибка. Так ли уж он был неправ, предпочтя слово «обед» слову «завтрак»?

Таковы «классические ошибки» классического комментария.

А что же предлагает нам сама Мясоедова в своем комментарии? Есть очень интересные находки. Например, на той же странице, где говорится о завтраке, нас ставят в известность, что С. А. Соболевский был соучеником М. И. Глинки по Московскому благородному пансиону¹⁴, а еще через несколько страниц выясняется, что и Лев Пушкин учился вместе с ними в том же Московском благородном пансионе¹⁵. До работы Н. Е. Мясоедовой почему-то считалось, что они учились в Петербургском благородном пансионе.

Но попробуем быть объективными. В той же книге Н. Е. Мясоедовой есть интересные архивные публикации, на которые, например, я и сам ссылаюсь, правда, с некоторыми опасениями, так как нет полной уверенности в точности передачи публикуемых документов. И основания для таких опасений есть. Так, в публикации одного открытого листа, т. е. подорожной, четыре раза употреблено словосочетание «указанные прогоны», хотя я полагаю, что в оригинале скорее всего написано «указные прогоны»¹⁶. Так это называлось в то время, о чем можно справиться, например, в словаре В. И. Даля. Я допускаю возможность того, что в подорожной действительно написано «указанные», а не «указные». Тогда это – погрешность, допущенная писарем, но в этом случае ее нужно было бы отметить при публикации документа. Вообще знание реалий той эпохи, кажется, не является сильной стороной представителей новой русской пушкинистики.

Будем объективными и по отношению к другой стороне. Представители старого академизма, естественно, тоже не были безгрешными. И у них случались ошибки, иногда – удивительные. Достаточно вспомнить «Скрижаль Пушкина», опубликованную М. О. Гершензоном в его книге «Мудрость Пушкина» и оказавшуюся текстом В. А. Жуковского. Но эти ошибки быстро обнаруживались и при первой же возможности исправлялись. Обнаруживались и самими авторами, и их коллегами-соперниками, которые не только внимательно, но и достаточно ревниво следили за публикациями друг друга. Сейчас, похоже, нет ни этой ревности, ни этой внимательности.

В большом академическом издании Пушкина, в томе, содержащем «Пу-

¹² Эртель В. А. Французско-русский словарь, извлеченный из новейших источников. – СПб., 1841. Т. 1. С. 295.

¹³ Макаров Н. П. Полный французско-русский словарь. Часть I. – СПб., 1870. С. 327.

¹⁴ Мясоедова Н. Е. О Грибоедове и Пушкине... С. 238.

¹⁵ Там же. С. 243.

¹⁶ Там же. С. 117 – 118.

тешестве в Арзрум», при указании источников была допущена ошибка – было указано, что статья Пушкина «Военная Грузинская Дорога» напечатана «в «Литературной Газете», 1830, № 6» (VIII, 1064). На самом деле статья была напечатана не в шестом, а в восьмом номере. Ошибка была замечена, и в дополнительном справочном томе среди других ошибок была исправлена и эта (Справочный том, 54).

Казалось бы, не такая уж и важная ошибка. Все равно, если кто-то занимается «Путешествием в Арзрум», он, конечно, посмотрит прижизненные пушкинские публикации и легко обнаружит и эту ошибку, и саму публикацию – благо, она всего через номер от указанного. Но выясняется, что нынешние пушкинисты не особенно часто заглядывают в источники, на которые ссылаются. Им вполне достаточно академического издания и ссылок, там приведенных, да и в справочный том они тоже не всегда смотрят.

В 1984 г. были переизданы анненковские «Материалы для биографии А. С. Пушкина». Готовил текст и комментировал его А. А. Карпов. Рассказывая о «Литературной газете», П. В. Анненков упоминает и о публикации

отрывка из «Путешествия в Арзрум» под названием «Военная Грузинская дорога, из путевых записок А. С. Пушкина» («Литературная» газета», 1830, № 8)¹⁷.

А. А. Карпов, конечно, тут же дает примечание:

Напечатан в шестом номере¹⁸.

К сожалению, это случается и с исследователями, которых новыми русскими пушкинистами никак не назовешь и к которым я привык относиться с глубоким уважением. Но, похоже, и они оказываются под влиянием этой новой пушкинистики.

В 1983 г. Я. Л. Левкович опубликовала работу «Кавказский дневник Пушкина», в которой она дважды ссылается на пушкинскую статью «Военная Грузинская Дорога» и оба раза указывает шестой номер «Литературной газеты»¹⁹. В 1986 г. печатается ее статья, посвященная истории заполнения «арзрумской тетради» Пушкина, где мы снова дважды встречаем ссылку на ту же пушкинскую статью и на тот же шестой номер «Литературной газеты»²⁰. В 1988 г. вышла монография Я. Л. Левкович «Автобиографическая проза и письма Пушкина», в которую в качестве одной из глав вошла статья о кавказском дневнике Пушкина с теми же самыми двумя неправильными ссылками²¹. Наконец, в 1995 г. в серии «Литературные памятники» вышел том пушкинских дневников и записок, составленный и прокомментированный Я. Л. Левкович, с

¹⁷ Анненков П. В. Материалы для биографии А.С.Пушкина. – М., 1984. С. 237.

¹⁸ Там же. С. 416.

¹⁹ Левкович Я. Л.. Кавказский дневник Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. Т. XI. –Л., 1983. С. 6 и 13.

²⁰ Левкович Я. Л. Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 841 (История заполнения) // Пушкин: Исследования и материалы. Т. XII –Л., 1986. С. 269 и 270.

²¹ Левкович Я. Л. Автобиографическая проза и письма Пушкина. – Л., 1988. С. 117 и 128.

тремя такими же ссылками²². Свыше 12 лет она занималась темой, непосредственно касающейся пушкинской «Военной Грузинской Дороги», и за все эти годы у нее ни разу не возникло потребности познакомиться непосредственно с пушкинской публикацией. Но хуже всего то, что это были не просто формальные ссылки.

В статье, посвященной истории заполнения «арзрумской тетради», Я. Л. Левкович уточняла датировки пушкинских текстов, содержащихся в этой тетради, и в конце дала сводку этих уточненных датировок. Для «Военной Грузинской Дороги» указано: 15 мая 1829 – 25 января 1830²³. 15 мая 1829 года – это день появления первоначальной дневниковой записи в тетради, а 25 января 1830 года – это день возможной последней редакции текста записи, так как 26 января вышел шестой номер «Литературной газеты», в котором, как уверена Я. Л. Левкович, была опубликована пушкинская статья. Но статья-то была опубликована в восьмом номере, который вышел 5 февраля! В календарном отношении, конечно, не велика разница – 26 января или 5 февраля. Но это хорошо, что ошибка была всего в два номера. А если бы в академическом собрании вместо восьмого был указан не шестой, а шестнадцатый или двадцать шестой номер «Литературной газеты»?..

Еще один пример.

С. А. Фомичев в 1998 г. опубликовал статью «“Грибоедовский эпизод” в “Путешествии в Арзрум” Пушкина»²⁴, представляющую собой наиболее полную сводку аргументов в пользу гипотезы о том, что «встречи Пушкина с покойным Грибоедовым близ Гергер, судя по всему, быть не могло»²⁵. Убедительность этих аргументов я попытался проанализировать в статье, помещенной в шестом выпуске «Московского пушкиниста»²⁶, которую я, естественно, не буду здесь пересказывать, но в которой, надеюсь, мне удалось показать, что нет никаких оснований для утверждения о том, что Пушкин не мог встретить тело Грибоедова. Сейчас я хочу сказать только о том, что относится к теме настоящего сообщения.

Среди пушкинских бумаг существует документ, называемый «Маршрут от Тифлиса до Арзрума», и вот С. А. Фомичев, в частности, пишет:

Поэт восстанавливал свои дорожные впечатления, постоянно сверяясь с «Маршрутом от Тифлиса до Арзрума», приложенным к «Путешествию» в ка-

²² Пушкин А. С. Дневники. Записки. – СПб.: Наука, 1995. С. 213, 305 и 306.

²³ Левкович Я. Л. Рабочая тетрадь Пушкина ПД №841... С. 277.

²⁴ Фомичев С. А. «Грибоедовский эпизод» в «Путешествии в Арзрум» Пушкина // А.С.Грибоедов: Хмелитский сборник. – Смоленск: Смоленский гуманитарный ун-т, 1998. С. 374 – 383.

²⁵ Там же. С. 381.

²⁶ Сидоров И. С. «Великая иллюзия» или «мнимая нелепость»? (О встрече Пушкина с телом убитого Грибоедова) // Московский пушкинист. Вып. VI. – М.: Наследие, 1999. С. 292 – 337; Затем – отдельной брошюрой: Сидоров И. С. «Великая иллюзия» или «мнимая нелепость»? (О встрече Пушкина с телом убитого Грибоедова): Научный доклад. – СПб., 2010. (Беляевские чтения. Вып. 4). 50 с. Наконец, еще несколько дополненный текст с тем же названием. – см. в книге: Сидоров И. С. О Пушкине и его современниках. – М., 2022. С. 115 – 157..

честве приложения при публикации его в «Современнике» (1836, № 1)²⁷.

Пушкин действительно собирался поместить «Маршрут» среди приложений, готовя публикацию «Путешествия» в виде отдельной книги (что не было осуществлено), но в «Современнике» никаких приложений к «Путешествию в Арзрум» нет! Нет там и «Маршрута». Я привык с почтением относиться к работам С. А. Фомичева, тем неожиданнее было встретить у него такую погрешность. Неужели он не посмотрел публикацию «Путешествия» в «Современнике», даже привлекая ее для аргументирования одного из своих предположений?

Но можно задать и более бестактный вопрос: а всегда ли люди, исследующие какое-то пушкинское произведение, вообще его читают (или, по крайней мере, читают внимательно) – в прижизненной ли публикации или в современном издании?

На этот раз обратимся к работе Н. Е. Мясоедовой «Подходы к изучению «Путешествия в Арзрум» А. С. Пушкина»²⁸, содержащей такое утверждение:

Исследователи отмечали, что «грибоедовский эпизод» в «Путешествии» окаймлен двумя сценами: ему предшествует описание осетинских похорон – фрагмент достаточно изученный в литературе вопроса, за «грибоедовским эпизодом» следует встреча путешественника (автора-персонажа) с искупительной миссией Хосров-Мирзы²⁹.

Интересно, о каком «окаймлении» идет речь и какие исследователи, кроме Н. Е. Мясоедовой, его отмечали? Дело в том, что встреча Пушкина с миссией Хосров-Мирзы (как и осетинские похороны) предшествует встрече с телом Грибоедова, а не следует за ней. Между прочим, первоначально Н. Е. Мясоедова опубликовала это в 1996 г. в журнальной статье, а через два года в расширенном варианте статья вошла в книгу «О Грибоедове и Пушкине», но этот фрагмент остался без изменения. Неужели за эти два года она ни разу не перечитала анализируемое ею произведение?

Небрежность, характерная для новой пушкинистики, проявляется обычно не в одном чем-нибудь, а, так сказать, «комплексно». Обратимся к упомянутому тому пушкинских дневников и записок, подготовленному Я. Л. Левкович для «Литературных памятников», где было три неверных ссылки на «Военную Грузинскую Дорогу». К авторитету исследователя здесь присоединяется еще и авторитет издания – «Литературные памятники»! Что же мы здесь видим? Я буду говорить опять же только о том, что мне достаточно хорошо знакомо – о «Путешествии в Арзрум». Именно здесь, в комментарии Я. Л. Левкович, было впервые печатно с совершенной уже уверенностью заявлено о недостоверности пушкинского рассказа о встрече его с телом Грибоедова. Но сейчас я буду говорить только о «техническом» качестве публикуемого комментария.

Приведу полностью небольшое по объему примечание Я. Л. Левкович к так называемому «грибоедовскому эпизоду»:

²⁷ Фомичев С. А. «Грибоедовский эпизод»... С. 379 – 380.

²⁸ Первоначально: Русская литература. 1996. № 4. С. 21 – 40; в расширенном виде – в кн.: Мясоедова Н. Е. О Грибоедове и Пушкине... С. 177 – 217.

²⁹ Русская литература. 1996. № 4. С. 36; Мясоедова Н. Е. О Грибоедове и Пушкине... С. 200.

Рассказ о встрече повозки с телом Грибоедова рассчитан, как указывали неоднократно исследователи, на сопоставление с изображением персидской миссии, где Хозрев-Мирза передвигается в сопровождении кортежа (см.: *Михельсон В. А.* «Путешествие» в русской литературе. Ростов, 1874. С. 28). Отметим, что весь этот эпизод передан неверно. В действительности Пушкин не мог встретить тело Грибоедова, так как его перевезли через границу 1 мая 1829 г. Известно, что от границы тело сопровождала рота солдат Тифлисского пехотного полка во главе с прапорщиком Макаровым. Без сопровождения от границы несколько ранее шла арба с телом Сулеймана хана Меликова, также убитого в Тегеране при разгроме русской миссии и захороненного в Эгменазине (см.: *Мясоедова Н. Е.* [Изложение доклада на Грибоедовской конференции] // Рус. литература. 1992. № 1. С. 231). Возможно, произошла путаница и кто-то из знакомых Пушкина встретил именно эту арбу и передал ему рассказ возчика, который точно не знал, кого именно из убитых в Тегеране он везет. Ответ возчика, назвавшего Грибоедова «Грибоедом», позволяет предположить достоверность рассказанного Пушкину эпизода³⁰

Гипотезу, содержащуюся в конце примечания, я разбирать не буду. Рассмотрим техническую сторону примечания.

От опечаток, кажется, уже никуда не деться: работа Михельсона о «путешествиях» в русской литературе издана не в 1874, а в 1974 году, и Сулейман хан Меликов был погребен не в загадочном «Эгменазине», а в знаменитом Эчмиадзине.

Утверждается, что «от границы тело сопровождала рота солдат». Почему здесь указана именно рота, непонятно. В единственном известном документе, в котором упоминается о сопровождении тела Грибоедова, – донесении российского консула А. К. Амбургера от 4 мая из Нахичевани – говорилось, что «тело препровождается <...> с командою»³¹, без указания – отделение ли это, взвод или рота. Не исключено, что речь шла о воинской команде, не соответствовавшей ни одному из принятых в армии подразделений.

Фрагмент примечания, сообщающий о препровождении тел Грибоедова и Сулеймана хана Меликова, заканчивается ссылкой на изложение доклада Н. Е. Мясоедовой на Третьих грибоедовских чтениях в 1991 г., опубликованное в журнале «Русская литература». Так вот, если вы прочтете это изложение, то обнаружите, что ничего из приведенного в примечании Я. Л. Левкович там нет. Есть только фраза:

Действительно, обстоятельства перевозки тела Грибоедова не соответствуют тому, как это изобразил Пушкин³².

Возможно, те детали, которые приводит Я. Л. Левкович, присутствовали в самом докладе и скрылись за приведенной фразой, но в любом случае ссылка указывает на источник, который не содержит той информации, которую якобы из него извлекли.

³⁰ Пушкин А. С. Дневники. Записки... С. 308.

³¹ См., например: Кавказский сборник. Т. 30. – Тифлис, 1910. Раздел (с отдельной пагинацией) «Материалы к истории Персидской войны 1826 – 1828 гг. (Продолжение). Материалы для биографии Александра Сергеевича Грибоедова». С. 181.

³² Русская литература. 1992. № 1. С. 231.

И все это – в одном небольшом примечании. К этому остается добавить, что два примечания, следующие за разобранным, перепутаны (поменялись и местами, и номерами); что на той же странице можно найти еще три опечатки, из которых одна превратила Акима Николаевича Нахимова в Акима Николаевича Акимова, а благодаря другой 1829 г. превратился в 1824 г.; что на соседней странице барон Остен-Сакен из начальника штаба Отдельного кавказского корпуса превратился просто в начальника этого корпуса и что там же есть еще, по крайней мере, две опечатки, из которых одна перенесла сражение 14 июня 1829 г. на 14 июля. (Невольно вспомнишь тот самый том рисунков Пушкина, о котором писала И. З. Сурат и в котором автопортрет Пушкина, относящийся ко времени его путешествия на Кавказ, тоже был передвинут во времени, но в обратную сторону – с 28 июля 1829 г. на 28 июня.)

Все это – на двух страницах комментария в таком издании, как «Литературные памятники»!

Правда, по сравнению с некоторыми другими современными изданиями это не так уж и много. Если обратиться все к той же книге Н. Е. Мясоедовой «О Грибоедове и Пушкине», то можно найти значительно более яркие примеры. Правда, в отличие от публикации Я. Л. Левкович здесь в конце книги приведен «Список замеченных опечаток» на полторы страницы. Но это – только видимость объективности. Помимо того, что в самом этом списке опечаток есть опечатки, – помимо этого следовало бы продолжить его еще на несколько страниц, причем кроме большого количества странных случаев со знаками препинания (например, частого «вклинивания» точек в середину предложения), пришлось бы выправлять много цитат, в которых слова то пропущены, то изменены, то переставлены, то вставлены слова, отсутствующие в источнике.

Характерный пример. Цитируются варианты известной фразы из «грибоедовского» эпизода «Путешествия в Арзрум».

В первом случае цитируется окончательный пушкинский вариант фразы:

Два вола впряженные в арбу подымались на крутую гору³³.

Во втором случае эта фраза идет в таком контексте:

Первоначально в тексте было «Четыре вола. Впряженные в арбу, подымались на крутую гору» – затем Пушкин вдвое уменьшил количество волов: «Два вола, впряженные в арбу...»³⁴.

Начнем с того, что не ясна используемая Н. Е. Мясоедовой пунктуация: в первом случае фраза приводится без всяких знаков препинания внутри нее, а во втором случае после слов «Четыре вола» стоит точка, слова «Впряженные в арбу» начинаются с заглавной буквы и отделяются от конца фразы запятой, в третьем случае, когда еще раз цитируется начало фразы, после слов «Два вола» стоит запятая. Допустим, что точка после слов «четыре вола» и написание слова «впряженные» с заглавной буквы – это просто опечатка, возникшая вследствие неаккуратного компьютерного набора, между прочим, не отмеченная в

³³ Мясоедова Н. Е. О Грибоедове и Пушкине... С. 199.

³⁴ Там же. С. 207.

списке опечаток. Но почему в одном случае слова «впряженные в арбу» не выделены знаками препинания, а в двух других – выделены, хотя во всех случаях ссылка дается на большое академическое собрание сочинений Пушкина, где этих знаков препинания нет?

А что еще интереснее: у Пушкина во всех вариантах – и предварительных, и окончательных – волны поднимались не на крутую гору, а на крутую дорогу.

И таких цитат из разных (не обязательно – пушкинских) текстов можно привести не пять и не десять.

Обратимся к вышедшей в 1999 году «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина» в четырех томах (составитель – Н. А. Тархова, научный редактор – Я. Л. Левкович)³⁵. Ничего принципиально нового по сравнению с тем, о чем уже говорилось, здесь нет, но все перечислявшиеся мною погрешности присущи и этой работе.

Кроме того, она демонстрирует нам явный пример поспешности (публиковать быстрее, к юбилею!). В конце четвертого тома вы вдруг обнаруживаете раздел «Указатели ко второму тому» с таким пояснением:

В IV томе мы печатаем исправленные указатели ко II тому «Летописи жизни и творчества А.С.Пушкина». Допущенные во II томе неточности в указателях были вызваны сбоем в компьютерной программе³⁶.

Конечно, очень удобно все свалить на безгласный компьютер, но поверьте опыту человека, который работает с компьютерами не один уже десяток лет. Не могло быть такого сбоя, при котором бы выборочно какие-то имена из именного указателя совсем пропали, у других имен при этом пропали только некоторые страницы из списка ссылок и, что самое интересное, вдруг самопроизвольно появились имена, которых в указателе не должно быть, например, Березин А. Ф., Василев И. И. и др. Аналогичные явления произошли и в других указателях. Особенно интересно этот «сбой» отразился на указателе рисунков Пушкина: вместо 31 упоминания рисунков в нем осталось всего два, но, что любопытно, этим двум рисункам в результате «сбоя» оказались приписаны именно те названия, под которыми они упоминаются в тексте, вместо названий категорий этих рисунков, которые даются в правильном варианте указателя, т. е. вместо слов «изображения людей» в результате «сбоя» появились слова «всадник и гончая на фоне пейзажа», а вместо слов «изображения животных» – слова «лошадиные головы». Ясно, что к окончательному тексту тома был просто подсоединен не самый последний, еще не законченный и не вычищенный вариант указателей, но это тоже не могло быть результатом сбоя. Это мог сделать только человек – или случайно, или не разобравшись в вариантах указателей. Но даже пусть – пусть был такой необыкновенный сбой! (Слава богу, компьютер – не человек, он на меня за это допущение не обидится). Но кто же отменял работу корректора, редактора, самих составителей, которые должны же

³⁵ Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4 т. – М, 1999.

³⁶ Там же. Т. IV. С. 710.

были проверить указатели на стадии верстки, перед подписанием тома в печать?! Хорошо, конечно, что последствия этой небрежности были исправлены хотя бы в четвертом томе, но эта попытка сложить с себя ответственность за допущенную небрежность никак не укрощает составителей и издателей.

Несколько слов о содержании «Летописи». Конечно – на уровне примеров, так как дать полный анализ такого труда – это самостоятельная обширная работа.

Встреча Пушкина с телом Грибоедова около Гергер уже не ставится под сомнение – она просто исключена из пушкинской биографии. Заодно почему-то исключена и встреча с персидским принцем, хотя сомнений в этой встрече, кажется, еще никто не высказывал. Видно, пушкинские рассказы об этом путешествии вообще уже не очень внушают доверие составителям «Летописи». Во всяком случае они с сомнением отнеслись к утверждению Пушкина, что он на следующий же день по приезде в Тифлис отправился в баню. Хотя они сами отметили, что Пушкин приехал в Тифлис поздно вечером в понедельник 27 мая, но даже уточнение Пушкина, что в бане он был именно во вторник, их не убедило. Очевидно, им показалось подозрительным – зачем бы он так заторопился в баню, пробыв в дороге всего-то четыре недели. Поэтому они на всякий случай указали, что в бане он побывал в период между 28 мая и 10 июня³⁷. Точнее они сказать не решаются. Зато им кажется вполне реальным, что если из Карса, расположенного за 260 верст от Тифлиса (за несколькими горными хребтами), Николай Раевский 8 июня вместе с предписанием Паскевича отправляет Пушкину записку в Тифлис³⁸, то уже на следующий день, 9 июня, Пушкин может зайти в канцелярию тифлисского губернатора и ее получить³⁹. Подумаешь! Ничего особенного – по факсу, наверное, передали и всё!

Перенесемся к концу 1835 года. Читаем «Летопись»:

1835. Декабрь, посл. числа...1836. Январь, нач. После одного из балов Пушкин, усмотрев в поведении В. А. Соллогуба дерзость по отношению к Н. Н. Пушкиной, вызывает его на дуэль. Вызов поэта не скоро дошел до Соллогуба, так как он **в начале января 1836 г.** уехал по делам службы во Ржев⁴⁰ (выделено мною. – И. С.).

Но ведь Соллогуб в своей записке, составленной для П. В. Анненкова и опубликованной еще в 1929 году в книге Б. Л. Модзалевского, прямо говорит:

В Октябре месяце 1835 г., бывши с Н. Н. Пушкиной у Карамзиных, имел я причину быть недовольным разными ее колкостями <...> **В то же время отправился я в Тверь<...>**⁴¹(выделено мною. – И. С.).

Из писем М. А. Бакунина также известно, что во всяком случае в двадца-

³⁷ Там же. Т. III. С. 61.

³⁸ Там же. С. 63.

³⁹ Там же. С. 64.

⁴⁰ Там же. Т. IV. С. 370.

⁴¹ Модзалевский Б. Л. Пушкин. – Ленинград: Прибой, 1929. С. 374.

тых числах ноября Соллогуб был в Твери.⁴²

Наконец, одно сугубо личное впечатление.

В IV томе я обнаружил ссылку на мою собственную публикацию. Вроде бы приятно, но, увы, первое впечатление обманчиво.

Итак, 1837 год. В «Летописи» запись:

Январь, 9. Вечером раут у Фикельмонов. Возможно, Пушкин был на этом вечере у австрийского посланника.⁴³

И единственная ссылка - на мою публикацию. Но мне кажется, что я такого не писал. Нет, что у графини Фикельмон в этот день был раут, я действительно установил из неких писем, но что касается Пушкина...

Не доверяя своей памяти, достал эту публикацию. Вот что там написано:

Пушкиных на этом вечере у Фикельмон не было - Наталья Николаевна была в хлопотах накануне венчания ее сестры с Дантесом, назначенного на 10 января.⁴⁴

Конечно, составители «Летописи» могут быть несогласны с моим мнением и считать, что Пушкин мог быть на этом рауте, но надо все-таки как-то указать, что это их, а не мое мнение.

Естественно, это – далеко не все, что можно найти в «Летописи» по части поспешности и небрежности.

В заключение, чтобы не повисло в пустоте мое высказывание о склонности новой пушкинистики к сенсационности, – несколько гипотез из неиссякаемой на интересные примеры книги Н. Е. Мясоедовой «О Грибоедове и Пушкине». Правда, одна из подобных гипотез – о том, что Пушкин не мог встретить тело убитого Грибоедова и выдумал всю эту историю с арбой – уже упоминалась. Но вот еще...

Например, почему друг Пушкина В. Д. Вольховский, занимавший высокую должность в штабе Отдельного кавказского корпуса, постарался сменить место службы и уйти из-под начальства И. Ф. Паскевича? Н. Е. Мясоедова отвечает:

В противном случае Вольховского ожидала участь Грибоедова⁴⁵.

Истолковать это я не берусь.

В самой участи Грибоедова тоже не все понятно (правда, это – уже и не пушкинистика, а грибоедоведение). Кто считает, что в его смерти виновата тегеранская чернь и подбивавшие ее муллы, кто винит персидского шаха, а кто видит и тайные происки английских дипломатов, боявшихся усиления российского влияния в Персии. Но надо смотреть глубже. Не секрет, что отношения А. С. Грибоедова с директором Азиатского департамента российского Мини-

⁴² Бакунин М. А. Собрание сочинений и писем. 1828 – 1876. Т. 1. Догегелианский период. 1828 – 1837. – М., 1934. С. 181.

⁴³ Летопись... Т. IV. С. 568.

⁴⁴ Сидоров И. С. «Это нам читал Пушкин, поэт, у Фикельмон...» // Солнце нашей поэзии. (Из современной пушкинианы). – М., 1989. С. 124.

⁴⁵ Мясоедова Н. Е. О Грибоедове и Пушкине... С. 229.

стерства иностранных дел К. К. Родофиникиным были сложными. Осветив их расхождения по ряду вопросов и показав, что

К. К. Родофиникин гласно упрекал Грибоедова в невыполнении того, что сам же запретил ему исполнять⁴⁶,

Н. Е. Мясоедова задается вопросом: почему К. К. Родофиникин это сделал? И тут же задает следующий вопрос:

Как далеко простирались его планы в отношении Грибоедова: только дискредитировать или физически уничтожить?⁴⁷

Этим трагическим вопросом Н. Е. Мясоедовой я и закончу мое сообщение.

⁴⁶ Там же. С. 136.

⁴⁷ Там же.

Приложение

Весной 2021 года была завершена подготовка последней книги «Хроники жизни и творчества А. С. Пушкина». Закончилась основная работа, в которой я участвовал много последних лет, и возникло ощущение опустошенности – что же дальше? – ведь Пушкин умер. Через некоторое время понял, что не всё сказано. В течение работы над «Хроникой», к ее концу, я уже «жил» вместе с Пушкиным. Но это не могло войти в строгое научное издание. Так появились «иллюстрации» к отдельным дням его жизни.

Из пушкинских будней*

Две встречи

Бряканье колокольчика то ли снилось, то ли слышалось.

Глухой удар – колокольчик забился резко...

Скрип ворот...

Кто?! Вдруг разрешение?! Нет, ночью не поедут. Но – кто?!

Отбросил одеяло, вскочил.

Который час? Глаз выколи.

Колокольчик прогремел мимо крыльца и замолк.

Натыкаясь на стол и кресло, как был, в одной рубашке, босиком, кинулся к двери... в коридор... Наружная дверь не поддавалась, забитая снегом.

Ругаясь, уперся в дверь плечом, и она сдвинулась, стребая на крыльце сугроб. Ветер ударил в лицо колким снегом.

Из саней вывалился кто-то большой и, проваливаясь в снегу, бежал к крыльцу.

Проклятая темнота! Кто же это?

– Пушин! – крикнул – звуки застряли в горле. Хлынули слезы. Бросился навстречу, но Пушин успел добежать до крыльца и подхватить его.

Дверь камеры отворилась, и вошел дежурный унтер-офицер.

– Есть здесь Иван Иванович?

– Есть, – откликнулся незнакомый ему мужчина. «Это – из тех, что сегодня привезли», – понял унтер-офицер.

– Извольте выйти на двор!

– Зачем?

– Надобно!

Надел арестантскую свою шинель, натянул шапку и рукавицы и, гремя кандалами, пошел за унтер-офицером. Оставшиеся в камере, молча, проводили

* Опубликовано «Две встречи», «26 мая 1829 года», «Два дня в апреле 1835 года», 235 «20 октября 1836 года» и «15 декабря 1836 года»: электронный журнал «Гостиная», 2022, лето, вып. 114. «Моря и земли» (https://gostinaya.net/?page_id=23012).

их взглядами.

Вышли на крыльцо.

– Спрашивают вас.

– Кто?

Двор, заваленный снегом, был пуст.

– Вон, – унтер-офицер неопределенно махнул рукой.

– Иван Иванович, – послышался женский голос.

Оглянулся на сопровождавшего. Тот молчал.

Сошел с крыльца и, загребая снег кандалами, пошел на голос. Сквозь щели в частоколе разглядел женскую фигуру. Невозможно было узнать, кто это.

– Здравствуйте, сударыня!

– Здравствуйте! Вот, Иван Иванович, просили обязательно вам передать.

– Спасибо! – стянул рукавицу, взял листок, просунутый между лесин.

– Прощайте! – женщина быстро пошла прочь. Посмотрел в щель ей вслед, и что-то знакомое показалось в ее фигуре. «Не Муравьева ли?»

Стянул вторую рукавицу, сунул обе в карманы шинели и развернул сложенный листок.

Он не помнил уже, когда плакал в последний раз и плакал ли вообще, выйдя из детских лет.

Слезы катились по давно не бритым щекам, застывая на морозе.

*Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил.*

Закусил губу, чтобы не разрыдаться.

*Молю святое провиденье:
Да голос мой душе твоей
Дарует то же утешенье,
Да озарит он заточенье
Лучом лицейских ясных дней!*

Перечитал несколько раз. Успокоившись, расстегнул шинель и убрал листок глубоко в карман арестантской куртки, проверил, чтобы никуда не выпал. Глубоко вдохнул морозный воздух, смахнул остатки слез и пошел к каземату.

Унтер-офицер стоял на крыльце и смотрел на него.

Гремя кандалами, взошел на крыльцо, остановился.

– Спасибо, братец! Господом Богом это тебе зачтется.

Кое-как сбив снег с башмаков, Пущин толкнул дверь и вошел в каземат.

Над Россией мело. Снег сыпался на Михайловское, на Петербург, на Москву, на Читинский острог...

26 мая 1829 года

*Ужель и впрям, и в самом деле,
Без элегических затей,
Весна моих промчалась дней
(Что я шутя твердил доселе)?
И ей ужель возврата нет?
Ужель мне скоро тридцать лет?*

А. С. Пушкин

Накануне от Коби, оставив коляску, отправился верхом вместе с полковником Огаревым. Тот осматривал дорогу перед проездом персидского принца.

Перевалили в долину Арагвы. Голые скалы Терека сменились покатыми зелеными склонами. Дорога стала шире. Можно было ехать рядом и разговаривать. Человек Пушкина ехал за ними, ведя в поводу лошадь, навьюченную двумя пушкинскими чемоданами.

Темнело. В горах темнеет быстро.

Огарев обещал Пушкину ночлег у Чиляева, здешнего начальника.

Всё ярче разгорался месяц, и ярче светилась россыпь звезд.

Дорога шла берегом Арагвы, спокойный шум которой был совсем не похож на рев Терека.

В Квешети приехали уже почти в полной темноте, но Огарев уверенно проехал к дому Чиляева. Хозяин вышел, услышав, как они подъезжают. Был он без мундира, по-домашнему. Гостеприимно поздоровался с Огаревым. Тот представил ему Пушкина.

– Очень, очень рад. Проходите!

В доме засветились огни.

Расседлали и развьючили лошадей. Чиляевский слуга повел их к стойлам.

Чиляев что-то сказал по-грузински другому слуге. Тот подхватил один из пушкинских чемоданов и, махнув рукой, повел пушкинского человека с другим чемоданом вглубь дома.

В доме Чиляев каждому из гостей указал комнату.

На столе уже стоял подсвечник с зажженной свечой. Пушкин огляделся. Комната была скромно, по-спартански, обставлена, но было чисто. Постель, стол, два стула, шкаф для платья.

Снял шляпу, сюртук, жилет, развязал шейный платок, расстегнул ворот рубашки.

В дверь постучали.

Вошел слуга, неся таз и кувшин с водой. Через плечо было переброшено полотенце.

Поставив таз на стол, он подождал, пока Пушкин засучил рукава, и стал поливать ему из кувшина. Пушкин вымыл руки, умылся, смочил волосы... Хорошо!

– Спасибо, братец.

Тот ответил ему по-грузински, подал полотенце, потом полотенцем же протер забрызганный стол и вышел.

Пушкин подошел к раскрытому окну. Шумела Арагва. В ночном небе светились звезды.

Послышался голос Чиляева:

– Александр Сергеевич, прошу поужинать!

Ужинали жареной бараниной с пряной грузинской зеленью, запивая кахетинским вином.

Разливая вино из большой бутылки, Чиляев сказал:

– А что!? Ведь не хуже какого-нибудь сен-жюльена.

После ужина сразу разошлись по комнатам.

Пушкин лег и тут же заснул, не успев даже ни о чем подумать.

Проснулся с мыслью: «Вот и тридцать... Ужель мне скоро тридцать лет?... А вот они...».

Встал, открыл окно. Хорошо! «Благорастворенный воздух», как пишут любители сельской природы! Воздух и вправду хорош. Солнце уже освещает верхушки зеленых гор. Всё так же шумит Арагва.

В доме слышалось движение. Со двора тянуло запахом жареной баранины.

Завтрак был похож на вчерашний ужин: баранина, зелень, кахетинское.

Чиляев провел пушкинского человека на кухню и распорядился, чтобы его как следует накормили. Потом чиляевский слуга помог оседлать и навьючить лошадей.

Огарев остался у Чиляева ожидать персидского принца, который, по последним известиям, должен был сегодня здесь проезжать. Пушкину сказал:

– Поезжайте спокойно, Александр Сергеевич! Дорога здесь одна, не собьетесь, и здесь не балуют. До Пайсанаура верст двадцать будет. Там – пост. Смените лошадей.

– Обрато будете ехать, милости прошу! Буду рад, – Чиляев дружески пожал Пушкину руку.

Утро было превосходное. Зеленая долина Арагвы радовала глаз.

Незаметно доехали до Пайсанаура. Опять расседливали и развьючивали лошадей. Мимо, по дороге, позвякивая колокольчиками, прошел караван навьюченных мулов. Каждый из них был привязан к идущему перед ним.

За новыми лошадьми послали на пастбище. Надо было ждать. Пушкин сказал человеку, что пойдёт вперед пешком. Пусть поведет его лошадь в поводу и догоняет.

Идти было легко. Дорога неприметно понижалась, следуя течению Арагвы. Она то приближалась к реке, серебром отблескивавшей на солнце, то отходила от нее.

Несколько верст шел, никого не встречая.

Расстегнул сюртук и жилет, снял шляпу, понес в руке. Это тебе не Невский проспект!

Подумал: вот она свобода! Ни петербургской толпы, ни московских тетушек. Усмехнулся – ни тебе голубых мундиров. В тридцать лет оказался на свободе! Подкинул шляпу, поймал её. И никому нет дела. Хорошо!

Впереди, на склоне, среди зелени показался остроконечный купол какого-то храма.

На одном из поворотов дороги увидел несколько стоящих экипажей и вокруг них русских и персидских всадников. Из передней коляски выглянул молодой, по-восточному красивый, человек и кивнул Пушкину, – вероятно, удивился, увидав человека в европейском платье, идущего пешком по этой дороге.

Пушкин кивнул в ответ и прошел мимо.

Около одного из экипажей возились несколько человек, очевидно, что-то поправляя.

Вдруг подумал, что лошадей-то в Пайсанауре могут забрать под принца. Но всё равно делать было нечего.

Вскоре дошел до Ананура.

На склоне долины над Анануром возвышались стены то ли замка, то ли монастыря с величественным храмом, остроконечный купол которого он видел издали.

Верст двадцать прошел, не меньше. Отдохнуть, подождать лошадей, зайти пока в духан, но вспомнил, что денег с собой нет. Кошелек упакован в чемодан. Не собирался в дороге ничего покупать. В кредит здесь не возьмешь. Присел на скамейку около духана.

Лошади не приходили.

Вышел духанщик.

– Господин дорогой, что на солнце сидишь? Заходи!

– Денег нет. Лошадей жду. Деньги – там.

– Заходи!

Пушкин зашел в полутемное помещение, пропитанное запахами кавказской кухни.

Духанщик обмахнул полотенцем стол, придвинул стул.

– Садись, господин дорогой!

Постелил на стол что-то вроде салфетки, положил ложку, принес стакан красного вина, горячую круглую лепешку и миску с густой мясной похлебкой.

– Кушай, господин дорогой! Такого харчо ни у кого не найдешь!

Пушкин положил шляпу на соседний стул, снял сюртук, повесил на спинку стула.

Похлебка была очень острая, но вкусная. Отламывал куски от лепешки. Запивал вином.

Усталость ушла.

– Хороший харчо?

– Очень вкусно. Спасибо!

– То-то!

Пушкин отколол от шейного платка серебряную булавку.

– Вот! Вместо денег!

Духанщик отступил на шаг.

– Господин дорогой, ты – мой гость. Какие деньги!

– Тогда – в подарок.

Духанщик сказал, что дальше по дороге будет Душет, уездный город.

– А далеко ли?

– Пешком не ходил, а верхом – не далеко. Но верст десять будет.

– Пожалуй, пойду. Спасибо за гостеприимство!

– Всегда милости прошу, господин дорогой... Только Душет, он не прямо на этой дороге, а в стороне. Там к нему своя дорога, но недалеко. Его видно.

Шлось опять легко – вниз по долине Арагвы. Глядя на зеленые склоны долины, невольно вспоминал голые теснины Терека.

Верст десять, пожалуй, уже прошел, но признаков города и ответвлений дороги не было. Начинало темнеть. Послышался лай собак. Может быть, в Душете? Или просто пастушеские?

Наконец, действительно, пошла направо дорога. Она уходила от Арагвы вверх по склону. Правда, в сумерках разглядеть вдали было уже ничего невозможно, но слышались звуки, говорившие о присутствии людей.

В гору идти было уже не так легко, да и пройденные версты давали о себе знать, но ничего другого не оставалось.

В свете яркого месяца впереди на дороге что-то блеснуло. Подошел – оказалась жидкая грязь. Какой-то источник пересекал дорогу и стекал по ней. Было скользко. Ноги проваливались в промоины. Хорошо, что в сапогах. Наконец, вышел на сухую дорогу. Впереди показались строения.

Было почти совсем темно, но спасибо месяцу!

У одного из ближних домов увидел мужскую фигуру, окликнул. Тот что-то ответил по-грузински.

Подумал: «Постоялый двор вряд ли есть... Город... Должен быть городничий».

– Го-род-ни-чий, – сказал раздельно. – Проводи. Заплачу.

Мужчина понял.

– Идем.

Дошли до дома, выделявшегося среди соседних строений. Как и другие, он стоял на склоне, и большая терраса, вроде балкона, окружала его, опираясь на столбы. В доме было темно.

Провожатый постучал в калитку и несколько раз громко крикнул. Наконец, на террасе появилась какая-то фигура и спустилась к ним. Несколько минут шло объяснение по-грузински на повышенных тонах.

Тем временем в окне засветилась свеча, и на террасу вышел, видимо, хозяин дома. Слуга, встретивший их, кажется, объяснил ему, в чем дело. Тот что-то кратко сказал, слуга отворил калитку и повел их на террасу.

Пожилой грузин в наброшенном на плечи мундире оглядел Пушкина, поздоровался по-русски и спросил, что ему угодно.

Понял, что это и есть городничий.

– Ночлег, стакан вина и абаз вот ему.

Городничий еще раз внимательно, насколько это было возможно в темноте, оглядел Пушкина, достал из кармана мундира кошелек, вынул монету и отдал пушкинскому проводнику, что-то сердито выговаривая ему по-грузински. Тот сразу ушел.

Прошли в комнату, где горела свеча. Городничий уже при свете снова внимательно оглядел Пушкина и молчал. Пушкин решительно снял сюртук, бросил шляпу на стол. На лице городничего выражались недоумение и недоверие. Пушкин вынул из кармана жилета подорожную и протянул ему.

Городничий развернул бумагу и поднес к свече. Недоверие пропало с его лица. Вернув подорожную, спросил:

– Почему пешком?

– Лошади должны были догнать, но пока не догнали. Придут – отдам абаз.

– Не надо.

Пушкин тем временем сел на стул и начал стаскивать грязные сапоги.

Городничий что-то сказал слуге, стоявшему тут же. Тот поклонился и вышел.

– Вот диван. Отдыхайте, – городничий тоже вышел.

Слуга принес туфли с загнутыми носами, таз и кувшин.

После умывания ушел, забрав с собой сапоги.

Еще раз вернулся, неся стакан вина и подмышкой одеяло и небольшую подушку.

– Спасибо!

Тот ответил по-грузински, поклонился и вышел.

Комната была не очень уютная, но не жить же в ней, до утра только.

Выпил вино, разделся, посмотрел на часы. Уже половина первого!

Усмехнулся: вот и тридцать первый год пошел.

Задул свечу, лег, вытянул уставшие ноги.

Закрыв глаза...

Он всё шел и шел, но почему-то не двигался с места... Из сумерек выплыла тонкая женская фигура в бальном платье... Никак не мог разглядеть лицо...

Среди ночи проснулся... Проклятые блохи!.. У Чилиева их не было.

Два дня в апреле 1835 года

7 апреля

Сняв свою камер-юнкерскую шляпу, Пушкин стряхнул с нее снег. Никита принял у него шубу и тоже встряхнул ее. На полу сразу образовались лужицы. Пушкин сел, и Никита, стянув с него сапоги, сказал:

– Надень, Лександр Сергеич. Нарочно у печки грел.

Пушкин с удовольствием всунул ноги в теплые домашние туфли.

– Спасибо, Никита!

Прошел в гостиную. Навстречу ему из своей комнаты вышла Наташа.

– Христос воскресе!

– Воистину воскресе, Наташенька!

Троекратно поцеловал ее.

– Не замерз?

– Нет, но метет, как в степи. Сестры еще не вернулись?

– Нет. Думаю, может, за ними карету послать?

– Боюсь, что карета и не проедет. Сейчас хорошо тем, кто до сих пор поленился пересечь с полозьев на колёса. Вот тебе и апрель! Хорошо, что я пешком пошел. У дворца карет – столпотворенье. Вязнут в снегу. А на Миллионной дворники тротуары чистят, и у австрийского посольства – тоже. Можно пройти.

– Первый раз я не была на пасхальной службе.

– И хорошо сделала. Куда тебе сейчас с твоим брюхом? Да в такую погоду! Ты же уже и говела, и причастилась. А помолиться ты и дома помолишься. Небось всю ночь на коленях простояла?

– Нет. Я даже уже и поспала.

– И хорошо.

В прихожей послышались голоса сестер, громко радовавшихся, что, наконец, попали в тепло.

Поздоровавшись и похристосовавшись, они побежали в свою комнату переодеваться.

Направляясь вслед за сестрами, Наташа сказала:

– Через час будем обедать.

– Хорошо.

- Пушкин пошел в кабинет, снял мундир и надел халат. Выйдя из кабинета, прошел через комнаты, окна которых выходили на Неву. По набережной и по реке мело.

Дошел до детской. Маша и Саша сидели за своим маленьким столом, ели.

– Христос воскресе!

– Воистину воскресе! – откликнулась нянюшка. Дети тоже пытались что-то сказать с набитыми ртами.

Пушкин засмеялся. Обоих поцеловал.

– Ешьте, ешьте!

Похристосовался с нянюшкой. Она смутилась. Он улыбнулся и вышел.

В кабинете прилег, было, на диван, но встал, подошел к столу, который был почти весь завален бумагами, которые были ему нужны, пока он писал «Путешествие в Арзрум». Четыре дня, как кончил.

Сверху лежала одна из тетрадей, в которой писал во время поездки. Открыл ее, взял перо, обмакнул в чернильницу и тут же на свободном развороте написал:

О люди! низкий род! достойный слез и смеха

Жрецы Минутного, поклонники Успеха.

Пожалуй, начало. Дальше что-то пока ничего.

Снова лег на диван.

Вернулся памятью во дворец.

Всё было, как всегда, как положено по церемониалу. Вместе с другими придворными в Кавалерском зале ожидал выхода императорской семьи. При ярком освещении сверкало золотое шитье на мундирах мужчин и платьях дам, которые казались прекрасными цветами в окружении мундиров. Стоял отдельно. Ни князя Вяземского, ни Смирнова, с которыми обычно общался, не было. Оба - за границей. Был граф Бобринский, но они только поздоровались. Граф был при исполнении служебных обязанностей – церемониймейстер.

Возникло какое-то движение. Появился Бобринский, разговоры смолкли. Он сделал рукой приглашающий жест, и все потянулись к выходу из зала, выстраиваясь в должном порядке.

Не торопился. Предстояло идти почти в самом конце, в паре с Ремером, вместе с которым он одним указом был пожалован в камер-юнкеры год назад.

Когда императорская семья подошла ко входу в церковь, увидел возвышающуюся почти надо всеми голову царя. Как всегда во время официальных церемоний, Николай был очень монументален. Александра Федоровна рядом с ним казалась миниатюрной. В какой-то момент царь выступил вперед и был виден во весь рост – в высоких сапогах, белых лосинах и строгом генеральском мундире с андреевской лентой через плечо.

Поймал себя на том, что царь своей статью и костюмом кого-то напомнил, кого недавно видел, но не мог вспомнить – кого.

Всю заутреню простоял недалеко от входа в церковь. Придворные из последних рядов уже не помещались в нее. Слышно было хорошо. Речитатив митрополита сменяли ангельские голоса певчих.

Между заутреней и литургией императорская семья вышла из церкви и принимала поздравления от придворных и офицеров. Опять мог разглядеть царя, и опять он кого-то напомнил. Но это было мимолетно.

Отслушав литургию, императорская семья отправилась на свою половину, и процессия придворных сопровождала их.

Освободившись, не торопился уходить, пережидая толкотню на выходе из Комендантского подъезда. Прошел в Военную галерею. Нравилось здесь. Сегодня еще до церемонии уже успел зайти в неё, и сейчас, не спеша, в который раз всматривался в эти столь разные лица. Кое-кого просто встречал, а кое-кого знал хорошо. Вот лихой Денис с седеющим чубом... Суровый, в мужественном повороте, Ермолов... Николай Николаевич Раевский...

Остановился у выхода из галереи в Гербовый зал. По обе стороны дверей – в полный рост – Кутузов и Барклай де Толли. Рядом, но разделенные проходом. Как и в судьбе – рядом, но разделенные...

Кутузов – в шинели, подбитой мехом, на фоне зимнего пейзажа – свидетеля бегства наполеоновской армии.

Барклай – в мундире... Так вот на кого похож Николай! Тот же генеральский мундир с андреевской лентой, те же белые лосины и высокие сапоги, та же стать. И совсем разные. Лица – разные. И дело не в том, что у Николая волос побольше и усы. И не в том, что у Николая глаза – светлые, а у Барклая – темные. В самом выражении лица: Николай – монумент, а Барклай – уверенный в себе, твердо стоящий на земле, но – человек. С думающим серьезным взглядом, с порою как бы мелькающей улыбкой на губах: то вроде она есть, то вроде – нет.

Долго стоял перед Барклаем. Как же он перенес двенадцатый год?! И недоверие, и чуть ли не обвинение в измене, и отстранение от командования. А потом – возвращение. Вот таким, как на портрете, он и вошел в Париж. Тогда уже – и граф, и князь, и все его славят...

Наконец, вышел из Военной галереи, спустился к Комендантскому подъезду, получил свою шубу и вышел из дворца. По Дворцовой площади мело. Кареты едва пробивались через снежные заносы. Поднял воротник и свернул на Миллионную. Дворники ожесточено чистили тротуары, снег их опять заносил, но пройти было можно. У французского посольства было совсем чисто. Правда, через Суворовскую площадь пришлось перебираться, но на набережной у австрийского посольства было опять чисто. Усмехнулся: «Спасибо Фикельмону!». Мимо Летнего сада тоже было непросто пройти, а там уже – через Фонтанку, и дом – рядом...

В дверь постучали, и вошел Никита:
– Лександр Сергеич, просят к обеду.

16 апреля

Пушкин проснулся от непонятного шума. Обычно в кабинете его, выходящем окнами во двор, всегда было тихо. Ему это нравилось. Ничто не отвлекало. А сейчас слышался какой-то гул и порою даже скрежет.

Встал, подошел к окну. Уже светало. Во дворе было пусто.

Надел халат, вышел в гостиную.

Всё стало понятно. Нева вскрылась. Несла льдины, наползавшие друг на друга и порою скрежетавшие о камни набережной.

Ну вот и весна, наконец!

От той пасхальной зимы уже ничего не осталось. Тепло, дожди и туман съели весь снег. В Летнем саду деревья еще голые, но кусты уже обрызганы зеленью.

Вернулся в кабинет, лег, как был – в халате. Уже не спалось. Вспомнил пасхальный снегопад, дворец, Военную галерею. Пожалуй, лучшее украшение дворца...

Встал, подошел к столу. Арзрумские материалы были уже убраны. Зажег свечу. Взял альбом, бывший с ним в Болдине. Перевернул его задом наперед. Там были еще свободные листы. И начал быстро писать, для скорости даже не дописывая понятные слова. Писать и тут же править:

В чертоге есть палата.

Зачеркнул «*В чертоге*», над зачеркнутым написал «у *Р. царя*», тут же приписал «*в чертогах*»:

*У Русскаго царя в чертогах есть палата
Она не золотом, не бархатом богата*

И дальше писал и правил, писал и правил, писал и правил...

Перешел уже на шестую страницу.

А кончить надо как раз тем, что написал тогда на Пасху, думая, что это будет начало.

Арзрумской тетради под руками не было. Написал по памяти, поправил:

*О люди! жалкий род, достойный слез и смеха.
Жрецы минутного, поклонники успеха!*

Сделал росчерк-концовку и пометил:

*16 апреля
1835.*

И тут же исправил:

*7 апреля
1835.
Светл. воскр.*

Ведь тогда уже начинал, но почему-то не пошло.

Просмотрел.

Как нередко бывало, написал несколько строк продолжения.

Надписал заглавие: «*Барклай де Толли*».

Взял большой лист, сложил вдвое и начал перебеливать, продолжая, конечно, править.

Закончив, пометил:

7 апр. 1835.

Светл. воскр.

С. П. Б.

Мягкость и мороз

Не заметил, как прошло время. За окном было уже совсем светло.

Задул почти догоревшую свечу.

Вышел в гостиную. Тут же подошла Наташа.

– Работал? Я заглянула, ты даже не заметил. Не стала мешать. Позавтракаешь? А то уже и обед скоро.

– Хороший день! Пожалуй, позавтракаю. А дети видели, как лед по Неве идет?

– Да, я им показала. Очень радовались.

Взял Наташину руку, поцеловал.

– Спасибо Богу, что ты у меня есть.

Два дня на Каменном острове в 1836 году

24 июня

Наташа вышла на крыльцо. Карета уже стояла с открытой дверцей, подножка была откинута, а около кареты гарцевали, сдерживая лошадей, Александрина и Катрин.

Ясное небо. Как будто и не было дождя накануне. Но холодно для конца июня, и ветер шумит в берёзах. Наташа закуталась в шаль и села в карету. В ту же минуту две всадницы оказались за воротами, и кучер потянул вожжи, понукая лошадей и поворачивая их тоже к воротам.

Свернув от ворот направо, поехали по большой березовой аллее. Нечастые прохожие с интересом смотрели на эту кавалькаду. Всадницы то обгоняли карету, то ехали рядом с ней.

Наташа радовалась поездке. Это был первый ее выход после рождения маленькой Наташи. Как будто вырвалась из заточения. Месяц она просидела в своей комнате на втором этаже дачи. Сначала, как это обычно бывало у неё после родов, она плохо себя чувствовала. Потом уже тетюшка не разрешала ей даже спуститься вниз, так как считала, что на первом этаже слишком сыро из-за близости реки, холодной погоды и нередких дождей. И вот наконец-то!

Захотелось хотя бы взглянуть на церковь, в которой через три дня будут крестить Наташеньку. Самой-то ее при этом не будет

Колёса прогрохотали по деревянному настилу моста через канал. Вскоре выехали к площадке, к которой сходились несколько аллей, и повернули в первую же аллею налево, в сторону Каменноостровского проспекта.

Вдоль аллеи среди деревьев тут и там виднелись дачи.

Доехав до проспекта, остановились. Надо было его переехать, но движение по нему было почти непрерывное: коляски, кареты, кабриолеты, телеги. Из города и в город. Наконец, дождавшись некоторого перерыва, пересекли проспект и поехали по нему в сторону Строгановского моста.

Впереди показалось краснокирпичное готическое здание церкви Рождества Иоанна Предтечи. Наташа попросила кучера придержать лошадей и несколько раз перекрестилась, глядя на церковь. В этой церкви крестили Сашу и Гришу, а теперь будут крестить Наташеньку.

Перед въездом на Строгановский мост снова пришлось переждать, пока появилась возможность пересечь проспект в обратную сторону. Теперь они ехали к даче по берегу Большой Невки. Река рябила от солнца.

Вернувшись к даче, Наташа пошла в дом, так как было прохладно, а сестры поехали к конюшне передать лошадой конюху. Туда же покатила и карета.

Проходя по первому этажу, Наташа хотела постучать в комнату Александра, но удержалась – наверняка, работает.

Она поднялась в свою комнату и попросила горничную привести к ней детей. Села в кресло у окна. Через некоторое время на лестнице послышались топот и возня. Первой уверенно топала Маша, за ней – Саша, иногда помогая себе руками. За ними нянюшка несла на руках Гришу. Маша и Саша подбежали к ней. Она каждого перекрестила и поцеловала в лобик. Нянюшка спустила на пол Гришу, и он тоже, неуверенно переваливаясь, подошел к Наташе. И его она перекрестила и поцеловала в лобик.

Дети прижались к её коленям, и она обхватила их всех.

– Где были? Что видели?

– Дядька карету делал, - первой ответила Маша.

Наташа поглядела на нянюшку.

– Да проходили мы мимо каретного сарая, а там каретник что-то налаживал у большой кареты.

– Как Наташенька?

– Да как ей быть? Ест, спит, покрикивает. Боевая будет барышня.

Наташа улыбнулась и прижала детей к себе.

5 июля

Отложил перо, потянулся. Слава Богу, закончил статью о лобановском мнении о духе литературы. Пойдет в третий том «Современника». Подождал, пока высохнут чернила. Перелистал ее к началу. А что уже есть для третьего тома? Пометил: Тютчев, статья князя Козловского (дай Бог ему здоровья!). Ну и свои – и стихи, и статьи. Надо будет выбрать.

Кто-то постучал в дверь.

Резко ответил:

– Кто там? Занят.

– Лександр Сергеич, газеты привезли. Вы просили.

– Ну, давай!

Вошел Никита, неся в одной руке пачку газет, в другой – миску, накрытую блюдцем.

– Свежая черешня, Лександр Сергеич.

Никита отдал Пушкину газеты, а миску поставил на стол, на бумаги.

– Сколько раз говорил – на бумаги ничего не класть!

Никита приподнял миску, и Пушкин освободил место для нее.

– Спасибо, Никита!

– На здоровье, Лександр Сергеич!

Никита неспешно вышел и прикрыл дверь.

Пушкин усмехнулся: чуть не назвал его Савельичем. Роман... Роман надо кончать.

Бросил в рот пару черешен и принялся за газеты.

Их привезли из городской квартиры.

Три дня назад сам был в городе, но зашел в магазин к Беллизару (почти две недели не был). Часа два просматривал книги. Набрал столько, что пришлось извозчика нанимать. Не до газет уже было.

Разложил газеты по числам.

Развернул «Северную пчелу». Вторник 30 июня. О чем пчелка жужжит?

27-го Июня, в день воспоминания знаменитой победы под Полтавою, ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ благоугодно было назначить торжественное открытие Чесменской Военной Богадельни. Оно происходило следующим образом.

В начале первого часа по полудни изволили прибыть в Чесму ИХ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР, ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА, ГОСУДАРЬ ЦЕСАРЕВИЧ НАСЛЕДНИК, ИХ ИМПЕРАТОРСКИЕ ВЫСОЧЕСТВА ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ МИХАИЛ ПАВЛОВИЧ и ГОСУДАРЫНЯ ВЕЛИКАЯ КНЯЖНА МАРИЯ НИКОЛАЕВНА и встречены у подъезда Членами Комитета, Высочайше учрежденного в 18 день Августа 1814 года.

Почетный караул был от Гренадерского Графа Румянцева-Задунайского полка. У входа в церковь стояли на часах Дворцовые Гренадеры.

При вшествии ИХ ВЕЛИЧЕСТВ в церковь, началось благодарственное с коленопреклонением молебствие, которое совершал Обер-Священник Главного Штаба ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, и пели Придворные певчие. По возглашении многолетия ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ, ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ и всему Царствующему дому, провозглашена вечная память Императору ПЕТРУ I-му, Императрице ЕКАТЕРИНЕ II, Императору ПАВЛУ I-му и Императору АЛЕКСАНДРУ I-му, а потом многолетие победоносному Российскому воинству.

При сем находились: Главный Штаб ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, знатнейший Генералитет, Члены Военного Совета и Генерал-Аудиториата.

А ведь они в этот самый день крестили Наташеньку. И не было при этом ни обер-священника, ни знатнейшего генералитета, этой толпы в лентах и звездах. И слава Богу!

Но что-то ведь зацепило.

Пробежал статью еще раз.

... У входа в церковь стояли на часах Дворцовые Гренадеры...

У входа в церковь!.. Что и от кого охраняют?... Или оказывают почести Богу?...

Больше пчелка ничего интересного не нажужжала.

Взял «Санктпетербургские ведомости». Среда 1 июля.

Начинаются с той же самой статьи.

Отложил газеты.

Прошелся по комнате, постоял у окна, но ничего не видел – что там за окном – весь ушел в себя.

Вернулся к столу, сел в кресло.

Не глядя, вытащил из стопки чистый лист бумаги. Долго на него смотрел.

Но вот обмакнул перо в чернильницу.

И стал писать – стремительно, почти не останавливаясь.

Когда великое свершалось торжество...

Морщился, когда чувствовал, что надо другое слово. Так же стремительно зачеркивал старое, вписывал новое. Если сразу не находилось, оставлял место, но не останавливался.

Перевернул исписанную страницу, не замедляясь, написал еще четверостишие и тут же под ним поставил:

5 июля.

Задумался. Ниже, уже не таким стремительным почерком, написал еще четыре строки и крестиком пометил, куда их вставить.

Давно так не писалось.

Просмотрел, кое-что поправил и наверху уже совсем другим, никуда не летящим почерком написал название:

Мирская власть.

Три дня в октябре 1836 года

Пушкин взял колокольчик, стоявший рядом с чернильницей, и позвонил. Через некоторое время в кабинет вошел Никита и остановился у двери.

– Надо отнести барону Корфу. Это – через два дома от нас в сторону Невского.

Пушкин протянул Никите записку.

Тот как-то набычился, помолчал и сказал:

– К Корфу не пойду.

Пушкин удивленно посмотрел на него, а потом расхохотался:

– До сих пор простить не можешь?!

Никита молчал.

– Ладно, пусть кто-нибудь из мальчишек отнесет. Скажи, что я велел.

Никита взял записку и вышел.

– Памятливый...

Пушкин улыбался, вспоминая тот случай.

Это же почти двадцать лет прошло. Жил он тогда с родителями в Коломне после Лицея, и семья Корфов – в том же доме. Что там уж вышло между Никитой и слугой Корфа, не вспомнить. Но Корф побил Никиту. Узнав об этом, Пушкин вспылил (девятнадцатый год шел!) и вызвал Корфа на дуэль, но Корф хладнокровно отказался, сказав, что он – не Кюхельбекер. Тот еще в Лицее, обидевшись на Пушкина, вызывал его на дуэль, но никто не воспринял это всерьез.

Два дня назад, утром, Пушкин вышел из дома, собираясь зайти в книжную лавку Лисенкова. Он шел по набережной Мойки к Невскому проспекту. Было холодно и пасмурно, но ни дождя, ни ветра, слава Богу, не было. Из-под арки дома, к которому он подходил, выехала коляска и тоже повернула к Невскому. Вдруг седок велел кучеру остановиться и, приподнявшись в коляске, обернулся. Пушкин узнал Модеста Корфа.

Они поздоровались, и Корф предложил Пушкину подвезти его, но выяснилось, что по Невскому им – в противоположные стороны. Корф вышел из коляски, они пожали друг другу руки, и Корф велел извозчику ехать и ждать его у выезда на Невский проспект.

Пошли вместе.

– У Яковлева увидимся девятнадцатого?

– Обязательно, а может быть – и раньше. Говорят, Мясоедов приехал и хочет дать обед однокашникам.

Помолчали, и Корф спросил:

– Александр, а как твоя история Петра?

– И как, и никак. Материалов много, а написанного нет. Очень сложно. Фигура великая, но противоречивая. Великая – не охватить в целом, хочется отойти, чтобы рассмотреть всю. Но надеюсь – справлюсь, хотя как скоро – не знаю.

Пушкин увлёкся, рассказывая. О Петре I он мог говорить бесконечно.

Корф внимательно слушал.

У Невского они распрощались. Корф сел в коляску и поехал направо, а Пушкин пошел налево.

Проходя мимо магазина Беллизара, не удержался и зашел. Просматривал новые книги, но преодолел искушение и купил только свежее парижское издание сказок Перро.

Перешел к Гостиному двору, дошел до Садовой, где во флигеле Пажеского корпуса помещался магазин Лисенкова. Пушкин любил этот магазин и его хозяина, который всегда гостеприимно принимал его, зная, что Пушкин интересуется новинками русской литературы для раздела «Новые книги» в «Современнике».

И в тот день Лисенков радостно встретил Пушкина, принял от него плащ и шляпу, усадил в кресло и выложил перед ним на стол всё, что появилось нового за последние дни. Пушкин быстро пролистывал книги, схватывая их содержание, но ничего не записывал. Библиографические справки об этих книгах он возьмёт потом из газетных объявлений того же Лисенкова и других книгопродавцев. Просидел довольно долго, и Лисенков напоил его чаем.

Домой в тот день вернулся к обеду.

А вчера под вечер ему принесли какой-то сверток с запиской от Корфа. Не разворачивая ещё свертка, Пушкин прочитал записку:

*Лет пятнадцать тому назад, когда служба не поглощала еще всего моего времени, мне хотелось ближе изучить Русскую историю, и это постепенно навело меня на мысль: составить полный библиографический каталог всех книг и пр. когда либо изданных о России, не в одном уже историческом, но во всех вообще отношениях и на всех языках: труд компилятора, но который в то время приносил мне неизъяснимое удовольствие. Перебрав все возможные каталоги, перерыв все наши журналы, перечитав всё, что я мог достать о России и воспользовавшись всеми, сколько-нибудь надежными цитатами, — я собрал огромный запас материалов, в последствии, однакож, оставшихся без всякой дальнейшей обработки и частью даже растерянных. Последний наш разговор о великом твоём труде припомнил мне эту работу. Из разрозненных ее остатков я собрал всё то, что было у меня в виду о Петре Великом и посылаю тебе, любезный Александр Сергеевич, *ce que j'ai glané sur ce champ*, разумеется, без всякой другой претензии, кроме той, чтобы пополнить твои материалы, если, впрочем, ты найдешь тут что-нибудь новое. Это одна голая, сухая библиография, и легче было выписывать заглавия, чем находить самые книги, которых я и десятой части сам не видал. Впрочем в теперешней моей выборке я ограничился решительно одними специальностями о Петре Великом, его веке и его людях, не приводя ника-*

ких общих исторических курсов, и т. п. В этой выборке нет ни системы, ни даже хронологического порядка: я выписывал заглавия книг так, как находил их в своих заметках, и искренно рад буду, если ты найдешь тут указание чего нибудь, до сих пор от тебя ускользнувшего, а еще больше, если по этому указанию тебе можно будет найти и достать самую книгу. Я охотно обратил на это несколько часов свободного моего времени и прошу ценить мое приношение не по внутреннему его достоинству, а по цели.

Весь твой Модест.

13 окт. 1836.

Разумеется, что указания мои не идут дальше той эпохи, в которую я ими занимался; всё вышедшее после того, при перемене моих занятий, совершенно мне чуждо, и из прежнего, как я уже сказал, многое пропало: это одни остатки.

Прочитав записку, Пушкин развернул сверток. В нем оказалось несколько листов, исписанных аккуратным почерком Модеста.

Библиографических выписок было и вправду много – пожалуй, несколько сотен. «Узнаю старательного Модиньку. Он и в Лицее был таким».

Пушкин углубился в чтение, перелистывая рукопись. Что-то из этого он знал, но многое видел впервые.

Отложив корфовские бумаги, задумался, вздохнул: «Да, прочитал много, знаю вроде бы много, но чего-то цельного пока не складывается, а без этого писать нельзя». Усмехнулся: «А напишу хотя бы так, как сейчас чувствую, так печатать не разрешат... Да, надо заканчивать “Капитанскую дочку”, отослать вторую часть на цензуру Корсакову... Подготовить материалы для четвертого “Современника” и тогда снова - за Петра».

Утром сел за рукопись романа, но, посмотрев на лежавшую рядом на столе корфовскую библиографию, взял лист почтовой бумаги.

Вчерашняя посылка твоя мне драгоценна во всех отношениях и останется у меня памятником. Право, жалею, что государственная служба отняла у нас историка. Не надеюсь тебя заменить. Прочитав эту номенклатуру, я испугался и устыдился: большая часть цитованных книг мне неизвестна. Употреблю всевозможные старания, дабы их достать. Какое поле — эта новейшая Русская история! И как подумаешь, что оно вовсе еще не обработано, и что кроме нас, русских, никто того не может и предпринять! — Но история долга, жизнь коротка, а пуще всего, человеческая природа ленива (русская природа в особенности). До свидания. Завтра, вероятно, мы увидимся у Мясоедова.

Сердцем тебе преданный

14 Окт.

А. П.

Сложив записку конвертиком, запечатал ее и написал на чистой стороне:

*«Его Превосходительству
Милостивому Государю
Модесту Андреевичу
Барону Корфу».*

Взял колокольчик, стоявший рядом с чернильницей, и позвонил.

20 октября 1836 года

Лежал на диване. Вставать не хотелось. Проклятый кашель начался ночью и насморк, но похоже, что простудился не вчера, а ещё раньше. Вчера у Яковлева, на лицейской встрече, уже чувствовал какую-то слабость, даже стихи не смог прочитать. Погода, конечно, в последние дни: то дождь, то ветер, а три дня назад ночью – почти буря. А ведь в Михайловском он такую погоду как раз любил. Правда, там одеваешься по-другому. Да и верхом лужи не страшны... Но обычная петербургская погода... Просто в последние годы его в это время почти никогда не было в Петербурге – то Болдино, то Михайловское. И писалось в такую погоду хорошо.

Негромко постучав в дверь, из детской вошла Наташа.

– Ну как?

– Да ничего, только кашель вот.

Она приложила ладонь к его лбу.

– Жара, слава Богу, нет.

Пушкин поймал её руку и поцеловал. Наташа улыбнулась.

– Всё-таки сейчас пошлю за Спасским.

Она вышла.

Через час в сопровождении Наташи в кабинет вошел Спасский, как всегда, уверенный и громкоголосый.

– Александр Сергеевич, что же это вы? Я уж не помню, когда я вас от чего-нибудь лечил.

– Здравствуйте, Иван Тимофеевич!

Наташа не ушла, осталась.

Спасский придвинул к дивану стул, сел и поставил рядом на пол свой докторский портфель. Попросил Пушкина повернуться лицом к окнам и посмотрел его горло. Пощупал лоб. Достал из портфеля небольшую трубку и попросил Пушкина расстегнуть халат. Долго слушал, прикладывая трубку к груди в разных местах, пережидая пока Пушкин откашляется.

Наташа тревожно смотрела на них.

Спасский убрал трубку.

– Наталья Николаевна, не волнуйтесь! Опасного, слава Богу, ничего нет, а с кашлем и насморком мы справимся.

Он перешел к столу, сел в кресло и, чуть-чуть отодвинув пушкинские бумаги, достал из портфеля небольшой листок и написал рецепт.

– Вот – принимать каждый час. Завтра заеду ещё.

Спасский протянул рецепт Наташе.

– До завтра, Александр Сергеевич!

– Спасибо, Иван Тимофеевич!

Задержавшись у двери, Спасский сказал:

– Двери плотно закрывайте, а то - сквозняк. Они у вас прямо одна против другой. А сквозняк сейчас совсем ни к чему.

Наташа проводила Спасского и вернулась.

– Никиту в аптеку уже послала.

– Помоги мне.

С Наташиной помощью устроился на диване полусидя-полулёжа, опираясь спиной на поднятую подушку.

– Вот и хорошо.

Подтянул поближе стоявшую у дивана конторку.

– И дай, пожалуйста, рукопись – вон там слева на столе. Спасибо!

Наташа ушла в детскую.

Пушкин положил переписанную начисто вторую часть «Капитанской дочки» на колени и стал внимательно просматривать, откладывая просмотренные листы на конторку. Изредка все-таки кое-что поправлял. Только кашель отрывал от работы.

Время проходило незаметно.

Снова вошла Наташа, уже неся рюмку с микстурой.

– Выпей! Я буду приносить, а то ты забудешь.

– Спасибо, душа моя!

Через какое-то время раздался стук в дверь из прихожей. Вошел Никита.

– Александр Сергеич – записка, и просят сразу ответ.

Записка была от князя Одоевского, который спрашивал, не сможет ли Пушкин прийти к нему. У него гость из Тифлиса с рукописью, которая может быть интересна для издателя «Современника».

– Никита, дай мне со стола какой-нибудь листок.

Написал:

Я дома больной в насморке. Готов принять в моей комнате любезного гостя — но сам из комнаты не выду.

А. П.

Сложил записку, отдал Никите и опять погрузился в рукопись.

Снова приходила Наташа с микстурой.

Через час – новый стук, и вошел Никита.

– Александр Сергеич! Князь Одоевский и господин Титов.

– Проси!

Пушкин отложил рукопись и по возможности повернулся к двери.

– Милости прошу, господа! Простите, что, как старая дама, принимаю вас в постели!

На спутнике Одоевского был сюртук, но чувствовалась военная выправка.

Они поздоровались, и Одоевский представил гостя:

– Николай Павлович Титов из Тифлиса.

– Простите, а Владимир Павлович Титов вам не родственник?

– Брат.

– Ну, тогда мы почти знакомы... Берите, пожалуйста, стулья! Простите, что заставляю вас самих этим заниматься.

Гости сели около дивана.

– Давно из Тифлиса?

– Выехал в конце сентября. Я уже почти две недели в Петербурге.

– И князь, значит, прятал вас от нас? – Пушкин засмеялся. – И что же вы привезли из этого замечательного края?

Титов открыл принесенный им портфель и вынул довольно объемистую рукопись.

– «Неправдоподобные рассказы Чичероне дель К.....о», – прочитал Пушкин название. – И о чем же эти рассказы?

– Александр Сергеевич, это роман в трех частях или вернее – нечто в трех романах, – вступил Одоевский. – Первый том мы уже готовим к цензуре. Николай Павлович доверил мне редактирование. Мне кажется, что вы могли бы выбрать что-то для журнала, и это к тому же привлекло бы внимание публики к роману, когда он выйдет. Думаю, что лучше всего взять из первой части, поскольку она первой и выйдет. В ней действие происходит на Балканах во время турецкой войны. Но посмотрите сами – как вам покажется. А в третьей части, между прочим, – Кавказ. Мне даже показалось, что эта часть в чем-то перекликается с вашим «Путешествием в Арзрум».

В этот момент в кабинет вошла Наташа с микстурой.

– Здравствуйте, господа! Простите, что прерываю вашу беседу. Александру Сергеевичу надо принять лекарство.

Гости встали.

– Здравствуйте, прекрасная Наталья Николаевна, – сказал Одоевский.

Титов молча поклонился.

Одоевский с улыбкой наблюдал за своим спутником, который не мог оторвать взгляда от Наташи, и на лице его отражалось буквально потрясение.

Пушкин выпил микстуру. Наташа еще раз с улыбкой попросила прощения и вышла. И её улыбка, кажется, лишила Титова дара речи.

Да, Одоевский тоже пережил нечто подобное при первой встрече с ней. Постепенно привык, не переставая восхищаться.

Гости сели.

– Если князь так вас рекомендует, то я заранее соглашаюсь на такое предложение, – сказал Пушкин. – Оставьте мне рукопись дня на два и

приходите, например, послезавтра в любое удобное для вас время. Я, как видите, всё время сейчас дома. Всё обсудим. Князь, а кому на цензуру собираетесь отдавать?

– Петру Александровичу Корсакову.

– Хорошо. Лучшего я вам и не посоветовал бы. Я сам сейчас передаю ему небольшой роман.

– А о чем роман, Александр Сергеевич?

– Пока цензуру не пройдет, говорить не хочу.

Гости стали прощаться:

– Не будем утомлять вас, Александр Сергеевич.

Титов убрал рукопись в портфель и оставил его около дивана. Пушкин пожал им руки, и они вышли, а он снова погрузился в свой роман.

Спускаясь по лестнице, Титов сказал:

– Что же вы меня не предупредили?

Одоевский улыбнулся:

– Я же не знал, что она ему лекарство принесет. Но ничего – не вы первый и, думаю, не последний. Это она ещё просто, по-домашнему. А видели бы вы её на каком-нибудь балу!

– Нет, не надо на балу. Такая красота в доме! Она достойна Александра Сергеевича.

– А кое-кто считает, что он её не достоин.

– Ну, это уже совсем глупости.

Они вышли на набережную и пошли к Конюшенному мосту.

29 октября 1836 г.

Пушкин стоял у окна.

За окном было пасмурно и, наверняка, холодно. Дождя, правда, не было. И так весь октябрь.

Постучав в дверь, вошел Никита и молча положил на стол пакет.

*Его Высокоблагородию
Милостивому Государю
Александрю Сергеевичу
Пушкину
в собственные руки.*

Любопытно! Пушкин сел в кресло, вскрыл пакет и нашел в нем письмо и счета. Письмо было от владельца Гутенберговой типографии.

Посылаю вам, Милостивый Государь Александр Сергеевич, счет за все три книжки Современника и как вы мне предлагали вместо уплаты напечатать Евгения Онегина, то потрудитесь уведомить меня, могу ли я приступить теперь к печатанию его, – у меня уже всё для этого готово; если же вы почему нибудь переменили ваше намерение, то сделайте одолжение пришлите с посланным моим следующие мне по счету деньги, в которых я терплю крайнюю теперь нужду. Вы кажется не можете на меня пожаловаться – я был необыкновенно терпелив.

Всегда готовый к услугам вашим

29 Октября

Б. Враский

Посмотрел приложенные к письму три счета.

Первый видел ещё в апреле: за первый том «Современника – 1212 руб. 50 коп. Да ещё 15 руб. за напечатание в это же время похоронных билетов в связи с кончиной матери.

Действительно, тогда же договорились с Враским об издании «Евгения Онегина», из выручки за продажу которого Пушкин и расплатится за «Современник». Но это было тогда, а сейчас ему не хочется печатать «Онегина» у Враского. Есть интересное предложение от Глазунова издать его в виде мини-атюрной книжки. Так напечатали басни Крылова. Очень понравилось.

Второй счет – за второй том – на 1077 руб 50 коп. и ещё счет за третий том (уже меньшим тиражом) – на 870 руб.

Итак, всего – на 3175 руб.

И откуда их взять, если не печатать у него «Онегина»? «Пришлите с посланным!»! Присылать нечего...

Вчера пришел счет от бумажной фабрики Кайдановой за бумагу для «Современника» на 2447 руб. 50 коп. Хорошо хоть не требовали прислать деньги «с посланным». Пушкин вернул счет, написав на обороте:

Оные две тысячи четыреста сорок семь рублей обязуюсь заплатить в исходе нынешнего 1836 года.

А. Пушкин.

28 октября 1836.

Деньги... деньги... деньги... Откуда их взять?

Надо пускать в ход «Капитанскую дочку». Никуда не деться.

Написал записку Враскому, приглашая того прийти сегодня или завтра, так как сам он еще не вполне здоров и не выходит. Надо поговорить.

Позвонил в колокольчик и спросил у вошедшего Никиты:

– Посланный там ещё ждёт?

– Ждёт, Лександр Сергеич.

– Отдай ему эту записку.

Часа через два Никита доложил о приезде господина Враского и господина Краевского, который был собственно посредником между «Современником» и типографией.

– Поставь стулья к столу и приглашай.

Встал навстречу вошедшим, пожал руки.

– Здравствуйте, господа! Располагайтесь!

Гости сели на приготовленные стулья.

– Борис Алексеевич, буду говорить со всей откровенностью. Денег, чтобы прямо сейчас вам заплатить, у меня нет, но и печатать сейчас «Онегина» я не готов. У меня есть предложение. Я закончил роман – не в стихах, в прозе, и он почти уже прошел цензуру у Корсакова. Роман из времен пугачевщины. Предлагаю вам издать его. Надеюсь, что выручки от него хватит, чтобы мне с вами расплатиться и за первые три тома, и за четвертый.

Враский молчал, обдумывая услышанное.

Воспользовавшись этой заминкой, Краевский обратился к Пушкину:

– Александр Сергеевич, вы говорите о четвертом томе, а ведь материалов для него пока очень мало, и ничего – серьезного. Стихи Тютчева – это хорошо, а остальное – статья Давыдова да письма Тургенева. Ни повести, ни романа... Третью книжку уже не полным тиражом напечатали, а там ведь все-таки ваш «Полководец» и гоголевская повесть были, и стихи того же Тютчева. Вы можете совсем потерять подписчиков. Я думаю, что если в четвертой книжке поместить ваш новый роман, то публика будет покупать ее нарасхват. Роман под вашим именем... И «Современник» воспрянет, и выручка, я уверен, появится.

– Андрей Александрович, мне все-таки хотелось бы издать роман отдельной книжкой. Опять скажу откровенно: за отдельную книгу я могу получить какие-то деньги от издателя, а если бы Борис Алексеевич взялся за это,

то вместо платы мне он мог бы просто списать мои долги. Если же я помещу роман в моем собственном журнале... Вы понимаете.

– Но зато рукопись остается в полном вашем распоряжении.

– Александр Сергеевич, – заговорил Враский, – деньги мне, конечно, нужны, но, по-моему, Андрей Александрович прав. Я совсем не хочу, чтобы «Современник» прекращал своё существование, но хотелось бы, чтобы он приносил доход, а не долги, и то, что предлагает Андрей Александрович, кажется мне очень разумным. А по выходе журнала вы сможете и отдельно роман издать.

– И кто же будет покупать его, если он только что был напечатан?

Враский и Краевский уже в два голоса стали убеждать Пушкина, что это было бы наилучшим решением, а роман о Пугачеве, конечно, будет раскупаться лучше, чем «История пугачевского бунта».

Пушкин задумался. Конечно, не хотелось отдавать «Капитанскую дочку» Враскому за долги. Тот же Глазунов дал бы, наверняка, значительно больше, но возьмется ли он печатать её после того, как она появится в журнале?

Наконец, Враский предложил:

– Александр Сергеевич, давайте сделаем так. Считайте, что сейчас моих счетов у вас нет. Выпустим четвертый том «Современника» с вашим романом, посмотрим, что получится, и тогда опять всё обсудим.

Отсрочить оплату счетов до нового года было, конечно, соблазнительно, и Пушкин согласился.

Проводив гостей, сел за стол, взял чистый оборот какого-то письма. Пустые страницы чужих писем годились для черновиков.

Действительно, Краевский прав. Того, что есть сейчас для четвертого «Современника», и на половину книжки не наберется, а надо набрать двадцать листов.

Стал помечать.

Давыдовский «Дрезден» листа на два; Тютчев – меньше листа; Вяземский обещал тоже не больше листа, Баратынского стихи, но вряд ли больше двух листов. Это примерно на пять с половиной листов. А вот «Капитанская дочка» может занять не менее десяти листов. Тогда на остальное – еще пять листов. Наберется. Письма Тургенева, отрывок из романа Титова, что-нибудь еще. Правда, критических статей, наверное, ни одной не будет. Ну что же, будет номер для читающей публики, а не для литераторов.

Подошел опять к окну.

Было уже почти темно.

А может быть, такая погода и к лучшему? Как в Михайловском.

15 декабря 1836 года

Принесли записку от Тургенева:

Брат пишет ко мне из Парижа, что лингвист Эйхгоф будет читать лекции в Сорбоне о литературе, что он весьма желает иметь – Песнь о Полку Игоревом и не мог найти ее на немецком. Он бы и на русском мог разобрать ее; но русского оригинала там и подавно найти трудно.

Не можешь ли ты уведомить меня какой перевод лутче или какое издание из русских удобнее послать туда?

Завтра ввечеру едет курьер, и я бы желал им воспользоваться. Что выписать для тебя?

Что о «Слове» будут говорить в Сорбонне – это хорошо. Надо с древней нашей литературой знакомить. А книгу для Эйхгофа найдем – Вацлава Ганки. Там и подлинный текст, записанный латинскими буквами, и переводы. Два экземпляра есть, один отдам.

Достал книгу с полки, выложил на стол.

Коли Александр Иванович до обеда не пришел, значит весь в визитах. Непоседа.

Вернулся к черновику письма барону Баранту. Барон интересуется авторским правом в России и счел, что лучше Пушкина никто ему об этом не расскажет. Старался писать кратко и ясно.

Услышал знакомый громкий голос, спрашивавший: дома ли Александр Сергеевич.

Придется письмо закончить завтра.

Придвинул к столу стул. Вышел в переднюю.

– Дома, дома... Здравствуйте, Александр Иванович!

– Здравствуй, Александр Сергеевич!

Тургенев положил на столик шляпу и пакет. Никита снял с него шубу.

– Проходите!

Разрумянившийся от холода, Тургенев вошел в кабинет, потирая озябшие руки. Пушкин с улыбкой смотрел на него: олицетворенное жизнелюбие. Выглянул в переднюю.

– Никита, попроси Наталью Николаевну, чтобы приготовили чай.

– Садитесь Александр Иванович! А вот Вам и книга. У меня их две оказалось. По-моему, это лучше всего. Здесь и подлинный текст, причем латинскими буквами, и два перевода. Можно, конечно, еще посмотреть перевод Шишкова, но до завтрашнего дня вы его вряд ли найдете, да и огрехов, на мой взгляд, много. Попробую издать «Слово» заново. Там всё это укажу.

Засмеялся:

– Но, пожалуй, при жизни Шишкова лучше не издавать – обидится, потому что другие смеяться будут. А издавать нужно, как Шлёцер своего «Нестора» издавал. Надо сопоставить все возможные источники. Неясные слова нужно проверять – нет ли их в других славянских языках, где они могли сохраниться, исчезнув уже из русского.

– Александр Сергеевич, а что думаешь о подлинности «Слова»? Многие сейчас сомневаются.

– Не сомневаюсь. В частности, именно благодаря многим славянским корням. Наш современник не смог бы всё это подделать. Между прочим, тот же вечный критик и скептик Шлёцер сначала, узнав о «Слове», счёл его подделкой, а прочитав, признал его подлинность.

Пушкин ещё долго рассказывал о разных интересных выражениях в «Слове», но из детской, тихо прикрыв за собой дверь, вошла Наташа.

– Здравствуйте, Александр Иванович!

– Наталья Николаевна, позвольте, - Тургенев, сама галантность, вскопчил, поклонился и поцеловал ее руку.

– Прошу вас в столовую. Чай приготовлен.

Проходя через переднюю, Тургенев остановился.

– Наталья Николаевна, а можно просить вас о любезности?

– Слушаю вас, Александр Иванович.

Тургенев взял со столика пакет.

– Я тут приготовил подарок для жены Николая Ивановича с тем, чтобы отправить его с французским курьером в Париж. Д'Аршиак говорил, что курьер отправится завтра. Сегодня зашел к Д'Аршиаку, чтобы передать пакет, а оказалось, что курьер поедет послезавтра. Вот и ношу пакет с собой. А вас хочу попросить, чтоб взглянули, достоин ли подарок всех этих хлопот.

– Конечно, с удовольствием взгляну, хотя, зная вас, ни минуты не сомневаюсь в том, что подарок – достойный.

– Между прочим, этот Д'Аршиак – приятный человек.

– Пожалуй, - отозвался Пушкин.

– Мы с ним полчаса беседовали о Бурбе на михайловской сцене и о мадам Ансело.

Самовар стоял на столе. Наташа разливала чай.

– Наталья Николаевна, не могу забыть видение 6 декабря во дворце. Вы были прекрасны.

– Полно, Александр Иванович! Там было много красивых дам.

– Нет, нет! Не спорьте!

За чаем разговор зашел о Чаадаеве, которого Тургенев видел три недели назад, перед выездом из Москвы.

– Бедный, - сказала Наташа. – Как он это всё переносит?

– Сначала очень тяжело, но все-таки стойко. Его же и свои московские литераторы оспаривали, да я и сам, но, конечно, никто сумасшедшим его не называл. Когда я уезжал, он уже был спокойнее.

– Я тоже ему письмо написал, – сказал Пушкин, – но, к счастью, не успел отправить. После чая вам прочту.

Вернулись в кабинет.

Пушкин вынул из ящика стола оттиск статьи, присланный Чаадаевым, с заложенным в него письмом. Письмо было писано по-французски. С Чаадаевым – только так.

Тургенев слушал, временами согласно кивая головой, и, когда Пушкин закончил чтение, сказал:

– Совершенно согласен, Александр Сергеевич. Как можно говорить о ничтожестве нашей истории? Уже поглощение татарского нашествия, спасшее ту же самую Европу и позволившее ей развиваться, заботясь только о внутренних событиях... И последующее усиление и укрепление России при всех внешних угрозах... И вхождение в Европу при Петре, Екатерине, Александре... Не раблепное вползание, а именно вхождение.

– Меня можно, конечно, обвинить в домашнем патриотизме, но вот всё тот же Шлёцер...

Пушкин встал, быстро подошел к полкам и, почти не глядя, достал какую-то книгу.

– Этот чистокровный немец, германский профессор, впитавший всю европейскую культуру... вот что он писал еще лет семьдесят назад.

Пушкин нашел нужную страницу:

Какое ужасное понятие представляет Русская древняя история! Я почти теряюсь в величии онаго! История такой *земли*, которая составляет 9ю часть обитаемого мира и в два раза более Европы; такой земли, которая в два раза обширнее древняго Рима, хотя и называвшагося обладателем вселенныя; - история такого народа, который 900 уже лет играет важное лице на театре народов и теперь обладает от Ледянаго моря на юг до Бальтийскаго, Каспийскаго и Байкала, а на восток от Киммени, Двины и Днепра до Анадыра, Авачи и ложа Авроры; - история державы, соединяющей под своим скипетром Славен, Немцов, Финнов, Самоедов, Калмыков, Тунгузов и Курильцев, народы совершенно различных языков и племяни, и соседящей с Шведами, Поляками, Персами, Бухарцами, Китайцами, Японцами и североАмериканцами дикарями; – история России, сего настоящаго розсадника целых царства. Разкройте летописи всех времян и земель и покажите мне историю, которая превосходила бы или только равнялась с Рускою! Ето история не какия нибудь *земли*, а *целыя части света*, не *одного* народа, а *множества* народов, которые различаясь между собою языком, религиею нравами и происхождением, соединены под одну державу завоеваниями, судьбою и счастием.

Руская история вообще, как я докажу, есть I. Безконечно *пространна*, по множеству или со всем неописанных, или недостаточно описанных народов, составляющих части сего

великого целого, члены сего исполинского политического тела. II. Чрезвычайно важна, по непосредственному влиянию на всю прочую, как европейскую, так и азиатскую древнюю историю. III. Очень верна, по богатству своему в достоверных времяниках и прочих исторических источниках, и пр.

Вот так-то.

Поставил книгу на полку.

Пришла Наташа. Протягивая Тургеневу пакет, сказала:

– Александр Иванович, конечно, и туфли – изящные, и платки – очень красивые. Я в этом и не сомневалась. Простите, я только их немного по-другому уложила.

– А я и смотрю – пакет почти вдвое меньше стал. Теперь его уж обязательно примут в посольстве. Наталья Николаевна, вы – не только красавица, вы – ещё и рукодельница. Завидую Александру Сергеевичу.

Наташа засмеялась и попрощалась:

– Спокойной ночи!

Тургенев встал и поцеловал ей руку. Она наклонилась к Пушкину, и он поцеловал её в лоб.

– Александр Сергеевич, мы всё о прозе. А новые стихи? «Полководец» в «Современнике» – прелесть.

– В этом году, и правда, больше прозы. Может быть, журнал виноват. Стихов мало. Правда, летом несколько написал.

Засмеялся:

– Мое время прошло, как пишут в газетах. Сейчас в моде – Бенедиктов да Ростопчина... Но одно вам прочту.

Помолчал, словно припоминая.

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,

К нему не зарастет народная тропа,

Вознесся выше он главою непокорной

Александрійского столпа.

Нет, весь я не умру — душа в заветной лире

Мой прах переживет и тленья убежит —

И славен буду я, доколь в подлунном мире

Жив будет хоть один пиит.

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,

И назовет меня всяк сущий в ней язык,

И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой

Тунгуз, и друг степей калмык.

И долго буду тем любезен я народу,

Что чувства добрые я лирой пробуждал,

Что в мой жестокой век восславил я Свободу

И милость к падшим призывал.

Веленью божию, о муза, будь послушна,

Обиды не страшась, не требуя венца,

Хвалу и клевету приемли равнодушно,

И не оспоривай глупца.

– Александр Сергеевич, нет слов, как хорошо. И всё так и будет... А «Милость к падшим призывал» - это о них?

– Да. Вчера было 14 декабря. В этот день всегда вспоминаю о них. Самый близкий друг - там.

– Я – тоже. И, конечно, о брате. Брату повезло, что он был за границей. Пушкин усмехнулся.

– Не только мы вспоминаем. Во дворце в этот день каждый год - благодарственный молебен. Слава Богу, камер-юнкеров не приглашают.

– Грибоедов мог попасть туда же – оправдали. Вроде бы Ермолов предупредил его об аресте, и он сжег все бумаги.

– Думаю, что Ермолов и себя спасал. Он же тоже все время был у царя на подозрении.

Поговорили о других, кого миновала кара. О Михаиле Орлове, которого сумел защитить перед царем брат, о Павле Киселеве, под крылом которого существовало Южное общество, о князе Меншикове, который выступал за освобождение помещичьих крестьян. Все они были на подозрении и, может быть, не зря. Ожидали, как развернутся события.

Проговорили допоздна, расставаться не хотелось, и, когда Александр Иванович собрался все-таки уходить, была уже почти полночь.

Пушкин вышел с ним в переднюю. Сонный Никита надел на Тургенева шубу.

– Александр Иванович, может быть послать кого-нибудь проводить вас?

– Нет, спасибо! Тут же – рядом, и сторожа почти у каждого дома. Не впервой.

Крепко пожали друг другу руки.

Тургенев шел по набережной Мойки. С Невского доносились голоса кучеров. Было морозно, но ветра не было. Боялся только поскользнуться.

Дойдя до Демута, прошел в свой номер, бывший тут же на первом этаже, с окнами на Мойку. В номере было тепло. Дремавший камердинер помог ему раздеться и зажег в комнате Тургенева свечи.

Прежде чем лечь, Александр Иванович занялся своим обязательным ежевечерним делом. На столе лежала большая, как конторская книга, тетрадь – его дневник, а сегодня еще и начатое позавчера письмо брату.

Начал с письма:

Полночь. Я зашел к Пушкину справиться о песне о Полку Игореве, коей он приготавливает критическое издание. Он посылает тебе прилагаемое у сего издание оной на древнем русском (в оригинале) латинскими буквами и переводы Богемский и польский; и в конце написал и свое мнение о сих переводах. У него случилось два экземпляра этой книжки. Он хочет сделать критическое издание сей песни, в роде Шлецерова Нестора, и показать ошибки в толках Шишкова и других переводчиков и толкователей; но для этого ему нужно дождаться смерти Шишкова, чтобы преждевременно не уморить его критикою, а других смехом. Три или четыре места в оригинале останутся неясными, но многое пояснится, особливо начало. Он прочел несколько замечаний своих, весьма основательных и остроумных: все основано на знании наречий славянских и языка русского. Жена его так хорошо уложила три платка с туфлями для Клары, что, вероятно, пакет примут в по-

сольстве. Я провел у них весь вечер в умном и в любопытном разговоре и не поехал на бал к Щербатовым.

Не запечатывая, отложил письмо. Ещё завтра, а может быть, и послезавтра продолжит.

Развернул дневник.

15 декабря. Писал к Булгакову и послал через него письма к сестрице и к Свербеевой о туфлях и о Шевыреве. У меня сидел Геце; о протестантизме, о переводе сумм и пр. Был у Карамзиных, встретил дочь Опочинина, которая упрекала и звала на понедельник. Осмотрел магазин Гамбса: какая роскошь в мебели! Сидел у Аршияка. С Нерво: о Броглио, Гизо и Тьерсе, с Аршияком о Vourbier и Mme Ancelot. Обедал у Татариновых, вечер у Пушкиных до полуночи. Дал песнь о полку Изгореве для брата с надписью. О стихах его, Ростопчиной и Бенедиктова. Портрет его в подражание Державину: "весь я не умру!" О М. Орлове, о Киселеве, Ермолове и князе Меншикове. Знали и ожидали: без нас не обойдутся. Читал письмо к Чадаеву не посланное.

Удовлетворенный, закрыл дневник и пошел умыться перед сном.

А через пять дней писал своей московской знакомой Екатерине Александровне Свербеевой:

Пушкин мой сосед, он полон идей, и мы очень сходимся друг с другом в наших нескончаемых беседах; иные находят его изменившимся, озабоченным и не вносящим в разговор ту долю, которая прежде была так значительна. Но я не из числа таких, и мы с трудом кончаем одну тему разговора, в сущности не заканчивая, то есть не исчерпывая ее никогда. Его жена всюду красива, как на балу, так и у себя дома в своей широкой черной накидке.

30 декабря 1836 года

Во дворе разгружали дрова.
Не загородили бы каретный сарай!
Подошел к окну.
Нет. Карету уже выкатили.
Написать отцу про поваренка. Да и Новый год уже!

Сел за стол, достал лист почтовой бумаги.

«Il y a bien longtemps que je n'ai eu de vos nouvelles. Веневитинов m'a dit qu'il vous avait trouvé triste et inquiet, et que vous aviez le projet de venir à P.b. Est-ce vrai? j'ai besoin d'aller à Moscou, en tout cas j'espère bientôt vous revoir. Voici la nouvelle année qui nous arrive – Dieu donne qu'elle nous soit plus heureuse que celle qui vient de s'écouler....»

Уже довольно давно не получал я от вас известий. Веневитинов сказал мне, что вы показались ему грустным и встревоженным и что вы собирались приехать в Петербург. Так ли это? мне нужно съездить в Москву, во всяком случае я надеюсь вскоре повидаться с вами. Вот уж наступает новый год – дай Бог, чтоб он был для нас счастливее, чем тот, который истекает. Я не имею никаких известий ни от сестры, ни от Льва. Последний, вероятно, участвовал в экспедиции, и одно несомненно – что он ни убит, ни ранен. То, что он писал о генерале Розене, оказалось ни на чем не основанным. Лев обидчив и избалован фамильярностью прежних своих начальников. Генерал Розен никогда не обращался с ним, как с собакой, как он говорил, но как с штабс-капитаном, что совсем другое дело. У нас свадьба. Моя свояченица Екатерина выходит за барона Геккерна, племянника и приемного сына посланника короля Голландского. Это очень красивый и добрый малый, он в большой моде и 4 годами моложе своей нареченной. Шитье приданого сильно занимает и забавляет мою жену и ее сестру, но приводит меня в бешенство. Ибо мой дом имеет вид модной и бельевой мастерской. Веневитинов представил доклад о состоянии Курской губернии. Государь был им поражен и много расспрашивал о Веневитинове; он сказал уже не помню кому: познакомьте меня с ним в первый же раз, что мы будем вместе. Вот готовая карьера. Я получил письмо от Пещуровского повара, который предлагает взять назад своего ученика. Я ему ответил, что подожду на этот счет ваших приказаний. Хотите вы его оставить? и каковы были условия ученичества? Я очень занят. Мой журнал и мой Петр Великий отнимают у меня много времени; в этом году я довольно плохо устроил свои дела, следующий год будет лучше, надеюсь. Прощайте, мой дорогой отец. Моя жена и всё мое семейство обнимают вас и целуют ваши руки. Мое почтение и поклоны тетушке и ее семейству.

... Mon journal et mon Pierre le Grand me prennent bien du temps; cette année j'ai assez mal fait mes affaires, l'année suivante sera meilleure à ce que j'espère. Adieu mon très cher père. Ma femme et toute ma famille vous emb et vous baisent les mains. Mes respects et mes amitiés à ma tante et à sa famille.

Перечитал.

Да, надо надеяться, что новый год будет лучше.

Запечатал и надписал адрес.

Позвонил.

Сказал вошедшему Никите:

– Я сейчас еду в Академию...

Протянул письмо.

– Отнеси на почтамт. Вот – деньги.

Никита взял письмо и деньги и вышел.

Посмотрел в окно.

Лошадей уже запрягали.

Надо собираться.

Постучавшись, снова вошел Никита.

– Господин Краевский.

– Проси.

Поздоровались.

– Чем обязан?

– Вот, Александр Сергеевич, корректура первого номера новых «Литературных прибавлений», с Вашим «Аквилоном». Не хотите посмотреть?

– Некогда, некогда, Андрей Александрович, надобно ехать в публичное заседание Академии наук. Хотите? Поедем вместе: посмотрите, как президент и вице-президент будут торчать на моей эпиграмме.

Краевский невольно улыбнулся. Он знал, о какой эпиграмме идет речь. Он-то первый увидел ее у Пушкина прошлым летом. Пушкин передавал ему листок с «Тучей» для «Московского наблюдателя», а на обороте Краевский и увидел: «В Академии наук заседает князь Дундук...». Пушкин заметил и листок отнял. «Тучу» переписал. А потом эпиграмма разошлась в публике. Пушкин от нее отказывался. Но Краевский-то знал.

Было пасмурно. За окнами кареты порхал снег.

Краевский повернулся к Пушкину.

– Видите, как «Современник» с вашей «Капитанской дочкой» раскупается?! Не зря мы с Враским вас уговаривали.

Пушкин улыбнулся:

– Посмотрим, посмотрим...

Помолчали.

Пушкин усмехнулся:

– Слышали? – на Луи-Филиппа опять покушались. Вчера французские газеты пришли.

– Да, сегодня уже и в «Ведомостях» есть.

– Надо же! С шести шагов промахнуться! – Пушкин засмеялся. – Наверное, руки тряслись.

Карета простучала по настилу Исаакиевского моста, съехала на набережную и скоро остановилась у здания Академии наук.

Раздевшись, пошли к залу заседаний. В передней комнате перед залом встретился Греч. Николай Иванович поблескивал очками и, как всегда, улыбался. Увидев Пушкина, радостно всплеснул руками, устремился навстречу и низко поклонился.

– Батюшка, Александр Сергеевич, исполать вам! Что за прелесть вы подарили нам! Ваша «Капитанская дочь» чудо как хороша! Только зачем это вы, батюшка, дворовую девку свели в этой повести с гувернером... Ведь книгу-то наши дочери будут читать!...

– Давайте, давайте им читать! – ответил, улыбаясь, Пушкин.

Войдя в зал, он тут же начал раскланиваться со знакомыми.

– Александр Сергеевич, – обратился к нему Краевский, – не буду вам мешать. Я вряд ли буду до конца. Мне еще в типографию надо. Я здесь, с краю, сяду.

Пушкину уже призывно махал рукой Тургенев.

– Хорошо, Андрей Александрович. Газету посмотрю, когда выйдет.

Они распрощались, и Пушкин направился к Тургеневу, рядом с которым было свободное кресло. Недалеко увидел и приветливо кивнувшего головой Жуковского.

Сел. Огляделся.

За столом, на председательском месте в министерском мундире с золотым шитьем, при орденах, с красной александровской лентой через плечо, сидел Уваров, по-хозяйски осматривая зал и поглядывая на лежавший перед ним брегет. Дондукова-Корсакова не было видно.

Уваров нажал кнопку брегета и по залу разнесся мелодичный звон. Часы пробили половину первого.

Зал быстро затих.

Уваров встал: «Дамы и господа...».

Закончив краткую приветственную речь, он предоставил слово Фусу, непременно секретарю Академии наук. Тот подошел к стоявшей рядом со столом кафедре и положил на нее толстую стопку листов бумаги.

– Кажется, надолго, – шепнул Пушкин. Тургенев улыбнулся.

Фус говорил часа полтора, перебирая свои листочки.

Пушкин отметил для себя сообщения о двух совсем недавних смертях – Захарова и Ленца.

Химика Захарова встречал на заседаниях Российской Академии. Он был уже старый. А Ленц ведь совсем молодой. Ему, кажется, и тридцати не было. Встречаться не приходилось, но, говорят, был талантливый востоковед.

Наконец, Фус закончил отчет, и зал удовлетворенно захлопал, когда он унес свои листочки.

Уваров предоставил слово академику Грефе.

Словесник, греческим занимается. Интересно: о чем он будет говорить?

Тот почему-то заговорил по-немецки. Что-то об образовании и сравнении языков.

Почему по-немецки, а не по-русски или хотя бы по-французски?

Посмотрел на Тургенева. Тот слушал с интересом.

Слава Богу, Грефе говорил не так долго, как Фус, и его тоже проводили аплодисментами.

В заключение Фус назвал новых почетных членов Академии наук.

Непонятно, какое отношение к наукам имеет командующий Отдельным Кавказским корпусом генерал Розен. Вот француз Де Барант и вправду – достойная фигура.

Уваров объявил заседание закрытым, и в зале шумно задвигали креслами и заговорили.

К Пушкину и Тургеневу подошли Жуковский и Блудов, поздоровались.

Тургенев спросил:

– Как вам Грефе? По-моему, много умного и прекрасного, но слишком гоняется за сравнениями и уподоблениями.

Пушкин засмеялся:

– Это вопрос к Василию Андреевичу. Для него немецкий – второй родной язык. Он уже всех немцев перевел.

Вдруг увидел направлявшегося к ним Уварова.

Повернулся к Тургеневу:

– Александр Иванович, подвезти вас до Демута?

– Спасибо! Я сейчас – в Английский клуб. Собрались там с Иксулем отобедать.

– Тогда простите, господа, должен вас покинуть.

Сделал общий поклон и ушел прежде, чем Уваров приблизился.

Вышел. Ни ветра, ни снега не было, но было пасмурно, и темно. Пока доехали до дома, стало совсем темно. На лестнице уже горели лампы.

Раздевшись, вошел в кабинет.

Следом зашел Никита и зажег свечи.

На столе лежали свежие газеты.

Снял фрак и жилет, сел в кресло, развернул «Санктпетербургские ведомости».

Да, действительно, в иностранных известиях уже есть про покушение на Луи-Филиппа.

А вот интересное объявление в приложении:

Правление Общества Царскосельской железной дороги имеет уведомить публику, что:

в Субботу, 2-го Января 1837

в Воскресенье, 3-го Января и

в Понедельник, 4-го Января,

будут ходить паровозы между Павловском и Кузьминым.

Из трех принадлежащих Обществу паровозов будут употреблены при сем случае два, и чтобы показать публике возможность перевозки посредством оных всяких транспортов, 3-го Января будут перевозимы, кроме пассажиров, предметы разного рода и живой скот.

Да, пожалуй, самое время в следующем «Современнике» дать статью Волкова о железных дорогах.

Отложил газеты, встал, открыл дверь в детскую.

Дети толпились около Наташи, которая что-то им читала. Увидев отца, подбежали к нему.

Присел на корточки, всех перецеловал.

– Что в Академии?

– Думаю, в следующий раз не поеду.

Наташа отложила книжку, встала и подтолкнула ребятишек.

– Идите к няне.

Пошла в кабинет, Пушкин направился за ней.

Вошла, плотно прикрыла дверь.

– Хочу перед тобой повиниться.

Засмеялся:

– Ну что же, винись жена перед мужем!

– Помнишь? – ты мне писал из Михайловского, что, если нам не поможет с деньгами граф Канкрин, то у нас еще есть «граф» Юрьев, и адресовал меня к нему. Тогда это не понадобилось, а сегодня я подписала Юрьеву вексель на три тысячи девятьсот рублей до тридцатого марта.

Помолчал.

– Это Катерине на свадьбу?

– Должна же я ей что-то подарить.

Еще помолчал. Наташа виновато смотрела на него.

Вдруг улыбнулся.

– Ладно, душа моя, что сделано, то сделано. Одним векселем больше, одним векселем меньше... На днях Онегин должен мне оброк доставить, мой самый справный мужик. «Современник» теперь, надеюсь, лучше пойдет. А там,

глядишь, Петра закончу – царь даст денег на издание. Уж если на Емельку Пугачева дал!

Засмеялся:

– Повинную голову меч не сечет.

Притянул Наташу, поцеловал.

Она радостно улыбнулась:

– Спасибо!

– Иди к детям, а я посижу, поработаю. Да напомни сестрицам, что вечером едем к Карамзиным.

Наташа засмеялась:

– Об этом они лучше нас с тобой помнят.

9 января 1837 года

Ежедневная утренняя порция писем была написана, и камердинер уже понес их на почту, а Тургенев всё сидел у стола и не мог решить, что делать дальше. Его слегка познабливало. Видно, простудился на Богоявление, когда был у дворца, смотрел на народ, толпившийся на берегу Невы, чтобы увидеть, как царь будет выходить на Иордань. Было не холодно, но ветер был сильный, особенно вдоль реки. Говорят, что сейчас весь Двор уже в гриппе. Вот и он вместе с ними. Усмехнулся: написал Булгакову, что надо быть в хорошем обществе, настоящим придворным.

Но не сидеть же дома! Пожалуй, к Пушкину зайти – ближе всего. Тогда же, на Богоявление, виделись с ним вечером у Фикельмона, где Барант предлагал Пушкину перевести на французский «Капитанскую дочку», о которой сейчас везде говорят. И об этом написал Булгакову, заметив: «как он выразит оригинальность этого слога, этой эпохи, этих характеров старо-русских и этой девичей русской прелести – кои набросаны во всей повести? Главная прелесть в разказе, а разказ пересказать на другом языке трудно. Француз поймет нашего дядьку (ménin), такие и у них бывали; но поймет ли верную жену верного коменданта?»

Надев шубу, Тургенев вышел из гостиницы. Было пасмурно, тихо и тепло.

Пушкин был дома.

В квартире ощущалась суета, слышались голоса горничных.

Проводив Тургенева в кабинет, Пушкин поплотнее закрыл дверь. Было похоже, что ему хотелось избавиться от этой суеты. Выглядел он как-то невесело.

– Александр Сергеевич, может быть, я – не вовремя?

– Нет, нет, Александр Иванович! Рад вас видеть. Слава Богу, завтра всё это закончится.

Тургенев вопросительно посмотрел на него.

– Завтра, наконец, венчается Наташина сестра. Все эти приготовления!... Порой мне кажется, что у меня не дом, а модная мастерская или бельевая лавка.

Они сели у стола.

– Как, Александр Сергеевич, дашь Баранту добро на перевод «Капитанской дочки»?

Пушкин усмехнулся:

– Это не серьезно.

И добавил:

– Статью для «Современника» написал. Интересно, как к ней отнесутся во французском посольстве. Думаю, переводить не захотят. Послушайте!

Взял листы, сложенные в виде небольшой тетрадки.

Тургенев увидел название: «Последний из свойственников Иоанны д'Арк».

Пушкин начал читать:

В Лондоне, в прошлом 1836 году, умер некто г. Дюлис (JeanFrançois-Philippe-Dulys, потомок родного брата Иоанны д'Арк, славной Орлеанской девственницы. Г. Дюлис переселился в Англию в начале французской революции; он был женат на англичанке и не оставил по себе детей. По своей духовной назначил он по себе наследником родственника жены своей, Джемса Белли, книгопродавца Эдимбургского. Между его бумагами найдены подлинные грамоты королей Карла VII, Генриха III и Людовика XIII, подтверждающие дворянство роду господ д'Арк Дюлис (d'Arc Dulys). Все сии грамоты проданы были с публичного торгу, за весьма дорогую цену, так же как и любопытный автограф: письмо Вольтера к отцу покойного господина Дюлиса.

Тургенев с интересом слушал.

Повидимому Дюлис-отец был добрый дворянин, мало занимавшийся литературою. Однако ж около 1767-го году дошло до него, что некто Mr. de Voltaire издал какое-то сочинение об орлеанской героине. Книга продавалась очень дорого. Г. Дюлис решился однако же ее купить, полагая найти в ней достоверную историю славной своей прабабки. Он был изумлен самым неприятным образом, когда получил маленькую книжку in 18, напечатанную в Голландии и украшенную удивительными картинками. В первом пылу негодования написал он Вольтеру следующее письмо, с коего копия найдена также между бумагами покойника. (Письмо сие так же, как и ответ Вольтера, напечатано в журнале Morning Chronicle).

Милостивый государь,

Недавно имел я случай приобрести за шесть луи д'оров, написанную вами историю осады Орлеана в 1429 году. Это сочинение преисполнено не только грубых ошибок, непростительных для человека, знающего сколько-нибудь историю Франции, но еще и нелепою клеветою касательно короля Карла VII, Иоанны д'Арк, по прозванию Орлеанской девственницы, Агнесы Сорель, господ Латримулья, Лагира, Бодрикура и других благородных и знатных особ. Из приложенных копий с достоверных грамот, которые хранятся у меня в замке моем (Tournebi, bailliage de Chaumont en Tourraine), вы ясно увидите, что Иоанна д'Арк была родная сестра Луке д'Арк дю Ферону (Lucas d'Arc, seigneur du Feron), от коего происхожу по прямой линии. А посему, не только я полагаю себя в праве, но даже и ставлю себе в непремennую обязанность требовать от вас удовлетворения за дерзкие, злостные и лживые показания, которые вы себе дозволили напечатать касательно вышеупомянутой девственницы. Итак, прошу вас, милостивый государь, дать мне знать о месте и времени, так же и об оружии вами избираемом для немедленного окончания сего дела.

Честь имею и проч.

Несмотря на смешную сторону этого дела, Вольтер принял его не в шутку. Он испугался шуму, который мог бы из того произойти, а может быть и шапаги щекотливого дворянина, и тотчас прислал следующий ответ.

Милостивый государь

Письмо, которым вы меня удостоили, застало меня в постели, с которой не схожу вот уже около осьми месяцев. Кажется, вы не изволите знать, что я бедный старик, удрученный болезнями и горестями, а не один из тех храбрых рыцарей, от которых вы произошли. Могу вас уверить, что я никаким образом не участвовал в составлении глупой рифмованной хроники (*l'impertinente chronique rimée*), о которой изволите мне писать. Европа наводнена печатными глупостями, которые публика великодушно мне приписывает. Лет сорок тому назад случилось мне напечатать поэму под заглавием Генриядя. Исчисляя в ней героев, прославивших Францию, взял я на себя смелость обратиться к знаменитой вашей родственнице (*votre illustre cousine*) с следующими словами:

*Et toi, brave Amazone,
La honte des anglais et le soutien du trône.*

Вот единственное место в моих сочинениях, где упомянуто о бессмертной героине, которая спасла Францию. Жалею, что я не посвятил слабого своего таланта на прославления божьих чудес, вместо того чтобы трудиться для удовольствия публики бессмысленной и неблагодарной.

Честь имею быть, милостивый Государь,

вашим покорнейшим слугою

Voltaire gentilhomme de la chambre du roi.

Тургенев хотел что-то спросить, но Пушкин жестом остановил его и продолжал:

Английский журналист по поводу напечатания сей переписки делает следующие замечания:

„Судьба Иоанны д'Арк в отношении к ее отечеству по истине достойна изумления. Мы конечно должны разделить с французами стыд ее суда и казни. Но варварство англичан может еще быть извинено предрассудками века, ожесточением оскорбленной народной гордости, которая искренно приписала действию нечистой силы подвиг юной пастушки. Спрашивается, чем извинить малодушную неблагодарность французов? Конечно, не страхом диявола, которого исстари они не боялись. По крайней мере мы хоть что-нибудь да сделали для памяти славной девы; наш лауреат посвятил ей первые девственные порывы своего (еще не купленного) вдохновения. Англия дала пристанище последнему из ее сродников. Как же Франция постаралась заглядеть кровавое пятно, замаравшее самую меланхолическую страницу ее хроники? Правда, дворянство дано было родственникам Иоанны д'Арк; но их потомство пресмыкалось в неизвестности. Ни одного д'Арка или Дюлиса не видно при дворе французских королей от Карла VII до самого Карла X-го. Новейшая история не представляет предмета более трогательного, более поэтического жизни и смерти орлеанской героини; что же сделал из того Вольтер, сей достойный представитель своего народа? Раз в жизни случилось ему быть истинно поэтом, и вот на что употребляет он вдохновение! Он сатаническим дыханием раздувает искры, тлевшие в пепле мученического костра, и как пьяный дикарь пляшет около своего потешного огня. Он как римский палач присовокупляет поругание к смертным мучениям девы. Поэма лауреата не стоит конечно поэмы Вольтера в отношении силы вымысла, но творение Соуте есть подвиг честного человека и плод благородного восторга. Заметим, что Вольтер, окруженный во Франции врагами и завистниками, на каждом своем шагу подвергавшийся самым ядовитым порицаниям, почти не нашел обвинителей, когда явилась его преступная поэма. Самые ожесточенные враги его были обезоружены. Все с восторгом приняли книгу, в которой презрение ко всему, что почитается священным для человека и гражданина, доведено до последней степени кинизма. Никто не вздумал заступиться за честь своего отечества; и вызов доброго и честного Дюлиса, если бы стал тогда известен, возбудил бы

неистощимый хохот не только в философических гостиных барона д'Ольбаха и М-те Joffrin, но и в старинных залах потомков Лагира и Латримулья. Жалкий век! Жалкий народ!“.

Пушкин положил тетрадку на стол, откинулся в кресле и улыбнулся.

– И у тебя есть этот номер *Morning Chronicle*?

Пушкин невесело рассмеялся:

– Нет, конечно... потому что он не существует.

– Ты хочешь сказать, что ты всё это сочинил?

Пушкин кивнул головой.

– Ни на минуту не возникло сомнения в том, что так и было.

Удивительно! Но почему вдруг пришла такая мысль – это написать?

Пушкин помолчал.

– Так. Пришла. Мысль была не об Иоанне Д'Арк и Вольтере, но получилось так.

Со стороны гостиной послышался какой-то шум, голоса.

Пушкин поморщился.

– Александр Иванович, а когда же вы дадите свои материалы об архивах для «Современника»?

– Никак не выберу. Много... А, может быть, пойдем ко мне, вместе посмотрим?

– С удовольствием!

Они вышли в переднюю.

Никита надел шубу на Тургенева и приготовил шубу для Пушкина.

– Александр Сергеевич, не надо тебе шубу – жарко будет. По-моему, скоро уже таять начнет. Я просто не совсем здоров.

– Никита, принеси бекешь.

Не торопясь, дошли до Демута, скинули шубу и бекешь на руки камердинера, который уже вернулся из почтамта, и прошли в комнату.

Тургенев начал выкладывать на стол пакеты самых разнообразных размеров.

Пушкин засмеялся:

– Как вы в них разбираетесь?

– Да у меня всё помечено, и реестры есть, что, когда и с кем посылал...

Вот это тебе должно быть интересно.

Тургенев аккуратно выложил толстую пачку листов большого формата.

– Это копии из парижских архивов – донесения французских послов из России времен Петра.

Пушкин оживился и стал перебирать листы.

«Ну, вот, Пушкин – опять Пушкин», – отметил про себя Тургенев.

Они долго просматривали эти донесения.

Рассказывая о работе в парижских архивах, Тургенев невольно рассказывал и о своей жизни в Париже, о брате.

В какой-то момент разговор с Николая Ивановича переключился на события 1825 года. Говорили о том же, что и месяц назад, – о Ермолове и других, наблюдавших за событиями, ожидая, чем это кончится.

Вошел камердинер, спросил, заказывать ли обед.

– Нет, я сегодня обедаю у сестрицы. – Тургенев достал часы. – Да, уже четыре часа. Александр Сергеевич, вроде бы мы определили, что тебе годится. Вернусь от сестрицы, соберу всё и занесу тебе. Как хорошо, что мы рядом живем!

– И «Хронику»! «Хронику»! – Пушкин улыбнулся. – Ваши письма надо вырезать на меди золотыми буквами!

Они вышли на Мойку, пошли к Конюшенному мосту. Кузина Тургенева жила на Миллионной, недалеко от французского посольства. У арки дома Волконской расстались.

– У Фикельмона сегодня не будешь?

Пушкин невесело усмехнулся:

– Не до того.

– Но бумаги я принесу.

– Спасибо!

Пушкин поднялся к себе, в передней отдал бекешь Никите и прошел в кабинет, попросив Никиту:

– Скажи Наталье Николаевне, что я к столу не выйду. Очень много работы. Принеси мне сюда.

Через несколько минут вошла Наташа.

– Почему ты не хочешь выйти к столу?

Пушкин подошел к ней, взял ее руки, поцеловал одну, потом другую.

– Думаю, так всем будет спокойнее. Прости! Я могу не сдержаться. Скажи, что я работаю. И это будет правдой. Надо готовить материалы для журнала. Вечером Тургенев еще принесет... А завтра – как договорились.

Он отпустил её руки. Наташа грустно кивнула головой, ничего не сказала и вышла.

Пока Никита собирал ему обед на небольшом столике, Пушкин смотрел в окно. Обе кареты – и большую, и малую – уже выкатили и готовили к завтрашнему выезду.

25 января 1837 г.

Никита как раз закончил убирать остатки пушкинского завтрака, когда в передней послышался голос Тургенева. Пушкин сам вышел к нему.

– Здравствуйте Александр Иванович! Рад вас видеть!

Прошли в кабинет, сели к столу.

– Какое-нибудь дело, Александр Иванович?

Тургенев засмеялся.

– Конечно! Подумал вдруг, что две недели уже у тебя не был. А на этих вечерах и обедах толком и не поговоришь. Вчера у Мещерских и парой слов не перекинулись.

– И то правда. А я вплотную занялся «Современником». Вот...

Часть стола была занята аккуратно сложенными стопками бумаг.

– Четвертая книжка получилась какая-то слишком беллетристическая. Хочу, чтобы пятая была похожа скорее на третью. Жду, что князь Козловский пришлет обещанную статью о паровых машинах, а тогда в пару к ней пойдет статья Волкова о железных дорогах. Она у меня еще с лета лежит. Я ее придержал, а сейчас, когда весь Петербург катается по Царскосельской железной дороге, она будет к месту. Волков там хорошо отделал Атрешкова с его глупостями, и вообще статья очень разумная.

– А что за Волков?

– Из корпуса инженеров путей сообщения. Спасибо Одоевскому. Благодаря ему эта статья появилась. Хочу еще, чтобы переводное что-нибудь достойное было, - Пушкин засмеялся: - А то пока только и был перевод одного отрывка из Ченстоновой трагикомедии. Хочу поместить драматические очерки Барри Корнуолла. Плетнев очень рекомендует Ишимову, говорит, что она хорошо переведет. Конечно, ваша «Хроника русского» и другие ваши письма. Спасибо вам! Без них я уже «Современник» не представляю. Моё кое-что, что вы уже знаете. Стихи – само собой. Надеюсь, что должна получиться неплохая книжка.

Как всегда, за разговором забыли о времени. Когда Тургенев посмотрел на часы, был уже полдень.

– Пожалуй, пойду. Хочу съездить в Лавру, на могилу отца, пока светло.

Проводив Тургенева, Пушкин вернулся к столу, взял лист почтовой бумаги.

«Милостивая государыня Александра Осиповна,

На днях имел я честь быть у Вас и крайне жалею, что не застал Вас дома. Я надеялся поговорить с Вами о деле. Петр Александрович обнадежил меня, что Вам угодно будет принять участие в издании Современника. Заранее соглашаюсь на все Ваши условия и спешу воспользоваться Вашим благорасположением: мне хотелось бы познакомить русскую публику с произведениями Barry Cornwall. Не согласитесь ли Вы перевести несколько из его Драматических очерков? В таком случае буду иметь честь препроводить к Вам его книгу.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностью честь имею быть

Милостивая Государыня

25 янв.

Вашим покорнейшим слугою

1837.

А. Пушкин».

Постучав, зашел Никита.

– Лександр Сергеич, письмо.

Положил на стол и вышел.

Пушкин разорвал конверт и просмотрел письмо. Анонимное. Прочел несколько строк. Да, опять какой-то благожелатель «открывает ему глаза». Вышел в переднюю, приоткрыл дверцу топившейся печи и бросил скомканное письмо в огонь. Никита посмотрел на него, но ничего не сказал.

Вернувшись к себе, сел за стол, пробежал письмо к Ишимовой, сложил его и надписал адрес:

*Ее Высокоблагородию
Милостивой Государыне
Александре Осиповне
Ишимовой*

В Фуриштатской № 53 дом Ельтикова.

Долго сидел, ничего не делая, уставившись взглядом в стол. Потом резко выдвинул ящик стола, перебрал лежавшие в нем бумаги, нашел нужную – ноябрьское неотосланное письмо Геккерну. Зло усмехнулся: «Пора послать!»

Перечитал его. «Нет, уже не так».

Беря из ноябрьского письма какие-то куски и тут же редактируя их, начал писать.

«Monsieur le Baron!

Permettez-moi de faire le résumé de ce qui vient de se passer. La conduite de Monsieur votre fils m'était connue depuis longtemps...

Барон!

Позвольте мне подвести итог тому, что произошло недавно. Поведение вашего сына было мне известно уже давно и не могло быть для меня безразличным. Я довольствовался ролью наблюдателя, готовый вмешаться, когда сочту это своевременным. Случай, который во всякое другое время был бы мне крайне неприятен, весьма кстати вывел меня из затруднения: я получил анонимные письма. Я увидел, что время пришло, и воспользовался этим. Остальное вы знаете: я заставил вашего сына играть роль столь жалкую, что моя жена, удивленная такой трусостью и пошлостью, не могла удержаться от смеха, и то чувство, которое,

быть может, и вызывала в ней эта великая и возвышенная страсть, угасло в презрении самом спокойном и отвращении вполне заслуженном.

Я вынужден признать, барон, что ваша собственная роль была не совсем прилична. Вы, представитель коронованной особы, вы отечески сводничали вашему сыну. Повидимому всем его поведением (впрочем, в достаточной степени неловким) руководили вы. Это вы, вероятно, диктовали ему пошлости, которые он отпускал, и нелепости, которые он осмеливался писать. Подобно бесстыжей старухе, вы подстерегали мою жену по всем углам, чтобы говорить ей о любви вашего незаконорожденного или так называемого сына; а когда, заболев сифилисом, он должен был сидеть дома, вы говорили, что он умирает от любви к ней; вы бормотали ей: верните мне моего сына.

Вы хорошо понимаете, барон, что после всего этого я не могу терпеть, чтобы моя семья имела какие бы то ни было сношения с вашей. Только на этом условии согласился я не давать хода этому грязному делу и не обесчестить вас в глазах дворов нашего и вашего, к чему я имел и возможность и намерение. Я не желаю, чтобы моя жена выслушивала впредь ваши отеческие увещания. Я не могу позволить, чтобы ваш сын, после своего мерзкого поведения, смел разговаривать с моей женой, и еще того менее — чтобы он отпускал ей казарменные каламбуры и разыгрывал преданность и несчастную любовь, тогда как он просто плут и подлец. Итак, я вынужден обратиться к вам, чтобы просить вас положить конец всем этим проискам, если вы хотите избежать нового скандала, перед которым, конечно, я не остановлюсь.

Имею честь быть, барон, ваш нижайший и покорнейший слуга.

Александр Пушкин.

25 января 1837.

... Je suis donc obligé de m'adresser à vous, pour vous prier de mettre fin à tout ce manège, si vous tenez à éviter un nouveau scandale devant lequel certes je ne reculerai pas.

J'ai l'honneur d'être, Monsieur le Baron

25 Janvier 1837.

*Votre très humble et très obéissant serviteur.
Alexandre Pouchkine.*

Перечитал. «Так!».

Переписал начисто, сложил, запечатал и надписал адрес:

*Барону Геккерну
На Невском проспекте №51 дом Владека.*

Ноябрьское письмо разорвал и бросил в корзинку.

Да, больше сейчас делать уже ничего не получится. Договаривались с Вревской, чтобы утром, может быть, съездить в Эрмитаж. Тургенев задержал. Теперь, конечно, об Эрмитаже речи нет, но заехать к ней надо. Обещал.

Услышал в детской голос Наташи. Вошел туда. Дети толпились около нее. Увидев отца, подбежали к нему. Притопал и Гриша. Потрепал их всех по голове. Потом поднимал каждого и целовал в лоб.

– Душа моя, я сейчас ненадолго уйду. Обещал навестить Вревскую.

Засмеялся:

– Не ревнуй, не ревнуй! Куда ей до тебя! Просто обещал у нее быть. Но не задержусь, к обеду вернусь. А вечером едем к Вяземским?

– Хорошо, но не задерживайся.

Поцеловал ей руку и вернулся в кабинет. Взял со стола оба письма – и к Ишимовой, и к Геккерну – и вышел в переднюю. Никита надел на него бекешь. Положил письма в карман, взял шляпу и сбежал по лестнице.

Было пасмурно и дул сильный ветер. Застегнул бекешь на все пуговицы и плотнее надвинул шляпу.

Дошел до певческой капеллы, через временный мост вышел на Дворцовую и через арку Главного штаба прошел до Невского. Перейдя его, тут же, на углу Большой Морской, зашел в мелочную лавку в доме Косиковского. В лавке было приемное место городской почты. Отдал сидельцу сорок копеек за два письма и опустил письма в ящик.

Выйдя из лавки, остановил первого же свободного извозчика и велел везти себя на восьмую линию Васильевского острова.

29 января 1837 года

Смеркалось. В кабинете уже было темно. Одоевский стоял у окна, выходящего в Мошков переулок, и, не отрываясь, смотрел в сторону Миллионной. Увидев человека, спешившего к их дому, князь нетерпеливо вышел в переднюю.

Как только человек вошел, спросил его:

– Ну что?

Человек стянул с головы шапку:

– Скончался, ваше сиятельство... в третьем часу... без четверти.

Одоевский бросился в кабинет, упал на диван и зарыдал, как ребенок.

Потом подбежал к конторке, крикнул срывающимся голосом:

– Огня!

Вошел камердинер с зажженной свечой.

– Поставь сюда! Скажи, чтобы сей же час запрягли. То, что напишу, отвезешь немедленно редактору «Литературных прибавлений» господину Краевскому! Знаешь, куда.

– Знаю. Возил.

Камердинер вышел.

Одоевский на мгновение задумался.

Солнце нашей Поэзии закатилось! Пушкин скончался, скончался во цвете лет, в середине своего великого поприща!... Более говорить о сем не имеем силы, да и не нужно; всякое Русское сердце знает всю цену этой невозвратимой потери, и всякое Русское сердце будет растерзано. Пушкин! наш поэт! наша радость, наша народная слава!... Не ужь ли в самом деле нет уже у нас Пушкина?... К этой мысли нельзя привыкнуть! 29 января, 2 ч. 45 м. по полудни.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

НИОР РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки.

ОР ГРМ – Отдел рукописей Государственного Русского музея.

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

РО ИРЛИ – Рукописный отдел Института Русской литературы (Пушкинского Дома) РАН.

СПбф АРАН – Санктпетербургский филиал Архива РАН.

ЦГА Москвы – Центральный государственный архив города Москвы.

ЦГАДА – Центральный государственный архив древних актов – ныне: РГАДА.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абель Ульф – 131, 132, 133
Абрамович Стелла Лазаревна – 36, 97, 183, 184
Аксаков Сергей Тимофеевич – 164
Александр I – 162, 163, 215, 217
Александр II – 130, 139, 140, 142, 186 («наследник-цесаревич»)
Александра Федоровна, императрица – 121, 125, 181
Алексеев Никита – 151
Алексей Михайлович, царь – 146, 147, 148
Алферьев Никита – 151
Амбургер Андрей Карлович – 229
Ананьин Александр Андреевич – 40
Англер Екатерина – 148
Англер Тимофей – 148
Андреевский Ефим Иванович – 100
Анна Брауншвейг Люнебургская – 146
Анна Иоанновна, императрица – 146
Анненков Павел Васильевич – 226, 232
Антонелли Джакомо – 126
Арапова Александра Петровна, урожд. Ланская – 184
Арендт Николай Федорович – 97, 98, 101,
Арсеньев Константин Иванович – 33, 42
Ахманов Александр Сергеевич – 196
Ахматова Елизавета Николаевна – 87
Ашукин Николай Сергеевич – 210
Байков Сергей Яковлевич – 91
Бакунин Александр Михайлович – 139
Бакунин Александр Павлович – 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124 («А.Б.»), 125, 126
Бакунин Василий Михайлович – 116
Бакунин Михаил Александрович – 139, 140, 141, 142, 232
Бакунин Николай Александрович, сын Бакунина Александра Павловича – 118, 119, 126 («Сын»), 128 («сын»), 130
Бакунина Варвара Александровна, дочь Бакунина Александра Павловича – 123
Бакунина Варвара Александровна, урожд. Муравьева – 139, 140, 141
Бакунина Варвара Ивановна, урожд. Голенищева–Кутузова – 190
Бакунина Евдокия Михайловна – 189
Бакунина Екатерина Александровна – 118, 123
Бакунина Екатерина Михайловна – 115, 139, 140, 142, 189, 190
Бакунина Мария Александровна, урожденная Щулепникова – 118, 119 («жена моя»), 120 («жена»), 123 («жена моя»), 125 («жена»), 126 («Жена моя»), 130 («Жена моя»)
Бакунина Прасковья Михайловна (Паша) – 189, 190
Бакунина Татьяна Александровна, дочь Бакунина Александра Павловича – 118, 119, 121, 122, 123
Бакунины – 115, 116, 139, 189, 190
Балабин Петр Иванович – 21, 170
Барант Амабль Гийом Проспер Брюжьер, де, барон – 76

- Баратынский Евгений Абрамович – 33, 42, 163
- Бардовский Яков Иовлевич – 56
- Бартенева Петр Иванович – 71, 72, 76, 168, 184
- Барятинские, князья – 185
- Барятинский Александр Иванович, князь – 185, 186
- Барятинский Владимир Иванович, князь – 186
- Батюшков Константин Николаевич – 33, 57
- Бахметев Алексей Николаевич – 128
- Башуцкий Александр Павлович – 97, 101
- Беллизар Фердинанд Михайлович – 38, 174
- Беллини Винченцо – 85, 90, 92
- Белых Андрей Акатович – 8, 162
- Бенкендорф Александр Христофорович, с 1832 г. граф – 106, 107, 109, 181, 209
- Бернардт Григорий Борисович – 86, 87, 89
- Бессонов Борис Лаврентьевич – 89, 97
- Бестужев (Марлинский) Александр Александрович – 42, 57
- Бехагель фон Адлескорн Максимилиан Густавич – 130
- Бешитов – 117
- Бируков Александр Степанович – 169
- Благой Дмитрий Дмитриевич – 217
- Блудов Дмитрий Николаевич – 76
- Бобринский Алексей Алексеевич, граф – 187
- Богаевская Ксения Петровна – 197
- Богданов-Березовский Валериан Михайлович – 86
- Богоявленский Сергей Константинович – 148
- Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич – 194, 198, 201, 202, 204, 205, 208, 209
- Борецкий (наст. фам. – Пустошкин) Иван Петрович – 24, 25
- Бриф Давыд – 170, 171
- Броневский Владимир Богданович – 167
- Брюллов Карл Павлович – 182
- Букин Андрей Андреевич – 147
- Булгаков Александр Яковлевич – 168
- Булгаков Константин Яковлевич – 168 («брат» А. Я. Булгакова)
- Булгаков Михаил Афанасьевич – 191, 193, 197, 209
- Булгарин Фаддей Венедиктович – 15, 33, 42, 77, 78, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 88, 89, 91, 94, 95, 106, 107, 108, 165, 166, 167
- Бурбоны, династия – 215
- Бурцов Афанасий – 158
- Бутера Ридали Джорджио Вилдинг, ди, князь – 76
- Бутырлин Федор Самсонович – 159
- Буш Владимир Владимирович – 198
- Быстроглазова Мария Антоновна, в замужестве – Корсини – 29
- Вальденберг Владимир Евграфович – 214
- Вальцов – 180
- Васенин Петр – 157
- Васильев, начальник жандармской команды в Проскурове – 119
- Васильев Яков – 147
- Васильева, жена Васильева – 119
- Ватолин Маркел – 151
- Вельяшева Екатерина Васидьевна – 156
- Вельяшевы – 156
- Веневитинов Алексей Владимирович – 116
- Вентцель Александр Дмитриевич – 188

- Вентцель Елена Сергеевна, урожд.
Долгинцева – 188
- Верстовский Алексей Николаевич –
133
- Вигель Филипп Филиппович – 70,
75, 77, 78, 79, 81, 87, 88, 89, 93,
94, 95
- Виельгорский Михаил Юрьевич,
граф – 69, 96, 100, 102, 224
- Викентьев Петр – 157
- Витали Иван Петрович – 133
- Владимиров (Володимиров)
Василий Иванович – 159, 160
- Воейков Александр Федорович – 6,
7, 11, 13, 15, 16, 17, 18, 42, 57,
111, 113
- Воейков Алексей – 136
- Воейков Семен Петрович – 156
- Волконская Зинаида Александровна,
княгиня, урожд. княжна Бело-
сельская-Белозерская – 116
- Волконский Василий, князь – 159
- Волконский Петр Михайлович,
князь – 55
- Волконский Федор, князь – 159
- Вольховский Владимир Дмитриевич
– 233
- Воробьева Анна Яковлевна – 78, 93
- Воронцовы–Дашковы – 184
- Врангель Николай Николаевич – 134
- Всеволожский Александр Всеволо-
дович – 224
- Вульф Алексей Николаевич – 143,
156
- Вульф (Ульф) Гавриил Васильевич –
143, 144, 145, 146, 150, 151, 152,
153, 154, 155, 157, 158, 160, 161
- Вульф Иван Петрович – 145, 146
- Вульф (Ульф) Марфа, в первом
браке Лобзина – 161
- Вульф Николай Петрович – 146
- Вульф Павел Иванович – 156, 157
- Вульф Петр Гаврилович – 145, 146,
156
- Вульф Петр Иванович – 145, 146
- Вульф Федор Гаврилович – 156
- Вульфы – 143, 144, 145, 146, 156,
157, 160
- Вяземская Вера Федоровна, княгиня
– 184, 185
- Вяземские, князья – 184
- Вяземский Петр Андреевич, князь –
6, 7, 8, 9, 15, 17, 18, 33, 34, 38, 39,
42, 48, 51, 58, 69, 96, 104, 105,
183, 186, 187, 188, 224
- Гагарин Сергей Сергеевич, князь = 8
- Гагарина Елена Павловна, княжна, в
замужестве Ротчева – 8
- Гайдуков Лаврентий – 119
- Галеви Фроманталь – 92
- Ганенфельдт Павел Егорович – 137
- Ганнибалы – 201
- Гафиз – 170
- Гвоздев Александр Александрович
– 124
- Гежелинская Софья Григорьевна, в
замужестве Муравьева – 121
- Геккерн Луи Якоб Теодор Борхард
де Бевервард, ван, барон – 184
- Геккерны, бароны – 184
- Гершензон Михаил Осипович – 225
- Гизо Франсуа Пьер Гийом – 76
- Гиляровский Владимир Алексеевич
– 172
- Гирса – 194
- Глазенап Владимир Александрович
фон – 130
- Глазунов Андрей Васильевич – 21,
27, 170, 171
- Глазуноа И. – 74
- Глинка Михаил Иванович – 77, 78,
79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 89, 90,
91, 92, 93, 94, 132, 224, 225
- Глинка Сергей Николаевич – 9
- Глинка Федор Николаевич – 9, 42,
53, 190
- Гнедич Николай Иванович – 181,
183

- Гоголь Николай Васильевич – 13, 42
(«Рудой Панько»), 111, 113, 133,
182, 187, 188
- Голдовский Григорий Наумович –
181
- Голиков Иван Иванович – 199, 206,
207, 211
- Голицын Андрей Борисович, князь –
128
- Голицын Борис Владимирович,
князь – 116, 118
- Голицын Василий Васильевич – 151,
161
- Голицын Дмитрий Владимирович,
князь – 116, 118
- Голицын Владимир Дмитриевич,
князь – 118
- Голицын Сергей Сергеевич, князь –
6
- Голицына Варвара Сергеевна,
княгиня, урожденная Шере-
метева – 128
- Головин Михаил Петрович – 159
- Гольбах Поль Анри – 221, 222
- Гончаров Дмитрий Николаевич –
177, 178, 179, 184
- Гончаров Иван Николаевич – 177
- Гончарова Александра Николаевна,
в замужестве баронесса
Фризенгоф – 176, 178, 180, 184,
185
- Гончарова Екатерина Николаевна –
176, 177, 178, 233 («сестра»
Н.Н.Пушкиной)
- Гончарова Надежда Платоновна –
176, 177
- Гончарова Наталья Ивановна. (пле-
мянница Пушкиной Н. Н.) – 200
- Гончаровы – 168
- Горчаков Александр Михайлович,
князь – 139, 140, 141, 142, 217
- Гофман Модест Людвигович – 204
- Греков – 30
- Греч Николай Иванович – 15, 33, 42,
71, 73, 76, 77, 132, 166
- Гречанинов Александр Тихонович –
192
- Грибоедов Александр Сергеевич –
13, 80, 166, 227, 228, 229, 232,
233, 234
- Григорович Василий Иванович – 42,
70
- Григорьев Иван – 148
- Гро Антуан-Жан – 132
- Грот Яков Карлович – 87
- Гудкова Виолетта Владимировна –
192
- Гуляев Петр Николаевич – 20
- Гюго Виктор Мари – 7, 9, 11
(«Гуго»), 16, 17, 174 («В.Юго»)
- Давыдов Денис Васильевич – 42, 182
- Давыдов Иван Иванович – 42
- Д’Аламбер Жан Лерон – 221
- Даль Владимир Иванович – 42
(«Казак Луганский»), 96, 97, 98,
100, 101, 102, 103, 225
- Данзас Борис Карлович – 140
- Данзас Константин Карлович – 140
- Дантес Жорж, барон – 184, 185, 233
- Деларю Михаил Данилович – 174
- Дельвиг Антон Антонович – 49, 166
- Дементьев Михаил Алексеевич –
176, 177
- Денисенко Сергей Викторович – 223
- Державин Гавриил Романович – 33,
221
- Дибич Иван Иванович – 210
- Дидро Дени – 221
- Дмитриев Иван Иванович – 39, 40,
50, 62, 106, 167
- Дмитриев Михаил Александрович –
189
- Долгинцев Сергей Федорович – 189
(«отец» Вентцель Е.С.)
- Долгоруков Василий Андреевич,
князь – 139, 142

- Долгорукова Екатерина Алксеевна, княгиня, уржд. Малиновская – 168
- Дондуков-Корсаков Михаил Александрович, князь – 69, 71, 72, 73, 74, 75, 88, 175
- Доницетти Гаэтано – 90, 92
- Достоевский Федор Михайлович – 191, 196
- Дружинин Александр Васильевич – 191, 195, 196
- Дружинин Яков Александрович – 60
- Дубельт Леонтий Васильевич – 139, 140
- Дудрович Иван Иванович – 170
- Дюр Николай Осипович – 26
- Евгений, митрополит, в миру Евфимий Алексеевич Болховитинов – 105
- Екатерина I – 146
- Екатерина II – 48, 144, 187
- Елена Павловна, великая княгиня – 140, 181, 182
- Елизавета Петровна, императрица – 146
- Ермолов Алексей Петрович – 124, 128, 210
- Ерофеев Василий Васильевич – 97
- Жуков Василий – 146, 154
- Жуковский Василий Андреевич – 9, 10, 15, 17, 33, 34, 42, 49, 50, 51, 52, 57, 76, 77, 81, 96, 100, 102, 103, 105, 139, 181, 182, 183, 184, 187, 224, 225
- Заборов Петр Романович – 185
- Загоскин Михаил Николаевич – 42, 94
- Загряжская Екатерина Ивановна – 20
- Зайкин Иван – 21
- Засецкий – 124
- Зауервейд Александр Иванович – 183
- Зеленская Анна Борисовна, в замужестве Бакунина – 118
- Зеленская Софья Борисовна – см. Шевырева Софья Борисовна.
- Зильберштейн Илья Самойлович – 132, 133, 134
- Зиновьев Елисей – 157
- Зубков Василий Петрович – 123, 126, 129, 130,
- Иван Алексеевич, царь – 151
- Инзов Иван Никитич – 162, 163
- Казаков Андрей Иванович – 122
- Казанский Борис Васильевич – 184
- Калашниев Иван Тимофеевич – 15, 42
- Калашников Михаил Иванович – 201, 203
- Калашникова Ольга Михайловна – 201
- Калитин Алексей Иванович – 146
- Канкрин Егор Францевич, граф – 54 («министр финансов»)
- Каподистрия Иван Антонович – 162, 163
- Карамзин Александр Николаевич – 52
- Карамзин Андрей Николаевич – 52, 185
- Карамзин Николай Михайлович – 33, 165
- Карамзина Софья Николаевна – 185, 186
- Карамзины – 17, 50, 52, 185, 232
- Каратыгин Василий Андреевич – 10
- Каратыгин Владимир Андреевич – 75
- Каратыгин Петр Андреевич – 26
- Карлгоф Вильгельм Иванович – 15
- Карпов Александр Анатольевич – 226
- Карпов Василий – 147
- Катенин Павел Александрович – 37
- Катков Михаил Никифорович – 196
- Каченовский Михаил Трофимович – 42

- Керн Анна Петровна, урожд. Полторацкая – 156
- Кир Адриан, архиепископ Московский – 146, 153
- Киреевский Петр Васильевич – 115
- Княжевич Александр Максимович – 75
- Княжевич Дмитрий Максимович – 70, 75
- Козлов Иван Иванович – 42, 58
- Козмин Николай Кирович – 204
- Кокошкин Иван Леонтьевич – 158
- Кологривов Иван Миронович – 159
- Кологривов Мирон Лаврентьевич – 159
- Кондратьев Владимир – 147
- Константин Николаевич, великий князь – 182
- Корсаков Михаил Семенович – 136, 137
- Корсаков Петр Александрович – 37, 73, 74, 95
- Корсаков Семен Николаевич – 133, 134, 135
- Корсаков Сергей Семенович – 137
- Корсакова Вера Семеновна, в замужестве Ганенфельдт – 135, 137, 138
- Корсакова Наталья Семеновна, в замужестве Бакунина – 135, 136, 137, 138
- Корсакова Софья Николаевна, урожд. Мордвинова – 134, 136
- Корсаковы – 134, 135, 136, 137
- Корсини Иероним Доминикович – 29
- Корф Модест Андреевич, барон – 69, 140
- Костров Ермил Иванович – 47
- Кошелев Александр Иванович – 116
- Краевский Андрей Александрович – 71, 72, 73, 74, 76, 95
- Краснобородько Татьяна Ивановна – 180
- Кребильон Проспер Жолио де – 25
- Крейц – 136
- Крылов Александр Лукич – 25, 39, 95
- Крылов Иван Андреевич – 15, 23, 33, 38, 42, 70, 174, 175, 181, 183
- Крючкова – 173
- Кукольник Нестор Васильевич – 42, 183
- Куницын Александр Петрович – 214, 217, 218, 219, 220, 221, 222
- Куцкий Андрей – 44
- Ладюрнер Адольф Игнатьевич – 183
- Ланской – 135, 172
- Лаферс Петр Иванович – 147
- Левкович Янина Леоновна – 226, 227, 228, 229, 230, 231
- Лемке Михаил Константинович – 139
- Ленгольд Карл Павлович (Карл Людвиг) – 170
- Леонов Лев (Леон) Иванович, наст фамилия – Шарпантье – 78, 93
- Лермонтов – 129
- Лермонтов Михаил Юрьевич – 185
- Ливен Карл Андреевич, светлейший князь – 164 («Министр»)
- Лилье Э. – 126
- Лисенков Иван Тимофеевич – 21, 27, 170
- Листов Виктор Семенович – 205, 206, 207
- Лобанов Михаил Евстафьевич – 15, 42
- Лобзин Федор Бортсович – 160
- Лонгинов Николай Михайлович – 70, 74
- Лондондерри Чарльз Уильям Вейн, маркиз – 76
- Лопатин Лев Михайлович – 192, 193
- Лорер Николай Иванович – 49, 53
- Лосев Алексей Федорович – 192, 193, 195, 196

- Луначарский Анатолий Васильевич – 214
- Мазер Карл (Шарль) Петер – 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138
- Макаров – 229
- Макаров Николай Петрович – 225
- Максимович Михаил Александрович – 42
- Мальцов Сергей Иванович – 139
- Мария Александровна, императрица – 130, 140
- Мария Николаевна, великая княжна – 182
- Мария Федоровна, императрица – 29
- Мартос Иван Петрович – 70
- Мартынов Никифор – 146, 152, 153
- Масальский Константин Петрович – 15, 42
- Масанов Иван Филиппович – 86, 143
- Маслович Иван Иванович – 49
- Масон де Морвилье – 28
- Матвеев Федор – 173
- Матюшкин Федор Федорович – 140
- Мейлах Борис Соломонович – 217, 218, 221, 222
- Меликов Соломон (Сулейман) Иосифович, князь – 229
- Менстерман Юрий – 148
- Милонов Михаил Васильевич – 58
- Михаил Павлович, великий князь – 172, 173 («императорское высочество»), 174, 182
- Михаил Федорович, царь – 146, 149
- Михайлов – 129
- Михайлова Наталья Ивановна – 28
- Михайловский–Данилевский Александр Иванович – 42
- Михельсон Всеволод Альбертович – 229
- Модзалевский Борис Львович – 104, 232
- Модзалевский Лев Борисович – 28, 224
- Монтескьё Шарль Луи де – 214, 217, 221
- Мордвинов Александр Николаевич – 70
- Мордвинов Николай Александрович – 136? («Nicolas»)
- Мордовченко Николай Иванович – 217
- Морозов П. – 170
- Мундт Николай Петрович – 9, 13, 14, 15, 16
- Муравьев Андрей Николаевич – 33
- Муравьев Валериан Николаевич – 121
- Муравьев Николай Валерианович – 121
- Муравьев Николай Николаевич, с 1858 г. граф Амурский – 136
- Муравьева Екатерина Николаевна, с 1858 г. графиня, урожд. Катрин де Ришмон – 137
- Мусина-Пушкина Наталья Николаевна, урожденная княжна Трубецкая – 128 («Пушкина»)
- Мюллер Александра Петровна – 131, 132, 134
- Мясоедова Наталья Евгеньевна – 223, 224, 225, 228, 229, 230, 233, 234
- Мятлев Иван Петрович – 20
- Надеждин Николай Иванович – 11, 164
- Нандельштет фон, барон – 172, 173, 174
- Наполеон I – 48, 215, 221
- Нарышкин – 186
- Наталья Кирилловна, в девичестве Нарышкина, царица – 168
- Наталья Алексеевна, цесаревна – 146
- Нахимов Аким Николаевич – 230
- Нащокин Павел Воинович – 51, 52, 105, 133
- Неверов Януарий Михайлович – 46

- Нейдгардт Александр Иванович – 177, 178
- Нессельроде Карл (Карл Роберт) Васильевич, граф – 162, 163
- Нечкина Милица Васильевна – 209, 215, 216, 217, 218, 219
- Нешумова Татьяна Феликсовна – 9
- Никитенко Александр Васильевич – 28, 29, 30, 174, 175
- Никитина Фаина Георгиевна – 192, 195
- Николаев Алексей – 173
- Николай I («государь», «император», «царь», «Его Величество») – 39, 44, 51, 55, 81, 97, 106, 107, 25, 139, 177, 181, 182, 187, 206, 210
- Николай Николаевич, великий князь – 182
- Никольский Владимир Васильевич – 83, 84
- Новиков Александр – 186
- Новиков Иван Алексеевич – 210
- Норов Абрам Сергеевич – 42
- Норов Василий Сергеевич – 134
- Носов Петр Иванович – 176, 179
- Обер Даниэль – 92
- Ободовская Ирина Михайловна – 176, 177
- Оболенский Евгений Петрович – 140
- Оболенский Матвей Венедиктович, князь – 159, 160
- Оботуров (Обадуров) Иван Васильевич – 151
- Оботуров Степан – 145, 150, 151, 158
- Оботуров Четай – 151
- Оботуров Яков – 151
- Оботурова Домна – 151
- Оботуровы – 151
- Овидий – 22
- Огибалов Артемий – 157
- Одоевский Александр Иванович, князь – 48, 49
- Одоевский Владимир Федорович, князь – 42, 69, 77, 78, 79, 80, 82, 85, 86, 87, 88, 89, 93, 94, 95, 96, 116, 171, 172, 224
- Озеров Андрей Андреевич – 151
- Озеров Вссильий Тимофеевич – 173
- Озеров Владислав Александрович – 27
- Оксман Юлиан Григорьевич – 197
- Окулова Анна Алексеевна – 126
- Окулова Варвара Алексеевна – 126
- Окулова Елизавета Алексеевна – 126
- Окулова Прасковья Семеновна, урожденная Хвостова – 126
- Окулова Софья Алексеевна – 126
- Оле (Уле) Буль – 132
- Ольга Николаевна, великая княжна – 182
- Ольдекоп Евстафий Иванович – 25
- Ольденбургский Петр Георгиевич, принц – 76
- Онегин-Отто Александр Федорович – 96
- Ордын-Нащокин Афанасий Лаврентьевич – 152
- Ордын-Нащокин Лаврентий Богданович – 146, 152
- Ордына-Нащокина Марфа Осиповна – 146
- Орлов Александр Сергеевич – 198
- Орлов Алексей Федорович, с 1825 г. граф – 140
- Орлов Г. А. – 196
- Орлов Михаил Федорович – 6
- Орлова Александра Анатольевна – 78
- Осипова Прасковья Александровна, урожд. Вындомская, в первом браке Вульф – 201
- Остен-Сакен Дмитрий Ерофеевич, барон, с 1855 г. граф – 230
- Островский Александр Николаевич – 192

- Офросимов Михаил Александрович – 13
- Павел I – 215
- Павлицева Ольга Сергеевна, урожд. Пушкина – 46, 52
- Павлов Михаил Григорьевич – 9
- Павлов Николай Филиппович – 9
- Пален фон дер – 71
- Пален Петр Петрович фон-дер –
- Пальфи, граф – 76
- Панаев Владимир Иванович – 20, 42
- Панафидины – 156
- Панин Виктор Никитич – 69
- Паскевич Иван Федорович, с 1828 г. граф Эриванский, с 1831 г. светлейший князь Варшавский – 75, 210, 232, 233
- Пашковы – 180
- Пезаровиус Павел Павлович – 20, 182
- Пеньковский Иосиф Матвеевич – 201
- Перовский Алексей Алексеевич – 42 («А. Погорельский»)
- Перцов Николай Викторович – 43
- Перцов Эраст Петрович – 171, 172
- Перцова Наталья Николаевна – 61
- Петерс Иосиф Петрович – 132
- Петр I – 45, 46, 47, 48, 50, 151, 152, 153, 154, 168, 197, 199, 200, 202, 205, 206, 207, 208, 210
- Петр II – 146
- Петр III – 201
- Петров Василий Петрович – 48
- Петров Иван – 147
- Петров Иван Матвеевич – 43, 44, 45, 46, 47, 50, 51, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60
- Петров Константин Иванович – 54 («сын» И. М. Петрова),
- Петрова Александра – 54 («жена» И. М. Петрова),
- Пирогов Николай Иванович – 189
- Плетнев Петр Александрович – 15, 34, 35, 42, 69, 87, 98, 101, 102, 105, 106
- Погодин Михаил Петрович – 37, 42, 51, 104, 105, 106, 107, 125, 126, 127 («Pagodine»), 164, 165
- Погодина Елизавета Васильевна, урожд. Вагнер – 105 («жена Погодина»)
- Полевой Николай Алексеевич – 16, 42, 81, 108 («П. ...»), 164
- Полетика Идалия Григорьевна, урожд. Обортей – 184
- Полозов Зот – 159
- Полторацкая Екатерина Павловна, урожденная Бакунина – 125
- Полторацкие – 156
- Полторацкий Александр Александрович – 125
- Попов Павел Сергеевич – 191, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 210, 211, 212, 218, 219, 220, 221, 222
- Попов Сергей Максимович – 192
- Попов Сергей Сергеевич – 192, 202
- Попова Анна Ильинична, урожд. Толстая, в первом браке Хольмберг – 194, 195, 197
- Попова Любовь Сергеевна – 192, 193, 194 («сестра» П. С. Попова)
- Попова Ольга Сергеевна – 192
- Поповы – 192
- Портомоин Яков – 159
- Приклонские – 201
- Проскуровская Юлиана Израилевна – 189
- Протасов Семен Игнатьевич – 156
- Пугачев Емельян Иванович – 52, 167, 201, 207
- Пумпянский Лев Васильевич – 47
- Пустошкин Иван Петрович – см. Борецкий Иван Петрович –

- Пушкин Александр Александрович – 204
- Пушкин Александр Сергеевич – 6, 7, 9, 15, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 27, 28, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 40, 42, 44, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 56, 57, 58, 59, 60, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 81, 87, 88, 89, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 104, 105, 106, 131, 132, 139, 143, 144, 145, 156, 157, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 168, 169, 170, 171, 173, 174, 175, 176, 180, 181, 183, 184, 185, 187, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 210, 211, 212, 214, 215, 216, 217, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 233
- Пушкин Григорий Александрович – 200, 201, 203, 208
- Пушкин Лев Сергеевич – 20 («брат» Пушкина»), 49, 52, 53, 56, 201 («брат»), 225
- Пушкин Сергей Львович – 46, 52 («отец Пушкина»), 96, 201 («ба-тюшка»)
- Пушкина Надежда Осиповна – 52, 53, 176 («мать» Пушкина), 184 («мать Пушкина»)
- Пушкина Наталья Николаевна, урожд. Гончарова, во втором браке Ланская – 7, 20, 70, 98 («жена» Пушкина), 99, 101 («жена» Пушкина), 102, 133, 143, 168, 173, 176, 177, 178, 179 («Таша»), 184, 185, 187 («жена» Пушкина), 209 («жена Пушкина»), 232, 233
- Пушкины – 19, 34, 184, 201, 233
- Пушин Иван Иванович – 123, 140, 201
- Рагозин Виктор Иванович – 129
- Радищев Александр Николаевич – 221
- Раевский Николай Николаевич – 232
- Раич (наст. фамилия Амфитеатров) Семен Егорович – 42
- Ратьков-Рожнов Геннадий Александрович – 129
- Рауль Ф. – 34
- Ребиндер Роберт Иванович – 76
- Ридигер – 20
- Римский-Корсаков Андрей Николаевич – 84
- Римский-Корсаков Николай Андреевич – 84
- Ристори Аделаида – 125, 126
- Родофиникин Константин Константинович – 234
- Розберг Михаил Петрович. – 170
- Розен Андрей Евгеньевич, барон – 49
- Розен Егор (Георгий) Федорович, барон – 10, 15, 42, 80, 90, 95, 167
- Розенмейер (Розенмайер) Елена Александровна, урожд. Пушкина – 204
- Росковшенко Иван Васильевич – 25
- Россини Джоаккино – 85, 90
- Ротчев Александр Гаврилович – 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 42
- Рудаков Василий Егорович – 143
- Руссо Жан-Жак – 221
- Рчинов Федор Михайлович – 159, 160
- Савеловы – 133, 134
- Свиньин Павел Петрович – 9, 42, 50
- Седов Павел Владимирович – 143
- Седова Галина Михацловна – 97, 171
- Селивановский Семен Иоанникиевич – 72, 73, 74
- Семенова – 26
- Сенковский Осип Иванович – 42, 87
- Сергиевский Иван Васильевич – 199
- Скобелев Иван Никитович – 42

- Скуратов Александр Дмитриевич – 129
- Скуратов Алексей Дмитриевич – 129
- Скуратов Борис Дмитриевич – 129
- Скуратов Дмитрий Петрович – 129
- Скуратов Мизаил Дмитриевич – 129
- Случевский Константин Константинович – 188
- Смирдин Александр Филиппович – 15, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 51, 132, 174
- Смирнов Николай Михайлович – 51, 52
- Смирнов-Сокольский Николай Павлович – 34
- Смирнова Александра Осиповна, урожд. Россет – 51, 52
- Смолин – 172
- Снегирев Иван Михайлович – 42, 43
- Соболевский Сергей Александрович – 52, 71, 73, 74, 225
- Созонович Августа Павловна – 134
- Соллогуб Владимир Александрович, граф – 232
- Сомов Орест Михайлович – 10, 49
- Сосницкий Иван Иванович – 26
- Софья Алексеевна, царевна – 151, 152, 154
- Софья Палеолог – 156
- Спасский Иван Тимофеевич – 98, 99, 101, 102
- Спиноза Бенедикт – 195
- Спиро Антон – 186
- Спрато – 20
- Срезневский Измаил Иванович – 25
- Стасов Владимир Васильевич – 82, 83, 84, 85, 86, 87
- Степанова Мария Матвеевна – 78, 93
- Стрешнев Иван Федорович большой – 159
- Стуколов Иван – 159
- Сумароков Александр Петрович – 15
- Сурат Ирина Захаровна – 223, 230
- Сусанин Иван – 92
- Сысоев Владимир Иванович – 115, 116
- Таручинский Тимофей – 156
- Тархова Надежда Александровна – 231
- Тацит – 31
- Тизенгаузен Николай Оттович, барон – 120
- Тимофеева Любовь Анатольевна – 180
- Толстая Софья Николаевна, графиня, урожд. Философова – 194 («мать» А. И. Поповой)
- Толстой Лев Николаевич, граф – 191, 194, 195, 197, 198, 202, 203
- Толстой Федор Петрович, граф – 70
- Толь Карл Федорович, граф – 76
- Томашевский Борис Викторович – 28, 203, 215, 216, 218, 223, 224, 225
- Третьяковский Василий Кириллович – 15
- Троекуров Иван Борисович – 159
- Трубецкой Николай Иванович, князь – 128
- Тургенев Александр Иванович – 17, 39, 50, 51, 52, 76, 96, 187
- Тынянов Юрий Николаевич – 210
- Уваров Сергей Семенович – 38, 39, 40, 55, 72, 74, 76, 95, 107, 109
- Ульф (Вульф) Василий Никитич (Ханс) – 159, 160, 161
- Ульф Гавриил Васильевич – см. Вульф Гавриил Васильевич.
- Успенский П. – 20
- Устрялов Николай Герасмович – 42
- Уткин Николай Иванович – 171
- Ушаков Василий Аполлонович – 42
- Фальконе Этьен Морис – 60
- Фанден-Керковен Юстр – 148
- Фариков Александр Феофанович – 20
- Федор Алексеич, царь – 147, 151, 152, 161

- Федоров Борис Михайлович – 15, 28, 42
- Федоров Карп – 147
- Фейнберг Илья Львович – 206, 211
- Фесенко Юрий Павлович – 97
- Фет Афанасий Афанасьевич – 190
- Фикельмон Дарья (Долли) Федорвна (Фердинандовна), графиня, урожд. графиня Тизенгаузен – 70, 190, 233
- Фикельмон Шарль (Карл) Луи, граф – 70
- Фикельмоны – 233
- Флеров Василий Павлович – 105
- Фок Максим Яковлевич (Магнус Готфрид), фон – 165
- Фомичев Сергей Александрович – 227, 228
- Францбеков Дмитрий Андреевич – 147
- Фридлиндер Георгий Михайлович – 221
- Фризенгоф Густав, барон – 184
- Фризенгофы, бароны – 184
- Фрик Яков Яковоевич – 147
- Фусс Павел Николаевич – 74, 75
- Ханыков – 136
- Хвостов Дмитрий Иванович, граф – 15, 42, 56
- Хилков Степан Александрович, князь – 177, 178
- Хитрово Богдан Матвеевич – 159
- Хитрово Мария Ивановна – 159
- Хозрев (Хосров) Мирза – 228, 229
- Хомяков Алексей Степанович – 42, 126
- Цявловская Татьяна Григорьевна, урожд. Зенгер – 28, 201
- Цявловский Мстислав Александрович – 164, 194, 197, 199, 200, 201, 205
- Чагин Иван Иванович – 158
- Чернецов Григорий Григорьевич – 181, 183
- Чернецовы – 181
- Чернявский Михаил Петрович – 144, 150, 152
- Чехов Антон Павлович – 191, 195, 196
- Чичери Афанасий – 156
- Чичерин Алексей Иванович – 146, 154, 155, 156
- Чичерин Василий Иванович – 156
- Чичерин Дмитрий Иванович – 156
- Чичерин Иван Осипович – 155
- Чичерин Лаврентий Михайлович – 155
- Чичерин Матвей Дмитриевич – 156
- Чичерин Никита Васильевич – 154
- Чичерин Осип Матвеевич – 155
- Чичерин Семен Михайлович – 155
- Чичерин Семен Петрович – 154
- Чичерина Авдотья Алексеевна, в первом браке Жукова, во втором браке Вульф – 146, 154, 155
- Чичерина Ольга Васильевна, в замужестве Пушкина – 156
- Чудакова Мариэтта Омаровна – 192
- Шапир Максим Ильич – 110, 191
- Щаховская А. А., княгиня – 135
- Щаховской Александр Александрович, князь – 13, 42
- Шевалье Ипполит Иванович – 135
- Шевырев Борис Степанович – 116, 117, 118, 122, 126 («Сын Ваш»)
- Шевырев Степан Петрович – 42, 105, 106, 107, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 124, 127
- Шевырева Екатерина Степановна – 118
- Шевырева Софья Борисовна, урожд. Зеленская – 116, 117, 118, 120 («Сестра»), 122, 124 («Сестра»), 126, 130
- Шейн Алексей Семенович – 153, 154
- Шекспир Вильям – 7, 9, 10, 11, 16, 17, 99
- Шеллинг Фридрих Вильгельм – 195

- Шемаева-младшая – 261
 Шервинский Сергей Васильевич – 22
 Шереметев, граф –
 Шереметев Борис Сергеевич – 123
 Шестакова Людмила Ивановна – 82
 Шестов Лев Исаакович – 192
 Шидловский А. В. – 42
 Шиллер Иоганн Фридрих – 9, 10, 11, 16, 17
 Шипов Александр Павлович – 126, 129
 Шипов Дмитрий Николаевич – 128
 Шипов Дмитрий Павлович – 126, 128, 129
 Шипов Иван Павлович – 126
 Шипов Николай Николаевич – 128
 Шипов Николай Павлович – 123, 126, 128, 129
 Шипов Сергец Павлович – 126, 129
 Шипов Филипп Николаевич – 128
 Шипова Дарья Алексеевна, урожденная Окулова – 123, 126, 128
 Шипова Елизавета Александровна, в замужестве Рагозина – 129
 Шипова Ольга Николаевна, в замужестве Шереметева – 123
 Шиповы – 123, 129
 Шипулинский Владимир Кузьмич – 19 («В.Ш.»), 23 («Ш.»), 24 («Ш.»), 25 («Вл. Ш.»), 29, 30, 31, 32
 Ширинский-Шихматов Платон Александрович, князь – 70
 Ширяев Александр Сергеевич – 36
 Шишкин Алексей Петрович – 37
 Шишков Александр Ардалионович – 58
 Шишков Александр Семенович – 15, 42
 Шкловский Виктор Борисович – 215
 Шлёцер Август Людвиг – 164
 Шпет Густав Густавович – 192, 193
 Шрёк Иоганн Маттиас – 33
 Шталь Г. – 126
 Шторх Андрей Карлович – 74
 Щастный Василий Николаевич – 42
 Щеголев Павел Елисеевич – 96, 185, 197, 198, 200
 Щепеткин Федор Гаврилович –
 Щепкин Михаил Семенович – 188
 Щербатов Алексей Григорьевич, князь – 125
 Щербатова Софья Степановна, княгиня, урожденная Апраксина – 125
 Щулепников Алексей Александрович – 123, 129
 Щулепников Николай Александрович – 123
 Щулепников Сергей Александрович – 123
 Эйлер – 136
 Энгельгардт Егор Антонович – 75
 Эрн Владимир Францевич – 192
 Эртель Василий Андреевич – 225
 Южаков Сергей Николаевич – 86
 Юзефович Михаил Владимирович – 52, 53
 Юрьев Сергей Андреевич – 123, 125, 126, 130
 Языков Дмитрий Иванович – 42
 Языков Николай Михайлович – 38, 42, 105, 169, 170
 Якобсон Роман Осипович – 49
 Яковлев – 180
 Яковлев Павел Лукьянович – 42
 Ястребцев Иван Максимович – 42
 Яценков Григорий Максимович – 42

И.С. Сидоров
В поле пушкинского притяжения

Редактор А.М. Корнилова
Оформление обложки В.В. Корнилова

Портрет А.С. Пушкина (гравюра П.К. Константинова
с оригинала О.А. Кипренского) публикуется
с разрешения Государственного музея А. С. Пушкина

Формат 70x100/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 24,27
Подписано в печать 30.06.2023 г. Тираж 50 экз. Зак. №11105-07
Издательство «ООО Регтайм»
[www. ragtimeagency.ru](http://www.ragtimeagency.ru) e-mail: post@designbrand.ru
тел: +7(925) 510 99 68

Отпечатано в типографии «Футурис»:
109052, Москва, ул. Нижегородская, 50. Тел.: +7 495 505-53-56

НОВАЯ КНИГА.

Повѣсти покойнаго Ивана Петровича Бѣлкина, издаваемыя А. П.—С. П. бургъ,—въ Типогр. Плюшара, 1851. (въ 12-ю д. л. 187 страниц. (*).

Сочинитель сихъ повѣстей, Иванъ Пешровичъ *Бѣлкинъ*, родился отъ честныхъ и благородныхъ родителей; первоначальное образованіе получилъ отъ сельскаго дьячка, служилъ въ Егерскомъ полку и по смерти родителей, вышедъ въ отставку, поселился въ отчинѣ своей селѣ Горюханѣ, гдѣ и скончался осенью 1828 года отъ простудной лихорадки, обратившейся въ горячку. Такъ сказано о немъ въ письмѣ къ Издателью, помѣщенномъ въ предисловіи и написанномъ со всею проснодушіемъ и со всею заботливою точностію пожилаго провинціального помѣщика. Желаяющіе узнать подробнѣе о нравахъ, образѣ жизни и занятияхъ Ивана Петровича, могутъ сами прочесть сіе письмо.— Не смотря, такъ сказать, на официальность сего документа, нѣкоторые нескромныя вѣстовицики превративъ въ Автора сихъ повѣстей Издателя оныхъ, дополнили нѣсколькими буквами заглавныя буквы его имени и сдѣлали изъ онаго имя извѣстнаго Русскаго поэта. Какъ опровергнувъ приписанія сихъ господъ на провинциальность, или точность ихъ свѣдѣній о томъ, чего не было имъ сказано? Что касается до насъ, мы не находимъ лучшаго возраженія, кромѣ извѣстнаго полу-стиха Чванкиной:

«Хоть знаю, да не вѣрю.»